ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года **№ 37/2016**
Выходит 4 раза в год Часть II

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор
А. В. Шунков, доктор филологических наук, доцент
Ответственный секретарь
Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент
Технический редактор
О. В. Устимова

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин,*
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», 2016

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006 **№ 37/2016**
Published quarterly Part II

The Mass Media Registration Certificate ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Founder, publisher
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education (FSFEI HE) «Kemerovo State University of Culture»

The address of the founder, publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, Voroshilov Str., 17.
Tel .: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief
A. V. Shunkov, Dr of Philological Sciences, Associate Professor
Administrative Secretary
L. Yu. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor
Technical editor
O. V. Ustimova

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin,*
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, Voroshilov Str., 17.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE «Kemerovo State University of Culture», 2016

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», член Российского философского общества, член Научно-образовательного культурологического общества, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Departman of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Acting Member of the International Academy of Sciences (Austria), the Russian Academy of Natural Sciences and the International Higher Education Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Ariarskiy Mark Arievich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Socio-cultural Activities, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafyeva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department of Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Center "Civic Society and Social Communications," Member of the Russian Philosophic Society, and Scientific Education Culturologic Society, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozerova Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Department Chair of History and Theory of Performing Arts, Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Member of the Russian Composers Union (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Culturology, Socio-cultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation).

Wlodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of the Szczecin University (Szczecin, Poland).

Волк Павел Леонидович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музыкального и художественного образования, Томский государственный педагогический университет, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск, РФ).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Российского нового университета, профессор кафедры социологии и рекламной коммуникации, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Генова Нина Михайловна, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой театрального искусства и актерского мастерства, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Омск, РФ).

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, член Российской Академии Естествознания, действительный член и член Президиума Отделения библиотековедения Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Российский новый университет, академик Российской академии образования, действительный член Российской инженерной академии, академик Академии естественных наук Российской Федерации, почетный академик Международной академии науки, образования и технологий (Германия), академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Volk Pavel Leonidovich, Dr of Culturology, Professor, Department Chair of Musical and Art Education, Tomsk State Pedagogical University, Head of Department of Culture of the Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation).

Gavrov Sergey Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Russian New University, Professor of Department of Sociology and Advertising Communications, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Genova Nina Mikhaylovna, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Department Chair of Theater Art and Acting Skill, Dostoevsky Omsk State University, Member of the Theatre Union of the Russian Federation, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

Demin Vadim Petrovich, Dr of Art History, Professor, Academician-secretary of the Department of Education and Culture of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Nataliya Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian State Library, Member of the Russian Academy of Natural History, Acting Member and Member of Presidium of the Library Science Department International Informatization Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Informatization Academy, the International Higher Education Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Department Chair of UNESCO, Russian New University, Academician of the Russian Academy of Education, Acting Member of the Russian Academy of Engineering, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of International Academy of Science, Education and Technologies (Germany), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук, вице-президент Русского отделения Международной академии наук, вице-президент Международной академии наук (Австрия), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа в Хелме (г. Хелм, Польша).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, исполняющий обязанности ректора Красноярского государственного института искусств (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член Научного совета Российской академии наук по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Светлова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of the Institute of Music of the Faculty of Arts, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valeriy Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow University for the Humanities, Academician-secretary of Humanitary Sciences Section of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of the International Academy of Sciences (Austria), Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Honorary Worker of Higher Professional Education, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Mazur Pyotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy, State School of Higher Education in Chelm (Chelm, Poland).

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Music and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Acting Rector of Krasnoyarsk State Institute of Arts (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilyevich, Dr of Art History, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture," Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-secretary of the National Academy of Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Svetlova Olga Aleksandrovna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Music History, Vice-rector for Scientific and Creative Work, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент Российской академии образования (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, руководитель Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии Российской словесности, член Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, член Общественного совета и Совета по науке при Министерстве культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Хандке Ришард, доктор искусствоведения, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель Секции информационной грамотности Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigoryevna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the International Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Uzhankov Aleksandr Nikolaevich, Dr of Philology Sciences, PhD in Culturology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Acting Member of Academy of Russian Literary Word, Member of of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Member of the Public Council and Council for Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Handke Ryszard, Dr of Art History, Professor, Rector of Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Dr of Philosophy, Professor, Head of the Section of Information Literacy of the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA), Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Москва, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры театрального искусства

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatoliy Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Moscow, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Theatre Art, Head of

речи, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Барнаул, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, и. о. проректора по научной и творче-

Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art History, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Stepanskaya Tamara Mikhaylovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Barnaul, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Member of the Russian Composers Union (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciencies

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomaryev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Acting Vice-rector for Scientific Research

ской деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, директор НИИ межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatyana Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication and Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Миненко Г. Н. Философия «человека возможного» в контексте формирования открытой культуры в России..... 13

Балабанов П. И., Зауэрвайн Л. Т. Социокультурное проектирование и технологические инновации..... 19

Марков В. И. Понимание современного терроризма: поиск методологии..... 24

Тресвятский Л. А. К вопросу о методах вовлечения в сферу православной культуры народов Сибири в XVII веке..... 29

Шишин М. Ю., Дариус Е. И. Алтайское художественное общество (1918–1920) и его наследие в собрании алтайского художественного музея..... 33

Суворкина Е. Н. Синергетические основания исследования детства: возрастные кризисы как точки бифуркации..... 43

Пивторак Е. В. «Модель мира» в парадигмах гуманитарных исследований..... 48

Шушляева О. Н. Осмысление понятия «динамика культуры» в исследованиях зарубежных и российских ученых XX века..... 54

Стенюшкина Т. С. Традиционное и новое в русском народно-певческом исполнительстве..... 60

Егле Л. Ю. Тенденции трансформации современной музыкально-религиозной культуры..... 68

Абдина Р. П., **Алексеева А. Г.** Аксиологические основы исследования хакасского национального костюма в контексте традиционной культуры..... 74

Абдина Р. П., **Ултургашева Н. Д.** Интегрирующие элементы хакасской одежды в межкультурном аспекте..... 82

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Умнова И. Г. К вопросу становления личности композитора в эпоху постмодерна..... 87

Шириева Н. В., Дыганова Е. А. «По мотивам татарского фольклора» Софии Губайдулиной: к проблеме интертекстуальности..... 93

Щетинина Н. А. Сохранение культурно-исторического наследия Сибирского региона..... 102

Титов Ю. Ф. «Звукопись» Михаила Чехова как тайное владение словом..... 108

Юферова О. А. Феномен кода в музыкальной коммуникации..... 113

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Mazur Pyotr, Łętocha Monika. Hierarchia Wartości Młodzieży Gimnazjalnej Powiatu Myślenickiego... 122

Заруба Н. А. О методологической концепции адаптивного управления образованием: социологический аспект..... 127

Ерёмин В. В. Социокультурные аспекты профессиональной мобильности современных специалистов..... 132

Мищенко И. Е. Педагогический потенциал средств культурно-досуговой деятельности по профилактике девиантного поведения курсантов..... 137

Мишова В. В., Огнева Э. Н. Исследование мотивационной структуры личности как основы профессионального становления студентов направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»..... 143

Дворовенко В. Н., Дворовенко О. В. Средства электронной образовательной среды для реализации требований образовательных стандартов нового поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»..... 150

Балашова М. В., Балашова О. А. Координация содержания и технологий формирования компетенций преподавателями дисциплины «Организация международного туризма»..... 156

Литвак Р. А., Нысанов А. Т. Модульная система развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования..... 162

Зауэрвайн Л. Т. Детские школы искусств в системе многоуровневого художественного образования..... 171

Пономарев В. Д., Шунков А. В. Социально-культурная деятельность: государственная культурная политика и качество профессионального образования..... 175

Жукова Л. С. Формы социально-культурной деятельности для развития межкультурной коммуникации в рамках программы международного студенческого обмена..... 184

Рогозянский М. Э. Кино – океан смыслов или территория заблуждений? Мысли вслух на тему педагогического потенциала отечественной кинематографии..... 189

Алфавитный указатель авторов..... 194

CONTENTS

CULTUROLOGY

Minenko G.N. Philosophy of "Human Potential" in the Context of Open Culture Formation in Russia.... 13

Balabanov P.I., Zauervayn L.T. Socio-cultural Design and Technological Innovation..... 19

Markov V.I. Understanding the Modern Terrorism: a Search for Methodology..... 24

Tresvyatskiy L.A. To the Question of Methods of Involvement in the Sphere of Orthodox Culture Siberian Nations in the XVII Century..... 29

Shishin M.Y., **Darius E.I.** The Altai Art Society (1918–1920) and Its Heritage in the State Museum of Art of Altai Region..... 33

Suvorkina E.N. Synergetic Bases of Childhood Age Crises Research as the Bifurcation Points..... 43

Pivtorak E.V. "World Model" in Paradigms of Humanitarian Studies..... 48

Shushlyaeva O.N. The Conceptualization of Cultural Dynamics in the Studies of the Twentieth Century by Russian and Foreign Scientists..... 54

Stenyushkina T.S. Traditional and New in the Russian Folk-Song Performance..... 60

Egle L.Y. Trends of Contemporary Transformation Music and Religious Culture..... 68

Abdina R.P., **Alekseeva A.G.** The Axiological Basis of the Study of the Khakass National Costume in the Context of Traditional Culture..... 74

Abdina R.P., **Ulturgasheva N.D.** Integrating Elements of Khakass Clothing in the Intercultural Aspect..... 82

ART HISTORY

Umnova I.G. To the Question of Developing the Composer's Personal Maturity in the Postmodern Era... 87

Shirieva N.V., **Dyganova E.A.** "Tatar Folklore Inspirations" by Sofiya Gubaidulina: Intertextuality Aspects..... 93

Shchetinina N.A. Preservation of Cultural and Historical Heritage of the Siberian Region..... 102

Titov Y.F. Michael Chekhov's Euphony as a Secret Proficiency in Speech..... 108

Yuferova O.A. The Phenomenon of Code in Musical Communication..... 113

PEDAGOGICAL SCIENCES

Mazur Piotr, Łętocha Monika. The Hierarchy of Values of Youth Gymnasiums in Myślenice county..... 122

Zaruba N.A. On the Methodological Concept of Adaptive Management Education: Sociological Aspect..... 127

Eremin V.V. Social and Cultural Aspects of the Professional Mobility of Modern Specialists..... 132

Mishchenko I.E. Pedagogical Potential Funds of Cultural and Leisure Activities to Prevent the Deviant Behavior of Military University Students..... 137

MishovaV.V., Ogneva E.N. The Study of Motivational Structure of Personality as a Basis for Professional Development of Students Training Areas "Library and Information Work"..... 143

Dvorovenko V.N., Dvorovenko O.V. Capablities of Electronic Educational Environment for Meeting the Requirements of New Generation Educational Standards for "Library and Information Activities" Direction..... 150

Balashova M.V., Balashova O.A. The Coordination of Contents and Formation Technology of Competences by the Teachers of the Discipline "The International Tourism Organization"..... 156

Litvak R.A., **Nysanov A.T.** Modular System of Cultural Development of Vocational Guidance of High School Students in Network Interaction of Additional Education..... 162

Zauervayn L.T. Children's Art Schools in the System of Multilevel Art Education..... 171

Ponomarev V.D., Shunkov A.V. Socio-cultural Activities: State Cultural Policy and Quality of Vocational Training..... 175

Zhukova L.S. Forms of Socio-cultural Activity for Development of Cross-cultural Communication within the Program of International Students' Exchange..... 184

Rogozyanskiy M.E. Cinema as an Ocean of Meanings or the Territory of Delusions: the Pedagogical Potential of Russian Cinematography, Thoughts Aloud..... 189

List of Authors in Alphabetical Order..... 194

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
CULTUROLOGY

УДК 24.183

ФИЛОСОФИЯ «ЧЕЛОВЕКА ВОЗМОЖНОГО» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОТКРЫТОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

В работе раскрывается содержание понятия «открытая культура» применительно к современной России в контексте процесса глобализации. Кризисное состояние российского общества требует нетривиальных подходов к задаче мобилизации государства и общества для решения назревших социально-экономических и экзистенциальных проблем. Для характеристики открытого общества автор использует представления европейской философии о потенциальной бесконечности – мироздания, человека и социума. Предлагается «творческий» вариант мобилизации, для чего осуществляется ретроспективный анализ подобной стратегии на примере классического периода истории Древней Греции. «Национальная культура» трактуется автором применительно к современной России как культура элитарная, дворянская по генезису. Лишь в таком варианте она способна ответить на вызовы глобализации. Такая позиция основана на тезисе о том, что наибольшие потери русская культура в XX столетии понесла не в элитарном, а в своем «низовом» звене, под которым понимается культура крестьянская, фольклорная, чего не случилось у наших могучих южных соседей – Индии, Китая.

Автор вслед за евразийцами считает российское общество «идеократическим» и выражает уверенность в том, что ближайшее десятилетие деятельностное поколение определит для себя национальную идею. Эта мысль аргументируется онтологическими соображениями, разработанными российскими философами, о ведущей в настоящее время роли категории «возможность» в понимании человека и общества – в сравнении с классическими категориями «необходимость» и «действительность».

Ключевые слова: бесконечность, действительность и возможность, идеократическое общество, открытая культура, пределы трансцендирования, творческая мобилизация.

PHILOSOPHY OF “HUMAN POTENTIAL” IN THE CONTEXT OF OPEN CULTURE FORMATION IN RUSSIA

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Theology and Religious Studies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antropolog-min@mail.ru

The substance of the “open culture” concept is applied to modern Russia in the context of globalization. The critical state of Russian society requires nontrivial approaches to the task of mobilizing the government and society to address pressing socio-economic and existential problems. For the characteristics of an open society, the author uses the representation of European philosophy of the potential infinity: universe, man and society. “Creative” options are proposed for mobilizing, which carried out a retrospective analysis of this strategy in case of the classical historical period of ancient Greece. “National culture” is interpreted by the

author in relation to the modern culture of Russia as an elitist, aristocratic genesis. Only in such an embodiment, it is able to respond to the challenges of globalization. This position is based on the thesis that the greatest loss of Russian culture in the XX century, suffered not the elite but in its "grassroots" link, which is defined as the peasant, folk culture, what happened with our powerful southern neighbors, India and China.

By following the Eurasians said Russian society "ideocratic" and expressed confidence that the next decade will determine the activity-generation for the national idea itself. This idea argued ontological considerations developed by Russian philosophers, the leading role is currently the category "possibility" in understanding the man and society in comparison with the classic categories of "necessity" and "reality."

Keywords: infinity, reality and possibility, ideocratic society, open culture, transcending the limits, creative mobilization.

Тема открытости общества и культуры получила обращение в российском философском сообществе с начала 1990-х годов, после публикации известной работы К. Поппера «Открытое общество и его враги». В политическом контексте того времени она сыграла роль одной из немногих теоретических подпорок начавшихся в стране либеральных реформ. Написанная в начальные годы второй мировой войны, в период схватки двух тоталитарных систем – советской и германской, – работа Поппера, несомненно, является политически ангажированной. Чего стоит концовка в послесловии к русскому переводу, своего рода кредо борца с тоталитаризмом. Поппер пишет: «…с исторической точки зрения наше открытое общество – лучшее и справедливейшее из всех доныне существовавших на Земле» [8, с. 485]. Правда, написано это до бомбежек Югославии и последующих «приключений» и трансформаций американской и западной демократий. Но работа Поппера, являясь в настоящее время памятником и свидетельством идеологической борьбы, интересна и с культурологической точки зрения – как в историко-культурном, так и теоретическом аспектах. Едва ли не половина ее посвящена истории и культуре Древней Греции, философии Платона, на материале которых и вводится концепт «открытое общество». По мнению Поппера, именно в Греции рождается идея и реализуется первый исторически известный вариант открытого общества.

Собственно, теоретизирование об открытом обществе представлено у него отдельными вкраплениями в обширной полемике с идеологами тоталитарного общества – от Платона до Маркса и русских большевиков. Закрытое общество – это общество племенного типа с преобладанием коллективной воли над индивидуальными решениями. Открытое же общество – это такое общество, в котором индивиды вынуждены принимать личные решения, и, соответственно, брать на себя ответственность за него. Важно подчеркнуть стратегию поведения и деятельности человека в ситуации открытого общества. Самим Поппером она обозначается так: «…двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу» [7, с. 248]. Для описания сущностных черт открытого общества сами собой напрашиваются такие понятия, как неопределенность, незавершенность и потенциальная бесконечность. И в такой именно интерпретации эта идея представляет для нас актуальный, а не сугубо исторический, интерес.

Использование же чисто политической и прозападной трактовки попперовской идеи открытого общества, свойственное нашим либеральным кругам, объясняется застарелой русской болезнью поклонения очередным западным кумирам. Если такой авторитетный мыслитель, как К. Поппер, говорит, что открытое общество это хорошо, а закрытое плохо, значит, так оно и есть, и для нас это хорошо. На эти грабли русский человек наступает давно, критика веховцев здесь нисколько не помогла. Между тем, как принципиальное положение следует отметить, что открытое общество не является самоценностью, и вообще никакой ценностью. Оно не более чем инструментальное средство, обеспечивающее вполне определенный вектор развития нашей страны в современной, по общему мнению, кризисной ситуации, – средство, предназначенное к творческой мобилизации российского народа с целью возвратить себе то место в мировой экономике и культуре, которого он достоин. Груз противоречий и проблем в России таков, что для их решения без какой-то формы

мобилизации нации не обойтись. Лишь интенсивная мысль и труд миллионов могут привести хотя бы к отодвижению, не говоря уже о разрешении, нависших проблем. Известные в прошлом способы мобилизации – насильственная (сталинско-большевистская), экономическая (посредством давления рынка), демократическая (в форме представительной демократии), на наш взгляд, бесперспективны и неприменимы.

Но известен еще один способ мобилизации – индивидуальный, основанный на личном, добровольном выборе и свойственный творческому меньшинству. Как таковой, он присущ любому креативному акту, направленному на реализацию творческого порыва. Напрашивающийся скептический настрой по поводу применимости творческого способа максимизации деятельности для широких народных масс был бы поспешным.

Исторический прецедент подобной мобилизации известен. Почти на протяжении четырех столетий (VII–IV века) гигантское напряжение творческих сил населения греческих полисов привело к беспрецедентной продуктивности во всех сферах материального и духовного производства, что и сделало этот народ учителем европейского человечества. Напомним, именно греческая полисная система рассматривается как исторический пример открытого общества. Увлеченный полемикой с «тоталитаристом» Платоном, Поппер мало обращает внимания на эту сторону дела – продуктивность открытого общества, основанную на свободном личном труде. Поэтому нельзя не отметить, что подлинно научное, обоснованное фактами и аргументами описание греческого общества как индивидуально мобилизующегося, дал отечественный историк А. И. Зайцев свой работе о культурном перевороте в Древней Греции [3] и, в какой-то мере, английский историк Э. Р. Доддс, писавший об иррациональном у греков [2] – оба, пожалуй, независимо от Поппера. Шаг за шагом Зайцев подводит к выводу, что греческое инновационное общество принципиально отличалось от современных ему восточных обществ тем, что творческая энергия, не связанная грузом норм и традиций, нашла творческий, позитивный выход в силу целого ряда исторических обстоятельств. Но предпосылкой творческого взлета и продуктивности явилась именно ситуация «между», то есть ситуация расшатанности, в результате краха Микенской цивилизации, старой нормативной системы и свободный, не связанный внешним насилием рост новой цивилизации.

Здесь следует обратить внимание на одно интересное обстоятельство. Греки были действительно открытой цивилизацией, смело вступавшей в культурные и экономические контакты с более древними цивилизациями Египта, Вавилонии, Персии и заимствовавшей массу их достижений. Но на какой психологической основе существовала эта открытость? Известно, что мир у греков был разделен на эллинов и варваров, к которым они относили и народы названных цивилизаций. Нужно заглянуть в Геродота или греческих трагиков, чтобы понять то ярко выраженное чувство превосходства, даже презрения этих деятелей, да и большинства греков, к варварам. Сейчас эту позицию назвали бы расистской. Смысл этого замечания в том, что без высокого чувства национального достоинства, на психологической основе униженности, рабского заискивания перед более преуспевшими, хотя бы в той же экономике, соседями, одним словом – стоя на коленях, творить новое попросту невозможно.

Мы говорим: «открытая Россия», «открытая культура». Возникает вопрос, для какой цели они должны быть открытыми, и вообще, что все это значит? При множестве возможных объяснений обвального падения производящей экономики в России в 1990-е годы (здесь не имеется в виду ресурсодобывающая промышленность), одной из главных причин явилось именно практически мгновенное открытие внутреннего рынка для более качественных западных товаров. Впору говорить, что правильней была бы формула «открытый мир и в меру закрытая Россия». А. П. Паршев даже считает, что можно совсем закрыться, и, при таких масштабах страны, спокойно жить в состоянии автаркии [6].

Какова, в этом отношении, ситуация в культуре? Российская культура во многих отношениях уникальна. Однако нужно осознавать, что на современном этапе ее существования она уникальна и в отрицательном смысле. Известно, что научно-техническая культура антагонистична к экономике и культуре народной, крестьянской. С промышленностью везде наступало ее угасание. Но все дело в мере и в темпах. Не говоря о наших соседях – Японии, Китае, Индии, – даже

ряд западных стран сохранили достаточно мощной слой этнической, народной культуры. У нас в 1930–1960-е годы техника и еще больше большевистский режим буквально истолкли в песок крестьянскую Россию. Народонаселение в деревне есть, а крестьянства как культурного слоя нет. Мы спохватились несколько десятилетий назад, пытаясь сохранить живые остатки фольклора, но нашли лишь несвязанные фрагменты, а целое ушло в небытие. Культурным катаклизмом геологического масштаба назвала истребление русской крестьянской культуры Ксения Мяло!

Что же тогда остается? Остается высокая, классическая, дворянская по происхождению культура, возникшая как прививка западной культуры на имевшуюся корневую систему. Классическая культура неотделима от этой корневой системы, культуры народной, фольклорной. Мы обобщенно называем высокую национальную культуру книжной. Ее мощь такова, что, по словам одного из культурологов, после погрома интеллигенции в 1920-е годы она в тяжелый позднейший период фактически сохранила русского человека как национальный тип, а также помогла заново воссоздать слой интеллигенции. Но ситуация быстро меняется. Вот что пишет по поводу этой культуры В. В. Налимов: «Культура становится транснациональной. Техника делает свое дело, сглаживая многообразие Бытия. Стремление к созданию национально ориентированной культуры – это бессмысленная борьба с техникой, пронизавшей уже нашу жизнь» [5, с. 59]. По сути, национальная культура оказывается сейчас в таком же положении, как в недавнем прошлом культура народная. Открытость принесла новую проблему – всесокрушающее проникновение массовой культуры в ее самой негативной разновидности, связанной с экраном и аудиовизуальными средствами. Наши СМИ выполняют вполне большевистскую работу по отношению к этой, считавшейся когда-то «господской», культуре. Без общественного и государственного протекционизма она явно не выдержит столь сильного давления. Снизу уже подпирает поколение, насильственно отлученное от классической культуры. Кто возьмется предсказать его дела и свершения?

Реальность, которая уже отчетливо маячит на видимом горизонте, это общество, почти полностью лишенное жестких традиций и общезначимых культурных ориентиров. По массовому распространению аномалий в поведении российского человека видно, что свобода «от» в культурном смысле достигает последнего предела. Минусы этой ситуации очевидны и известны, но есть ли в ней плюсы? Нам представляется, что эта, порожденная драматическим ходом событий и, по сути своей, постмодернистская ситуация крушения всех абсолютов несет все же в себе возможность коренного преображения культуры. Россия, как писали когда-то евразийцы, затем Д. Нелидов, общество идеократическое. Жить без идеи оно не может. Мы находимся в положении между абсолютами – прошлым и не известным нам будущим. Никаких оснований для надежд на вечный плюрализм нет, но есть надежда и предчувствие, что это положение «между» продлится достаточно долго, одно-два поколения, в период жизни которых только и может произойти перегруппировка прежних элементов и возникнуть новая культурная конфигурация. В хаосе, в котором еще остаются живыми основные смыслы и универсалии национальной культуры, и может зародиться что-то новое.

Философия, вытесняемая сейчас на периферию общественной и духовной жизни, может оказаться в этой ситуации вполне востребованной. Следует обратить внимание на одну обозначившуюся и важную тенденцию – попытки определить новые параметры модальности философствования. На эту тему высказывались М. К. Мамардашвили, П. С. Гуревич, М. Эпштейн. Речь о том, что если взять кантовскую триаду модальностей (возможность – действительность – необходимость), то соотношение почти всегда было в пользу действительности и необходимости, во всяком случае, у классиков, писавших об этом, – Аристотеля, Лейбница, Гегеля, Н. Гартмана. Как считает М. Эпштейн, практический разум и необходимость в этической ипостаси долженствования, начиная с Канта, подавляли не только возможность, но и саму действительность [9, с. 59–61]. Пышным цветом расцвели проективизм, нормативизм, социально-политические идеологии, нацеленные на радикальную переделку человека и действительности. Цель изменения мира стала приоритетной в сравнении с его объяснением. Крах активистской философии подталкивает к тому, чтобы умерить притязания философского разума на руководство действительностью и заняться своим делом. А дело это состоит в том,

чтобы «умножать возможные миры» и не более того, так как философское знание не связано ни с чем сущим. Конечно, с таким радикализмом М. Эпштейна согласиться трудно. Это уже какой-то философский «романтизм». Или, может быть, даосизм? Как у Чжуан-цзы: занятие мудреца, – оседлав облако, странствовать в небесах. Философия, на наш взгляд, отказываясь от утопического проективизма, никогда не может утратить связи ни с действительностью, ни с долженствованием. Классика всегда взвешенней. Еще Кант ясно определил предмет своей прагматической антропологии в формуле «что он (человек. – *Г. М.*) в качестве свободно действующего существа делает или *может делать из себя сам* (курсив наш. – *Г. М.*)» [4, с. 138], и позднее добавил, что эта антропология занимается не только тем, что человек может, но и что он *должен* делать с собой.

Тем не менее именно вектор возможности наиболее тесно связан с задачей интенсификации творческих процессов и творческой мобилизации человека. Творчество охватывает не только предметный или идеальный мир, но и сам человек уже тысячи лет выступает объектом своих творческих усилий. И если ныне философами широко признано, что в основе всех современных кризисов лежит системный кризис личности, то, что дает эта некая «возможностная философия» для осознания и преодоления этого кризиса? Должное не может опуститься на землю иначе как через возможное. Должное – это полюс трансценденции, который давно обозначен. Человек уже тысячи лет растянут мировыми религиями и философиями на оси «земное-небесное», «сущее-должное». Придумывать новые религии и этические системы, – пожалуй, на это «дух эпохи» не дает своей санкции. И что есть совершенно новое? Заповедь «возлюби ближнего» рассматривается как центр христианской этической идеи. Но и это не новое, хотя бы потому, что почти в той же формулировке выражено уже в Ветхом Завете.

Проблема в том, что человек знает должное, идеал, но мало что знает о том, почему он не может к нему приблизиться. Даже апостол Павел в покаянном слове фактически повторил древних греков и римлян: «Знаю и вижу лучшее, но следую худшему». На языке христианской теологии это обозначается как «упорство греха». Сотни православных святых не исправили нравы и нравственность в русском народе. В лучшем случае, в соответствии с Преданием, можно лишь предполагать, что святые своими молитвами удерживают человека от окончательного падения, не более того. Критерием уровня нравственных отношений являются не отдельные примеры морально одаренных личностей, а состояние нравов, что отметил еще И. Кант. Но в области нравов мы видим лишь рябь на море, незначительное движение «вверх-вниз», или, что одно и то же, «вперед-назад».

В восточнохристианской аскетике то, что философами обозначается как способность к трансцендированию, называется «превосхождением естества». Что же превосходится? В начале – страстные состояния человека (чревоугодие, гнев, сребролюбие и др.) – всего восемь. Затем подвижник переходит на другую ступень, на которой ставятся другие задачи. Нам представляется, однако, что всякий трансцензус (термин С. С. Хоружего), всякое превосхождение естества оказываются безосновными, повисают в воздухе как в понятийном, теоретическом, так и в бытийном, онтологическом смыслах, без обращения к категориям конечного и бесконечного, или предела и беспредельного, введенным еще пифагорейцами и Платоном. В современных философско-антропологических работах мы довольно часто встречаем эту парадоксальную характеристику человека как существа «конечно-бесконечного». Эта тема специально анализируется некоторыми авторами. Важно, однако, отметить, что в данном нам мире все – конечно, ничего бесконечного нет. В этом смысле Аристотеля, его отрицание актуальной, завершенной бесконечности еще никто, в том числе немецкий математик Г. Кантор, не опроверг. Но обращаясь к известным эпикуровским терминам, можно сказать, что есть предельности естественные и необходимые, а есть противоестественные и не необходимые. Таковы именно пределы нравственно фундированной трансценденции.

Стратегия снятия внутренних (в их индивидуальном и социальном ракурсах) пределов человека означает, что, опознавая, анализируя, анатомируя эти предельности, мы обозначаем возможностный коридор, по которому может продвигаться человек в своих неустанных попытках самосовершенствования. Всегда и неизменно человечество действовало не посредством сознательного восхождения на более высокий уровень развития, ибо эта «высота» дается лишь

в рефлексии и далеко не в строго однозначном смысле. Действовало же оно посредством раздвижения пределов – в рамках наличных возможностей, определяемых достигнутым материальным и духовным уровнем индивида и общества. В опубликованных нами работах анализируются в разных ракурсах выявленные на историко-философском, историко-культурном и конкретно-научном материале следующие предельности [1]. Это: 1) антагонизм как один из ведущих способов социального развития, способов «выталкивания» человека на более высокий уровень сложности, а также «экзистенциальное» (внутриличностное) противоречие как способ реализации духовного, интеллектуального и нравственного потенциала личности; 2) нерепрезентативная субъективность как характеристика центрального звена мотивирующей подсистемы человека, являющаяся источником крайней неустойчивости всей «машины жизни»; 3) социальность, или принцип «социального тела», как субстанция индивидуальности. Тема эта очень обширна. Кроме того, как своего рода «метафизическое знание по поводу предметных сущностей» (Ю. В. Петров), она требует дальнейшего углубления.

Нельзя, конечно, утверждать, что таких пределов только три. Общая же идея такова. Подобного рода предельности и их активизация явились внутренним планом и энергетическим источником первого всеобщего кризиса культуры, который охватил так называемые осевые цивилизации. Духовным ответом на этот кризис стали мировые религии, задавшие ось трансцендентности человека, и философские этические системы. Социально-политическим ответом на кризис явилось рождение мировых империй с жестким иерархическим порядком управления и организации социальных отношений. Конфуций, даосы как создатели государственной идеологии дали, видимо, адекватный ответ, поскольку китайская цивилизация, в конечном счете, развивалась более плавно, без разрушительных потрясений. В европейском регионе кризис получил лишь частичное разрешение, поэтому имел второй всплеск в Римской империи. Его апогей падает на III, IV века после Р. Хр. Христианство дало зрелый духовный ответ на кризис своей догматикой и аскетической практикой именно в IV веке. Во внешнем же плане церковная организация оказалась основанной на жесткой иерархии, «встроенной» в византийский имперский порядок – потому и жизнеспособной.

Последующие европейские кризисы носили менее острый характер, являлись скорее локальными. Второй всеобщий кризис, охвативший тотальность планетарного сообщества, разразился в научно-технических обществах в XX столетии. Мы являемся свидетелями его углубления и «ускорения». Он более универсален, так как в силу действия технического фактора и процессов глобализации втянул в свою орбиту практически все мировое сообщество. Исходя из этого, можно предполагать необходимость более радикального ответа на кризис. Каким он будет? Здесь мы вступаем на зыбкую почву современной прогностики, которая требует тщательного анализа и выявления практически реализуемого ядра.

Литература

1. Балабанов П. И., Миненко Г. Н. Проектность культуры: теоретический и методологический аспекты: моногр. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 262 с.
2. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
3. Зайцев А. И. Культурный переворот в древней Греции VIII–V веков до н. э. – СПб.: Филол. фак. СПБГУ, 2000. – 320 с.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 113–260.
5. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
6. Паршев А. П. Почему Россия не Америка? – М.: Форум, 2001. – 410 с.
7. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.
8. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. – Т. 2: Время лжепророков Гегель: Маркс и другие оракулы. – 528 с.
9. Эпштейн М. К философии возможного. Введение в посткритическую эпоху // Вопр. философии. – 1999. – № 6. – С. 59–72.

References

1. Balabanov P.I., Minenko G.N. *Proektnost' kul'tury: teoreticheskiy i metodologicheskiy aspekty. Monografiya [The project quality culture: theoretical and methodological aspects. Monograph]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2002. 262 p. (In Russ.).
2. Dodds E.R. *Greki i irratsional'noe [The Greeks and the irrational]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2000. 507 p. (In Russ.).
3. Zaitsev A. I. *Kul'turnyy perevorot v drevney Gretsii VIII–V vekov do n.e. [Cultural revolution in Ancient Greece VIII–V century BC.]*. St. Petersburg, Filologicheskiy fakul'tet SPBGU Publ., 2000. 320 p. (In Russ.).
4. Kant I. *Sobranie sochineniy. V 8 t. Tom 4. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Collected Works. 8 vol. Vol. 4. Anthropology from a pragmatic point of view]*. Moscow, Choro Publ., 1994, pp. 113-260. (In Russ.).
5. Nalimov V. V. *Razbrasyvayu mysli. V puti i na pereput'e [Scatters thoughts. In a way, and at a crossroads]*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 344 p. (In Russ.).
6. Parshev A.P. *Pochemu Rossiya ne Amerika? [Why Russia is not America?]*. Moscow, Forum Publ., 2001. 410 p. (In Russ.).
7. Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom 1. Chary Platona [Open Society and Its Enemies. Vol. 1. Enchantment Plato]*. Moscow, Feniks Publ., "Kul'turnaya initsiativa" Publ., 1992. 448 p. (In Russ.).
8. Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly [Open Society and Its Enemies. Vol. 2. Time of false prophets: Hegel, Marx, and other oracles]*. Moscow, Feniks Publ., Kul'turnaya initsiativa Publ., 1992. 528 p. (In Russ.).
9. Epstein M.K. K filosofii vozmozhnogo. Vvedenie v postkriticheskuyu epokhu [For a possible philosophy. Introduction to the post-critical era]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, 1999, no. 6, pp. 59-72. (In Russ.).

УДК 008

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

Балабанов Павел Иванович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: philosov416@kemguki.ru

Зауэрвайн Лариса Теодоровна, кандидат философских наук, начальник Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: Lzauervayn@mail.ru

Проектирование является одной и форм человеческой активности. По своему характеру оно связывает духовную реальность с реальностью материальных предметов, процессов. Сложность этой связи позволяет интерпретировать ее как науку, как искусство, как вид специального документирования и т. д. Функционирование проектирования обнаружило в нем специфический тип научного исследования, как и присущие ему формы художественного мышления. Это позволяет говорить о специфическом проектном методе в научном мышлении и в то же время о проектном замысле, его схожести с научной идеей, инженерным принципом, отсюда вытекает, что проектный замысел реализуется в проекте, аналогично тому, как научная идея – в научной теории и инженерный принцип – в концепте машины.

В области социального проектирования такой феномен человеческой жизнедеятельности, как социализм иногда характеризуют как проект-утопию. По-видимому, феномен социализма следует, в терминологии проектирования, отнести к категории глобальных проектов. То, что глобальный проект является универсальной проектной платформой, на которой выстраивается возможность частных социокультурных проектов, наблюдали при реализации советской формы социализма.

Раскрытие человека в его универсальности всегда осуществляется в конкретно-исторических условиях и осознается в различных формах общественного сознания и соответствующих культурных процессах. Проект «индустриализация» как часть глобального проекта был связан с проектом «культурная революция». Важнейшими задачами этого проекта, которые способствовали его реализации,

были преобразования и развитие в культуре, то есть осуществление культурного сопровождения индустриализации в таких областях культуры, как образование и воспитание, а также в области художественной культуры.

Анализ замысла и реализации проекта «индустриализация» позволяет сформировать концептуальное видение данного феномена, или концепцию культурного сопровождения технологических инноваций, или концепцию коэволюции науки, техники и технологии, с одной стороны, специфических культурных процессов – образования, воспитания, художественной культуры – с другой, концепцию, демонстрирующую следующие основные черты: комплексность; рефлективность; проектную интерпретацию; тотальность. Тем самым проектная интерпретация социокультурных, технологических взаимосвязей в жизнедеятельности людей позволяет зафиксировать их существование, социально-историческую направленность, а также роль и место социокультурного проектирования в истории общества, его эффективность и результативность.

Ключевые слова: проектирование, социально-культурное проектирование, технологические инновации.

SOCIO-CULTURAL DESIGN AND TECHNOLOGICAL INNOVATION

Balabanov Pavel Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Philosophy, Law and Socio-political Disciplines, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: philosov416@kemguki.ru

Zauervayn Larisa Teodorovna, PhD in Philosophy, Head of the Department of Culture and National Policy of Kemerovo Region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Lzauervayn@mail.ru

Design is one and the forms of human activity. By its nature, it connects the spiritual reality with the reality of material objects and processes. The complexity of this context allows us to interpret it as a science, as art, as a kind of special documentation, etc. The functioning of the design found in it a specific type of research, as well as its inherent forms of artistic thinking. It suggests a specific project method in scientific thinking and at the same time the project plan, affinity with the scientific idea, engineering principles, it follows that the project plan is implemented in the project, similar to how a scientific idea into a scientific theory, and engineering principles in the concept cars.

In the field of social engineering, the phenomenon of human activity such as socialism is sometimes described as a Project-Utopia. Apparently, the phenomenon should design socialist terminology to be categorized as global projects. The fact that the global project is a universal design platform, which is built on the possibility of private socio-cultural projects is observed in the implementation of the Soviet form of socialism.

Disclosure of a person in its universality is always carried out in the specific historical conditions, and is recognized in various forms of social consciousness and the corresponding cultural processes. “Industrialization” project as a part of a global project was associated with the project “Cultural Revolution.” The most important tasks of this project, which contributed to its implementation were the conversion and development in the culture, ie, performed cultural support and industrialization in such fields as culture of education and training, as well as the field of culture.

The analysis of the design and implementation of the “industrialization” of the project allows you to create a vision for this phenomenon or to form a concept of cultural support of technological innovation or the concept of co-evolution of science, engineering and technology, on the one hand, specific cultural processes: education, education, artistic culture, on the other, showing the following main features: complexity; reflexivity; design interpretation; totality. Thus the interpretation of the socio-cultural project, technological linkages to human activity allow to fix their existence, socio-historical orientation, and the role and place of socio-cultural history of design in society, its efficiency and effectiveness.

Keywords: design, socio-cultural development, technological innovation.

Проектирование, наряду с трудом, общением и т. п., является одной и форм человеческой активности. По своему характеру оно связывает духовную реальность с реальностью материальных предметов, процессов. Сложность этой связи позволяет интерпретировать ее как науку, как искусство, как вид специального документирования и т. д. Функционирование проектирования обнаружило в нем специфический тип научного исследования, как и присущие ему формы художественного мышления. Это позволяет говорить о специфическом проектном методе в научном мышлении и в то же время о проектном замысле, его схожести с научной идеей, инженерным принципом и т. п., отсюда вытекает, что проектный замысел реализуется в проекте, аналогично тому, как научная идея – в научной теории и инженерный принцип – в концепте машины.

В литературе можно встретить разделение проектов на нормальные (реализуемые), псевдопроекты, квазипроекты, проекты-утопии. Но в любом случае при определении проекта вводится представление о нововведении. Так, например, квазипроект, по мысли исследователей, обладает всеми признаками настоящего проекта, но планируемое нововведение на самом деле таковым не является [4, с. 82].

В области социального проектирования такой феномен человеческой жизнедеятельности, как социализм иногда характеризуют как проект-утопию. С этим трудно согласиться по двум обстоятельствам. Во-первых, этот проект имеет глубокие исторические корни. В своей эволюции он прошел путь от утопии до реального воплощения. Другое дело, что не все его социально-исторические формы оказались жизнеспособными и устойчивыми. Во-вторых, сложно отрицать то, что нововведения при такой форме социального жизнеустройства людей не вошли в историческую практику и являются до настоящего времени притягательными характеристиками социального идеала.

По-видимому, феномен социализма следует, в терминологии проектирования, отнести к категории глобальных проектов.

Известный отечественный философ дает следующую интерпретацию представлениям о глобальном проекте: «Идея глобального проекта не имеет прямого отношения к современной тенденции глобализации, предоставляющей собой распространение некоторой частной модели общества на все человечество и благодаря этому объединяющей разные типы обществ. Глобальный проект отсылает к холистическому пониманию общественного развития, в рамках которого фрагменты человеческого мира (политика, экономика, культуры) связываются воедино. Это проект, в котором скрещиваются история и география, традиция и новация, наука и повседневность, стихийная неравномерность и конструктивная целесообразность развития, национальный менталитет и дух целой эпохи. Глобальные изменения мировоззрения лежат в основе таких проектов и являются их следствиями. Глобальный проект не может отвечать критериям калькулируемости и эффективности, применяемым для оценки мегапроектов, поскольку он сам является универсальной проектной платформой: создает условия возможности частных проектов» [3, с. 54].

То, что глобальный проект является универсальной проектной платформой, на которой выстраивается возможность частных социокультурных проектов, наблюдали при реализации советской формы социализма, например, в 20–30-х годах XX века. Разумеется, нововведений в этот период было достаточно много: от введения советской символики до новаций в духовной и материальной жизни населения бывшей Российской империи.

В данном случае обратим внимание на введение технологических новаций, что следовало из материалистического понимания истории, являвшегося важнейшим элементом советской идеологии. В переходный период от капитализма к социализму в 20–30-е годы XX века в СССР были реализованы проекты индустриализации, социалистического преобразования сельского хозяйства, культурной революции.

Для реализации подобных проектов был использован такой метод социального проектирования, как социальная инженерия. Один из основателей данного метода, директор Института труда (с 1920 года) А. Г. Гастев, в статье «Наши задачи» (1921) сформулировал следующие три принципа, на которых базировалась его концепция «социальной инженерии»:

1) для развития организации труда необходимы техника и технологии, требующие работника нового типа;

2) в условиях поточно-массового производства каждый станок должен стать исследовательской лабораторией для поиска всего нового, рационального и экономного;

3) культура труда должна основываться на аналитизме, учете массовых величин, нормировке, привносимых машинной работой [5, с. 62].

Концепция социальной инженерии на примере индустриализации независимо от ее создателей в процессе реализации соответствовала в тот период позиции советских руководителей и была осуществлена в определенном объеме. Ее результаты можно представить в следующих сравнительных таблицах.

Таблица 1

Объем промышленного производства в СССР по отношению к развитым западным странам (в %)

Промышленная продукция	К США		К Англии		К Франции		К Германии	
	1913	1928	1913	1928	1913	1928	1913	1928
Электроэнергия	9	4	49	31	110	34	82	29
Добыча основных видов топлива (в пересчете на усл. топливо)	8	7	19	23	106	89	35	35
Чугун	15	9	44	49	51	33	38	24
Сталь	15	8	63	49	70	45	38	29
Цемент	13	6	69	42	101	44	39	32
Хлопчатобумажные ткани	40	30	31					

(Цит. по [2, с. 304]).

Таблица 2

Объем промышленного производства в СССР по отношению к развитым западным странам (в %)

Промышленная продукция	К США		К Англии		К Франции		К Германии	
	1928	1940	1928	1940	1928	1940	1928	1940
Электроэнергия	4	26	31	121	34	245	29	132
Добыча основных видов топлива (в пересчете на усл. топливо)	7	27	23	105	89	437	35	133
Чугун	9	35	49	179	33	405	24	95
Сталь	8	29	49	139	45	415	29	108
Цемент	6	25	42	77	44	127	32	75

(Цит. по [2, с. 332]).

Сравнение приведенных данных реализованного частного проекта – проекта индустриализации в СССР – показало свою эффективность, результативность глобального проекта в целом.

Данный проект реализовывался в конкретных условиях конкретной страны. Он имел свои плюсы и минусы, но успех его был очевиден. СССР по абсолютным объемам промышленного

производства в конце 30-х годов вышел на второе место в мире после США (в 1913 – пятое).

Обращая внимание на материальное производство, тем не менее, следует подчеркнуть ценность и осмысленность указанного проекта, его представленность в сфере духовно-практического.

Так, исследователь В. И. Григорьев отмечает следующее: «При общесоциологическом подходе, исследующем общество как тотальность, во всем многообразии его связей и отношений, общественное производство не может быть сведено лишь к производству вещного богатства. Его функции непременно должны соотноситься со смыслом истории человечества, его отдельных этапов и общественного прогресса в целом – производством самого человека в универсальности его материальных и духовных определений» [1, с. 87]. В этом случае следует подчеркнуть, что раскрытие человека в его универсальности всегда осуществляется в конкретно-исторических условиях и осознается в различных формах общественного сознания и соответствующих культурных процессах.

Проект «индустриализация» как часть глобального проекта был связан с проектом «культурная революция». Важнейшими задачами этого проекта, которые способствовали его реализации, были преобразования и развитие в культуре, то есть осуществление культурного сопровождения индустриализации в таких областях культуры, как образование и воспитание, а также в области художественной культуры. В первом случае это ликвидация неграмотности, создание системы профессионального обучения рабочих, подготовка специалистов средней и высшей квалификации. Например, в результате принятых мероприятий в 1932/33 учебном году сеть высшей школы (832 вуза) по сравнению с 1925/26 учебным годом расширилась в 5,7 раза, а количество техникумов и других средних специальных учебных заведений (3509) увеличилось в 3,6 раза [2, с. 347].

Во втором случае систематизирующим признаком в деятельности представителей искусства явился принцип социалистического реализма. В рамках этого течения был созданы значительные произведения талантливых художников, писателей, поэтов, режиссеров, которые в дальнейшем принесли им европейскую и мировую известность. В данном случае оставим за скобками репрессии, которым подверглись политические деятели, ученые, художники в период 30-х годов. Это – тема специального обсуждения. Для нас важно, что проект «индустриализация» был успешно реализован.

Анализ замысла и реализации проекта «индустриализация» позволяет сформировать концептуальное видение данного феномена, или сформировать концепцию культурного сопровождения технологических инноваций, или концепцию коэволюцию науки, техники и технологии, с одной стороны, специфических культурных процессов – образования, воспитания, художественной культуры – с другой, концепцию, демонстрирующую следующие основные черты:

- комплексность;
- рефлективность (осознанность в постановке целей, применяемых стратегий, методов, средств и т. п.);
- проектную интерпретацию (формирование замысла, основанного на идеи социализма, выбор средств достижения результатов и т. п.);
- тотальность (социальная всеобщность в реализации проекта, то есть субъект проектирования выступает не как творец-одиночка, а в качестве агрегированной общности).

Тем самым проектная интерпретация социокультурных, технологических и др. взаимосвязей в жизнедеятельности людей позволяет зафиксировать их существование, социально-историческую направленность, а также роль и место социокультурного проектирования в истории общества, его эффективность и результативность.

Литература

1. Григорьев В. И. Наука и техника в контексте культуры: моногр. – М.: УДН, 1989. – 160 с.
2. История России. С древнейших времен до конца XX века: учеб. пособ. / отв. ред. В. П. Дмитриенко. – М.: АСТ, 2001. – 607 с.
3. Касавин И. Т. Мегапроекты и глобальные проекты: наука между утопией и технократией // Вопр. философии. – 2015. – № 9. – С. 40–56.
4. Луков В. А. Социальное проектирование: учеб. пособие. – М.: МГУ, Флинта, 2010. – 240 с.
5. Социологи России и СНГ XIX–XX веков: библиогр. справ. / ред. кол.: Ж. Т. Тощенко и др. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 576 с.

References

1. Grigor'ev V.I. *Nauka i tekhnika v kontekste kul'tury. Monografiya [Science and Technology in the Context of Culture. Monograph]*. Moscow, UDN Publ., 1989. 160 p. (In Russ.).
2. *Istoriya Rossii. S drevneyshikh vremen do kontsa XX veka. Uchebnoe posobie [History of Russia. From ancient times to the end of the XX century. Training manual]*. Ed. V.P. Dmitrienko. Moscow, AST Publ., 2001. 607 p. (In Russ.).
3. Kasavin I.T. Megaproekty i global'nye proekty: nauka mezhdu utopiey i tekhnokratiey [Mega-projects and global projects: between utopia and science technocracy]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, 2015, no. 9, pp. 40-56. (In Russ.).
4. Lukov V.A. *Sotsial'noe proektirovanie. Uchebnoe posobie [Social engineering. Training manual]*. Moscow, MGU Publ., Flinta Publ., 2010. 240 p. (In Russ.).
5. *Sotsiologi Rossii i SNG XIX–XX vekov. Bibliograficheskiy spravochnik [Russia and the CIS Sociologists XIX–XX centuries. Bibliographic reference]*. Ed. coll: Zh.T. Toshchenko i etc. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. 576 p. (In Russ.).

УДК 008

ПОНИМАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ

Если это – свет,
то я –
за конец света.
Е. Ф. Казаков,
кузбасский поэт и культуролог

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail:vikt-markov@yandex.ru

Статья рассматривает различные методологические подходы к пониманию мотиваций, движущих участниками современных террористических движений. Особое внимание уделено попытке рассмотреть эти проблемы в рамках чисто психологического подхода, связанного с поисками новой идентичности в глобальном мире, как она изложена в книге Ф. М. Мохаддама «Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию». Признавая необходимость в анализе истоков терроризма учитывать и психологическую составляющую, автор считает более важным не столько особенности восприятия, сколько учет реальных черт негативного образа современного «цивилизованного» мира, вызывающих отторжение от него представителей традиционного сознания и образа жизни.

С этой точки зрения представляется более фундаментальным подход, рассматривающий наиболее глубинные истоки и мотивации терроризма в плане противостояния традиционной культуры и современной, преимущественно западной по содержанию, культуры, переходящей, как утверждают некоторые, от индустриального к постиндустриальному этапу. Однако вряд ли такую постановку проблемы стоит рассматривать в устаревшей парадигме монолинейной эволюции, как восхождение от архаики к прогрессу, что предполагает отмирание традиции и подавление ее «восстания» против цивилизации. Реальные негативные черты этого современного мира и его противопоставление традиции можно рассматривать и как черты его кризиса. Тогда перспективы преодоления мотивационных основ современного терроризма выглядят в совсем другой перспективе.

Ключевые слова: методология, терроризм, психологизм, однолинейная и многолинейная эволюция, идентичность, традиционное и современное общество, кризис цивилизации.

UNDERSTANDING THE MODERN TERRORISM: A SEARCH FOR METHODOLOGY

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

The article examines the different methodological approaches to understanding the motivations of modern terrorist motions participants. The special attention is spared to an attempt to consider these problems within the framework of pure psychological approach, related to the searches of new identity in the global world, as it is expounded in the book of F.M. Mokhaddama "From Terrorists Point of View: What They Experience and Why They Come to Destroy." Acknowledging the necessity for the analysis of sources of terrorism to take into account a psychological constituent, the author considers more important not as much features of perception, but to take in account of the real lines of negative appearance of the modern "civilized" world, which provokes tearing away the representatives of traditional consciousness and way of life.

From this standpoint, a more fundamental approach that considers the deepest origins and motivations of terrorism in terms of the confrontation between traditional culture and modern, mostly Western in content, culture, passing, according to some, from industrial to postindustrial stages. However, it is unlikely that such a problem should be considered in an outdated paradigm of monilinia evolution as the ascent from archaic to progressive, which implies the withering away of tradition and suppression of "revolt" against the civilization. The real negative traits of this modern world and its juxtaposition of traditions can be seen as aspects of this crisis. Then prospects for overcoming the motivational foundations of modern terrorism look in a very different perspective

Keywords: methodology, terrorism, psychologism, monilinia and alternative evolution, identity, traditional and modern society, crisis of civilization.

Цель данной статьи – заострить некоторые вопросы, связанные с поиском методологических оснований понимания истоков современного терроризма, террористического психоза, охватившего планету на рубеже XX–XXI веков. Несмотря на представительную гамму различных направлений такого поиска, рассмотренную, в частности, в монографии В. Ф. Антипенко [1] в целом он, по мысли автора, пока не демонстрирует выхода из традиционных закоснелых установок, не всегда адекватных реальным проблемам. Поэтому обсуждение этих методологических проблем может стать затравкой для интересной дискуссии.

Однако непосредственный повод для написания настоящих заметок – привлечь внимание научной общественности к любопытной переводной книге, ставящей проблему терроризма не в обычном, объяснительном ракурсе, а в плане понимания [2]. Понимания внутренних механизмов, как социальных, социально-политических, так и собственно психологических, формирующих у значительной части активного населения огромного региона (автор ориентирован, в основном, на Ближний Восток) тенденцию все большего постепенного вовлечения в террористическую деятельность, подъема по «лестнице терроризма», как ее называет автор. Кстати, он сам по истокам является иранцем, изучал Иран как психолог пять лет, сразу после революции 1978–1979 годов, и претендует на то, чтобы говорить от имени шиитской ветви исламского населения. Кроме того, как он сам утверждает, он работал с исламскими беженцами и исламскими группировками, боровшимися с Советской армией в Афганистане. И это придает дополнительную значимость его работе. Хотя надежды на взгляд «изнутри» вряд ли оправдываются. Ф. М. Мохаддам не очень долго был непосредственно связан с Ираном, давно вжился в западный образ жизни и мышления, получил там образование, а методологически полностью основывается на установках западной психологической науки. В целом его субъективная позиция представляется двойственной. Своей книгой он пытается вскрыть некоторые, и не только психологические, истоки ближневосточного терроризма, плохо видимые с западной точки зрения. Но обращается он все-таки к западному читателю (и политикам), пытаясь открыть ему глаза на

эти особенности и научить, подсказать, как можно все-таки преодолеть кризисную ситуацию. И в концовке книги он прямо формулирует свои советы по формированию стратегии именно западных стран [2, с. 249]. Таким образом, автор как бы пытается находиться одновременно по обе стороны баррикад в этом противостоянии Запада и терроризма. И это не взгляд с точки зрения террористов, а попытка интерпретации этой точки зрения для Запада. Хотя некоторая апологетика шиизма явно прослеживается в ряде разделов его книги. В частности Ф. М. Мохаддам уверяет, что некоторые черты шиитских практик, которые он называет «контекстуальной демократией» (некий аналог российского тезиса о «суверенной демократии», то есть построенной не по образцу западных ее моделей), могут стать искомым выходом из тупиков терроризма [2, с. 228].

Итак, обратимся в качестве примера современного методологического поиска к означенной книге Ф. М. Мохаддама. В целом он основывается на прозападном, либеральном видении современного мира. И это особо отмечает переводчик текста, призывая критично относиться к тексту автора [2, с. 136]. Недовольство людей Востока он связывает с тем, что они живут, скорее, в психологическом, воображаемом, чем в актуальном/реальном мире [2, с. 105]. А реальный мир для него – это мир современного глобализма. Западную культуру с ее развитым индивидуализмом он позиционирует как «нашу» и пытается призвать к преодолению такого взгляда для понимания терроризма [2, с. 153]. То есть речь, все-таки, с самого начала идет о психологическом «переводе» террористических устремлений и понятий для западного человека.

С методологической точки зрения автор справедливо высказывает сомнение, насколько оправдана материалистическая рационалистическая точка зрения при понимании терроризма. Можно ли представлять его только в плане максимизации выгод и прибыли определенных групп? Ведь в своей борьбе террористы спокойно разрушают материальные ресурсы собственного существования [2, с. 53]. Но в противоположность такому подходу он бросается в чистый психологизм, связывая основы проблемы с тем, что «группы меньшинств, такие, как исламские сообщества, сталкиваются с угрозами подавления импортируемыми культурными системами их идентичности… Действительно, такие группы озабочены проблемой положительной оценки себя» [2, с. 59]. В принципе это давно знакомые по культурологической литературе тезисы, только выраженные не совсем адекватным проблематике психологическим языком, который сводит все к самооценке. В дальнейшем автор настаивает: «…ответ, который даю я, имеет отношение к психологическому ядру человеческой личности – это идентичность, наша концепция/представление о том, каким типом личности мы являемся и как оцениваемся» [2, с. 66]. Впрочем, к чести автора, надо сказать, что он ставит эти вопросы не только на индивидуальном, но и на коллективном, социально-психологическом уровне: «К какому типу группы я принадлежу? Ценят ли мою группу? Прислушиваются ли к мнению моей группы? Стоит ли чего-нибудь моя группа?» [2, с. 87]. Но даже в такой форме от этих формулировок за версту пахнет западным взглядом на мир и себя в нем. А далее эти позиции прямо формулируются в названии раздела «Главенство психологического» [2, с. 88]. Эта постановка вопроса применяется автором и для мира в целом, когда он удивляется, что жители Запада не ощущают себя наиболее счастливыми, хотя объективно живут все лучше. Дело, по его мнению, в том, что вопросы «счастья и безопасности – это примеры восприятий и переживаний, которые в большой степени зависят от субъективных, психологических интерпретаций» [2, с. 106].

Суть подхода автора изложена, пожалуй, наиболее четко в следующих тезисах: «…по сравнению с объективными условиями жизни, включая бедность и низкий уровень образования, терроризм получает более понятное объяснение при помощи восприятий человеком своей депривации, чувств, возникающих от несправедливого обращения и субъективного понимания и интерпретации несправедливости» [2, с. 89]. Правда, при этом он делает оговорку, что не отрицает совсем роль материальных условий жизни, а лишь подчеркивает разрыв между ними и субъективным восприятием жизненного опыта [2, с. 89]. Итог подводится автором в разделе «Контекстуальная демократия как решение проблемы терроризма». По его идее необходима поддержка Западом по-

добного развития событий, оживления светской оппозиции закоснелого режима, но в рамках особой формы «контекстуальной демократии», основанной на местных, преимущественно шиитских традициях.

Вряд ли можно отрицать, что такой взгляд на проблему терроризма имеет право на жизнь. И, возможно, помог бы в перспективе решить некоторые ее аспекты. Но подчеркнутый психологизм автора, тем более заданный в западной парадигме, явно контрастирует с реальными масштабами явления. Представить, что массы террористов действительно озабочены, прежде всего, вопросами идентичности, проблемой «кто мы?», можно только в рамках западного академического дискурса. С другой стороны, предлагаемое Ф. М. Мохаддамом решение в виде «контекстуальной демократии» носит тоже явно частичный, элитарный характер. Именно местные элиты с удовольствием воспримут поворот к такой светской демократии с опорой на Запад. Именно они получат шанс на повышение своего социального, да и материального статуса. И не ее ли взгляды и ожидания представляет в данном случае Ф. М. Мохаддам? А терроризм-то – массовое явление, и вряд ли можно ожидать, что крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники так уж сразу переменят свой взгляд на мироустройство, его несправедливость, с негативного на позитивный в результате прихода такой демократии. Достаточно основательно опровергает такой наивный взгляд на многочисленных практических примерах крупнейший российский специалист по Ближнему Востоку Е. Я. Сатановский в своей новой книге «Котел с неприятностями. Ближний Восток для “чайников”» [3].

Кроме того, надо учитывать и тот факт, что терроризм не есть чисто локальное явление, связанное только, и исключительно, с Ближним Востоком. Его масштабы почти планетарны, а значит и корни надо искать в более широком масштабе. Анализ должен соответствовать этим масштабам. И, наконец, с позиций Ф. М. Мохаддама, совершенно непонятен довольно значительный приток в ряды террористов из Европы, России, Украины, причем не только уроженцев азиатских стран.

И все же… В постановке вопроса в данной книге есть свой смысл, если не сводить все к узко психологическим толкованиям в русле фрейдизма и других психологических течений. По сути дела автор призывает рассмотреть: «А как виден современный “цивилизованный” мир с точки зрения этих самых потенциальных и уже реальных террористов»? Это вопрос об образе преимущественно западного мира, поскольку пока что еще «современное» и означает преимущественно «западное». Но сам этот мир Ф. М. Мохаддамом критически анализируется совершенно недостаточно, хотя бы потому, что в принятой им парадигме главное – это восприятие. А реальные, материальные и психологические основы этого восприятия как бы отходят на второй план.

Прагматически это понятно. Ведь автор, по сути, позиционирует себя в роли советника западных держав, а тогда гораздо проще ставить вопрос об изменении всей мощью современных СМИ образа мира, чем менять в чем-либо сам этот мир. Но это, действительно, прагматический, а, значит, в перспективе – близорукий взгляд. А ведь проблема может быть поставлена и в другом ракурсе: «Каковы реальные специфические черты современной цивилизации, которые дают материал для такого негативного взгляда на нее?».

Тогда фактически одной из глубинных мотиваций современного терроризма, можно считать отторжение от тех особенностей современного западного (и принятого под его влиянием) прогресса, которые представляются дикими и противоестественными традиционному сознанию. Это отторжение используется, как неоднократно упоминалось в прессе, самими идеологами терроризма для вербовки новых сторонников. Достаточно показать, используя сами западные СМИ, вакханалию гейпарадов, пропаганду однополых браков, кварталы с клетками животных для зоофилов, набирающие силу партии в защиту педофилии, откровенные эротико-порнографические сцены из западных фильмов и т. д. Да и наши «Пусси райот» вполне пригодятся для таких целей. И тысячи новых сторонников террористических организаций берут в руки оружие, чтобы уничтожить такой прогресс. При этом интересно отметить, что ведь собственно ничего нового в этом нет. В самих традиционных обществах всегда все это было. Но не в таких масштабах и именно как греховные, маргинальные явления. А буйство подобных феноменов всегда было характерно только как сопутствующий фактор и индикатор над-

вигающейся гибели данной цивилизации. Будь то поздний Рим, Греция, Поздняя Византия, «блистательная Порта» в период своего заката и т. д.

Показательно, что отторжение подобных эксцессов происходит и в самой Европе. Во Франции не прекращаются демонстрации против официального признания однополых браков, намечается диалог между Православной церковью и Ватиканом по поводу сохранения традиционно-религиозных ценностей.

Тогда может прав А. Я. Флиер, утверждая, что глубинной основой современного терроризма является противодействие традиционных обществ современному индустриальному и постиндустриальному обществу? И речь идет о «конфликте между разными социальными типами культур – индустриальном (переходящем в постиндустриальный) и традиционном» [4, с. 24]. Возможно, это действительно глубокое прозрение. Вопрос только, в какой перспективе такое противостояние рассматривать. Удивляет, что в этой работе А. Я. Флиер неожиданно отвергает все, им же ранее написанное об устарелости идеи однонаправленной эволюции, об альтернативности и многообразии культурного развития человечества. Фактически эта его работа основана на действительно устаревшей парадигме однонаправленной эволюции от архаичной, крестьянской, по сути, традиционности к светлому прогрессивному постиндустриальному будущему. Но ведь возможен и другой взгляд. Согласно которому традиционное – это нормативное и естественное для человечества, позволявшее и позволяющее ему при всех изменениях сохранять основы бытия и оставаться именно человечеством. Вопрос спорный, ценностный в основе и не могущий быть разрешенным в чисто интеллектуальном дискурсе. Хотя и на этом поприще можно привести в качестве аргументации бесчисленное море работ, посвященных критике подобного европоцентризма и такого понимания прогресса. Более близко к теме укажем на интереснейшую книгу Чхан До Джун «23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм» [5]. Критикуя с позиций, близких к кейнсианству, всю идеологию монетаризма и Чикагской школы, современного неолиберализма в экономике, автор заодно прекрасно показывает нелепость и идеологичность всех разговоров о постиндустриальном обществе, которое может существовать лишь как надстройка над обществом индустриальным [5, с. 59, 219, 298]. Еще более важно для нашей темы то, что он развивает тезис о периферийном капитализме, который как раз не изживает, как толкуется в примитивном прогрессизме, а, наоборот, нуждается и поддерживает сохранение традиционности и даже архаики, необходимых для его существования. И тоже существует как надстройка над этим морем древности. Тогда надежды на изживание традиционных обществ и скорую победу над их «восстанием» вряд ли осуществимы [4, с. 24].

Итоговое разрешение спора может дать только длительная история. Но есть, видимо, и объективная, чисто этико-биологическая база для аргументации в пользу сохранения неких основ традиционности. Разрушение традиционных этических основ общества всегда и везде вело и ведет к распаду семьи, следствием чего, в свою очередь, является падение рождаемости и… вымирание данного социума. Демографические проблемы подобного рода сейчас, при привлечении внимания к этому аспекту проблемы, оказались свойственными и предыдущим кризисам великих цивилизаций. И «эксцессы» такого типа прогресса в «цивилизованном мире» не только вызывают восстание «неконкурентноспособных маргиналов», но и свидетельствуют о том, что не все благополучно в самом этом мире, порвавшем связь времен. Что ставит под сомнение рецепты «простых решений» проблемы терроризма.

Литература

1. Антипенко В. Ф. Международная криминология: опыт исследования терроризма: моногр. – Одесса: Феникс, 2011. – 356 с.
2. Мохаддам Ф. М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / пер. В. А. Соснина. – М.: Форум, 2011. – 288 с.
3. Сатановский Е. Я. Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». – М.: Э, 2016. – 576 с.
4. Флиер А. Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С.19–25.
5. Чхан Ха Джун. 23 тайны: что вам не расскажут про капитализм / пер. с англ. Е. Кисленковой. – М.: АСТ, 2014. – 314 с.

References

1. Antipenko V.F. *Mezhdunarodnaya kriminologiya: opyt issledovaniya terrorizma. Monografiya [International criminology: a study of terrorism. Monograph]*. Odessa, Feniks Publ., 2011. 356 p. (In Russ.).
2. Mokhaddam F.M. *Terrorizm s tochki zreniya terroristov: chto oni perezhivayut i dumayut i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu [From terrorists point of view: What They Experience and Why They Come to Destroy]*. Transl. V.A. Sosnina. Moscow, Forum Publ., 2011. 288 p. (In Russ.).
3. Satanovskiy E.Y. *Kotel s nepriyatnostyami. Blizhniy Vostok dlya "chaynikov" [A cauldron of trouble. Middle East for dummies]*. Moscow, E Publ., 2016. 576 p. (In Russ.).
4. Flier A.Ya. Kul'turnye osnovaniya nasiliya [Cultural roots of violence]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2012, no. 1, pp. 19-25. (In Russ.).
5. Chkhan Kha Dzhun. *23 tayny: chto vam ne rasskazhut pro kapitalizm [23 secrets: what they don't tell you about capitalism]*. Transl. E. Kislenkova. Moscow, AST Publ., 2014. 314 p. (In Russ.).

УДК 304.2

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ВОВЛЕЧЕНИЯ В СФЕРУ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Тресвятский Лев Алексеевич, доктор культурологии, доцент, доцент кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики, Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: lev-35@mail.ru

Русская православная церковь играла важную роль в культурной и социально-экономической жизни окраинной территории с начала процесса колонизации в Сибири. Православие стабилизировало межэтнические отношения в сибирском регионе, предотвращая социально-экономические конфликты. Церковь действительно использовала поддержку государства в процессе христианизации сибирских народов. Разрешение на активизацию миссионерской деятельности исходило от царской власти. В православных миссионерах сибирские инородцы видели представителей государственной власти, но их деятельность не являлась «насилием». Государство было заинтересовано в стабильной социальной обстановке по всей стране, в том числе и в Сибири. Русская православная церковь использовала не методы насилия, а помощь государства, то есть административный ресурс.

В XVII веке распространение христианства в Якутском крае реализовывалось через естественные межэтнические контакты – русских с инородцами. Православные храмы и монастыри стали центрами по приобщению инородцев к православной культуре. Возможности Русской православной церкви по распространению православия в XVII веке были крайне ограничены. С целью активизации христианизации народов Сибири создаются специализированные религиозные организации, открывается Даурская православная миссия в Забайкалье.

Таким образом, христианизация сибирских народов была вызвана ещё и потребностью защитить русское население от влияния сибирских языческих культов. Миссионерская деятельность в Сибири проходила в трудных условиях: огромные территории, низкая плотность населения, мобильность кочевых и полукочевых народов, трудные климатические условия, особенности языческой материальной и духовной культуры сибирских инородцев.

Ключевые слова: православная культура, народы Сибири, Русская православная церковь, миссионерская деятельность, христианизация.

TO THE QUESTION OF METHODS OF INVOLVEMENT IN THE SPHERE OF ORTHODOX CULTURE SIBERIAN NATIONS IN THE XVII CENTURY

Tresvyatskiy Lev Alekseevich, Dr of Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Penitentiary Psychology and Penitentiary Pedagogics, Kuzbass Institute of Federal Service of Execution of the Punishment of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: lev-35@mail.ru

The Russian Orthodox Church played an important role in cultural and social and economic life of the suburban territory since the beginning of process of colonization in Siberia. Orthodoxy stabilized the interethnic relations in the Siberian region, prevented the social conflicts. The Orthodox Church really used support of the state in the course of christianization of the Siberian nations. The imperial power gave permission to activization of missionary activities. The Siberian naitions saw the representatives of government in orthodox missionaries, but their activity wasn't "violence." The state has been interested in a stable social situation over all the country, including Siberia. The Russian Orthodox Church used no methods of violence but help of the state as an administrative resource.

Distribution of Christianity in Yakutsk region was implemented through natural interethnic contacts between Russians and foreigners in the 17th century. Orthodox churches and monasteries became the centers for familiarizing the foreigners with orthodox culture. Possibilities of Russian Orthodox Church on distribution of Christianity in the 17th century have been extremely limited. The religious specialized organizations were created for the purpose of activization of Christianization of the people of Siberia, Daursky orthodox mission in Transbaikalia was opened.

Christianization of the Siberian people has been caused by requirement to protect the Russian population from influence of the Siberian pagan cults. Missionary activity took place in difficult conditions in Siberia: huge territories, low population density, mobility of the nomadic and semi-nomadic people, difficult climatic conditions, features of pagan material and spiritual culture of the siberian naitions.

Keywords: orthodox culture, people of Siberia, Russian Orthodox Church, missionary activity, christianization.

Русская православная церковь в Сибири с начала процесса колонизации стала играть важную роль как в социально-экономической, так и культурной жизни окраинной территории. Православие как идеология стабилизировало межэтнические отношения в сибирском регионе, предотвращая социально-экономические конфликты [2, с. 97]. Формирование духовной культуры православия в Сибири, особенно в среде сибирских народов, это не просто вопрос «насильственной» христианизации и формального «отправления» богослужебной практики, а гораздо более сложная проблема, включающая вопросы формирования межэтнического культурного пространства и перспективы дальнейшего социально-экономического и политического развития в этом регионе.

РПЦ в Сибири стала ориентироваться не только на русских, для которых православная культура была традиционной, но и на сибирские народы. Заслуга Русской православной церкви состоит в том, что ей действительно удалось закрепить православие в Сибири и тем самым поставить заслон перед другими духовно-религиозными направлениями. Принципы миссионерской деятельности заложены в христианской идее спасения. Примером православной миссионерской работы стала деятельность Стефана Пермского в XIV веке по обращению к христианству народов коми.

Повышенный интерес вызывают способы и методы, итоги и значение миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири. Некоторые ученые считают, что христианизация сибирских народов осуществлялась насильственным способом. Это устойчивое мнение вызвано тем, что исследователи отождествляли внутреннюю политику государства с интересами церкви [4, с. 32]. Православная церковь действительно использовала поддержку государства в процессе христианизации сибирских народов. Разрешение на активизацию миссионерской деятельности исходило от царской власти. В православных миссионерах сибирские инородцы видели представителей государственной власти, но их деятельность

не являлась «насилием». Дело в том, что насилие подразумевает совокупность физических и психологических мер воздействия. Ничего подобного православные миссионеры в Сибири не делали. «Психологические» методы воздействия использовались в виде беседы, проповеди и уничтожения идолов. Носители православной культуры исходили из христианских норм и меры физического воздействия к людям не применяли.

Отдельные представители власти окраинных территорий в условиях ослабления административного контроля стремились извлечь прибыль из своего положения даже порочным способом. Православная церковь далеко не всегда могла привлечь таких людей к ответственности, ведь это было не в сфере её компетенции. Алчные авантюристы и лихоимцы, которые, прикрываясь своим высоким положением, при помощи крещения инородцев пытались сделать их своими крепостными и добиться для себя большей материальной выгоды, не имели никакого отношения к православной церкви.

Светская власть сама стремилась пресекать подобные действия. Как только отдельные чиновники в узкокорыстных интересах заставляли людей насильственно креститься, так сразу у власти возникали проблемы по причине инородческих волнений. Государство было заинтересовано в стабильной социальной обстановке по всей стране, в том числе и в Сибири. Инородцы поставляли государству «мягкую рухлядь», то есть пушнину, которая давала весьма ощутимый доход в казну. Таким образом, государство, преследуя цель не потерять стабильный источник доходов, пресекало попытки отдельных представителей власти крестить инородцев.

Русская православная церковь использовала не методы насилия, а помощь государства, то есть административный ресурс. Новокрещенным давались подарки за счёт государственной казны, которые несомненно способствовали созданию более благоприятных условий для христианизации [8]. Приобщение к православию делало инородцев равными другим подданным империи, которые имели определенные права и обязанности. Неофиты из сибирских народов на несколько лет освобождались от такой обязанности, как налоги. При помощи крещения инородцы имели возможность показать свою лояльность верховной власти и использовать этот фактор в своих целях. На миссионерские нужды государство выделяло средства из казны в виде подарков, жалования миссионерам, средств на обустройство инородческих храмов и т. д., что также способствовало христианизации сибирских народов. Таким образом, Русская православная церковь не отказывалась от использования административных ресурсов, которые нельзя отождествлять с «насильственными» мерами.

Начало распространения христианства среди народов Сибири относится к XVII веку [5, с. 7–24]. Северные районы Сибири ещё только осваивались правительством, которое обоснованно опасалось поспешными «акциями» по христианизации вызвать волнения среди аборигенов, и тем самым потерять такой важный источник доходов, как ясачные платежи. Так, обдорский князь Василий, приняв в Москве крещение, построил в Обдорске церковь во имя святого Василия Великого (1600). Удалось поставить в Коде церковь во имя соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия (1602), которая стала форпостом утверждения православия на их родине. Храм был посвящен соловецким чудотворцам не случайно. Первоначально инородцам были нужны реальные примеры подвижнической жизни их недавних предшественников.

В Мангазее в 1603 году появляется Николаевская церковь, в Верхотурье – Воскресенская церковь в 1607 году. До 1621 года церкви были построены также в Таре, Сургуте, Нарыме, Томске, Кузнецке и Енисейске [1, с. 98]. Царь Михаил Федорович считал, что желающим креститься инородцам необходимо оказывать помощь. По царской грамоте 15 января 1621 года воеводе М. М. Годунову, князю И. Ф. Волконскому и дьяку И. Шевереву следовало: «А которые иноземцы, татарова и остяки, и самоедь, и вагуличи похотят крестица в православную крестьянскую веру греческого закона. А в их платье крестить немочно. А архиепископ Киприян учнет к вам присылати тем людям для платья, и выб тем людям для крещенья посылали к архиепископу лутчим люде сукна на однорядки меншие земли, а мелким людем сукна летчину. И кафтаны, и шапки, и рубашки, и портки, и сапоги велели покупать у торговых людей. А деньги за то платье велели по цене платити из нашей казны…» [6, с. 48].

С целью привлечения язычников и мусульман вблизи инородческих поселений устраивались

церкви и молитвенные дома. Реже возводились монастыри. Эта практика дала положительный результат. Дело в том, что церковь способствовала привлечению в лоно православия тех представителей инородцев, которые волею судеб избрали русскую, а стало быть и православную культуру в качестве своей. В благоприятных условиях открывается в 1657 году Кондинский Троицкий монастырь. Монастырю была отведена земля на реке Исети, и он благодаря хозяйственной самостоятельности активно развивался. В 1683 году в монастыре было две деревянные церкви: во имя соловецких чудотворцев святых Зосимы и Савватия и Благовещения Божией Матери. При обители располагалось несколько деревянных строений для «братии» и одна отдельная келия для старцев. Монастырь разворачивает активную хозяйственную деятельность, но миссионерская работа как таковая проводилась слабо.

В XVII веке распространение христианства в Якутском крае реализовывалось через естественные межэтнические контакты – русских с инородцами. Православные храмы и монастыри стали центрами по приобщению инородцев к православной культуре. Возможности Русской православной церкви по распространению православия в XVII веке были крайне ограничены по причине кочевого образа жизни значительной части сибирских народов, различий по этническому составу, языку и религиозным верованиям и ментальности. В Якутском остроге находились две церкви: во имя Живоначальной Троицы и церковь святого Михаила Малеина [3, с. 294]. Организация миссионерской деятельности осуществляется через Якутский Спасский монастырь, учрежденный в 1664 году. Монахи Меливсипп и Алексей в последней четверти XVII века считались миссионерами. Церкви располагались по острогам. В Индигирском, Среднеколымском, Олекминском острогах, Усть-Вилюйской, Амгинской слободах в этот период уже находились церкви. Отрицательное влияние на успех распространения официального православия в Якутском крае оказала миграция раскольников-старообрядцев. Так, в 1678 году из четырёх посадов Якутска один был полностью старообрядческий.

С целью активизации христианизации народов Сибири в 1681 году открывается Даурская православная миссия в Забайкалье. На реке Селенге по благословению патриарха Иоакима игумен Иоаким с братьями во Христе основывают Троицкий монастырь. Действия миссионеров основывались на указе сибирского митрополита Павла: «…крестить в православную христианскую веру иноземцев, и приводить к тому святому и божию делу иноверцев без чеславия и гордости, без всякого ослабления… чтоб от каких слов строптивых иноземцев чем не отлучить от святого дела не отвратити» [9, с. 36]. В конце XVII века, когда миссионерская работа в Сибири как целостная система ещё только формировалась, инородцы не достаточно активно стремились стать православными христианами. Именно в этих условиях возникали легенды, подтверждающие силу православия [7, с. 13].

Частично русское населения испытывало влияние сибирского шаманизма. Одной из причин приобщения русских к язычеству был соблазн воспользоваться магическими услугами для достижения материального и душевного благополучия. Некоторые русские люди, сталкиваясь с реальными или мнимыми результатами шаманских практик, желали сами добиться успеха при помощи архаичных форм магии. Таким образом, христианизация сибирских народов была вызвана ещё и потребностью защитить русское население от влияния сибирских языческих культов. Миссионерская деятельность в Сибири проходила в трудных условиях: огромные территории, низкая плотность населения, мобильность кочевых и полукочевых народов, трудные климатические условия, особенности языческой материальной и духовной культуры сибирских инородцев.

Литература

1. Абрамов Н. А. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. – Тюмень: СофДизайн, 1998. – 576 с.
2. Арзуманов И. Миссия церкви и ламаизм как центральноазиатская форма буддизма // Православие на рубеже тысячелетий: сб. ст. к 2000-летию Рождества Христова. – Чита: Поиск, 2001. – С. 97–109.
3. Жукова Л. Н. Г. А. Попов и его рукопись «Миссионерство в Якутском крае» // Ежегод. Богослов. конф. Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та, 1998. – С. 293–299.

4. Мавлютова Г. Ш. Формы и методы миссионерской работы на севере Западной Сибири (XIX–XX века) // Религия и церковь в Сибири: сб. науч. ст. и документ. мат-лов. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. – Вып. 13. – С. 25–35.
5. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII веке. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 141 с.
6. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / изд. подгот. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 1994. – 291 с.
7. Фаст Г. Енисейск православный. – Красноярск: Енисей. благовест, 1994. – 238 с.
8. Центральный государственный архив древних актов. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 142. – Л. 1–6.
9. Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках (развитие феодальных отношений и их особенности). – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. – 164 с.

References

1. Abramov N.A. *Gorod Tyumen'. Iz istorii Tobol'skoy eparkhii [Gorod Tyumen. From history of the Tobolsk diocese]*. Tyumen, Sofdizayn Publ., 1998. 576 p. (In Russ.).
2. Arzumanov I. Missiya tserkvi i lamaizm kak tsentral'noaziatskaya forma buddizma [Mission Church and Lamaism as the Central Asian form of Buddhism]. *Pravoslavie na rubezhe tysyacheletiy. Sbornik statey k 2000-letiyu Rozhdestva Khristova [Orthodoxy at a turn of the millennia. Collection of scientific articles to the 2000 anniversary of Christmas]*. Chita, Poisk Publ., 2001, pp. 97-109. (In Russ.).
3. Zhukova L.N. G. A. Popov i ego rukopis' "Missionerstvo v Yakutskom krae" [G.A. Popov and his manuscript "Missionary Work in the Yakutsk region"]. *Ezhegodnaya Bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta [Annual Theological conference of Orthodox Sacred and Tychonoff theological institute]*. Moscow, Publishing House of Orthodox Sacred and Tychonoff Theological Institute, 1998, pp. 293-299. (In Russ.).
4. Mavlyutova G.Sh. Formy i metody missionerskoy raboty na severe Zapadnoy Sibiri (XIX–XX veka) [Forms and methods of missionary work in the north of Western Siberia (XIX–XX centuries)]. *Religiya i tserkov' v Sibiri. Sbornik nauchnykh statey i dokumental'nykh materialov [Religion and church in Siberia. Collection of scientific articles and documentary materials]*. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2000, iss. 13, pp. 25-35. (In Russ.).
5. Ogryzko I.I. *Khristianizatsiya narodov Tobol'skogo Severa v XVIII veke [The Christianization of the peoples of the North of Tobolsk in the eighteenth century]*. Leningrad, Uchpedgiz, Publ., 1941. 141 p. (In Russ.).
6. *Tobol'skiy arkhiereyskiy dom v XVII veke [Tobolsk bishop's house in the XVII century]*. Ed. N.N. Pokrovskiy, E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk, Siberian chronograph Publ., 1994. 291 p. (In Russ.).
7. Fast G. *Eniseysk pravoslavnyy [Yeniseisk orthodox]*. Krasnoyarsk, Eniseyskiy blagovest Publ., 1994. 238 p. (In Russ.).
8. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Central state archive of ancient acts]*, F.18, Op.1, D. 142, L.1-6.
9. Shorokhov L.P. *Korporativno-votchinnoe zemlevladenie i monastyrskie krest'yane v Sibiri v XVII–XVIII vekakh (razvitie feodal'nykh otnosheniy i ikh osobennosti) [Corporate-patrimonial estates and monastery peasants in Siberia in the XVII–XVIII centuries (the development of feudal relations and their features)]*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publ., 1983. 164 p. (In Russ.).

УДК 069.5+7.036"192"

АЛТАЙСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО (1918–1920) И ЕГО НАСЛЕДИЕ В СОБРАНИИ АЛТАЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ[1]

Шишин Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (г. Барнаул, РФ). E-mail: shishinm@gmail.com

Дариус Елена Ильинична, старший научный сотрудник, Государственный художественный музей Алтайского края (г. Барнаул, РФ). E-mail: elenadarius@mail.ru

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ – Министерство образования и науки Монголии (МОНМ) «Изобразительное искусство Сибири и Монголии XX – начала XXI века: кросс-культурное взаимодействие и влияние художественных традиций», № 15-24-03004.

После Октябрьской революции 1917 года художественная жизнь России представляла собой довольно сложное явление. Алтайские художники, как и многие представители русской интеллигенции по всей стране, отнеслись к революции как к исключительному событию, имеющему огромное историческое значение и открывающему перед ними большие перспективы. Они воспринимали себя творцами нового искусства и стремились доказать свою нужность новому обществу. Несмотря на Гражданскую войну и голод, они создали Алтайское художественное общество (1918–1920), проводили художественные выставки, открыли художественную студию, участвовали в создании первого художественного музея на Алтае. Их деятельность сыграла большую роль в развитии профессионального искусства на Алтае в первые годы становления советской власти. Они много работали творчески, постоянно экспериментировали и искали новые пути в искусстве, стремясь выработать свой стиль, отвечавший требованиям нового времени.

На сегодняшний день наиболее полно наследие художников Алтайского художественного общества представлено в собрании Государственного художественного музея Алтайского края (Барнаул). Это 172 произведения, знакомящие с творчеством таких ярких и самобытных художников, как А. О. Никулин, М. И. Курзин, Е. Л. Коровай, В. В. Карев, сыгравших большую роль в деятельности общества. В статье дается характеристика коллекции, анализируются значимые произведения художников, описывается их творческий путь.

Ключевые слова: Алтайское художественное общество, коллекция произведений, Государственный художественный музей Алтайского края, Барнаул, Алтай.

THE ALTAI ART SOCIETY (1918–1920) AND ITS HERITAGE IN THE STATE MUSEUM OF ART OF ALTAI REGION[2]

Shishin Mikhail Yuryevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: shishinm@gmail.com

Darius Elena Ilyinichna, Sr. Researcher, State Museum of Art, Altai Region (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elenadarius@mail.ru

After October revolution of 1917, art life of Russia represented quite a difficult phenomenon. The Altai artists, as well as many representatives of Russian intelligentsia over all the country, have treated revolution as to the exclusive event having huge historical value and opening before them big prospects. They perceived themselves as creators of new art and sought to prove its necessity to new society. Despite Civil war and hunger, they created the Altai art society (1918–1920), held art exhibitions, opened art studio, participated in creation of the first art museum in Altai. Their activity played a big role in development of professional art in Altai in the first years of formation of the Soviet power. They worked much creatively, constantly experimented and looked for new ways in art, seeking to develop the style meeting the requirements of modern times.

Today most fully the heritage of artists of the Altai art society is presented in the collection of the State Museum of Art of Altai region (Barnaul). These are 172 pictures acquainting with works of such bright and original artists as A.O. Nikulin, M.I. Kurzin, E.L. Korovay, and V.V. Karev played a big role in activity of society. In article, the characteristic of a collection is given, significant works of artists are analyzed, their careers are described.

Keywords: Altai art society, collection of pictures, State Museum of Art of Altai region, Barnaul, Altai.

[2] This article was prepared with the support of the grant RHF – Ministry of education and science of Mongolia (MESM) “Art Siberia and Mongolia in the XX – beginning of XXI century: cross-cultural interaction and the influence of artistic traditions”, № 15-24-03004.

Характерной чертой первых послереволюционных лет в отечественном искусстве было многообразие художественных групп, объединений и союзов, представляющих разнообразные стили и направления. Некоторые из них были созданы еще в дореволюционные годы и продолжали свою работу после 1917 года (Товарищество передвижных художественных выставок (ТПХВ), «Мир искусства», Союз русских художников (СРХ), Общество им. А. И. Куинджи, «Московский салон», «Бубновый валет», «Пролеткульт»). Другие – возникли в первые годы после революции – Ассоциация художников революционной России (АХРР), с 1928 – Ассоциация художников революции (АХР), «Маковец», «Бытие», Новое общество живописцев (НОЖ), «Левый фронт» (ЛЕФ), «4 искусства», Общество художников станковистов (ОСТ), Общество московских художников (ОМХ) и др. Такой численный рост художественных объединений, несмотря на сложнейшие условия жизни, был неслучаен. Художники стремились участвовать в строительстве новой жизни и влиять средствами искусства на мировоззрение человека нового общества. Представители художественной интеллигенции не хотели находиться в стороне от судьбоносных событий, происходящих в стране. Им было необходимо доказать важность своей работы новому обществу, входить в контакт с новой властью и по возможности получить финансовую поддержку.

Подобными явлениями отмечена и художественная жизнь Сибири. В Иркутске, Красноярске, Омске, Томске продолжили свою работу созданные еще до революции художественные объединения: Иркутское художественное общество, Красноярское товарищество художников, Общество художников и любителей изящных искусств Степного края в Омске, Томское общество любителей художеств.

Оживление художественной жизни происходило и на Алтае. Особенно ярко оно проявилось в Барнауле, куда в это время съехалось много художников [11, с. 16]. После обучения в Москве и службы в армии, в конце 1917 года вернулись в свой родной город художники М. И. Курзин и В. Н. Гуляев. Ранее, в 1916 году, окончив Московское училище живописи, ваяния и зодчества, возвратился в Барнаул В. В. Карев. После революции 1917 года из Саратова к родным, живущим в Барнауле, вернулся А. О. Никулин. В 1917 году вместе с родителями в Барнаул из Петербурга переехала Е. Л. Коровай. В 1918 году, после обучения в Императорской академии художеств и жизни в разных городах (Красный холм, Казань, Петрозаводск), на Алтай вернулся художник Н. Н. Емельянов. В том же году в Барнаул приехали скульптор С. Р. Надольский и его жена, живописец Н. А. Янова-Надольская. Здесь продолжали работать художники М. И. Трусов (Чебдар), Д. Н. Невский, А. В. Евреинов.

В 1918 году в Барнауле было организовано Алтайское художественное общество (далее – АХО). Членами АХО стали А. О. Никулин, Е. Л. Коровай, М. И. Курзин, В. В. Карев, В. Н. Гуляев, Н. Н. Емельянов, В. В. Безсонов, М. И. Трусов (Чебдар), В. М. Макаров, К. Ларионов. По форме это была общественная художественная организация. Устав или программа АХО не сохранились. Можно предположить, исходя из самой деятельности АХО и учитывая то, что многие художники Барнаула тесно общались с художниками Томска, регулярно участвуя в выставках Томского общества любителей художеств (далее – ТОЛХ) [13, с. 37, 55, 73, 79, 82, 96], а художник А. О. Никулин являлся одним из членов-учредителей как ТОЛХ, так и АХО, что эта программа была в основных своих чертах схожа с программой ТОЛХ. Она сводилась к следующему: объединение местных художников и любителей искусств на почве художественных интересов; распространение художественных идей в широкой публике путем устройства выставок, публичных собраний для чтения докладов на художественные темы; создание художественной школы и художественного музея.

Уже в апреле 1918 года в Барнауле состоялась Первая художественная выставка членов АХО. В ней приняли участие барнаульские художники В. В. Безсонов, В. Н. Гуляев, Н. Н. Емельянов, В. В. Карев, Е. Л. Коровай, М. И. Курзин, К. Ларионов, М. И. Трусов и художник из Томска, член ТОЛХ И. Я. Хазов. В экспозиции выставки было представлено более 70 живописных, графических и скульптурных работ. Среди них пейзажи, портреты, натюрморты, эскизы к картинам, выполненные в различных техниках. Был подго-

товлен художниками рукописный каталог выставки [8, л. 26–30]. Групповая выставка членов АХО 1918 года была не единственной. Следом за ней в 1918 году художниками была проведена выставка в Чемале, а в 1920 и 1921 годах вновь в Барнауле [8, л. 31].

Наряду с выставочной деятельностью, многие из художников, входивших в АХО, занимались педагогической работой. В это время в Барнауле действовали две художественные студии. Одна из них была открыта в 1917 году по инициативе художников Д. И. Невского и М. И. Трусова. В ней начала свою педагогическую деятельность Е. Л. Коровай [5, л. 3]. Другая студия была открыта осенью 1918 года. Ее руководителем стал А. О. Никулин, за плечами которого были более десяти лет педагогической работы в Боголюбовском училище рисования в Саратове. Никулин был сторонником художественно-промышленного образования и мечтал о создании на Алтае на равных правах с промышленными предприятиями целой сети художественно-промышленных школ и музеев как учреждений, воспитывающих вкус населения [4, с. 18]. Идеи Никулина разделяли многие художники Сибири, но они так и остались неосуществленными. Кроме Читы, художественно-промышленные школы нигде в Сибири созданы не были. Во многом это было связано с тем, что их создание являлось большой общественной задачей, напрямую зависящей от поддержки представителей власти на местах и возможностей местного бюджета, которые были сильно ограничены в условиях Гражданской войны и экономического кризиса в России.

Художники, входившие в АХО, были активными и деятельными людьми. Они много работали творчески, стремясь проявить себя «в клокочущем вихре событий: участвовали в осуществлении плана монументальной пропаганды, в оформлении массовых праздников, театральных спектаклей, выпускали плакаты, проектировали, изобретали» [12]. О непростых поисках своего стиля, отвечавшего требованиям нового времени, художник М. Е. Тверитинов, хорошо знавший членов АХО, учившийся в свое время у Е. Л. Коровай, писал: «Они копировали старых мастеров и становились на колени перед иконой. Они обращались к итальянским примитивам, к Средневековью и народному искусству, и в его истоках искали стабильных истин. Они отовсюду брали все полными горстями и переплавляли в горниле своей души» [7].

В настоящее время наиболее полно, по сравнению с другими музеями Сибири, творческое наследие художников, входивших в АХО, представлено в собрании Государственного художественного музея Алтайского края (далее – ГХМАК).

С первых дней существования музея, открытого в Барнауле в 1959 году, его сотрудниками велась большая и планомерная работа по формированию собрания музея. С этой целью ими отбирались лучшие произведения художников, в том числе и членов АХО. Это одна из крупных тематических коллекций в Алтайском художественном музее – всего 172 живописных и графических произведения, находящихся в основном (122 работы) и научно-вспомогательном (50 работ) фондах музея, знакомящих с творчеством А. Н. Никулина, В. В. Карева, М. И. Курзина, В. Н. Гуляева, Е. Л. Коровай и Н. Н. Емельянова.

Наиболее полно в собрании музея представлено творческое наследие Андрея Осиповича Никулина (1878–1945), одного из первых профессиональных художников, принесших в начале XX века в Сибирь и, в частности, на Алтай, традиции пленэрной живописи.

«Обстоятельства сложились так, – отмечала впоследствии сотрудник художественного музея искусствовед В. В. Сазонова, – что долгое время имя Никулина было известно только узкому кругу специалистов. Начало собранию его работ в музее положило приобретение в 1959 году пейзажа «Катунь». В последующие годы трудами сотрудников, особенно Л. И. Снитко, в музей поступило более 90 живописных и графических произведений художника. Появились первые публикации, позволившие представить жизненный путь этого одаренного человека, большого патриота Алтая» [9, с. 44].

В настоящее время в коллекции ГХМАК находится 93 живописные и 52 графические работы художника. Они поступили в музей из различных источников, в основном от учеников (Б. М. Чеботарева, П. М. Басманова, И. В. Севастьянова, А. А. Бородкина) и родственников (Л. Н. Казаковой, А. И. Казанцевой) Никулина. Ряд работ

художника были переданы музею с киностудии «Мосфильм» (с 1924 года и до конца жизни Никулин работал художником-фоновиком на кинофабрике «Совкино», впоследствии переименованной в «Мосфильм»). Это произведения разных лет (самая ранняя работа датируется 1897 годом, поздняя – 1945), на которых запечатлены Петроград, Франция и Италия, Саратов и виды Волги, Барнаул и Горный Алтай. Они дают возможность проследить творческий путь художника и знакомят с тем, как развивался и менялся его художественный стиль.

Родился А. О. Никулин в 1878 году в с. Камышевском Тобольской губернии. Вскоре после его рождения семья Никулиных переехала в Барнаул. С 1891 по 1897 год Никулин обучался в Барнаульском горном училище. В 1898 году он поступил в Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица на театрально-декорационное отделение в Петербурге, которое с успехом окончил в 1903 году и был командирован Советом училища в качестве пенсионера на 1 год за границу для дальнейшего усовершенствования своего мастерства.

Заграничная творческая командировка художника продлилась с 1903 по 1905 год. Помимо разных городов Италии (Венеция, Равенна, Верона, Милан, Флоренция, Рим), А. О. Никулин побывал в Швейцарии, Люксембурге и Париже, где учился в частной Академии Р. Жюлиана.

Известно, что, находясь заграницей, Никулин активно интересовался новейшими течениями в европейской живописи, посещал выставки импрессионистов и их последователей [3, с. 26]. Он много работал с натуры, обогащая свой зрительный опыт, вырабатывая у себя новое художественное зрение. Подобно импрессионистам он изображал один и тот же мотив при различном освещении («Французский город» и «Французский город с церковью»). Писал бульвары («Париж. Бульвар с р. Сена», «Париж. Люксембургский бульвар»), парки («Париж. Люксембургский сад»), мосты («Париж. Мост через Сену»). Композиции его французских работ фрагментарны, в них нет лишней деталировки, все изображенные предметы и люди утрачивают четкость и точность своих очертаний. Художник пишет широко и свободно, его живопись становится более пастозной. В колористическом решении он добивается цветовой гармонии и единства.

В 1905 году Никулин вернулся в Барнаул. Но уже вскоре уехал оттуда в Саратов, где с 1906 по 1917 год преподавал в Боголюбовском училище рисования. После Октябрьской революции в 1917 году А. О. Никулин возвратился в Барнаул. Здесь он прожил до 1923 года, активно участвуя в культурной жизни города.

Красной нитью через все творчество А. О. Никулина прошел образ Горного Алтая. Даже живя в Петербурге, а затем и в Саратове, художник каждый год находил возможность приезжать в свой родной город Барнаул, и уже оттуда отправлялся в путешествие по Горному Алтаю. Первую свою поездку в Горный Алтай А. О. Никулин совершил в 1909 году, побывав в гостях у своего друга художника Г. И. Гуркина в с. Аносе. Природа Алтая покорила Никулина, и уже ни одна выставка, в которой художник принимал участие, не обходилась без его работ, посвященных ее красотам. Впоследствии выпускник Боголюбовского училища рисования А. К. Дементьев вспоминал: «Среди нас, учеников его, сложилась даже такая шутливая поговорка – разбуди Андрея Осиповича среди глубокой ночи, он вскочит и, не теряя ни минуты, начнет по памяти писать виды Алтая» [3, с. 26].

К осознанию характера алтайского пейзажа и созданию своего, несравнимого ни с чем, «никулинского» образа Алтая, художник шел постепенно, двигаясь от натурных этюдов к постижению особенностей композиции, пластики и структуры горных рельефов, специфики ви́дения пространства тех мест, обобщению увиденного.

К ранним натурным эскизам, созданным в 1909–1910 годах и знакомящим нас с разными уголками предгорий Алтая, относятся такие работы А. О. Никулина, как «Чемал. Гроза», «Серый день. Белокуриха», «Белокуриха во время лесного пожара», «Дождь в горах». Все части композиций этих работ даны в единстве и подчинены общему лирическому настроению. Для колористического решения пейзажей характерна сдержанная цветовая гамма, строящаяся на мягких полутонах. В этих работах художник уже не столько использует приемы французского импрессионизма, сколько опирается и развивает традиции русской пленэрной живописи.

В работах того же времени «Катунь с горы Ит-Кая» и «Бай-Джера» Никулин создает новые для себя композиции с диагональным движением реки сверху вниз, на зрителя, что было характерно для произведений Г. И. Гуркина. В последующих работах художника появляется панорамность композиции, усиливается обобщенность образов. Среди них «Горы Алтая», «Гора Белуха с юга», «Вечер. Вид на Белуху».

Целый ряд своих работ А. О. Никулин посвятил изображению водной стихии. Его привлекала вода, то сверкающая на солнце, то покрывающаяся рябью от порыва ветра, то бурлящая и разбивающаяся миллиардами брызг из-за встреченного ею препятствия, всегда подвижная и живая. К лучшим произведениям этой серии относятся «Река Кумир. Бучило», «Арасанский водопад», «Камни на реке Белокурихе», «Пороги на реке Кумир», созданные в 1909–1914 годах. В них художник передает увиденные им в природе необычные сочетания красок, их переливы, разворачивая перед нами целую феерию цвета с изумрудно-голубоватыми, сиреневыми, золотисто-розовыми оттенками. Он любуется очертаниями каменных глыб в прозрачной воде, подмечая их декоративную цветность. В работе «Арасанский водопад» Никулин вводит в пейзаж изображение человека, который полулежит на каменном выступе, наблюдая за радужными переливами искрящихся брызг водопада. По сравнению с его фигурой, являющейся своего рода масштабным ориентиром в работе, изображенная природа выглядит мощной и величественной стихией, неподвластной человеку. Такой же прием художник использует и в картине «Река Кумир. Бучило». В ней фигура человека, выделенная ярким цветом, смотрится маленьким пятном на фоне окружающей его грандиозной природы.

Постепенно живопись А. О. Никулина становится более декоративной. Меняется манера письма художника. Он работает большими цветовыми плоскостями, поверх которых наносит мелкие цветные мазки различных оттенков. Это позволяет ему передавать тонкие цветовые сочетания и делает его живопись более яркой и насыщенной. При этом появляется некоторая дробность и орнаментальность рисунка, особенно на переднем плане, создающая особую «ажурность и узорчатость» [10, с. 108] живописи Никулина. Это характерно для работ «Голубой Алтай», «Кедровый лес», «Гроза на озере».

Один из значительных образов Горного Алтая был создан художником в картине «Голубой Алтай». Об этой работе Л. И. Снитко писала: «Это образ Алтая, увиденный и написанный так, как его еще никто не писал» [10, с. 108]. Зрелищность этого живописного полотна роднит его с театром. Перед нами предстает собирательный образ Алтая – величественной страны голубых гор, выстроенный по законам театральной декорации. Параллельно с живописью художник на протяжении многих лет успешно занимался театрально-декорационным искусством, поэтому неудивительно то, что, работая над станковыми произведениями, он использовал приемы декорационного искусства. От театра у художника идет и любовь к цветовым эффектам. Так, в картине он оперирует всевозможными оттенками зеленых, синих, коричневых цветов, складывая их в цветную яркую мозаику, создающую мажорное настроение.

Коллекция произведений А. О. Никулина в собрании ГХМАК дает наиболее полную картину творчества этого яркого, выдающегося алтайского живописца. На примере рассмотренных работ видно, как он, опробовав художественные методы французских импрессионистов и позаимствовав у них особую импрессионистическую цветоносность и светоносность, созерцательное отношение к жизни и восхищение натурой, шел своим путем, разработав собственный неповторимый и легко узнаваемый художественный стиль.

Другим видным художником АХО был барнаулец Михаил Иванович Курзин (1888–1957). Он окончил Казанское художественное училище (1904–1907), Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1907–1911) и посещал частные художественные студии Петербурга (1912). Как пишет Л. И. Снитко, Курзин «после Великой Октябрьской революции некоторое время преподавал во Вхутемасе в Москве, затем был назначен отделом ИЗО Наркомпроса уполномоченным по художественному образованию в Западной Сибири. Жил в Барнауле и Томске, а в начале 20-х годов по путевке, подписанной А. Луначарским, ездил на год в Китай» [12].

Как и многие художники того времени, М. И. Курзин был горячо увлечен идеями нового искусства, в том числе творчеством К. С. Петрова-Водкина, исканиями русских кубофутуристов, его привлекал вновь открытый после нескольких веков забвения Андрей Рублев и еще не известный в Европе Никола Пиросмани. Он был и художником-декоратором, и портретистом, и плакатистом, и оформителем книг. Сам о себе художник говорил: «Я стою на рубеже двух эпох: капиталистической и социалистической» [2, с. 68].

В 1920 году М. И. Курзин стал сотрудником секции охраны памятников искусства и старины Алтайского губернского отдела Народного образования. В этом качестве художник много сделал для создания в Барнауле первого художественного музея, названного Музеем изящных искусств. Музей был открыт в 1921 году в здании бывшей Дмитриевской церкви. Занимаясь формированием коллекции музея, Курзин отдавал предпочтение произведениям художников-беспредметников К. С. Малевича, В. В. Кандинского, О. В. Розановой, М. Ф. Ларионова, Н. С. Гончаровой и др. В Государственном архиве Алтайского края (далее – ГААК) были обнаружены документы, которые свидетельствуют о том, что сам М. И. Курзин передал музею 200 своих произведений [1, л. 46].

Судьба коллекции Музея изящных искусств г. Барнаула трагична. Введение новой экономической политики, переход на самоокупаемость, отсутствие государственной поддержки и финансирования тяжело отразились на музее. «В первые же месяцы НЭПа он [музей] оказался без средств. Нечем было заплатить сторожу. Кладовые, куда все было сложено, оказались не заперты. Началось расхищение. Тащили все, кому не лень», – говорилось в статье Филиппыча «Голосуем за большое достижение» [14], опубликованной в газете «Советская Сибирь» 9 января 1927 года. К середине 1920-х годов, несмотря на старания художников В. М. Макарова, А. В. Худяшева, А. Н. Борисова и других, музей не располагал ни помещением, ни средствами на существование. В итоге коллекция Музея изящных искусств г. Барнаула исчезла практически бесследно, в том числе и 200 произведений М. И. Курзина.

В настоящее время на Алтае сохранилось только несколько работ М. И. Курзина. Все они находятся в собрании ГХМАК. Это три живописных и пять графических работ художника. Среди них портрет Н. С. Гуляева, небольшие по формату пейзажи Горного Алтая («Река Элекмонар», «Чемал. Гора Верблюд», оба 1918), графический портрет художника Д. И. Кузнецова (1913), эскиз костюма «Любовник» (1918) и др.

Работа М. И. Курзина «Портрет Н. С. Гуляева» (1913) на сегодняшний день единственное крупное произведение этого мастера в собрании алтайского музея. На портрете изображен архивариус Главного управления Алтайского округа, краевед Николай Степанович Гуляев (1851–1918). Портрет поступил в музей в 1988 году из ГААК.

На портрете Н. С. Гуляев предстает сидящим за столом в своем рабочем кабинете. Волевая собранность ощущается в выражении его лица – строгих, собранных мыслью складках высокого лба, плотно сомкнутых губах, спокойном и уравновешенном взгляде. В образе портретируемого присутствует внутренняя динамика, движение неутомимой творческой мысли, бескомпромиссно взвешивающей и оценивающей. Портрет написан в свойственной для М. И. Курзина в те годы широкой живописной манере, но при этом художник очень бережно передает в нем реальные черты портретируемого, достоверно донося до нас его образ. Привлекает в портрете и звучная темпераментная игра тонко и сложно сгармонированных цветовых объемов и пятен – зеленых, желтых, коричневых, белых и черных.

С поездкой М. И. Курзина в Китай в 1919 году связаны две графические работы художника «Сидящая восточная женщина. Примадонна» и «Эскиз костюма «Любовник» из собрания ГХМАК. В Китае Курзин изучал искусство художников театра и сам работал в Пекине в качестве декоратора и портретиста, посещал театральные спектакли. Позднее, уже вернувшись на родину, в 1922 году под впечатлением увиденного художник создал альбом цветных автотрафаретов «Пекин. Героический театр», состоящий из 14 листов, ныне находящийся в собрании Государственного музея искусств Каракалпакии (Нукус). Известно, что в этот альбом вошли не все листы, сделанные художником на эту тему. Некоторые листы имели несколько вариантов. В ГХМАК представлены работы именно из этой серии. Грациозно

изогнувшаяся китайская красавица и молодой, богато одетый «Любовник», уверенно стоящий, широко расставив ноги и уперев руки в бедра, из коллекции алтайского музея отмечены присущим Курзину свободным, смелым, красочным рисунком кистью. Накатка краски в них сочетается с бережной, соответствующей натуре, прорисовкой отдельных деталей, передающих традиционную условность образов театральных героев. В них нашло отражение то, что больше всего поразило художника – красочность китайских костюмов, своеобразие и условность грима, яркость и интенсивность красок, необычность цветовых сочетаний.

Поиски непроторенных путей в искусстве, осознание себя первооткрывателем и активным участником новой послереволюционной жизни отличали также и творческую деятельность художницы Елены Людвиговны Коровай (1901–1974).

Родилась Е. Л. Коровай в Воронеже. Детство провела сначала в Харбине, а с 1913 года в Петербурге, где училась в Рисовальной школе Общества поощрения художеств у Н. К. Рериха и П. С. Наумова (1914–1917). В 1917 году с родителями она приехала в Барнаул.

В 1918 году Е. Л. Коровай стала членом АХО. Совсем еще юная она с головой окунулась в художественную жизнь Барнаула. Коровай руководила художественной студией при Алтайской губернской советской художественной школе, позже – при Алтайских художественных мастерских, где начинали свою учебу ставшие затем художниками Н. М. Мамонтов (позже взявший псевдоним Том Мамонтов), М. Е. Тверитинов, П. Варламов, В. П. Маркова. Вместе со своим мужем М. И. Курзиным Е. Л. Коровай принимала активное участие в организации в Барнауле Музея изящных искусств.

В основном фонде ГХМАК находятся четыре работы Е. Л. Коровай. Среди них пейзаж «Мостик в лесу» 1916 года, относящийся к раннему периоду творчества художницы. Произведение было подарено музею Е. Л. Коровай в 1968 году. Пейзаж выполнен в свободной манере. В работе нет крупных живописных масс и пятен, все в ней подчинено передаче эффекта солнечного света и трепетности воздуха. Как и европейские художники конца XIX – начала XX века Е. Л. Коровай уделяла большое внимание передачи освещения, в данном случае солнечного света, являющегося главным объединяющим и в то же время бесконечно изменчивым началом в природе. Пейзаж пленяет своей яркостью и изысканностью цветовых сочетаний. Обыденный на первый взгляд уголок природы под вдохновенной кистью Е. Л. Коровай приобретает подлинную художественную красоту. Говоря о раннем творчестве Коровай, искусствовед Л. И. Снитко отмечала, что «уже тогда художницу отличало знание русского и зарубежного искусства, тонкое эстетическое чутье» [10, с. 29].

Активным деятелем АХО был и барнаулец Василий Васильевич Карев (1886–1969). Художник учился в Казанской художественной школе (1905–1908), посещал студию П. И. Келина в Москве, а с 1909 по 1916 год был студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества, где учился у А. Е. Архипова, К. А. Коровина, Н. А. Касаткина, С. В. Малютина. В 1918 году он вернулся в Барнаул.

В настоящее время произведения В. В. Карева находятся в Государственной Третьяковской галерее, Ростовском областном музее изобразительных искусств, Нижнетагильском государственном музее изобразительных искусств, Тульском областном художественном музее и других.

В собрании ГХМАК представлены работы Карева, относящиеся к раннему периоду его творчества. Это пейзажи «Мертвый кедрач» (1918), «Горный Алтай. Озеро и ледник Малый Каракол» (1918), «Горный Алтай. Ледник Малый Каракол», «Ветреный день. Речка Зудиловка (в 19 км от Барнаула)», «Речка Зудиловка (от Барнаула в 19 км)». На примере этих произведений видно, что художник уделял большое внимание этюду, написанному на открытом воздухе. Он строил свои работы на тонких градациях цвета, мастерски объединяя, гармонизируя разные оттенки зеленого, коричневого, серого цветов, приводя их к единому колориту. Его пейзажи камерны по звучанию и достоверны в отображении увиденных художником мест. В отличие от М. И. Курзина, Е. Л. Коровай и В. Н. Гуляева, В. В. Карев не был склонен к экспе-

риментам в области искусства, в своих работах он опирался на реалистические традиции, выступая и в дальнейшем их продолжателем.

В конце 1919 – начале 1920 года в художественной жизни Сибири стали происходить серьезные изменения, напрямую зависящие от открытия Всероссийского отдела изобразительных искусств (отдел ИЗО) при Наркомпросе, связанные с созданием при отделах народного образования секций ИЗО. По своей сути секции ИЗО были новой формой организации, объединяющей художников на местах. Как правило, созданные секции ИЗО сливались с уже имеющимися местными обществами художников.

В январе 1920 года АХО прекратило свое существование. Вместо него стала действовать секция ИЗО при Алтайском губернском отделе народного образования. Об этом было сообщено в газете «Советская Сибирь»: «10 января 1920 года АХО передало Алтайскому губернскому отделу народного образования свою библиотеку, картины и прочее имущество. С этого же числа стала жить сменившая АХО секция ИЗО искусств» [14].

По-разному в дальнейшем сложилась судьба художников, организовавших и входивших в АХО. К середине 1920-х годов практически все они уехали из Барнаула. С 1922 года В. В. Карев, а с 1924 года А. О. Никулин стали жить в Москве. В 1924 году перебрался в Новониколаевск (ныне Новосибирск) В. Н. Гуляев. В 1924 году в Среднюю Азию уехали М. И. Курзин и Е. Л. Коровай.

Из бывших членов АХО в Барнауле остался Николай Николаевич Емельянов (1893–1968). Ученик Академии художеств (1913–1916), в 1918 году он вернулся в родной Барнаул. Известно, что в 1920-е годы совместно с учащимися Алтайских художественно-технических мастерских Емельянов выполнил ряд монументальных росписей, украсивших здания г. Барнаула, в том числе клуб Алтгубчека, Второй рабочий театр и др. С 1930-х годов он работал учителем рисования в школах города, вел изостудии, работал художником-оформителем на предприятиях и железной дороге [6, л. 1].

Творческое наследие Н. Н. Емельянова практически не сохранилось. В собрании ГХМАК находятся три живописные работы мастера: «Натюрморт с банкой компота и яблоками» (1957) и «Осенний натюрморт» (1959), относящиеся к позднему периоду его творчества, отличающиеся лаконичностью и четкостью построения, утверждающие ценность и достоинство, скрытые в обыденной жизни, и натурный пейзаж «Дунькина роща» (1953), посвященный Барнаулу. Эти произведения в 1988 году были подарены музею художником А. Е. Емельяновым, внуком Н. Н. Емельянова.

Художники, входившие в АХО, жили в сложное историческое время: смена общественного и политического строя, Гражданская война и иностранная интервенция. Это было время «стыка» старых и новых школ, годы, когда художники вели настойчивые поиски новых способов передачи действительности. Как и многие представители русской интеллигенции по всей стране, алтайские художники восприняли революцию как исключительное событие, имеющее огромное историческое значение и открывающее перед ними большие перспективы.

Сохранившееся творческое наследие членов АХО является для нас «наследием живым и ценным» [10, с. 14]. Оно свидетельствует о том, что алтайские художники считали себя творцами нового искусства и стремились доказать свою нужность новому обществу. Постоянно экспериментируя, они искали новые пути в искусстве, стремясь выработать свой стиль, отвечавший требованиям нового времени. Яркие и видные представители своего времени, художники АХО сыграли важную роль в становлении и развитии профессионального искусства на Алтаев первые годы советской власти.

Литература

1. ГААК. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 31.
2. Дариус Е. И. Барнаульский период творчества художника М. И. Курзина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1 (39), ч. 1. – С. 67–70.
3. Дариус Е. И. Импрессионизм в творчестве алтайских художников конца 1910–1920-х годов (на примере произведений из коллекции ГХМАК) // Образ земли в материальной и художественной культуре России: науч. исслед. в обл. искусствоведения и агрономии. – Барнаул, 2015. – С. 24–33.

4. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов. – Л.: Художник РСФСР, 1974. – 142 с.
5. Научный архив ГХМАК. – Ф. I. – Р. 4. – Д. 111.
6. Научный архив ГХМАК. – Ф. III. – Р. 4. – Д. 63.
7. Научный архив ГХМАК. – Ф. IV. – Р. 1. – Д. 22.
8. Научный архив ГХМАК. – Ф. IV. – Р. 1. – Д. 25.
9. Сазонова В. В. Творчество А. О. Никулина (1878–1945) // Искусство Алтая в Краевом музее изобразительных и прикладных искусств. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – С. 44–54.
10. Снитко Л. И. Первые художники Алтая. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 156 с.
11. Снитко Л. И. Художественная жизнь советского Алтая (10–30-е годы) // Изобразительное искусство Алтая. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977. – С. 5–23.
12. Снитко Л. И. Что мы знаем об АХО… // Молодежь Алтая. – 1967. – 23 дек. – С. 4.
13. Хроника художественной жизни Томска. 1909–1919 годы: к 90-летию Том. о-ва любителей художеств: (по мат-лам газ. «Сибирская жизнь»). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 170 с.
14. Филиппыч. Голосуем за большие достижения // Совет. Сибирь. – 1927. – 9 янв. – С. 4.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya [State Archive of Altai region]*, F. 141, Op. 1, D. 31. (In Russ.).
2. Darius E.I. Barnaul'skiy period tvorchestva khudozhnika M.I. Kurzina [Barnaul period of artist M.I. Kurzin's creative work]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]*. Tambov, Gramota Publ., 2014, no. 1 (39), part 1, pp. 67-70. (In Russ.).
3. Darius E.I. Impressionizm v tvorchestve altayskikh khudozhnikov kontsa 1910–1920-kh godov (na primere proizvedeniy iz kollektsii Gosudarstvennogo khudozhestvennogo muzeya Altayskogo kraya) [Impressionism in works of the Altai artists of the end of the 1910th – the 1920th (on the example of works from a collection of the State Museum of Art of Altai region)]. *Obraz zemli v material'noy i khudozhestvennoy kul'ture Rossii: nauchnye issledovaniya v oblasti iskusstvovedeniya i agronomii [The Image of the earth in material and art culture of Russia: scientific researches in the field of art criticism and agronomics]*. Barnaul, 2015, pp. 24-33. (In Russ.).
4. Muratov P.D. *Khudozhestvennaya zhizn' Sibiri 1920-kh godov [Art life of Siberia of the 1920th years]*. Leningrad, Hudozhnik RSFSR Publ., 1974. 142 p. (In Russ.).
5. *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo khudozhestvennogo muzeya Altayskogo kraya [Scientific archive of the State Museum of Art of Altai region]*, F. I, R. 4, D. 111. (In Russ.).
6. *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo khudozhestvennogo muzeya Altayskogo kraya [Scientific archive of the State Museum of Art of Altai region]*, F. III, R. 4, D. 63. (In Russ.).
7. *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo khudozhestvennogo muzeya Altayskogo kraya [Scientific archive of the State Museum of Art of Altai region]*, F. IV, R. 1, D. 22. (In Russ.).
8. *Nauchnyy arkhiv Gosudarstvennogo khudozhestvennogo muzeya Altayskogo kraya [Scientific archive of the State Museum of Art of Altai region]*, F. IV, R. 1, D. 25. (In Russ.).
9. Sazonova V.V. Tvorchestvo A.O. Nikulina (1878-1945) [A.O. Nikulin (1878-1945) creativity]. *Iskusstvo Altaya v Kraevom muzee izobrazitel'nykh i prikladnykh iskusstv [Art of Altai in the Regional museum of fine and applied arts]*. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, pp. 44-54. (In Russ.).
10. Snitko L.I. *Pervye khudozhniki Altaya [First artists of Altai]*. Leningrad, Hudozhnik RSFSR Publ., 1983. 156 p. (In Russ.).
11. Snitko L.I. Khudozhestvennaya zhizn' sovetskogo Altaya (10–30-e gody) [Art life of the Soviet Altai (10–30th years)]. *Izobrazitel'noe iskusstvo Altaya [Fine arts of Altai]*. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1977, pp. 5-23. (In Russ.).
12. Snitko L.I. Chto my znaem ob AKhO… [What we know about Altai art society…]. *Molodezh' Altaya [Youth of Altai]*, 1967, dec. 23, p. 4. (In Russ.).
13. *Khronika khudozhestvennoy zhizni Tomska. 1909–1919 gody: k 90-letiyu Tomskogo obshchestva lyubiteley khudozhestv: (po materialam gazety "Sibirskaya zhizn'") [Chronicle of art life of Tomsk. 1909–1919: on the 90th anniversary of the Tomsk society of fans of art: (on materials of the newspaper "Siberian life")]*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 2000. 170 p. (In Russ.).
14. Filippych. Golosuem za bol'shie dostizheniya [Vote for great achievements]. *Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia]*, 1920, Jan. 10, p. 4. (In Russ.).

УДК 008:392.16

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСТВА: ВОЗРАСТНЫЕ КРИЗИСЫ КАК ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ

Суворкина Елена Николаевна, кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (г. Рязань, РФ). E-mail: suvorkina@list.ru

В статье анализируется значимость синергетического подхода для изучения детства. Под синергетикой понимается наука, исследующая процессы самоорганизации в природе и обществе. Непосредственно синергетический подход в культурологии, направленный на изучение культуры, культурных явлений, социокультурных процессов, появился в конце XX века. Культура рассматривается как открытая, сложная, динамическая система, которую можно назвать диссипативной. Детское сообщество взаимодействует, главным образом, с сообществом взрослых, в результате чего происходит взаимообмен энергией, информацией и пр. В качестве методологии исследования используется такое направление синергетики, как социальная синергетика для изучения данного социокультурного феномена. Установлено, что Мир Детства – открытая, неустойчивая, нелинейная система, предполагающая кризисы, деструктивные отношения, хаос. В свою очередь кризисы отношений «Мир Детства – Мир Взрослых» провоцируют появление точек бифуркации – некое множество возможных путей развития, каждый из которых обусловлен одним из множества принятых решений. Данные процессы, являющиеся предметом изучения социальной синергетики, усиливаются и в определенной степени усугубляются спецификой антропологической синергетики. Каждого человека, в том числе ребенка, можно рассматривать как открытую, нелинейную, нестабильную, диссипативную систему. За точки бифуркации принимаются возрастные кризисы развития (временные границы детства – 0 и 12 лет) (кризис новорожденности, 1 год, 3 года, 7 лет, 11–12 лет), которые оказывают существенное влияние на многоаспектное формирование и развитие личности ребенка.

Ключевые слова: синергетика, социальная синергетика, синергетический подход, ребенок, точка бифуркации, аттрактор, возрастной кризис.

SYNERGETIC BASES OF CHILDHOOD AGE CRISES RESEARCH AS THE BIFURCATION POINTS

Suvorkina Elena Nikolaevna, PhD of Culturology, Head of Systematization Sector, Ryazan State University named for S. Esenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: suvorkina@list.ru

The article analyzes the significance of the synergetic approach to the study of childhood. By synergy it refers to the science that investigates the processes of self-organization in nature and society. Directly, the synergetic approach in culturology is aimed at the study of culture and cultural phenomena of sociocultural processes that emerged in the late twentieth century. Culture is seen as an open, complex, dynamic system, which can be called dissipative. Baby community interacts primarily with adult community, resulting in the energy interchange, information and so forth. As the research methodology used the direction of synergy as a social Synergetics to study the social and cultural phenomenon, it was found that the world of childhood is an open, unstable, nonlinear system, assuming crises, destructive relationships, chaos. Crises relations “World of Childhood – World of Adults” in turn, provoke the appearance of bifurcation points as a certain set of possible paths of development, each of which is caused by one of many taken decisions. The crisis between the world of adults and children in the family, in society leads children’s community to the point of bifurcation, which can provide a great number of actions, the results that can trigger chaos or order. One of these ways for the children’s community at the present time is to choose the form of autonomy of its space, isolation, a certain

degree of alienation as the subculture of childhood. These processes, which are the study subject of social synergy, strengthened and, to some extent, compounded by the specificity of anthropological synergy. Every person, including a child, can be regarded as open, nonlinear, unstable, dissipative system. The age crises of (temporary border childhood – 0 and 12 years old) (neonatal crisis, 1 year, 3 years, 7 years, 11–12 years) who have a significant influence on the formation of multifaceted and the child's personality development is accepted over the bifurcation point.

Keywords: synergy, social synergy, synergistic approach, child, bifurcation point, attractor, age crisis.

Синергетика: базовые категории

В современных исследованиях феномена детства высказываются различные точки зрения относительно оснований его природы. Большую популярность имеет позиция социокультурной природы. Так, И. С. Кон предлагает рассматривать «мир детства не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [7, с. 63]. А. А. Белик также считает, что «детство – это особый мир, своеобразная культура в культуре» [1, с. 202]. Но следует отметить, что при всей кажущейся полноте концепции, она не включает целую систему специфических черт, присущих детству. В этой связи следует обратиться к другой парадигме.

А. А. Белик, ссылаясь на теорию А. Крёбера, указывает, что «детство представляет собой… своеобразный культурный взрыв, период бурного роста и овладения культурными навыками, приносящий непосредственную радость маленькому человеку, входящему в безбрежный мир культуры» [1, с. 202]. Данное определение, как можно видеть, отражает не столько социокультурную природу детства, сколько синергетическую. Как считает А. А. Бесчасная, «существовавшие до недавнего времени диалектическо-материалистический и социокультурный подходы в науке… являются основами, которые по мере развития науки и общественной мысли требуют дополнения и переработки» [3, с. 42]. Несмотря на то, что приведенное суждение относится к такой науке, как социология детства, оно актуально и для всей науки в целом. Новым подходом, способным рассмотреть и решить многие проблемы, является синергетический подход, который, в частности, в социологии детства получил название теории социальной синергетики. Его приемлемо использовать при изучении детства в рамках теории культуры.

Известно, что синергетика – это наука, исследующая процессы самоорганизации в природе и обществе. Ее предметом являются, согласно позиции О. В. Митиной, А. П. Назаретяна и С. Я. Левит, «механизмы спонтанного образования и сохранения сложных систем, особенно находящихся в отношении устойчивого неравновесия со средой» [9, с. 423]. Следует обратить внимание, что синергетический подход в культурологии, направленный на изучение культуры, культурных явлений, социокультурных процессов, появился в конце XX века. Его достоинство, по мнению С. А. Ермолаевой, выражается в том, что он позволяет «учитывать проявление специфики функционирования механизмов самоорганизации и саморегуляции в культуре как открытой динамической системы» [4, с. 53].

Итак, культура – это открытая, сложная, динамическая система, которую можно назвать диссипативной. С точки зрения физиков П. Берже, И. Помо, К. Видаля (синергетика зародилась на стыке физики и химии), под динамической системой следует понимать любую систему вне зависимости от ее природы, «которая может принимать различные математические формы» [2, с. 5]. Мы целенаправленно не стали опускать понятие «математические», поскольку оно не чуждо культурологии и в настоящее время в таком направлении как математическая культурология разрабатывается, в частности И. Д. Колесиным, проблема математических моделей субкультур (см. [6]).

Диссипативные системы характеризуются такими свойствами, как: открытость, неравновесность и нелинейность, по мнению А. А. Бесчасной [3, с. 42]. Открытость предполагает обмен энергией (веществом, информацией и пр.) с внешней средой, а неравновесность – аналогичный обмен, но между элементами самой системы, то есть внутри диссипативной системы. В свою очередь нелинейность, как замечают Н. Г. Багдасарьян и Г. В. Иванченко, характеризуется не

линейностью развития процессов, а их многовариантностью, многообразием типов траекторий [8, с. 95]. Характер траектории и процессов задается в точках бифуркации – «точки ветвления, возможные пути развития», а также катастрофами – «резкие изменения поведения системы в ответ на изменение внешних условий» [8, с. 95]. В рамках концепции теории катастроф определяющими являются две важные тенденции. Во-первых, это аттрактор, который, с точки зрения физики, представляет собой асимптотический предел, «на который не оказывает прямого влияния начальное условие – исходная точка» [2, с. 5]. Это важное и необходимое условие, обеспечивающее возможность резкого изменения системы, причем в сторону порядка. А. М. Бекарев выделяет следующие символические аттракторы информационного общества: деньги, власть, бренд (слава) (см. [14, с. 561–570]).

Вторая тенденция – диссипативная: рассеивающая структура, наоборот, стремится к хаосу.

Как можно видеть, важным условием существования самоорганизующихся систем является сочетание хаоса и порядка, что особенно подчеркивается в теории синергетики. Как пишет А. А. Бесчасная, «порядок и хаос оказываются взаимосвязанными – дополняют друг друга так, что порядок не может существовать без поддерживающего его хаоса, ни хаос без порождающего его порядка» [3, с. 43]. Именно степень сочетания порядка и хаоса обуславливает развитие системы.

Следует отметить, что в настоящее время получила развитие теория так называемых «кентавр-идей», одним из основоположников которой является Ж. Т. Тощенко. Согласно его позиции, кентавр-идеи «нарушают линейность развития, ставят под сомнение его логику» [15, с. 4]. То есть кентавр-идеи также можно рассматривать как аттракторы. Ж. Т. Тощенко определяет несколько условий для появления кентавр-идей: разрыв между реальным воплощением чего-либо и представлением о нем; отвержение опыта при отсутствии нового решения проблем; смешение науки и идеологии; несоблюдение меры; шизофрения сознания; ангажированность; смешение различных концепций мировоззрения; «сознательная иррациональность»; «идеи-обманки». В результате кентавр-идеи рождаются по отношению к демократии, либерализму, свободе слова, правам человека.

Целесообразно применить более узкое направление синергетики – социальную синергетику – к исследованию детства как социокультурного феномена. Социальная синергетика также изучает, как пишет А. А. Бесчасная, общие закономерности социальной самоорганизации, которая определяется существующими внутри нее социальным порядком и социальным хаосом [3, с. 42].

Итак, общество – сложная, многоуровневая структура, состоящая из отдельных элементов (людей, сообществ, субкультур), обменивающихся энергией, информацией между собой, а также с внешней средой – природной и социальной (другими социальными системами). Общество как диссипативная система открыто, неравновесно и нелинейно.

В данной статье не будут рассматриваться крупные социальные системы. Следует обратиться, ввиду изучения феномена детства, к малой социальной системе – детскому сообществу, используя синергетический подход.

Субкультура детства в рамках синергетического подхода

Итак, детское сообщество, главным образом, взаимодействует с сообществом взрослых, в результате чего происходит взаимообмен энергией, информацией и пр. Мир взрослых нацелен на сохранение социального порядка в детском сообществе, но, важно напомнить, Мир Детства – открытая, неустойчивая, нелинейная система, предполагающая кризисы, деструктивные отношения, хаос. В свою очередь кризисы отношений «Мир Детства – Мир Взрослых» провоцируют появление точек бифуркации – некое множество возможных путей развития, каждый из которых обусловлен одним из множества принятых решений.

В последнее десятилетие в научной печати все более отчетливо позиционируется мысль о назревающей конфронтации этих миров. С. Л. Шалаева, занимающаяся вопросами синергетики детства, пишет: «Глобализация и постмодернизм стали новой формой социокультурной реальности, особым образом влияющей на феномен детства в современном обществе, став новым вызовом его стабильному существованию. На фоне этих процессов ведущей тенденцией развития со-

временной человеческой цивилизации стало изменение культурно-исторического и социального статуса детства в системе общества, характеризующегося ростом кризисности в отношениях Мира Детства и Мира Взрослых» (см. [14, с. 524]).

На такой рост кризисности обращают внимание следующие ученые.

Е. М. Рыбинский согласен с рядом исследователей, которые указывают на кризисный период детства [13, с. 14–15], видя его причины в возросшей информированности детей по ранее запретным темам, в негативном воздействии массмедиа и пр. Он пишет, что сам «термин “детство” заменяется неопределенными понятиями “социальная история взросления”, “будущее взросление”» [13, с. 15].

Д. И. Фельдштейн также говорит о том, что «детство оказалось в социально-психологическом кризисном состоянии» [16, с. 2].

С. Ю. Митрофанова, интерпретируя концепцию Д. Б. Эльконина, В. И. Слободчикова, Ю. В. Овиновой, пишет о современном кризисе российского детства как об «особом критическом периоде в историческом развитии детства, когда расходятся процессы взросления и освоения культуры, которые были слиты воедино в предыдущие эпохи» [10].

Е. И. Исакович, говоря о детстве как об особой форме самоорганизации и обозначая вопрос, в чем заключается смысл кризиса детства, приходит к следующему выводу: «…это – в значительной степени кризис наших педагогических и антропологических представлений по поводу реальных сложных ситуаций современного детского воспитания» [5, с. 26]. Если рассматривать проблему шире, то по сути взрослые не понимают до сих пор, что представляет собой детство. Это непонимание является одной из причин, порождающих кризис. Именно поэтому сегодня особо остро стоит вопрос о кризисе семьи – определенном локусе, где пересекаются Мир Взрослых и Мир Детей. Хотя на сегодняшний день разработано большое количество концепций, теорий, объясняющих причины кризиса семьи (в частности, Т. А. Репина установила, что кризис семьи провоцирует тип производства) [12, с. 314], тем не менее определяющим целесообразно считать непонимание и незнание взрослых Детства. Как пишет Д. И. Фельдштейн, «детство сегодня – сложное и трудное, открываемое и непонимаемое явление» [16, с. 3]. Необходимо заметить, что ребенок чувствует это, а сложившаяся кризисная ситуация между Миром Взрослых и Детей в семье, в обществе приводит детское сообщество к точке бифуркации, которая может предоставить огромное число действий-результатов, способных инициировать хаос или порядок. Одним из таких путей детское сообщество на настоящее время выбрало форму автономизации своего пространства, обособления, в определенной степени отчуждения, – субкультуру детства, которая в силу физических и умственных особенностей ее «адептов» еще не носит маргинальный характер, что усиливается в подростковом возрасте и становится заметным в молодежной субкультуре.

Как пишет С. Л. Шалаева, «дети становятся столь же бифуркационны в их воспитании и устремлениях, как в среднем большая часть населения стран, находящихся в инверсии глобальных процессов. <…> Детство может рассматриваться как результат и одновременно как один из важнейших элементов бифуркационных механизмов социальных революций народов мира в их истории и истории человечества в целом, в том числе на его современном витке, фиксируемом наукой в понятиях глобализации и постмодернизма» (см. [14, с. 527]). Это подтверждает слова И. Пригожина: «Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы» [11, с. 51].

Данные процессы, являющиеся предметом изучения социальной синергетики, усиливаются и в определенной степени усугубляются спецификой антропологической синергетики. Думается, что каждого человека, в том числе ребенка можно рассматривать как открытую, нелинейную, нестабильную, диссипативную систему. За точки бифуркации принимаются возрастные кризисы развития (временные границы детства – 0 и 12 лет) (кризис новорожденности, 1 год, 3 года, 7 лет, 11–12 лет), которые оказывают существенное влияние на многоаспектное формирование и развитие личности ребенка. Д. Б. Эльконин выявил суть общего признака критического периода, которая заключается в том, что усложнение отношений между ребенком и взрослым – есть основание для их обновления [17, с. 43]. Отсутствие правильной «диагностики» этих сим-

птомов также приводит к формированию возрастных субкультур – субкультуры детства.

Таким образом, синергетический подход к изучению феномена детства позволяет рассмотреть его как открытую, нелинейную, диссипативную систему. Он предоставляет возможность объяснить специфику появления и развития возрастных кризисов.

Литература

1. Белик А. А. Культурная (социальная) антропология. – М.: РГГУ, 2009. – 613 с.
2. Берже П., Помо И., Видаль К. Порядок в хаосе. О детерминистском подходе к турбулентности. – М.: Мир, 1991. – 366 с.
3. Бесчасная А. А. Детство: история и современность. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 181 с.
4. Ермолаева С. А. Методология превентивной педагогики XX века: культурологический подход к исследованию. – М.: МГОУ, 2007. – 579 с.
5. Исакович Е. Кризис детства как проблема // Alma Mater. – 1996. – № 6. – С. 25–26.
6. Колесин И. Д. Математические модели субкультур. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 134 с.
7. Кон И. С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
8. Культурология / Н. Г. Багдасарьян [и др.]; под ред. Н. Г. Багдасарьян. – М.: Высш. шк., 2005. – 709 с.
9. Культурология. XX век: слов. / сост. С. Я. Левит. – СПб.: Университет. кн., 1997. – 640 с.
10. Митрофанова С. Ю. Концептуализация основных подходов к изучению детства в социологии [Электронный ресурс] // Центр изучения молодежи «ПОКОЛЕНИЯ.NET». – URL: http://region.3ebra.com/generation/publications/publication28 (дата обращения: 01.10.2016).
11. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
12. Репина Т. А. Кризис современной семьи: причины, особенности, последствия // Вест. Тамбов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 6. – С. 313–317.
13. Рыбинский Е. М. Феномен детства в современной России // Педагогика. – 1996. – № 6. – С. 14–18.
14. Синергетическая парадигма / отв. ред. В. В. Василькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – Т. 6: Социальная синергетика. – 688 с.
15. Тощенко Ж. Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социол. исслед. – 2011. – № 12. – С. 3–13.
16. Фельдштейн Д. Феномен Детства и его место в развитии современного общества // Воспитание школьников. – 2005. – № 4. – С. 2–8.
17. Эльконин Д. Б. Избр. психол. тр. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

References

1. Belik A.A. *Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya [Cultural (social) anthropology]*. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 2009. 613 p. (In Russ.).
2. Berzhe P., Pomo I., Vidal' K. *Poryadok v khaose. O deterministskom podkhode k turbulentnosti [The order in chaos. About deterministic approach to turbulence]*. Moscow, World Publ., 1991. 366 p. (In Russ.).
3. Beschasnaya A.A. *Detstvo: istoriya i sovremennost' [Childhood: history and modernity]*. St. Petersburg, Nestor History Publ., 2007. 181 p. (In Russ.).
4. Ermolaeva S.A. *Metodologiya preventivnoy pedagogiki XX veka: kul'turologicheskiy podkhod k issledovaniyu [The methodology of preventive pedagogy of the twentieth century: the cultural approach to the study]*. Moscow, MGOU Publ., 2007. 579 p. (In Russ.).
5. Isakovich E. Krizis detstva kak problema [Crisis of childhood as a problem]. *Alma Mater [Alma Mater]*, 1996, no. 6, pp. 25-26. (In Russ.).
6. Kolesin I.D. *Matematicheskie modeli subkul'tur [Mathematical models of subcultures]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2007. 134 p. (In Russ.).
7. Kon I.S. *Rebenok i obshchestvo [The child and society]*. Moscow, Academy Publ., 2003. 336 p. (In Russ.).
8. *Kul'turologiya [Cultural]*. Ed. N.G. Bagdasar'yan. Moscow, Higher School Publ., 2005. 709 p. (In Russ.).
9. *Kul'turologiya. XX vek. Slovar' [Cultural. The twentieth century. Dictionary]*. Comp. S.Ya. Levit. St. Petersburg, University Book Publ., 1997. 640 p. (In Russ.).
10. Mitrofanova S.Yu. *Kontseptualizatsiya osnovnykh podkhodov k izucheniyu detstva v sotsiologii [Conceptualization of the main approaches to the study of childhood in sociology]*. (In Russ.). Available at: http://region.3ebra.com/generation/publications/publication28 (accessed 01.10.2016).

11. Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti [Philosophy instability]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, 1991, no. 6, pp. 46-52. (In Russ.).
12. Repina T.A. Krizis sovremennoy sem'i: prichiny, osobennosti, posledstviya [Modern family crisis: causes, characteristics, consequences]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki [Vestnik Tambov State University. Ser. Humanitarian sciences]*, 2008, no. 6, pp. 313-317. (In Russ.).
13. Rybinskiy E.M. Fenomen detstva v sovremennoy Rossii [The phenomenon of childhood in modern Russia]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 1996, no. 6, pp. 14-18. (In Russ.).
14. *Sinergeticheskaya paradigma. Tom 6. Sotsial'naya sinergetika [Synergistic Paradigm. Vol.* 6. *Social Synergetics]*. Executive ed. V.V. Vasilkova. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2009. 688 p. (In Russ.).
15. Toshchenko Zh.T. Kentavr-idei kak deformatsiya obshchestvennogo soznaniya [Centaur ideas as a deformation of social consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2011, no. 12, pp. 3-13. (In Russ.).
16. Fel'dshteyn D. Fenomen Detstva i ego mesto v razvitii sovremennogo obshchestva [Childhood phenomenon and its place in the development of modern society]. *Vospitanie shkol'nikov [Education for pupils]*, 2005, no. 4, pp. 2-8. (In Russ.).
17. El'konin D.B. *Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]*. Moscow, Education Publ., 1989. 560 p. (In Russ.).

УДК 130.2

«МОДЕЛЬ МИРА» В ПАРАДИГМАХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Пивторак Евгения Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры художественной культуры и декоративно-прикладного творчества, Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, РФ). E-mail: evgeniy143@mail.ru

В статье осуществляется анализ, который показывает, что отраслевые определения гуманитарными науками понятий «картина мира» и «модель мира» имеют выраженную специфику. Но при этом каждая из изучаемых концепций учитывает связь модели мира с мировоззрением, бытованием в соответствующей знаковой системе. В работе осуществляется экспликация этих понятий, которая демонстрирует их специфику и важность исследования в современной науке. Выдвигается теория, что рассмотрение этих концепций можно подразделить на абстрактно-функциональный подход и семиотический. Абстрактно-функциональный взгляд предполагает рассмотрение понятия «картина мира» в глобальных масштабах, применимых практически к любой сфере культуры (языку, менталитету, мировоззрению и т. д.). Автору импонирует семиотический подход – рассмотрение модели мира через призму мифопоэтических воззрений, семантику и символику фольклорных текстов. В заключении, опираясь на проделанный анализ, автором дается определение: модель мира – это концепт, содержащий систематизированную сумму представлений этноса о мире, сформированный на определенном этапе развития и заложенный в мифопоэтическую версию. Таким образом, понятие модель мира воплощает в себе представления о структуре мироздания, о компонентах, связывающих эту структуру.

Ключевые слова: модель мира, картина мира, мировоззрение, культура, концепт, языковая система, этническая картина мира, фольклор.

"WORLD MODEL" IN PARADIGMS OF HUMANITARIAN STUDIES

Pivtorak Evgeniya Vladimirovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Art Culture and Arts and Crafts, Altai State University of Culture (Barnaul, Russian Federation). E-mail: evgeniy143@mail.ru

The article contains an analysis that shows that the industry definition of the humanities concepts of the "world view" and "model of the world" that have a pronounced specificity. But each of the concepts takes into

account the model of the relationship of the world with the world view, and the presence of the corresponding sign system. The work of the explication of these concepts that demonstrates their specific character and importance of research in modern science. It is believed that the consideration of these concepts can be divided into abstract, functional and semiotic approach. An abstract functional form involves consideration of the "world picture" concepts on a global scale, applicable to almost any field of culture (language, mentality, worldview, etc.). Impressed with the semiotic approach of the author – the review of the model of the world – through the prism of mythological representations, semantics and symbolism of folklore texts. In conclusion, based on the analysis, the author gives a definition "a model of the world as a concept that includes systematized ideas ethnic group in the world formed at a certain stage of development and inherent to the poetic version." Thus, the concept of the world model embodies the knowledge about the structure of the Universe on the components, linking this structure. Therefore, the "world model" concept as a construct that a system, special set of elements, together representing the human world, is the most productive for the study of archaic and traditional cultures.

Keywords: world model, world, world view, culture, concept, language system, ethnic picture of the world, folklore.

Современная наука пришла к очевидному выводу, что актуальные проблемы общества, связанные с этническими и социальными разногласиями возможно разрешить, обратившись к наследию традиционных культур. На протяжении многих веков выработанные механизмы взаимодействия различных поколений, социальных, этнических и религиозных групп, их мировоззрение оформлялись в сакральные и мифопоэтические тексты, в произведения устного народного творчества. Отсюда, изучение этого материала и мировоззрения архаических и традиционных культур стало столь популярным в областях различных гуманитарных наук. Такие понятия, как «картина мира» и «модель мира» используются достаточно активно в исследованиях, касающихся данной проблематики. Контекст их употребления показывает, что эти понятия не являются синонимами, хотя употребляются как близкие по значению термины. Цель данного исследования – проанализировать данные определения в рамках философии, культурологии, этнологии, лингвокультурологии и эксплицировать понятие «модель мира».

В разных науках существует ряд понятий, которые представляют психологические, культурологические, лингвистические, логические, философские модели объективного мира: картина мира, образ мира, модель мира, концептуальная картина мира, концептуальная система, индивидуальная когнитивная система, мировидение.

Такие исследователи в области лингвокультурологии, как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева, В. А. Маслова, Г. А. Золотова и др. считают, что понятие «картина мира» – «это результат переработки информации о среде и мире. Человек стремится создать себе простую и ясную картину мира для того, чтобы попытаться заменить объективный мир "картиной"», созданной субъектом. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый посвоему. В эту картину и ее оформление человек воплощает свое мировоззрение [10, с. 62]. Можно сказать, что картина мира – это особое видение мира, не буквальная копия с оригинала, а фиксация черт, наиболее значимых для этноса, общества или отдельно взятого человека.

В содержательной стороне языковой системы этноса воплощается картина мира. Исследователи подчеркивают, что именно язык служит основным способом формирования и передачи знаний человека о мире. Когнитивная лингвистика использует термин «концепт» и понятие «концептуальная картина мира». «Концепт» – это семантическое образование, которое тем или иным образом характеризует носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира [10, с. 42]. В когнитивной лингвистике концепт является базой языковой картины мира. Самые важные концепты кодируются в языке.

Говоря о концептуальных системах, по мнению В. А. Масловой, можно выделить следующие этапы их формирования в сознании человека: невербальный (доязыковой) и вербальный (языковой); и такие их свойства, как изменчивость (это

связано с накоплением опыта и приобретением новых знаний) и логичность (это связано с особенностями процесса построения концептуальной системы в сознании).

Наш анализ показал, что представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, восходит к идеям В. фон Гумбольдта, Й. Л. Вайсгербера, Л. Витгенштейна, получившим свое выражение в рамках знаменитой гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа, полагающих, что язык – это не просто инструмент для воспроизведения мыслей, он сам формирует наши мысли [14; 17]. Язык, согласно этой теории, является основой той картины мира, которая складывается у каждого человека и приводит в порядок огромное количество предметов и явлений, наблюдаемых в окружающем мире. Давая название неизвестному, человек включает новое понятие в ту систему понятий, которая уже существует в его сознании [1].

Таким образом, «картина мира» – это совокупность представлений о мире, которые отражаются в содержательной стороне языковой системы этноса. Язык здесь выступает, с одной стороны, как инструмент кодирования определенных концептов, которые можно расшифровать, с другой стороны, он как носитель передает заложенную информацию. Например, исследования В. Масловой, П. Червинского, Г. Гачева и др. выделяют характерные для русского языка концепты природы (поле, лес, река и др.), чисел (три, семь, двенадцать и мн. др.), которые несут в себе глубокий, зачастую амбивалентный смысл. Универсальность языковой системы заключается в том, что в ней содержатся смыслы, которые сформировались у человека в архаический период (время первоначального осмысления бытия), и последующие напластования смысловых оттенков.

Можно заключить, что понятие «картина мира» функционально определяется следующим образом: лингвокультурология акцентирует, прежде всего, такую функцию, как знаковость. То есть эта наука рассматривает язык как семиотическую систему, которая создает и оформляет картину мира каждого этноса. Язык, далее, имеет утилитарную функцию как механизм коммуникации, в процессе которой поколения воспринимают и транслируют картину мира этноса.

Основная функция в понимании «картины мира» для этнологии – утилитарность. Историческая этнология исследует понятие «картина мира», ее формирование, структуру и варианты трансформации. Внимание на взаимосвязь ментальности этноса с его мировоззрением (картиной мира) обратили исследователи в области этнологии: Ф. Боас, К. Гирц, С. В. Лурье, Р. Редфильд и др. Этническая картина мира – это представление о бытии, присущем членам одного этноса. Они выражаются в философской, литературной, мифологической традициях; современной идеологии и т. п.

Этническая картина мира значительно меняется с течением времени, при этом люди не всегда осознают культурные разрывы, которые могут быть очевидны для исследователя. Неизменными оказываются лишь логически необъяснимые, принятые в этнической картине мира за аксиому, блоки, которые внешне могут выражаться в самой разнообразной форме. На их основе этнос выстраивает новые и новые картины мира – такие, которые обладают наибольшими адаптивными свойствами в данный период его существования.

Из осуществленного анализа определений и концепций, можно сказать, что «картина мира» в рамках этнологии – это структура, включающая специфическое мировоззрение определенного этноса. Она содержит представления об окружающей среде, о собственной роли этноса в мире, о ценностных установках, присущих ему. Также изучение «картины мира» определенного этноса помогает понять поведенческие особенности того или иного этноса и имеет защитную функцию. Следовательно, для «этнической картины мира» в приоритете адаптивная функция, которая выступает как защитный механизм (то есть утилитарность). На втором месте – системность (классификация и систематика явлений, составляющих мировоззрение этноса). И, наконец, семиотическая система (знаковость).

В таком случае анализ понятия «картина мира» позволяет сделать предварительный вывод, что отраслевая специфика гуманитарных наук обуславливает следующую структуру определений: для лингвокультурологии более всего применителен термин «языковая картина мира», для этнологии – «этническая картина мира». В философии и культурологии, в силу их специфики, превалиру-

ют термины «картина мира», «модель мира», «художественная модель мира», «мифологическая модель мира».

Философы А. Бердяев, П. Флоренский, М. Хайдеггер и др., культурологи В. Н. Васильева, А. Я. Гуревич, Ю. Рыжов, А. Я. Флиер и др. исследовали тематику, связанную с картиной мира. Суть проблемы в интерпретации понятий заключается в фундаментальных междисциплинарных связях философии и культурологии. Для каждой сферы знания эти понятия будут представлять разное значение, ведь при анализе понятия «картина мира» открываются лингвистические, этнические, семиотические аспекты, которые уводят исследователя в ту или иную область.

В исследованиях М. Г. Корсунцева содержится определение интересующего нас понятия и описание процесса моделирования как фундаментального для человеческого сознания упорядочивания частей в целое.

М. К. Мамардашвили, В. А. Кутырев, П. Ю. Черносвитов рассматривали понятия «человек-мир», «субкультура», «модель поведения и взаимодействия». Они имеют непосредственное отношение к понятию «модель мира». Так, первое понятие отражает место человека в мире. С одной стороны, человек, как составляющая часть этого мира, с другой – человек, создающий мир (творчество, наука, культура). «Субкультура» (как подкультура) предстает как уменьшенная модель, отражающая и составляющая часть всей культуры. «Модель поведения и взаимодействия» – это также определенные поведенческие формулы, составляющие законы функционирования всей модели мира.

Для того чтобы выявить суть понятия «модель мира» следует обратиться к определению понятия «модель». Словарная литература дает следующее значение термина: «модель – это тип, конструкт» [2, с. 550]. Тогда получается, что понятие «модель мира» означает не только видение мира, а конструкт этого видения, воплощенный в конкретную форму.

А. Косарев в проблематике анализа понятия «модель мира» разрабатывает концепцию «мифологической картины мира». Он считает что, человек, находясь в определенном социуме, сам создает желаемый мир в своем воображении. Точнее, – «модель» такого мира, единого и целостного, а потому комфортного и безопасного, где все находится на своем, положенном ему месте. Первой моделью (картиной) такого непротиворечивого и целостного мира, по мнению автора, была мифология [7, с. 207–210].

По мнению В. Н. Топорова, «модель мира» определяется как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах [15]. В. Н. Топоров рассматривает, главным образом, мифопоэтическую модель мира.

Б. Н. Путилов эксплицирует понятие модели мира, применительное к фольклору [12]. «Модель мира» определяется как сокращенное и упрощенное изображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте. Понятие «мир» понимается как «человек и среда в их взаимодействии» или как результат переработки информации о среде и о человеке. Переработка происходит как бы в два этапа: первичные данные, воспринятые органами чувств, подвергаются вторичной перекодировке с помощью знаковых систем. Следовательно, модель мира реализуется не как систематизация эмпирической информации, но как сочетание разных семиотических воплощений, ни одно из которых не является независимым: все они скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему, которой и подчиняются.

Лингвистический анализ устойчивых символов фольклора осуществил П. П. Червинский. Он вывел парадигматическую модель традиции. Данная модель отражает схему четырехчастного устройства мира с центром. П. П. Червинский подчеркивает, что выведенная им модель – это не модель мира в обычном понимании, не схема и не символ его устройства, она обладает свойством единой интерпретации самой себя в своих составляющих, включает номинативное и грамматическое, общее и конкретное, виртуальное и актуальное, парадигматику и синтагматику, морфологию и синтаксис [20].

Л. П. Гекман исследует модель мира мифопоэтики народов Сибири в контексте философско-культурологической парадигмы. Она разрабатывает идею виртуальной модели мира. По ее мнению, виртуальная вселенная представляется как условные «плюсы» и «минусы» – маркеры конеч-

ных точек эпической горизонтали и вертикали. Мир эпики конструируется посредством слова, и сказитель искусно управляет семантическими и символическими возможностями средств вербальной коммуникации [3, с. 222].

Из этого следует, что философский и культурологический подходы предполагают следующую иерархию функций: 1) системность (классификация и систематика явлений, составляющих мировоззрение этноса); 2) знаковость (как семиотическая система); 3) утилитарность (система коммуникаций). Для этого подхода определяющей является способность категорий, составляющих модель мира, отражать мировоззрение этноса.

В любой культуре модель мира представлена, прежде всего, в языковой системе: мифологической, философской, литературно-художественной. В архаических и традиционных культурах сакральные тексты являлись (являются) единственной (или основной) формой воплощения данной модели [3, с. 226]. Фольклорные тексты, изначально связанные с мифологией и сохраняющие традиционность бытования и исполнения, сохранили элементы модели мира, которые, можно воссоздать, а затем путем соединения фрагментов реконструировать мифологическую картину мира. Но следует сказать: модель не подлежит точной реконструкции, а соответствие ее «картине» всегда примерно. Возможно, поэтому каждый исследователь приходит к собственной концепции картины мира.

По нашему мнению, рассмотрение всех этих концепций можно разделить на следующие подходы: абстрактно-функциональный и семиотический. Абстрактно-функциональный взгляд предполагает рассмотрение понятия «картина мира» в глобальных масштабах, применимых практически к любой сфере культуры (языку, менталитету, мировоззрению и т. д.). Семиотический подход подразумевает рассмотрение модели мира через призму мифопоэтического мировоззрения, семантику и символику фольклорных текстов.

Анализ показал, что отраслевые определения гуманитарными науками интересующих нас понятий «модель мира» и «картина мира» имеют конкретные особенности. Каждая из рассмотренных концепций учитывает взаимосвязь картины мира с мировоззрением и бытованием в соответствующей знаковой системе. Если синтезировать вышеизложенное, то следует, что «картина мира» – это отражение определенного видения, и, скорее, художественная переработка информации, идей, воплощенная в образах. Главной ее особенностью является наличие определенной выразительности и эмоциональности. Исследуя формы традиционной культуры – фольклор, сакральные и мифологические тексты, которые представляют собой сложный синтез устойчивых компонентов и формул, следует применять понятие «модель мира», так как наличие устойчивых формул – это особая форма художественности, не такая, как в искусстве, то есть мы не можем здесь говорить о картине мира. Поэтому понятие «модель мира» как конструкт, система, особый набор элементов, в совокупности представляющих мировоззрение человека, представляется наиболее продуктивным для исследования архаических и традиционных культур.

Литература

1. Андреева В. А. Древо-Дерево миропонимания – основа миропонимания системы категорий диалектики как ступеней познания // Формирование научной картины мира человека XXI века: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / ред. А. В. Петров. – Горно-Атайск: ПАНИ, 2006. – С. 154–159.
2. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
3. Гекман Л. П. Мифопоэтика народов Сибири: персоносфера и модель мира: монография. – Барнаул: АлтГТУ, 2005. – 295 с.
4. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
5. История русской философии / А. И. Абрамов, Л. Р. Андреева, В. Н. Жуков. – М.: Республика, 2001. – 639 с.
6. Корсунцев М. Г. Прикладная философия: субъект и технологии. – М.: Рос. филос. о-во, ИПК госслужбы, 2001. – 356 с.
7. Косарев А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. – М.: ПЭРСЭ; СПб.: Университет. кн., 2000. – 304 с.
8. Культурология XX века: энцикл. – СПб.: Университет. кн.: Алетейя, 1998. – Т. I. – 447 с.
9. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.

10. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
11. Михайлова Е. В. Понятие «картина мира» в проблемном пространстве этнологии // Культура трансграничной области на Алтае как основание архитектурного и художественного образования: мат-лы науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Барнаул: АлтГТУ, 2013. – С. 151–154.
12. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/084/index.htm/. – Загл. с экрана.
13. Ростошинский Е. Н. Культурология и глобальные проблемы современности // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: мат-лы науч.-метод. конф. – СПб.: С.-Петерб. филос. о-во. Сер. “Symposium”. – 2001. – Вып. 11. – С. 140–144.
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
15. Топоров В. Н. Заговоры и мифы // Мифы народов мира: энцикл. – М.: Совет. энцикл. – 1998. – Т. 1. – 389 с.
16. Уайтхед А. Н. Избр. раб. по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 716 с.
17. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – 1960. – С. 135–198.
18. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
19. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1990. – 207 с.
20. Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1989. – 224 с.

References

1. Andreeva V.A. Drevo-Derevo miroponimaniya – osnova miroponimaniya sistemy kategoriy dialektiki kak stupeney poznaniya [Tree-Tree Outlook – the basis of understanding of the system of categories of dialectics as the stages of knowledge]. *Formirovanie nauchnoy kartiny mira cheloveka XXI veka: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Formation of scientific picture of the world of the XXI century: materials of the international scientific and conference]*. Ed. A.V. Petrov. Gorno-Altaysk, PANI Publ., 2006, pp. 154-159. (In Russ.).
2. Kuznetsov S.A. *Bol’shoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka [The Great Dictionary of the Russian Language]*. St. Petersburg, Norint Publ., 2003. 1536 p. (In Russ.).
3. Gekman L.P. *Mifopoetika narodov Sibiri: personosfera i model’ mira. Monografiya [Mifopoehtika peoples of Siberia: personosfera and model of the world. Monograph]*. Barnaul, AltGTU Publ., 2005. 295 p. (In Russ.).
4. Gurevich A.Ya. *Srednevekovyy mir: kul’tura bezmolvstvuyushchego bol’shinstva [Medieval world: culture of the silence majority]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 396 p. (In Russ.).
5. Abramov A.I., Avdeeva L.R. Andreev A.L., Zhukov V.N. *Istoriya russkoy filosofii [History of Russian philosophy]*. Moscow, Respublika Publ., 2001. 639 p. (In Russ.).
6. Korsuntsev M.G. *Prikladnaya filosofiya: sub”ekt i tekhnologii [Applied philosophy: subject and technology]*. Moscow, Rossiyskoe filosofskoe obshchestvo, IPK gossluzhby Publ., 2001. 356 p. (In Russ.).
7. Kosarev A. *Filosofiya mifa: Mifologiya i ee evristicheskaya znachimost’ [Mythology and its heuristic significance]*. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 304 p. (In Russ.).
8. *Kul’turologiya XX veka. Entsyklopedya [Culturology XX veka. Encyclopedia]*. Ed. S.Ya Levit. St. Petersburg, Universitetskaya kniga: Aleteyya Publ., 1998, vol. 1. 447 p. (In Russ.).
9. Lur’e S.V. *Istoricheskaya etnologiya [Historical ethnology]*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1997. 448 p. (In Russ.).
10. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku [Introduction to cognitive linguistics]*. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2006. 296 p. (In Russ.).
11. Mikhailova E.V. Ponyatie “kartina mira” v problemnom prostranstve etnologii [The Concept of “picture of the world” in the problematic space of Ethnology]. *Kul’tura transgranichnoy oblasti na Altae kak osnovanie arkhitekturnogo i khudozhestvennogo obrazovaniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [The culture of transboundary region in the Altai as the basis of the architectural and art education: materials of the scientific and practical conference with international participation]*. Ed. M.Yu. Shishin. Barnaul, AltGTU Publ., 2013, pp. 151-154. (In Russ.).
12. Putilov B.N. *Fol’klor i narodnaya kul’tura [Folklore and folk culture]*. (In Russ.). Available at: http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/084/index.htm
13. Rostokinskiy E.N. Kul’turologiya i global’nye problemy sovremennosti [Culturology and global problems of the day]. *Formirovanie distsiplinarnogo prostranstva kul’turologii. Materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii. [Formation of a disciplinary space of culturalogy. Materials of scientific and methodical conference (St. Petersburg, 16 january 2001)]*. Ed. E.G. Sokolov. St. Petersburg, St. Petersburg philosophical society Publ. Series “Symposium”, 2001, iss. 11, pp. 140-144. (In Russ.).

14. Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i ku'turologii [Selected works on linguistics and culturalogy]*. Moscow, Progress Publ., 2001. 656 p. (In Russ.).
15. Toporov V.N. Zagovory i mify [Conspiracies and myths]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya [Myths of the World. Encyclopedia]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1998, vol. 1. 389 p. (In Russ.).
16. Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii [Selected works on philosophy]*. Moscow, Progress Publ., 1990. 716 p. (In Russ.).
17. Wharf B. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku. Nauka i yazykoznanie. Lingvistika i logika [The ratio of the norms of behavior and thinking to language. Science and linguistics. Linguistics and logic]. *Novoe v lingvistike [New in linguistics]*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, pp. 135-198. (In Russ.).
18. Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and Being: articles and speeches]*. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p. (In Russ.).
19. Tsiv'yan T.V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoy modeli mira [Linguistic basis of the Balkan model of the world]*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 207 p. (In Russ.).
20. Chervinskiy P.P. *Semanticheskiy yazyk fol'klornoy traditsii [Semantic language of folklore traditions]*. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 1989. 224 p. (In Russ.).

УДК 008

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ XX ВЕКА

Шушляева Оксана Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, соискатель кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: shushlyaeva73@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена «динамика культуры». В современных гуманитарных науках часто используется понятие «динамика культуры» как базовое для представления и интерпретации разного рода видоизменений и трансформаций культуры, которые являются перманентным свойством культуры, а также причин, источников и факторов культурных процессов и модификаций. Понятие «социокультурная динамика» получило глубокое научное обоснование, широкое внедрение и использование во второй половине XX века, когда в теоретической и аналитической науке происходит расширение спектра представлений о преобразованиях, происходящих в культуре, предпосылках, истоках, источниках и движущей силе культурных изменений, а также о многообразии видов и форм культурной динамики. В статье рассматриваются работы ученых-культурологов и философов с точки зрения определения понятийного поля феномена «динамика культуры», представляются варианты интерпретаций концепта «динамика культуры» с разных познавательно-гносеологических позиций. В статье представлены позиции исследователей о сущностных характеристиках культурогенеза, который трактуется отдельными исследователями как один из видов культурной динамики. В работе выявляется общее и специфическое в понимании сущности исследуемого явления, а также представления отдельных авторов о механизмах изменений культурных паттернов, импульсах развития культуры, детерминантах культурных систем.

Ключевые слова: динамика культуры, изменение, культура, культурный процесс, культурогенез, понятие, развитие, система.

THE CONCEPTUALIZATION OF CULTURAL DYNAMICS IN THE STUDIES OF THE TWENTIETH CENTURY BY RUSSIAN AND FOREIGN SCIENTISTS

Shushlyaeva Oksana Nikolaevna, Sr. Instructor, Department of Foreign Languages, Applicant of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: shushlyaeva73@mail.ru

The article analyzes the studies of certain philosophers, historians and culture researchers devoted to the phenomenon of cultural dynamics. It defines the term cultural dynamics as a basic generic term used in the Science of Culture and the Humanities for interpreting all sorts of transformations and cultural fluctuations that are considered to be a permanent characteristic feature of culture. The article also points out the causes, sources and factors of cultural processes and modifications. The spectrum of scientific views on cultural transformations, sources and driving force of cultural changes as well as the variety of types and forms of cultural dynamics were expanded and enlarged in the second half of the twentieth century. At this period of time different scientists became focused on the concept of cultural dynamics and as a result it was profoundly analyzed and conceptualized. The article examines into some researchers' interpretations of the cultural dynamics concept based on various cognitive and epistemological views. The article shows some scientists's views on the essential characteristics of the culturogenesis, which is interpreted by number of researchers as a kind of cultural dynamics. It is regarded as a process of continuous genesis, permanent growth and development of new cultural forms and systems. The study tests a diversity of concepts that are correlated with the concept of social and cultural dynamics, identifying the concepts that are directly or indirectly related to the concept of cultural dynamics. It discovers some common and peculiar points in understanding the phenomenon of cultural dynamics. It is aimed to provide a number of the major concepts that cultural researchers have used.

Keywords: cultural dynamics, change, culture, cultural process, culturogenesis, concept, development, system.

Мыслители во все времена ставили вопросы о механизмах смены типов культуры, факторах развития отдельных культур и глобальной культуры. Через различные системы рассуждений и теории исследователи осуществляли попытки осмыслить происходящие трансформации культуры в социально-историческом контексте. Для описания исследуемых феноменов культуры формировался научный терминологический аппарат.

Одним из свойств культуры, бесспорно, являются изменения, благодаря которым осуществляется переход культуры из одного состояния в качественно иное. Как отмечают исследователи, «изменения, происходящие внутри культуры и во взаимодействии разных культур, для которых характерна целостность, наличие упорядоченных тенденций, а также направленный характер» стали определяться термином «динамика культуры», или «культурная динамика» [4, с. 174].

Впервые этот термин был введен в научный оборот П. А. Сорокиным в работе «Социальная и культурная динамика» [7]. Такие, активно используемые автором понятия, как «культура», «история», «изменение», «процесс», «развитие», «флуктуация», «преобразование», «трансформация», «эволюция», «прогресс», связаны с понятием «социокультурная динамика», синонимичны этому понятию или являются его составляющими. Исходя из данных, полученных в результате анализа монументального труда русско-американского исследователя, можно сделать вывод, что, социокультурная динамика, по П. А. Сорокину, – это социокультурные и исторические изменения, развитие, флуктуации или социокультурные процессы, происходящие под воздействием различных внутренних и внешних факторов. Очевидно, что весь труд Питирима Сорокина является попыткой декодировать явление, определить его сущностные характеристики, создать некую научную парадигму.

Введенное Питиримом Сорокиным в 1930-х годах понятие «социокультурная динамика» получило глубокое научное обоснование, широкое внедрение и использование во второй половине XX века. Именно в этот период в области научной теории и аналитики происходит расширение спектра представлений о трансформации культуры, предпосылках, истоках, источниках и движущей силе культурных изменений, а также о полиморфии видов и форм культурной динамики.

Американский ученый Фра́нц Бо́ас под динамикой культуры подразумевал процессы изменения в контексте определенной культуры, динамические изменения в обществе. Он полагал, что ученым следует переключить свое внимание от проблем эволюции и прогресса человеческой культуры к изучению конкретных культур как уникальных логически завершенных феноменов.

Исторический подход Ф. Боаса подразумевал, что каждая культура представляется как продукт исторического развития. Под влиянием Боаса началось более серьезное изучение динамики и реальных процессов культурных изменений, которые стали рассматриваться как необходимое условие должного осмысления истории культуры [12].

Американский антрополог, этнолог и культуролог Лесли А. Уайт в своих работах использует понятие «культурный процесс», который он описывает как поток взаимодействующих культурных элементов, то есть различных инструментов, верований, обычаев, которые составляют культуру [14]. В этом процессе происходит взаимное воздействие каждого элемента, вытеснение устаревших элементов новыми, образование комбинаций элементов и их синтез. Культурный процесс содержит в себе все взаимодействия, когда-либо происшедшие между культурными элементами в течение всего хода человеческой истории.

Представляя культурную систему в виде технологического, философского и социального горизонтальных слоев, Л. Уайт выделяет технологический фактор в качестве детерминанты культурной системы. Он определяет форму социальных систем, а технология с обществом вместе – содержание и направление философии. Л. Уайт формулирует один из главных принципов интерпретации культурных процессов: «…культура вырастает из культуры» [14].

Американский культурантрополог Альфред Луис Крёбер считается одним из первых ученых, который сформулировал научно обоснованную теорию макрокультурного развития в работе «Конфигурации развития культуры» [5]. В этой работе он исследует траектории развития отдельных ярко выраженных паттернов крупных цивилизаций и их взаимосвязи в рамках культурного целого. Развитие, по мнению А. Л. Крёбера, чаще всего происходит через бунт, разрушение старых культурных паттернов. Такого рода революция культурных паттернов ведет к росту культуры. А. Л. Крёбер вводит понятие «пульсация развития». «Пульсация развития», по А. Л. Крёберу, – это состояние культуры, когда «в развитии паттернов наблюдается остановка, после которой развитие возобновляется, сам же паттерн при этом непременно несколько видоизменяется» [5].

Культура, согласно А. Л. Крёберу, переживает развитие до кульминационного периода через импульсы. Таким образом, любая культура представляет собой единый процесс развития, в котором наблюдаются несколько основных импульсов. Продолжительные или короткие паузы в развитии культуры являются, по А. Л. Крёберу, неотъемлемыми составляющими единого процесса культурного роста. Толчки между интервалами остановки в развитии культуры описываются автором как периоды субразвития. После каждого кульминационного периода в развитии культуры, как отмечает А. Л. Крёбер, наступает период упадка, который характеризуется разложением, или атрофией [5].

Таким образом, А. Л. Крёбер не оперирует понятиями «культурогенез» или «динамика культуры», но дефиниция понятия «процесс культурного роста», активно используемая ученым, вполне соотносима с дефинициями этих понятий. В целом динамика культуры, по А. Л. Крёберу, – это суть процесс роста культуры, для которого характерны как плодотворные периоды или импульсы, являющиеся фазами единого процесса роста культуры, так и периоды регрессии или сдерживания. Нормой для культуры является «флуктуации культурной энергии». Согласно рабочей гипотезе автора, «причина флуктуации в том, что любое заметное культурное достижение опирается на приверженность определенному комплексу паттернов; чтобы стать действенными, они должны исключать иные возможности развития, следовательно, быть ограниченными; по мере развития эти паттерны постепенно исчерпывают себя; и прежде чем культура сможет продолжать двигаться к новым высоким достижениям, они должны прийти в упадок или исчезнуть, уступив место новым формам» [5].

Американский культурантрополог Дэвид Бидни в своей главной работе «Теоретическая антропология» исследует концепции культуры, проблемы культурной динамики, концепции культурного кризиса, способы культурной интеграции и т. д. В этой работе Д. Бидни выдвигает концепцию метаантропологии. Он подчеркивает, что это определение для особого рода теории, связанной с проблемами культурной реальности и природы человека. Таким образом, автор вводит название метаантропологии для науки о культуре [1].

Современный американский антрополог Роберт Карнейро в своих работах пытается диффе-

ренцировать понятия «культурные изменения», «культурный процесс» и «динамика культуры». По мнению Р. Карнейро, понятие «культурные изменения» шире, хоть и менее определено, чем понятие «динамика культуры», которое отождествляют с понятием «культурный процесс» [13].

Культура рассматривается как система, а под процессом понимается взаимодействие элементов системы, протекающее во времени по мере того, как одно состояние системы сменяется другим. Культурный процесс, или культурная динамика, по Р. Карнейро, это способ претерпевать изменения. Для постижения процесса необходимо изучить то, как текущее состояние системы преобразуется в другое состояние, что неизменно влечет за собой определенные изменения строения и конфигурации системы. Одна из главных целей при изучении протекания процесса – сформулировать действующие в нем природные законы. Научное понимание процесса достигается тогда, когда можно показать, что он является необходимым следствием известных законов.

Проблеме динамики культуры посвящены работы А. Я. Флиера. Динамика культуры, по А. Я. Флиеру, – это «процесс изменений культуры, происходящих с ней в ходе истории» [8, с. 12].

Историческая динамика культуры понимается и анализируется А. Я. Флиером как «развитие определенных тенденций, которые изначально присутствуют в культуре как потенции, а в ходе истории реализуются в фактических культурных процессах. Историческая динамика культуры обозначает системную совокупность тенденций культурной изменчивости, в которых выявляется определенный вектор направленности таких изменений» [8, с. 14].

По мнению А. Я. Флиера, причиной исторической динамики культуры, является историческое развитие форм и технологий человеческой деятельности и углубляющаяся ее профильная специализация. Таким образом, А. Я. Флиер определяет динамику культуры, или культурные процессы, как изменение во времени состояния культурных систем и объектов, а также типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами. А. Я. Флиер разводит понятия «культурные процессы» и «культурные события». Он не считает эти понятия тождественными, несмотря на то, что культурные процессы эмпирически проявляются в совокупности культурных событий: «Под культурными процессами имеются в виду типические, универсальные по масштабам распространения в разных культурах и устойчивые в своей повторяемости функциональные процедуры, поддающиеся классификации на основании общих признаков. Культурные же события – это конкретно-исторические частные случаи осуществления культурных процессов, обладающие уникальными чертами, вариативность которых определяется суммой условий и обстоятельств их протекания [10, с. 388]. По мнению А. Я. Флиера, динамика культуры проявляется, прежде всего, в культурных процессах.

В своих работах А. Я. Флиер часто использует понятие «социокультурная изменчивость», которую он определяет как «состояние, характерное активным развитием (модернизацией) основных системообразующих свойств культуры общества, их фундаментальных содержательных характеристик, наряду с обновлением форм ее частных компонентов» [11, с. 10].

В качестве основных событий культурной динамики, приводящих к историческим последствиям, автор выделяет: культурогенез; социокультурный прогресс; природно-социальный гомеостаз; деградация и гибель общества и его культуры.

А. Я. Флиер является одним из основателей общей теории культурогенеза. Ученый почти не разводит понятия «динамика культуры» и «культурогенез», а рассматривает культурогенез как один из видов культурной динамики. По мнению Флиера, культурогенез в самом широком понимании тождественен истории культуры, так как он есть процесс возникновения и непрерывного развития системы культуры [9, с. 140].

Культурогенез, по А. Я. Флиеру, заключается в порождении как новых культурных форм и их интеграции в существующие культурные системы, так и в формировании самих новых культурных систем и конфигураций. Сущность культурогенеза заключается в процессе постоянного самообновления культуры не только методом трансформации уже существующих форм и систем, но и путем возникновения и интеграции в практику новых феноменов, не существовавших в культуре ранее. Культурогенез не является однократным событием происхождения культуры в эпоху первобытной древности человечества, но

представляет собой процесс постоянного порождения новых культурных форм и систем.

Таким образом, в работах А. Я. Флиера используется ряд понятий, таких как «динамика изменчивости культуры», «историческая динамика/социодинамика культуры», культурные процессы», «социокультурная изменчивость», «культурогенез», – контекстуально синонимичных понятию «динамика культуры», или «культурная динамика».

В работе «История отечественной культурогенетики: опыт систематизации основных стратегий научного поиска» А. В. Бондарев [2] осуществляет попытку исследовать и обобщить труды российских ученых, посвященных изучению динамики культурогенеза, и свести воедино различные течения в культурогенетике, раскрыв развитие отечественных подходов применительно к теоретическим аспектам конкретно-исторического изучения культурогенеза.

А. В. Бондарев обращает внимание на противоречия между существующими в отечественной литературе стратегиями теоретического исследования культурогенеза. Он определяет характер и вектор этих противоречий. По мнению А. В. Бондарева, различия между отечественными теоретическими исследованиями культурогенеза носят терминологический, гносеологический и методологический характер. Причина существующих различий, по мнению автора, заключается, прежде всего, в различном понимании исходного понятия «культура», вследствие чего формируется разное понимание масштабов её динамики («культурогенеза»).

Понятия «культурогенез», «динамика культуры», «динамика культурогенетических процессов» используются автором как синонимы и служат для описания процессов самообновления культуры. В работе А. В. Бондарева также используется понятие «трансформация» в осмыслении ритмов и закономерностей социальных и этнокультурных изменений в контексте микро- и макропроцессов исторического развития [2].

Российский археолог, историк, культуролог В. С. Бочкарев также обозначает историко-культурную динамику понятием «культурогенез», понимая под культурной динамикой, или культурогенезом, «процесс всех тех изменений, которые приводили к возникновению и становлению новых культурных образований».

В. И. Лях понимает под культурогенезом сложный, постоянно развивающийся, интегративный процесс, способный к самовозобновлению, рождению новых форм и интеграции их в социальную практику. По словам В. И. Лях, культурогенез – это процесс, обладающий собственными имманентными особенностями, но развёртывающийся на одном общем фундаменте, построенном в результате формирования нации и её культуры [6].

Г. А. Аванесова исследует проблему развития культуры и излагает собственную интерпретацию динамики культуры с разных познавательно-гносеологических позиций. Она также дает определение понятию «динамика культуры».

Г. А. Аванесова определяет динамику культуры, или культурную динамику, как изменения внутри культуры и во взаимодействии разных культур, для которых характерна целостность, наличие упорядоченных тенденций, а также направленный характер. Также автор определяет динамику культуры как раздел теории культуры, в рамках которого изучаются процессы изменчивости в культуре, их обусловленность, направленность, сила выраженности, а также закономерности адаптации культуры к новым условиям, факторы, определяющие изменения в культуре, условия и механизмы, реализующие эти изменения.

Понятие динамики культуры, по мнению Г. А. Аванесовой, тесно связано с широко используемым в теории культуры понятием «культурные изменения», но не тождественно ему. Культурные изменения предполагают любые трансформации в культуре, в том числе такие, которые лишены целостности, ярко выраженной направленности движения [3, с. 99–100].

Культурные процессы, помимо культурологов, представляют интерес и для конкретных гуманитарных дисциплин. Наблюдение проявлений актуальной динамики доступно не только ученым, но и каждому человеку, который в течение жизни способен переживать подобные проявления в индивидуальной практике. Однако преходящие изменения в культурной практике, не способные закрепиться в глубоких пластах культурной жизни, не могут рассматриваться в качестве проявлений динамики культуры [4, с. 176].

Существуют разные подходы к исследованию культурной динамики, или культурного процесса. Во-первых, культурный процесс рассматривается как масштабный единый процесс, который охватывает все многовековые культурные традиции во всем их многообразии. Также исследованиям подвергаются отдельные значимые для культуры сегменты. Наряду с этим исследуются и составляющие культурного процесса или такие субпроцессы, как эволюция, изобретение, диффузия, аккультурация, интеграция, сегментация и др. С точки зрения синтеза культурный процесс как целое состоит из более мелких процессов, каждый из которых функционирует по своим собственным правилам и в то же время взаимодействует с другими. Кроме того, существуют исследования, посвященные изучению действия культурного процесса на определенных пространственно-временных участках.

Изучая культурную динамику, ученые уделяют особое внимание проблеме повторяемости в истории и в культурном процессе. Ряд историков считает, что история никогда не повторяется. П. Сорокин во всех своих исследованиях пытается опровергнуть данное утверждение. Согласно воззрениям Питирима Сорокина, история всегда повторяется, но, претерпевая определенные изменения, то есть никогда не повторяется в точности, а всегда с различными модификациями.

В работах, посвященных исследованию культурных процессов, выявляется огромная разнообразная палитра культурных процессов, которую составляют фазовый, или этапный тип культурной динамики; циклические изменения культуры; культурные процессы, составляющие основу духовной жизни человека и общества; трансформация культуры; культурный застой; кризис культуры; упадок или деградация культуры.

В целом, под понятием «динамика культуры» подразумеваются существенные изменения, происходящие в культуре под воздействием внешних и внутренних факторов. С помощью понятия «динамика культуры», или «культурная динамика», в современных гуманитарных науках описывают разнообразные видоизменения и преобразования культуры, а также их причины, источники, факторы и результаты.

В исследованиях зарубежных и российских ученых отсутствует единая точка зрения на «динамику культуры» на уровне дефиниции понятия. Однако существующие расхождения исследователей в трактовках динамики культуры не носят абсолютно противоречивый характер, а в целом дополняют друг друга. Таким образом, выявляются не концептуальные различия в понимании сущности динамики культуры, а разница в подходах к рассмотрению феномена.

Литература

1. Бидни Д. Культурная динамика и поиски истоков [Электронный ресурс] // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm#27 (дата обращения: 24.04.2016).
2. Бондарев А. В. История отечественной культурогенетики: опыт систематизации стратегий научного поиска [Электронный ресурс]. – URL: http://migha.ru/a-v-bondarev-istoriya-otechestvennoj-kuleturogenetiki-opit.html (дата обращения: 23.07.2016).
3. Культурология. XX век: слов. / ред. С. Я. Левит. – СПб., 1997. – 640 с.
4. Культурология. XX век: энцикл. / ред. С. Я. Левит. – СПб.: Университет. кн.: Алетейя, 1998. – Т. 1. – 447 с.
5. Крёбер А. Л. Конфигурации развития культуры [Электронный ресурс] // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры – URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm#30 (дата обращения: 12.04.2016).
6. Лях В. И. Культурогенез как проблема теории и истории культуры: теоретические основания и реконструкция. – Краснодар, 2010. – 256 с.
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 1387 с.
8. Флиер А. Я. Избр. раб. по теории культуры. – М.: Согласие: Артём, 2014. – 558 с.
9. Флиер А. Я. Культурогенез и история культуры // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 137–148.
10. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М.: МГУКИ, 2009. – 704 с.
11. Флиер А. Я. Наброски к построению социокультурной картины мира в границах культурологии // Обсерватория культуры. – М.: РГБ, 2012. – № 4. – С. 4–11.

12. Boas F. The Methods of Ethnology // American Anthropologist. – N.Y., 1920. – Vol. 22, № 4. – P. 311–321.
13. Carneiro R. The Culture Process // Essays in the Science of Culture. In Honor of Leslie A. White. – N.Y., 1960. – P. 145–161.
14. White L. A. Energy and the Evolution of Culture // The Science of Culture: A Study of Man and Civilization. – N.Y., 1949. – P. 363–393.

References

1. Bidni D. Kul'turnaya dinamika i poiski istokov [Cultural dynamics and source searches]. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Tom 1. Interpretatsii kul'tury [Anthology of research culture. Vol. 1. Interpretation of culture]*. (In Russ.). Available at: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm#27 (accessed 24.04.2016).
2. Bondarev A.V. *Istoriya otechestvennoy kul'turogenetiki: opyt sistematizatsii strategiy nauchnogo poiska [History of the Russian Culturogenetic]*. (In Russ.). Available at: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm#27 (accessed 23.07.2016).
3. *Kul'turologiya. XX vek. Slovar' [Cultural studies. XX century. Dictionary]*. Ed. S.Ya. Levit. St. Petersburg, 1997. 640 p. (In Russ.).
4. *Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya [Cultural studies. XX century. Encyclopedia]*. Ed. S.Ya. Levit, St. Petersburg, 1998, vol. 1. 447 p. (In Russ.).
5. Kreber A.L. Konfiguratsii razvitiya kul'tury [Configurations of Culture Growth]. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Tom 1. Interpretatsii kul'tury [Anthology of research culture. Vol. 1. Interpretation of culture]*. (In Russ.). Available at: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm#30 (accessed 12.04.2016).
6. Lyakh V.I. *Kul'turogenez kak problema teorii i istorii kul'tury: teoreticheskie osnovaniya i rekonstruktsiya [Culturogenesis as a problem of the theory and history of culture: theoretical foundations and reconstruction]*. Krasnodar, 2010. 256 p. (In Russ.).
7. Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007. 1387 p. (In Russ.).
8. Flier A.Ya. *Izbrannye raboty po teorii kul'tury [Selected works on the theory of culture]*. Moscow, Soglasie Publ., 2014. 558 p. (In Russ.).
9. Flier A.Ya. Kul'turogenez i istoriya kul'tury [Culturogenesis and history of culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*, 1995, no. 3, pp. 137-148. (In Russ.).
10. Flier A.Ya. *Kul'turologiya dlya kul'turologov [Cultural studies for culture researchers]*. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Publ., 2009. 704 p. (In Russ.).
11. Flier A.Ya. Nabroski k postroeniyu sotsiokul'turnoy kartiny mira v granitsakh kul'turologii [Outlines of the construction of socio-cultural world within the cultural studies]. *Observatoriya kul'tury [Observatory of Culture]*. Moscow, Russian State Library Publ., 2012, no. 4, pp. 4-11 (In Russ.).
12. Boas F. The Methods of Ethnology. American Anthropologist. N.Y., 1920, vol. 22, no. 4, pp. 311-321. (In Engl.).
13. Carneiro R. The Culture Process. *Essays in the Science of Culture. In Honor of Leslie A. White*. N.Y., 1960, pp. 145-161. (In Engl.).
14. White L. A. Energy and the Evolution of Culture. *The Science of Culture: A Study of Man and Civilization*. N.Y., 1949, pp. 363-393. (In Engl.).

УДК 008:39

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В РУССКОМ НАРОДНО-ПЕВЧЕСКОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ

Стенюшкина Татьяна Сергеевна, кандидат культурологии, доцент кафедры народного хорового пения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatianasten@yandex.ru

В статье рассматривается значение традиционности в русском народном исполнительстве, которое идёт от мировоззрения и национальных особенностей. Традиционная культура определяется социально-психологическими факторами, наличием базовых символов и ценностей, которые обеспечивают внутреннюю интеграцию её субъектов. Важность рассмотрения темы диктуется тем, что новые условия

жизни, взаимодействие с профессиональной музыкой меняют стилистический язык, средства художественной выразительности, исполнительские формы. При этом нужно учитывать, что в народном исполнительстве очень важным является сохранение связи прошлого, настоящего и будущего, поэтому оно включает в себя традиционное и новое. Традиция в современном обществе, кроме своего постоянного повторения, подвержена обновлениям и изменениям. Противоречие между традицией и действительностью является основой постоянного развития жанра народно-певческого исполнительства. В такой ситуации происходит изменение самой структурной организации объекта народно-певческого исполнительства и стиля исполнения народных песен. Это следует рассматривать как удовлетворение иных потребностей, сформированных современным обществом, формирование иных музыкально-эстетических вкусов. Жизнь в новых условиях, взаимодействие с профессиональной культурой вносят новое в стилистику и формы исполнения народных песен.

Ключевые слова: культура, традиция, песенный фольклор, аутентичное исполнительство, музыкальное искусство, функция.

TRADITIONAL AND NEW IN THE RUSSIAN FOLK-SONG PERFORMANCE

Stenyushkina Tatyana Sergeevna, PhD in Culturology, Associate Professor, Folk Choral Singing Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatianasten@yandex.ru

Russian folk music keeps the tradition going from the outlook and national character. New conditions of life, cooperation with the professional musical culture changed its stylistic language, means of artistic expression, performing shape. The basis of its constant development is contradiction between tradition and reality. Each performance may not be like the previous one and will be definitely unique in a specific tone, expression of emotion, improvisational basis, but mostly in the folk tradition will always be the preservation of meaning and traditional features. Their combination ensures the inheritance of the main ideological principle of the artistic and philosophical consciousness of the people.

In the folk performing art, it is very important maintaining the link between the past, present and future, so that it includes the traditional and the new. Traditional culture is determined by socio-psychological factors, the presence of underlying symbols and values that provide you with internal integration of its subjects. Authentic performance internally well organized, existing organically on the basis of the authority of the leader within the same song tradition and not outgoing in their creative work beyond it.

In the modern world, the folk song performance as part of the Russian choral culture, is one of the components of sociocultural space along with music, mass culture, in other arts. Tradition in modern society, in addition to its constant repetition, is a subject to trends and change. In such a situation, it is a change of the structural organization of the object of folk-singing performance and performance style of folk songs. It should be seen as the satisfaction of other needs generated by modern society, and formation of other musical and aesthetic tastes.

Keywords: culture, tradition, folk songs, authentic performing art, musical art, function.

Согласно деятельностной концепции, культура представляет собой способ деятельности и систему механизмов внебиологического характера, которые программируют, стимулируют и реализуют адаптивную и преобразующую деятельность людей, направленную на создание художественной «культурной» картины мира. А культура, по словам М. С. Кагана, «в целостном ее существовании как система всех доступных человеку форм *духовной, материальной и художественной деятельности* должна рассматриваться как взаимосвязанное единство этих ее основных подсистем; каждая обладает своим местом и своими функциями в целостном пространстве культуры» [5, с. 52–53]. Культура общества складывается постепенно по мере накопления социального опыта совместной жизни и деятельности под влиянием истории, условий жизни, географического поло-

жения. Этим обусловлено региональное и историческое своеобразие традиционной культуры того или иного народа.

По утверждению Ю. М. Лотмана, «по своей природе культура, как и язык, – явление общественное, то есть социальное. Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива – группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией. Из этого вытекает, что культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются» [7, с. 5–6]. Русский песенный фольклор включает в себя ряд жанровых форм, обслуживающих определенную коммуникативную ситуацию. Формами общения, в данном случае, являются песня и пение. Естественно, что данные формы имеют как общеязыковые признаки, так и свои особенные черты. Новые условия жизни, взаимодействие с профессиональной музыкальной культурой меняют стилистический язык, средства художественной выразительности и формы исполнения русских народных песен. Традиционное русское народное исполнительство в своей основе – это коллективное музицирование, коллективная художественно-практическая деятельность, которую можно определить как организованную активность взаимодействующих людей, которая направлена на воспроизводство (или на производство, если говорить о носителях традиции) песенного фольклора (объектов духовной культуры).

Русская народная музыка хранит в себе традиции, идущие от мировоззрения и национального характера. Этот факт отметил П. Г. Богатырёв: «Одним из основных признаков всех видов народного искусства – изобразительного, музыкального (вокального), хореографического, словесного, драматического – является строгое следование его творцов и исполнителей нормам традиционного стиля, идущего от отцов и дедов» [2, с. 393]. В народном исполнительстве очень важным является сохранение связи прошлого, настоящего и будущего, поэтому оно включает в себя традиционное и новое.

Первоначально слово «традиция» означало «передача», «предание», что подчеркивало её устойчивость и преемственность. Традиция является обобщенной, интегральной формой деятельности. Подчёркивая важность и необходимость существования механизма традиции, М. С. Каган писал: «Подчинение норме, канону, правилу, закрепляемым традицией, стало *культурной формой наследственной передачи информации*, необходимой человечеству на первом этапе его истории, когда индивидуальное “я” еще не имело реальных практических условий для самоопределения, для осознания своей уникальности в пространстве и во времени…» [5, с. 131]. И, кроме того, выступая как коллективная память, традиции являются важным элементом самосознания и самобытности нации. Содержание традиций могло меняться, но традиционность сохраняла свои господствующие позиции в культуре. Традиция – это своеобразный механизм культуры, заменивший действие генетического кода, который сохраняет и передаёт биологическую информацию. Иначе говоря, она оказывается совокупной памятью человечества, нации, социальных групп [6, с. 313]. В народно-певческом исполнительстве, которое является неотъемлемой частью культуры, обновление происходит на основе сохранения традиций, нравственных ценностей и опыта прошлых поколений.

Нужно подчеркнуть, что традиция, которая лежит в основе существования русского народно-певческого исполнительства, кроме своего постоянного повторения в современном обществе, подвержена тенденции обновления и изменения. Основа постоянного его развития – противоречие между традицией и действительностью. Каждое исполнение русской народной песни не может быть похоже на предыдущее и будет обязательно неповторимым и специфическим по интонации, выражению эмоций, импровизационной основе, но главным в фольклорной традиции всегда будет являться сохранение тембральных, метроритмических, смысловых, а возможно, и акустических признаков. Сочетание этих признаков обеспечивает наследование основного мировоззренческого принципа художественного и философского самосознания народа. Рассматривая и анализируя примеры вариантов напевов фольклорных первоисточников, Л. Л. Христиансен приходит к философскому выводу о том, что «варианты народных песен можно считать разными субъективными формами объективного отношения народа к действительности» [12, с. 59]. Связь человека с окружающим миром исторически всегда выражалась

не в созерцательном отношении человека к миру, а в его активно-творческом преобразовании с целью удовлетворения как индивидуальных, так и родовых потребностей человека. Искусство – духовно-практическое и одновременно активно-творческое преобразование мира и человека. Но если в материально-практической деятельности человек преобразует доставшиеся ему от предыдущих поколений вещи, процессы, то в духовно-практической и активно-творческой деятельности человек преобразует духовный мир, в том числе и народно-певческое исполнительство как духовный и культурный феномен.

В народном исполнительстве, в его первозданном виде, нет деления на исполнителя и публику, в процессе исполнения может принять участие каждый. Асафьев Б. В. отмечал, что для традиционных исполнителей не требуется никаких специальных условий – сцена, декорации, сценические костюмы, это «творчество в сфере бытовых интонаций» [1, с. 82]. Он же характеризует бытовую музыку «как один из видов художественного обобщения и эмоционального высказывания», это музыка, «не требующая для своего существования специальных профессиональных организаций и исполнительских сил, легко воспроизводимая в повседневном быту и крайне чуткая к непосредственным переживаниям людей, а потому всегда насыщенная живыми интонациями» [1, с. 82].

Важно отметить, что бытовое аутентичное исполнительство и сценическое искусство имеют много различий, главное из которых заключается в их целях. Цель бытового исполнительства – сохранить накопленное духовное богатство и передать следующим поколениям, цель сценического исполнительства – воспроизвести то, что создано, а «искусство воспроизводит не сами предметы и явления действительности, а только то, что видит в них художник» [11, с. 69]. В бытовом исполнительстве главное, по определению Б. В. Асафьева, «непосредственный ответ на личное волнение или на потребности тех или иных бытовых явлений и желание его тотчас передать в звуках» [1, с. 101].

Обращение к традиционному народному искусству будет актуально всегда. Ю. М. Лотман писал: «Как видим, культура вечна и всемирна, но при этом всегда подвижна и изменчива. В этом сложность понимания прошлого (ведь оно ушло, отдалилось от нас). Но в этом и необходимость понимания ушедшей культуры: в ней всегда есть потребное нам сейчас, сегодня» [7, с. 9]. По мнению профессора И. В. Мациевского, сегодня вопросы традиционного народно-певческого исполнительства актуальны по четырём причинам:

1 – обращение к истории культуры всегда актуально на рубежных этапах развития страны, народа, его духовной деятельности, продиктовано необходимостью подытожить пройденное и наметить пути в будущем;

2 – в дошедшем до нас наследии (в аудио- и видеозаписях, нотных, словесных текстах, в сохранившихся традициях реального исполнительства) мы ищем чистоту, духовную экологию подлинного высокого искусства как энергию и потенциал для нового культурного возрождения;

3 – всё острее осознается опасность утраты подавляющим большинством людей потребности, навыков и опыта собственного художественного творческого самовыявления (пение и обучение пению ушло из быта) и постепенного превращения их лишь в потребителей искусства, а это происходит не путем непосредственного контакта с творцами-исполнителями, а через аудио- и видеоносители, СМИ;

4 – образно-идеологические и структурно-технологические задачи современного искусства – музыки, театра, кино, – поиск индивидуальной и национальной художественной идентичности, новых тем, способов их реализации, форм контакта со слушателем-зрителем, выразительных средств [9].

Аутентичная культура определяется мировоззрением и социально-психологическими факторами, наличием базовых символов и ценностей, которые обеспечивают внутреннюю интеграцию её субъектов [8, с. 258]. Аутентичное исполнительство – это исполнительство, внутренне хорошо организованное, органично существующее на основе авторитета лидера в рамках одной певческой традиции и не выходящее в своей творческой деятельности за её рамки. В традиционной культуре всегда сочетались репродуктивные формы деятельности, направленные на усвоение уже известных культурных явлений известными способами, и продуктивные, связанные с созданием новых ценностей и выработкой новых средств [4, с. 23]. «Традиционная

народная культура в своем исконном виде – явление спонтанно формирующееся. Она определяет все стороны жизни социально-этнического сообщества, ее нормативно-ценностную основу, а также знаково-символическое и обрядово-ритуальное выражение. Такая культура передается потомкам как нечто незыблемое, сопровождающее человека от колыбели до могилы», – пишет Н. Г. Михайлова [3, с. 12]. Поэтому «аутентичным» не может быть исполнительский коллектив любого качества и ранга. Любой вторичный коллектив (ансамбль, хор) организован чьими-либо усилиями (профессионально образованным руководителем) для концертной деятельности. Он выполняет иные функции, которые в настоящее время претерпели изменения по сравнению с тем временем, когда народно-певческое исполнительство было включено в повседневную жизнь людей. Одна из основных тенденций внутреннего развития культуры связана с изменением баланса физических и умственных затрат человеческой энергии в пользу последних, а культурная составляющая жизни человека в настоящее время является продуктом творчества ума и души.

Во времени любая культура может существовать только при условии постоянного обновления, развития и корректировки смыслов и установок в соответствие с новыми историческими условиями. В настоящее время «основная часть общества живет в иной культурной среде, поэтому обращение к культурным архетипам – это проблема осознанного выбора, а не безальтернативное следование традиции. Причём объектом выбора, который может быть сохранен, воспроизведен или трансформирован, становится культурный текст в вербальном или невербальном выражении» [3, с. 12]. Сегодня все яснее осознаётся целостный художественный образ традиционной русской народной песни, который задумывается, формируется, воспринимается, воздействует на слушателя и передаётся из поколения в поколение в непосредственном исполнительском становлении как искусство контактной коммуникации (определение К. В. Чистова) [14].

В современном мире народно-певческое исполнительство, являясь частью русской хоровой культуры, выступает одним из составляющих социокультурного пространства наряду с музыкальной, массовой культурой, другими видами искусств. При этом сужается ареал бытования аутентичной культуры, так как изменился традиционный образ жизни, способы выполнения трудовых операций, жизненный уклад, образ мысли людей. Сейчас русское народно-певческое исполнительство перешло в ранг музыкального искусства, стало частью хоровой культуры, и не имеет той смысловой и мировоззренческой нагрузки, которые существовали во время его тесной связи с трудовой, семейной жизнью людей. Естественно, были утрачены утилитарно-бытовая, магическая, сакральная, обереговая функции. Это подтверждают слова Н. К. Мешко: «В настоящее время утилитарно-бытовую функцию фольклор почти утратил. Те же обрядовые действа, которые местами ещё сохраняются, приспосабливаясь к новому быту, претерпели существенные изменения. Так, исчезли на свадьбах плачи невесты, утратилось магическое значение заговоров, заклички» [10, с. 23]. Об этом же в своей статье пишет И. В. Мациевский: «Как только мы осознаем потребность в целостном, исполнительском охвате традиционной песни, тут же сталкиваемся с естественной и неразрешимой для сегодняшнего урбанизированного и компьютеризованного общества проблемой безвозвратной утери обрядового контекста функционирования народной музыки» [9]. Это, видимо, связано с тем, что обряды представляют собой первоначальный пласт народного сознания, связанного с магией, в которой «крылись глубинные связи человека с силами природы» [10, с. 22]. Магия была специфическим способом поведения человека, не принимающим в расчёт естественных причинных связей, предполагающим непосредственную включенность человека в природу, воздействующим на окружающий мир. Отношения между человеком и природными явлениями мыслятся в этом случае как взаимодействие, как взаимопомощь, человек существует в тех же категориях, что и остальной мир. Ослабление, а потом и утрата символической функции стала «симптомом разложения крестьянской цивилизации» [13, с. 143]. Пение перестало быть частью жизни, было оторвано от повседневности, переместилось на время досуга, так как течение жизни получило новое оформление. Смысл совместного исполнения для носителей традиции заключается не только в согласованности и слаженности самого пения, но и во взаимоотноше-

нии поющих людей, для которых не существует грани между пением и общением. Кроме того, пение – часть синкретического художественного действия, где оно тесно взаимосвязано и совмещается с исполнением мелодии на инструменте, танцем, игрой. Поэтому постижение искусства народного пения оказывается недостаточным без познания других компонентов традиционного исполнительства, которые составляют единый и неделимый комплекс.

Сегодня песни и обряды, утратив своё магическое и сакральное значение, воспроизводятся как часть праздничной обрядовой культуры, хотя многие элементы и особенности исполнения забыты. Обряды по своей форме являлись художественными действами, которые производили определённое эстетическое воздействие на участников. Постепенно, утеряв магическое и утилитарное назначение, они сохранились, прежде всего, благодаря своему эстетическому содержанию. Сегодня из сферы практической жизни обряды переместились в сферу театрально-игровую, сценическую, воплощаясь в представлениях, приуроченных к определённым праздникам. Эстетическая ценность народных обрядов в этом случае состоит в их театрализации, красочности, тесной связи с древней традицией [4, с. 30].

Необходимо отметить, что традиция в современном обществе, кроме своего постоянного повторения, подвержена тенденциям обновления и изменения. «Формы культуры прошлого, оторвавшись от исторического контекста, социальной среды (общины), меняют свой характер, свое место в культуре и обществе; семантика и символика текстов также претерпевают изменения. Чтобы культура жила и сохраняла актуальность, ей нужны, прежде всего, носители, сообщества, общества, которые бы считали указанную культуру своей, создавали, воспроизводили и передавали ее последующим поколениям как единый комплекс, а не отдельные вещи, предметы, произведения…» – пишет в своём исследовании Н. Г. Михайлова [3, с. 12]. В памяти поколений хранится то, что отвечает его жизненным потребностям и настроениям, способствует сохранению ценностных ориентаций в становлении личности в различных общественных формациях. Сегодня мы «имеем дело со “второй жизнью” фольклора, функционированием его в иной среде, в том числе его сценической интерпретацией. В фольклорных текстах по возможности сохраняется ритмометрическая, ладово-интонационная основа, тембровая характеристика, тектоника. Отсутствует импровизационность, вариативность» [3, с. 123].

Процессы, которые протекали и протекают в истории русской хоровой культуры, в единстве её разнообразных устных и письменных традиций, реализовывались в современных для своего времени исполнительских формах и стилях. С организацией народно-певческих коллективов утвердился новый – концертно-сценический – стиль современного исполнения народных песен, и эти коллективы совмещают концертные функции с творческими и педагогическими. Как отмечает Л. В. Шамина, со второй половины XX века профессиональные русские народные коллективы становятся непременным атрибутом государственности. Развиваясь параллельно с образцами русских певческих традиций, оперным и камерным пением, классическим хоровым исполнительством, народное пение концертно-сценического стиля сформировалось и утвердилось благодаря развитию профессионализма в исполнительстве, творчестве и образовании [15, с. 53]. В такой ситуации происходит изменение самой структурной организации объекта народно-певческого исполнительства и стиля исполнения народных песен. Это следует рассматривать как удовлетворение иных потребностей, запросов современного общества, формирование новых музыкально-эстетических вкусов, изменение возрастного порога слушателей. В этом случае, конечно, жизнь традиционного исполнительства в новых условиях «существенно отличается от первой, спонтанной, естественно сложившейся в рамках исконного социокультурного сообщества» [3, с. 15].

Обучение народному пению происходит в учебных заведениях, народно-певческих коллективах. Сегодняшним исполнителям с современным мировоззрением для постижения традиции, усвоения нормативов народного певческого исполнительства-творчества необходимы целенаправленные и проводимые по специальной методике интенсивные занятия. Наставниками являются не представители старшего поколения носителей традиции, а педагоги, хормейстеры, которые прошли обучение на факультетах по

подготовке руководителей народно-певческих коллективов. Таким образом, постижение основ народно-певческого исполнительства реализуется через изучение многообразия жанров и тематики, символической природы, нравственных и моральных основ, особенностей традиционного исполнения, выявление системы художественно-выразительных средств, эстетических норм пения в разных жанровых и функциональных ситуациях. Это возможно только в комплексе, так как в традиционном фольклоре «всё возникает, развивается и функционирует в органической взаимосвязи со всеми элементами жизни народа: с его историческим, социальным и трудовым опытом, его бытом, нравами, обычаями, с его мировоззрением, этическими и эстетическими представлениями» [15, с. 11]. Необходимо отметить, что адекватному постижению смысла народной песни и всего процесса пения современными исполнителями может способствовать непосредственный контакт с носителями традиции (беседы, уроки, совместное пение и анализ аудио- и видеозаписей), последовательное вхождение в целостный мир народных традиций, осознание его сегодняшнего реального пространственно-временного состояния и своего места в нем.

В народных песнях в наибольшей степени сконцентрирован исторический, нравственный, моральный, этический жизненный уклад и опыт народа. В протяжных песнях наиболее ярко проявляются характерные музыкальные, исполнительские особенности разных певческих традиций, выразительность музыкального языка и мышления. Современные исполнители доносят информацию, заложенную в поэтических текстах, являясь посредниками между слушателями и песней. Необходимость сохранения и передачи из поколения в поколение ценнейших истин, опыта, традиционных исполнительских особенностей даёт право современным народно-певческим коллективам создавать концертные программы, обрядовые действа, в которые вовлекаются слушатели, ощущающие себя частью народной традиции, культуры. Ценности в своей культурной динамике в современном обществе часто вынуждены приспосабливаться к условиям информационного общества, также «фольклор неизбежно меняет свою семантику, поскольку изменяются условия его воспроизведения: он исполняется на концертах, на фестивалях и пр., без учета календарной приуроченности, привязанности к определенному обряду, ритуалу, жизненной ситуации; со сцены, в условиях разграничения на исполнителей и зрителей и т. д. В такой ситуации фольклорный текст начинает восприниматься как художественное произведение... Фольклор становится собственно искусством, утрачивая исходную синкретичность» [3, с. 111–112].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в настоящее время народно-певческое исполнительство функционирует в составе русской хоровой культуры, занимая определённое место в социокультурном пространстве и изначально являясь первоисточником образования всей русской музыкальной культуры и основой единства всех этапов её развития.

Русское народно-певческое исполнительство – коллективная коммуникативная деятельность особого типа, которая характеризуется социальной целенаправленностью и обусловлена внеязыковыми факторами. Народно-певческое исполнительство, возникая и развиваясь, создаёт особое пространство, которое активно воздействует на всю культуру, в которой оно существует.

Современные музыканты начинают по-иному слышать и исполнять общеизвестные фольклорные произведения, возможно, именно таким образом адаптируя и сохраняя их для последующих поколений, и в этом исполнении стремление сохранить традицию соединяется с необходимостью её развивать. Музыкантам, исповедующим традиционное народно-певческое искусство, необходимо находить язык, понятный современному человеку, создавать условия для общения на определённой мировоззренческой платформе слушателей и исполнителей.

Литература

1. Асафьев Б. В. О народной музыке / сост.: И. Земцовский, А. Кунанбаева. – Л.: Музыка, 1987. – 248 с.
2. Богатырёв П. Г. Вопр. теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.
3. Вторая жизнь традиционной народной культуры в России эпохи перемен / под ред. Н. Г. Михайловой; Рос. ин-т культурологии. – М.: НБ-Медиа, 2011. – 180 с.
4. Дёмина Л. В. Песенная культура русского населения юга Тюменской области: моногр. – Тюмень: Титул, 2013. – 284 с.

5. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. – СПб.: Петрополис, 2003. – Кн. 1. – 368 с.
6. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
7. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 1994. – 389 с.
8. Марков А. П. Отечественная культура как предмет культурологии. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 288 с.
9. Мациевский И. В. Традиционное певческое искусство в XXI веке: исполнительская проблематика [Электронный ресурс]. – URL: http://www.astrasong.ru/tradicionnoe-pevcheskoe-iskusstvo-v-hhi-veke-ispolnitelskaya-problematika.html (дата обращения: 06.05.2014).
10. Мешко Н. К. О современной русской народно-певческой культуре и воспитании народного певца // Сохранение и развитие русских народно-певческих традиций: сб. тр. ГМПИ им. Гнесиных. – М. – 1986. – Вып. 86. – С. 22–33.
11. Соловьёв В. С. Смысл любви: избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
12. Христиансен Л. Л. Ладовая интонационность русской народной песни. – М., 1976. – 360 с.
13. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры. – Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. – Вып. 1. – 220 с.
14. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. – Л.: Наука, 1986.– 304 с.
15. Шамина Л. В. Основы народно-певческой педагогики: учеб. пособ. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2010. – 202 с.

Refereces

1. Asaf'ev B.V. *O narodnoy muzyke [About the folk musik]*. Comp. I. Zemtsovskiy, A. Kunanbaeva. Leningrad, Muzyka Publ., 1987. 248 p. (In Russ.).
2. Bogatyrev P.G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva [The theory of folk art]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971. 544 p. (In Russ.).
3. *Vtoraya zhizn' traditsionnoy narodnoy kul'tury v Rossii epokhi peremen [Second life to traditional folk culture in Russia of the era of change]*. Ed. N.G. Mikhaylova. Moscow, Russian Institute of Culturology, NB-Media Publ., 2011. 180 p. (In Russ.).
4. Demina L.V. *Pesennaya kul'tura russkogo naseleniya yuga Tyumenskoy oblasti. Monografiya [Song culture of the Russian population of the South of the Tyumen region. Monograph]*. Tyumen', Titul Publ., 2013. 284 p. (In Russ.).
5. Kagan M.S. *Vvedenie v istoriyu mirovoy kul'tury [Introduction to the history of world culture]*. St. Peterburg, Petropolis Publ., 2003, vol. 1. 368 p. (In Russ.).
6. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury [Philosophy of culture]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. 416 p. (In Russ.).
7. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture. The life and traditions of Russian nobility (XVIII – beginning of XIX century)]*. St. Peterburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994. 389 p. (In Russ.).
8. Markov A.P. *Otechestvennaya kul'tura kak predmet kul'turologii [National culture as a subject of cultural studies]*. St. Peterburg, SPbGUP Publ., 1996. 288 p. (In Russ.).
9. Matsievskiy I.V. *Traditsionnoe pevcheskoe iskusstvo v XXI veke: ispolnitel'skaya problematika [Traditional singing art in the twenty-first century: performing issues]*. (In Russ.). Available at: http://www.astrasong.ru/tradicionnoe-pevcheskoe-iskusstvo-v-hhi-veke-ispolnitelskaya-problematika.html (accessed 06.05.2014).
10. Meshko N.K. O sovremennoy russkoy narodno-pevcheskoy kul'ture i vospitanii narodnogo pevtsa [On modern Russian folk-singing culture and upbringing folk singer]. *Sokhranenie i razvitie russkikh narodno-pevcheskikh traditsiy: sb tr. GMPI im. Gnesinykh [Conservation and development of Russian folk-singing traditions: col. works by GMPI them. Gnesinyh]*. Moscow, 1986, iss. 86, pp. 22-33. (In Russ.).
11. Solov'eov V.S. *Smysl lyubvi: izbrannye proizvedeniya [The meaning of love: selected works]*. Comp. N.I. Tsimbaeva. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 525 p. (In Russ.).
12. Khristiansen L.L. *Ladovaya intonatsionnost' russkoy narodnoy pesni [Modal intonation of Russian folk songs]*. Moscow, 1976. 360 p. (In Russ.).
13. Cherednichenko T.V. *Muzyka v istorii kul'tury [Music in the history of culture]*. Dolgoprudnyy, Allegro-Press Publ., 1994, iss. 1. 220 p. (In Russ.).
14. Chistov K.V. *Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii [Folk traditions and folklore: essays on the theory]*. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 304 p. (In Russ.).
15. Shamina L.V. *Osnovy narodno-pevcheskoy pedagogiki [The basics of folk-singing pedagogy]*. Moscow, RAM im. Gnesinykh Publ., 2010. 202 p. (In Russ.).

УДК 008

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: legle@mail.ru

Трансформация культуры как целостный, поступательно-преобразовательный процесс, который направлен на ее реконструкцию за счет внедрения инородных элементов, нарушающих ее привычный ритм, всегда задает новый вектор культурного развития. Тенденции и особенности глобальной культуры не обязательно будут идентичны процессам, происходящим на локальном уровне культуры, поэтому исследование особенностей трансформации музыкальной культуры католиков, дисперсно расселенных в Сибири, является на сегодняшний день актуальным направлением культурологических исследований. Число католиков в Российской империи росло не только за счёт жителей присоединённых к России территорий, но и за счёт европейских переселенцев в Россию. На территории современной Кемеровской области католическая община начинает формироваться со второй половины XIX века. Сегодня в одиннадцати городах области действуют католические организации.

Важные изменения, повлекшие за собой динамичное развитие католического церковного пения в конце XX века, были утверждены на Втором Ватиканском соборе. В принятой апостольской конституции, посвященной богослужению, среди прочего, постановили опубликовать новый Миссал, дозволяющий служение мессы на национальных языках, восстановление некоторых древних обычаев. Относительно музыкальной части Миссала нужно отметить, что, в отличие от остальных национальных версий, в русском варианте важный акцент сделан на древнем тоне григорианского пения. В литургии российских католиков эти изменения начинают активно проявляться только в конце 90-х годов. В этот период отмечается не только всплеск интереса к музыкальной культуре католиков, но и проявляется творческая активность в использовании разнообразного музыкального материала и создании новых произведений для церковного исполнения. Основной целью предпринятой реформы было желание сделать службу более понятной, современной, активнее привлекать к ходу богослужения верующих и адаптировать литургические богослужения применительно к характеру и традициям различных народов. Именно сегодня мы можем наблюдать отражение этих нововведений в религиозно-музыкальной культуре католической общины в России. Этот процесс динамичной трансформации культуры требует серьезного изучения и осмысления.

Ключевые слова: традиции, новации, культура, литургия, месса, григорианский хорал, католики, Кемерово.

TRENDS OF CONTEMPORARY TRANSFORMATION MUSIC AND RELIGIOUS CULTURE

Egle Ludmila Yuryevna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: legle@mail.ru

In the continuity of cultural traditions between generations, regardless of any conditions, culture begins to transform. The transformation of culture as a holistic, progressive conversion process, which is aimed at the reconstruction of the culture through the introduction of foreign elements into it, breaking its usual rhythm, always sets a new vector of cultural development. Today's investigation of Catholic Musical Culture characteristics of the formation and transformation of dispersed resettled in Siberia, in isolation from the

main settlement area is the actual direction of Cultural Studies. In the new socio-cultural, administrative and religious, household, climatic conditions, this culture has undergone the inevitable adaptation, reinterpretation, and transformation.

The number of Catholics in the Russian Empire was growing, not only at the expense of the inhabitants of attached to the Russian territory, but at the expense of European migrants in Russia. On the territory of modern Kemerovo Region, the Catholic community began to form in the second half of the XIX century. At present, the Catholic church singing is in the process of dynamic development, associated with relative freedom to choose a religious repertoire. Variant features of Roman Catholic ritual due to the liturgical reform of Vatican II, allow the use in the service of the national language and diverse musical material. The period after the Council is the time to rethink the Liturgy and the approval of the new singing practice. An important role in this process is played by the phenomenon of succession, since the "new" culture does not deny the "old," in contrast, it keeps all the most valuable, complementing and develops it. Interaction of tradition and innovation develops as a result of a number of different trends and processes. Due to its diverse ethnic composition, historical reasons, as well as the missionary work of priests in the modern repertoire of the Catholic community of Kemerovo region introduced chants of the Polish and German origin, to a lesser extent Lithuanian, Slovak and others. By differentiated learning musical activities, Kemerovo community can significantly complement the overall picture of the Catholic culture in its local manifestations.

Keywords: tradition, innovation, culture, liturgy, mass, Gregorian chant, Catholic, Kemerovo.

В ходе преемственности культурных традиций между поколениями, вне зависимости от каких-либо условий, культура начинает трансформироваться. Трансформация культуры как целостный, поступательно-преобразовательный процесс, который направлен на ее реконструкцию за счет внедрения инородных элементов, нарушающих ее привычный ритм, всегда задает новый вектор культурного развития. Особое значение понятие «трансформация» приобретает при рассмотрении конкретного культурного региона, в котором происходят изменения, присущие только ему, и очевидно, что тенденции и особенности глобальной культуры не всегда будут идентичны процессам, происходящим на локальном уровне культуры.

Исследование особенностей формирования и трансформации музыкальной культуры католиков, дисперсно расселенных в Сибири, в отрыве от основной территории расселения, является на сегодняшний день актуальным направлением культурологических исследований, так как в новых социально-культурных, административно-конфессиональных, хозяйственно-бытовых, природно-климатических условиях эта культура подверглась неизбежному приспособлению, переосмыслению и трансформациям.

Ценные наблюдения о трансформации культуры и социальной динамике содержатся в трудах К. Ясперса, Б. Малиновского, Н. А. Хренова, Л. Уайта, П. А. Сорокина, А. Я. Флиера. Важное значение для данного исследования имеют труды А. Н. Сохора по религиозному искусству, С. Сказкина по религиоведению, научные исследования о григорианском хорале Ю. Спиридонова, Ю. Москвы, а также материалы с сайтов католической общины и исследование собранного музыкального материала в католических общинах Кемеровской области. Для написания работы были привлечены не только историографические, но и источниковые материалы. Общение с носителями традиции несет в себе особую содержательность, которая не присуща обычным источникам. Материал, полученный способом интервьюирования от информаторов, непосредственно принимающих участие в исследуемых событиях, считается основополагающим в изучении вопросов трансформации традиции.

Католическая церковь всегда играла важную роль в мировой культуре, также как и музыкальная культура католической общины неизменно оказывала влияние на общее развитие музыкальной культуры. Сформировавшееся на протяжении I тыс. н. э. на территории Западной Римской империи, сегодня это одно из крупнейших по численности приверженцев направление в христианстве. На русских землях присутствие латинского христианства восходит к временам Древнерусского государства. Число католиков в Российской империи росло не только за счёт жителей присоеди-

нённых к России территорий, но и за счёт европейских переселенцев в Россию. На территории современной Кемеровской области католическая община начинает формироваться со второй половины XIX века: в Мариинске сложилась немалая для уездного города колония польских ссыльных, в среде которых были и ссыльные католические священники, также в конце XIX – начале XX века в центре Тяжинского района переселенцами-католиками было основано село Бороковка. Несмотря на то, что в связи с гонениями со стороны большевистского режима к середине 1920-х годов структуры Католической Церкви в России были практически разрушены, количество католиков в Сибири возрастало, в том числе в 1940-е годы оно увеличилось в десятки раз за счет депортации российских немцев из Поволжья, Кавказа и Украины. Сегодня на территории Кемеровской области в одиннадцати городах действуют католические организации, самые крупные из них: Приход Святого Духа города Юрги, Приход Святого Семейства поселка Яшкино и Приход Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии города Кемерово Римско-католической церкви [7].

С целью выявления изменений, произошедших в музыкально-религиозной культуре католической церкви за последние полвека, коротко остановимся на рассмотрении особенностей ее формирования. Итак, главное богослужение католической церкви – месса, она проводится по воскресениям и определенным праздничным датам (на Рождество, на Вознесенье, в праздник всех Святых и др.). Тексты мессы читают, речитируют (молитвы), поют (священные песнопения, исполняемые соло и хором) на традиционном языке церкви – латыни. На «торжественной» мессе (solemnis) текст поется, на «низкой» (bassa) читается. Богослужебные тексты мессы и указания для ее совершения содержатся в Миссале (богослужебной книге с сопутствующими текстами: уставными рубриками, переменными частями, календарём и т. п.). Единый текст миссала для всей латинской церкви был утвержден в 1570 году, однако исправления, изъятия и добавления в тексты молитв, изменения в уставных рубриках и во времени совершения богослужений, вносились еще несколько раз.

Музыкальное оформление мессы сложилось в эпоху центрального Средневековья на основе григорианской монодии (григорианского хорала). Исторически хоралы исполнялись мужским хором на латинском языке, были монодическими, пелись без инструментального сопровождения. Текстовую основу григорианского хорала составляют книги Священного Писания, прежде всего Псалтирь, жития святых, труды ранних Отцов Церкви. Позднее григорианский хорал стал основой всей профессиональной европейской музыки. С фактурно-исполнительской точки зрения григорианский хорал подразделяют на два рода пения: 1) accentus – полупение-полуречитация на одном или нескольких звуках по определенным мелодическим схемам; так исполняются псалмы, молитвы, чтения и т. п.; 2) concentus – собственно пение, к которому относятся: ординарий и проприй мессы, антифоны, респонсории, гимны, ламентации, литании, Paternoster и т. д.; при этом по соотношению текста и музыки они могут иметь силлабический склад (на один слог текста приходится один музыкальный звук), невматический (2–5 звуков на один слог) и мелизматический (большие распевы). Григорианские хоралы делятся на антифонные (чередование двух групп певчих, так исполняются, например, все псалмы) и респонсорные (пение солиста чередуется с пением ансамбля/хора) по типу исполнения. За исключением общих молитв, прихожане в пении традиционно участия не принимают. В хоралах отразились и раннехристианский аскетизм (простое псалмодическое пение в ранних церковных общинах) с довлением слова над мелодией. Время породило гимническое исполнение, когда стихотворный текст молитвы гармонично сочетается с музыкальной мелодией (своеобразный компромисс слова и музыки). Появление мелизматических распевов – в частности юбиляций в конце аллилуй – ознаменовало окончательное верховенство музыкальной гармонии над словом и вместе с тем отразило установление окончательного господства христианства в Европе [8].

На тексты определенных разделов богослужения были написаны цикличные вокальные или вокально-инструментальные произведения, получившие название Месса. Изначально мессы сочинялись композиторами для украшения богослужения. Их писали многие великие композиторы Бах, Моцарт, Бетховен, Стравинский и др., однако не все из написанных месс были приняты церковью для исполнения во время богослужения.

Священные песнопения, исполняемые соло и хором, делятся на два типа: Missa ordinarium (обычная месса) и Missa proprium (особая месса). Missa ordinarium – это песнопения, постоянно исполняемые в Мессе, а Missa proprium – песнопения, звучащие в определенные воскресные и праздничные дни. В Missa Ordinarium пять разделов (ординарий): Kyrie eleison (Господи, помилуй), Gloria (Gloria in excelsis Deo – Слава в вышних Богу), Credo (Credo in unum Deum – Верую во единого Бога), Sanctus (Sanctus dominus Deus Sabaoth – Свят Господь Бог Саваоф) и Benedictus (Benedictus qui venit in nomine Domini – Благословен грядущий во имя Бога), Agnus Dei (Agnus Dei, qui tollis peccata mundi – Агнец Божий, взявший на себя грехи мира) [6]. Содержание всего цикла имеет обобщённый характер: Kyrie eleison и Agnus Dei – выражение просьбы, мольбы о прощении; в Gloria и Sanctus – хвала и благодарность; в центральной, Credo – исповедание веры. Состав и текст частей складывался на протяжении нескольких веков и в окончательном варианте утвердился в начале XI столетия. Часть Kyrie eleison известна ещё с античных времён, текст Credo начал разрабатываться ещё на Никейском соборе (325 год), Sanctus формировался в течение II–V веков. Заключительная часть Agnus Dei была введена в мессу в VII–VIII веках, и лишь в начале XI века – Gloria [4].

Важные изменения, повлекшие за собой динамичное развитие католического церковного пения в конце XX века, были утверждены на Втором Ватиканском соборе (1962–1965). В принятой апостольской конституции, посвященной богослужению, среди прочего, постановили опубликовать новый Миссал, дозволяющий служение мессы на национальных языках (хотя и было указано, что основным языком римского обряда должна оставаться латынь), восстановление некоторых древних обычаев, таких как практика сослужения. Полностью переработанный чин мессы был введен в 1969 году. Последнее на сегодняшний день, третье издание объявлено типовым в 2002 году и переведено еще не на все национальные языки. Важно подчеркнуть, что инструкция к переводу Миссала на национальный язык требует, «прежде всего, верности и точности в следовании латинскому оригиналу, и лишь во вторую очередь – заботы о красоте и поэтических достоинствах текста» [2]. На русском языке «Римский Миссал Католической Церкви в России» был издан в 2011 году. В этом издании тексты представлены с разбивками на строки, что способствует его правильному восприятию у верующих и значительно облегчает священникам пение и произношение текстов. В приложении приведены схемы мелодий для пения молитв, Евангелия и т. д. Относительно музыкальной части Миссала нужно отметить, что, в отличие от остальных национальных версий, в русском варианте важный акцент сделан на древнем тоне григорианского пения. В процессе адаптации мелодий принципиально сохранялась мелодическая канва, несмотря на то, что в католической церкви первично слово, а не мелодия. Музыка должна придавать богослужению более возвышенный характер, поддерживать его и не отвлекать от центральных моментов. Второй Ватиканский собор в конституции «О богослужении» подчеркнул, что «церковь одобряет и принимает в богослужении все формы подлинного искусства, если они обладают должными качествами» [5].

Таким образом, Второй Ватиканский собор положил начало глубокому обновлению и реформированию церковного богослужения. В литургии российских католиков, в связи с антирелигиозной политикой советского государства, эти изменения начинают активно проявляться только в конце 90-х годов. В этот период отмечается не только всплеск интереса к музыкальной культуре католиков, но и проявляется творческая активность в использовании разнообразного музыкального материала и создании новых произведений для церковного исполнения. На наш взгляд, важную роль в этом процессе должен играть феномен преемственности, ибо «новое» в культуре не должно отрицать «старого», напротив, необходимо сохранять все самое ценное, дополняя и развивая его. Взаимодействие традиции и новации в религиозной музыке, складывается в результате действия целого ряда различных тенденций и процессов. Поэтому в рамках определенного исторического периода культурная динамика какой-либо конфессии предстает как сложное явление, включающее в себя множество самых разнообразных трансформаций и разнонаправленных процессов. Проблема сочетания традиций и инноваций в религиозной культуре существует на протяжении многих веков. Любое искусство развивается, это обуславливается различными причинами, и всег-

да находятся как согласные с этим, так и противники. Особенно ярко эта проблема проявляется в истории развития религиозной музыкальной культуры. Каждая попытка изменить религиозному канону в лучшем случае долгое время не поддерживалась церковью, а в худшем – преследовалась и жестко пресекалась. Не все написанные на религиозную тему музыкальные произведения принимались церковью, но есть и композиторские сочинения, которые исполняются в храмах наряду с традиционными напевами, такими как, например, знаменное пение, в католической традиции – григорианский хорал.

Особый интерес для исследования процесса взаимодействия традиций и новаций в музыкальной составляющей католического богослужения в современных условиях представляют местные общины. Католическая община г. Кемерово получает новый импульс в развитии в начале XXI века. До этого времени из-за отсутствия храмового здания верующие проводили богослужения в домах и квартирах. В 1996 году, в Кемерово была отслужена первая месса в арендованном помещении Дома культуры, а в 2006 году началось строительство кемеровского католического храма. В сентябре 2009 года храм был освящён во имя Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии епископом Иосифом Вертом. Храм стал второй католической церковью в Кузбассе – двумя годами ранее в Новокузнецке открылся храм Иоанна Златоуста.

Сегодня в католических приходах Кемеровской области проповедь проводится традиционно. Наряду с Богослужением, включающим Литургию, проводится катехизация детей и взрослых, обучение. Литургию проводит священник. Несмотря на то, что традиционно в католических храмах, как правило, поют специально обученные люди, хор, а община принимает участие в пении периодически, в приходе Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии города Кемерово, именно община исполняет все хоралы. Необходимо отметить, что в древнейшей католической церкви община принимала непосредственное участие в богослужебном пении. Прихожане возглашали Символ веры, Amen, Kyrie eleison и пели гимны. Эта традиция, пришедшая еще от Амвросия, была разрушена григорианской реформой, которая заменила пение общины пением священников. Однако, как отмечает А. Щвейцер, на немецкой почве эта реформа была проведена не полностью, народ сохранил отдельные привилегии, именно для больших церковных праздников, когда он возглашал «Кирие-элейс» и «Аллилуйя». Затем к этим литургическим отрывкам добавились строфы на немецком языке [9, с. 8]. Сегодня пение всей общиной ведет, на наш взгляд, к упрощению, сокращению и видоизменению песнопений исполняемых на канонический текст, при этом некоторые из них исполняются лишь отдельными членами общины. Например, известный 41 Псалом, а точнее первый стих: «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому!», используется в общем песнопении, по респонсорному типу: солист псалмодирует основной текст, община же коротко вторит ему.

Еще одной особенностью кемеровского прихода является исполнение григорианского хорала и службы на русском языке, как мы уже отметили, что стало возможно после Второго Ватиканского собора. Однако также сохраняется пение и на традиционной латыни. Например, песнопение Kyrie eleison и молитвы, исполняемые в Великий пост, Пасхальное время и другие большие христианские праздники. Kyrie eleison открывает собой Missa ordinarium. Песнопение Kyrie eleison состоит из трёх частей: Kyrie eleison, Christe eleison, Kyrie eleison. Каждая часть, или каждая фраза, традиционно повторяется трижды, таким образом, составляет 9 музыкальных фраз. В отличие от традиции в кемеровском приходе в исполнении ограничиваются шестью повторениями, то есть каждая фраза повторяется лишь дважды, сначала одним человеком, затем всей общиной, респонсорно. Среди песнопений Ординариума на богослужениях также звучат Sanctus и Agnus Dei, но уже в русском переводе. Песнопение Agnus Dei имеет более сложную мелодическую линию, это уже не поступенное движение с редкими скачками в мелодии, как это было в Sanctus или Kyrie Eleison. Лирический характер молитвы передаётся минорным трезвучием, с которого начинается песнопение, и усиливается малой секстой, на которой строится и следующая часть молитвы. Интонация малой сексты символизирует собой интонацию просьбы, мольбы, что созвучно с текстом молитвы: «Помилуй нас» или «Даруй нам мир». Песнопение Sanctus исполняется и в укороченном, и в полном варианте. В первом случае музыкальная фраза использовалась в контексте

общей непоющейся молитвы, во втором же – песнопение исполнялось на воскресной службе, а для воскресной службы характерен более широкий круг песнопений, более протяжённое по времени богослужение, и поэтому оно включало в себя не только первую часть «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф», но и следующую за ней часть Benedictus: «Благословен грядущий во имя Господне». Важно отметить, что с музыкальной точки зрения мотивы не повторяют друг друга как мелодически, так и ритмически. Исполняемая в общине «Аллилуйя» звучит респонсорно, то есть на пение солиста отвечают все прихожане. Мелодия песнопения находится в диапазоне сексты, не имеет скачков больше, чем на терцию. Отличительная повторность интонаций способствует быстрому запоминанию песнопения.

Можно отметить, что в целом в кемеровском храме хоралы исполняются традиционно: слово главенствует над музыкой, хоралы монодические, исполняемые в небольшом диапазоне. Поются хоралы по памяти, прихожане не опираются ни на нотных материал, ни на какие-то другие обозначения, они имеют только тетрадь с текстами, которой пользуются время от времени. Эта «литургическая тетрадка» содержит тексты чтений и молитвы на каждый день и составляется с учетом католических епархий в России. Однако если традиционно все песнопения в мессе исполняет хор, а община принимает участие в пении лишь в общих молитвах, то в кемеровском приходе именно община исполняет все хоралы. Из этого следует более демократичный характер мелодий: небольшой диапазон, монодийность. Песнопения исполняются традиционно без сопровождения, только по воскресным дням пению общины аккомпанирует инструмент, озвученный как орган.

Основной целью предпринятой реформы было желание сделать службу более понятной, современной, активнее привлекать к ходу богослужения верующих и адаптировать литургические богослужения применительно к характеру и традициям различных народов. Именно сегодня мы можем наблюдать отражение этих нововведений в религиозно-музыкальной культуре католической общины в России. Этот процесс динамичной трансформации культуры требует серьезного изучения и осмысления. Однако особое место в этом процессе должно быть уделено соотношению традиций и новаций. Без традиций не только не существует ни одной культуры в истории человечества, но без нее невозможно представить себе и само существование человеческого общества. На основе традиции строится самоидентификация человека и общностей, в ней аккумулируется их культурная энергия, которая содействует дальнейшему развитию культуры. Однако любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция. Ни одна традиционная черта не присуща обществу изначально, она имеет свое начало, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим ныне как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией [1, с. 160]. Следует отметить, что традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот. Традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества, инновация необходима для его развития.

Новация представлена комплексом явлений, которые возникают на основе изменения мировоззренческих взглядов, этот момент ознаменован появлением новых культурных феноменов. Мировоззрение меняется при смене ценностной доминанты в культуре, так как только ценность проходит сквозь всю культуру, формируя ее единство. Культура ищет новые художественные средства при помощи смены мировоззренческих оснований, в итоге формируется новый взгляд на мир, происходит открытие новых взглядов, облеченных в новые формы. Новация является фактором, который влечет за собой самообновление и способствует приспособлению культуры к постоянно меняющимся условиям жизни.

Литература

1. Арутюнов С. А. Народы и культура: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
2. В Москве представлен «Римский Миссал Католической Церкви в России» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cathmos.ru/content/ru/publication-2011-11-17-14-52-24.html (дата обращения: 16.06.2016).
3. Егле Л. Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 29/2. – С. 43–50.

4. Карчмит М. А. Эволюция жанра мессы. Реквием [Электронный ресурс]. – URL: http://molmk.by/images/Materials/missa.pdf (дата обращения: 08.09.2015).
5. Конституция о священной литургии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/index.htm (дата обращения: 18.06.2016).
6. Левик Б. В. Месса [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belcanto.ru/messa.html.
7. Римско-католическая Церковь на севере Кузбасса [Электронный ресурс]. – URL: http://www.catholickemerovo.ru/nashi-prikhody (дата обращения: 03.05.2016).
8. Спиридонов Ю. История григорианского песнопения: речитатив молитвы хоралом отзовётся [Электронный ресурс]. – URL: http://music-education.ru/istoriya-grigorianskogo-pesnopeniya-rechitativ-molitvy-horalom-otzovyotsya (дата обращения: 18.08.2016).
9. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. – М.: Наука, 2004. – 816 с.

References

1. Arutyunov S.A. *Narody i kul'tura: razvitie i vzaimodeystvie [People and culture: development and interaction]*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 243 p. (In Russ.).
2. *V Moskve predstavlen "Rimskiy Missal Katolicheskoy Tserkvi v Rossii" [In Moscow, presented "The Roman Missal of the Catholic Church in Russia"]*. (In Russ.). Available at: URL: http://www.cathmos.ru/content/ru/publication-2011-11-17-14-52-24.html (accessed 16.06.2016).
3. Egle L.Yu. Traditsionnaya kul'tura: osnovnye podkhody k issledovaniyu [Traditional culture: the main research approaches]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no 29/2, pp. 43-50. (In Russ.).
4. Karchmit M.A. *Ehvolyutsiya zhanra messy. Rekviem [Evolution of the Mass genre. Requiem]*. (In Russ.). URL: http://molmk.by/images/Materials/missa.pdf (accessed 08.09.2015).
5. *Konstitutsiya o svyashchennoy liturgii [The Constitution on the Sacred Liturgy]*. (In Russ.). Available at:http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/index.htm (accessed 18.06.2016).
6. Levik B.V. *Messa [Mass]*. (In Russ.). Available at: http://www.belcanto.ru/messa.html.
7. *Rimsko-katolicheskaya Tserkov' na severe Kuzbassa [The Roman Catholic church in the north of Kuzbass]*. (In Russ.). Available at: http://www.catholickemerovo.ru/nashi-prikhody/ (accessed 03.05.2016).
8. Spiridonov Y. *Istoriya grigorianskogo pesnopeniya: rechitativ molitvy khoralom otzovyotsya [History of Gregorian chants: recitative chant prayers resound]*. (In Russ.). Available at: http://music-education.ru/istoriya-grigorianskogo-pesnopeniya-rechitativ-molitvy-horalom-otzovyotsya (accessed 18.08.2016).
9. Shveytser A. *Iogann Sebast'yan Bakh [Johann Sebastian Bach]*. Moscow, Nauka Publ. 2004. 816 p. (In Russ.).

УДК 391(571.513)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХАКАССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Абдина Раиса Петровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры психологии, педагогики и методик национального и поликультурного образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан, РФ). E-mail: rabdina@mail.ru

Алексеева Анаргуль Григорьевна, адъюнкт, Санкт-Петербургский университет министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: anara42@mail.ru

В статье актуализируется необходимость исследования традиционного костюма с точки зрения аксиологических вопросов современности и с позиции его семантического и художественно-эстетического значения в адаптации традиционных форм к условиям современного глобализирующегося мира. Понимание различными этносами собственной культурной ценности, попытки сохранения национальной самобытности требуют изучения исторической динамики изменений, происходящих в традиционной культуре. Поэтому попытки и стремление народа исследовать, сохранять и развивать

свою традиционную этническую самобытную культуру, свою идентичность, формировать в каждом этническом сообществе чувства духовного единства и самоценности своего народа в условиях активного процесса влияния техногенной культуры являются актуальной проблемой сегодня. Традиционный костюм – это отличительный признак этнокультуры, отражающий своеобразие национального менталитета, материальных и духовных ценностей этноса, а также его взаимодействие с другими народами. Изучение и сохранение традиций в народном костюме способствует сохранению этнической культуры. В свою очередь, аксиологические аспекты изучения хакасского костюма в контексте традиционной культуры позволяют рассмотреть природу ценности этноса, его картину мира, мировоззрение, его связи с социальными и культурными факторами.

Ключевые слова: народная культура, традиционный костюм, мировоззрение этноса, аксиологические основания, хакасский этнос.

THE AXIOLOGICAL BASIS OF THE STUDY OF THE KHAKASS NATIONAL COSTUME IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL CULTURE

Abdina Raisa Petrovna, PhD in Philology, Sr. Instructor of Department of Psychology, Pedagogies and Techniques of National and Polycultural Education, Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: rabdina@mail.ru

Alekseeva Anargul Grigoryevna, Graduate of Military Academy of Federal Public State Educational Institution of Higher Education, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: anara42@mail.ru

Transition of a modern civilization to the information stage of development, which is characterized by globalization processes, exerts ambiguous impact on all spheres of human activities, therefore cultural values of human life are exposed to essential changes. In modern conditions of globalization, actively there are processes of cultural integration, and borders between cultures gradually become indistinct, forming the single polycultural space. Besides, the phenomena of globalization provoke transformation of traditional social ethical standards, moral and cultural values of the people. Understanding the various ethnoses of own cultural value, attempt of preserving national originality require studying of historical dynamics of the changes happening in traditional culture. Therefore, attempts and the aspiration of the people to research keep and develop the traditional ethnic original culture, the identity to create in each ethnic community of feeling of spiritual unity and a worthiness of the people in the conditions of active process of influence of technogenic culture is an urgent problem today.

Identity in a sociocultural sense represents the set of steady lines allowing this or that group, ethnic or social, to distinguish itself from others and by that to determine the place and a role in a system of social relations. Many elements of traditional culture, one of which is the traditional suit, belong to factors of national identification. From the point of view of a culturological perspective, the suit research from a line item of its semantic and art and esthetic value in adaptation of traditional forms to conditions of the modern globalized world is of special interest. The traditional suit is the distinctive sign of ethnoculture reflecting an originality of national mentality, material and cultural wealth of ethnos, and its interaction with other people. Studying and preserving traditions in a traditional suit promotes preserving national artistic environment and ethnic culture in general.

The Khakass are an aboriginal population of Khakassia, which constitute about 12 % of inhabitants of the republic today. Despite relatively small number of carriers, the four territorial dialects are allocated now: Kachinsky, Sagaysky, Kyzyl and Shor.

The Khakass traditional suit acts as means of storage and transfer of a difficult complex of information in which are allocated utilitarian, esthetic, sign and other aspects.

Keywords: folk culture, traditional costume, the worldview of the ethnic group, axiologically reason, the Khakass ethnic group.

Переход современной цивилизации в информационную стадию развития, характеризующуюся процессами глобализации, оказывает неоднозначное влияние на все сферы человеческой деятельности, в результате чего существенным изменениям подвергаются культурные ценности человеческого бытия. В современных условиях глобализации активно происходят процессы культурной интеграции, причем границы между культурами постепенно становятся размытыми, образуя единое поликультурное пространство. Кроме того, явления глобализации провоцируют трансформацию традиционных социально-этических норм, нравственных и культурных ценностей народа. Понимание различными этносами собственной культурной ценности, попытки сохранения национальной самобытности требуют изучения исторической динамики изменений, происходящих в традиционной культуре. Поэтому попытки и стремление народа исследовать, сохранить и развивать свою традиционную этническую самобытную культуру, свою идентичность, формировать в каждом этническом сообществе чувства духовного единства и самоценности своего народа в условиях активного процесса влияния техногенной культуры являются актуальной проблемой на сегодняшний день. Идентичность в социокультурном смысле представляет совокупность устойчивых черт, позволяющих той или иной группе этнической или социальной отличать себя от других и тем самым определять свое место и роль в системе социальных отношений. К факторам национальной идентификации относятся многие элементы традиционной культуры, одним из которых является традиционный костюм. С точки зрения культурологической проблематики особый интерес представляет исследование костюма с позиции его семантического и художественно-эстетического значения в адаптации традиционных форм к условиям современного глобализирующегося мира. Традиционный костюм – это отличительный признак этнокультуры, отражающий своеобразие национального менталитета, материальных и духовных ценностей этноса, а также его взаимодействие с другими народами.

Изучение и сохранение традиций в народном костюме способствует сохранению народной художественной среды и этнической культуры в целом. Как отмечает Л. Р. Павлинская, «единство земной цивилизации во всем многообразии и многоликости было осознанно человечеством сравнительно недавно, эпоха великих открытий положила начало объединению народов в единое население планеты. Однако потребуется еще несколько веков, чтобы человечество осознало… уникальную ценность каждой культуры, ее особый вклад в сокровищницу мировой цивилизации» [12, с. 94]. В этой связи возникает необходимость исследования национальной идентификации с точки зрения аксиологических вопросов современности, а именно вопросов, связанных с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой, как личности, так и этноса в целом [7].

Аксиологические аспекты изучения культурного наследия коренных этносов Сибири, расшифровка традиционной культуры обусловлены, по мнению И. Г. Ултургашевой, «не противоположностью культуры природе», а природоцентричностью культуры в естественном синкретизме смысложизненной целостности «Природа – Человек – Вселенная» [16, с. 44]. Подтверждение этой точки зрения мы находим в исследовании семантики хакасского народного костюма.

Хакасы являются коренным населением Хакасии и на сегодняшний день составляют около 12 % от жителей республики. Несмотря на относительную малочисленность носителей хакасского языка, в нем в настоящее время выделяется четыре территориальных диалекта: качинский, сагайский, кызыльский и шорский. Названия диалектов восходят к известным с дореволюционного времени самоназваниям этнических групп (субэтносов) хакасов: *хаастар* «качинцы» (проживают в Ширинском, Усть-Абаканском и Алтайском районах), *сагайлар* «сагайцы» (Аскизский и северная часть Таштыпского района), *хызылла*р «кызыльцы» (Орджоникидзевский район и некоторая часть Ширинского района), *шорлар* «шорцы» (Таштыпский район). Кроме указанных субэтносов на территории Хакасии и по настоящее время живут также *пилтірлер* «бельтыры» и *хойбаллар* «койбалы». Однако в языковом отношении бельтыры и койбалы утратили многие специфические свои особенности, и их диалекты, как считают хакасские диалектологи, слились с соседними крупными диалектами: бельтырский с сагайским, койбальский с качинским [13]. Зна-

чительная часть хакасов заметно ассимилировалась с более многочисленным русскоязычным населением. В результате многие представители коренного населения утратили свой язык, оторвались от родной культуры и полностью перешли на русский язык и русский образ жизни, что еще раз подтверждает актуальность нашего исследования. Хакасский народный костюм выступает как средство хранения и передачи «сложного комплекса информации, в котором выделяются утилитарный, эстетический, знаковый и другие аспекты» [9, с. 106]. Для правильного понимания его необходимо не только проследить факторы внешние, повлиявшие на сложение костюма – исторические, природно-климатические условия, формы хозяйствования, но и факторы, определяющие внутреннее содержание вещи, отражение в ней представлений традиционного мировоззрения. Хакасский традиционный костюм символичен, система знаков и символов, заключенных в нем, строится в соответствии с картиной мира этноса, которая основывается на концепции мировой горы или мирового дерева. Не случайно каждое героическое сказание начинается с картины сотворения мира, с мировой горы, являющейся местом жительства главного героя – богатыря или богатырки:

…У подножия хребта Ах-сын,
Что шестью вершинами вознесся,
Течет великая река Ах-талай,
Шестью рукавами разлившись.
У подножия высокого хребта
Пасется много разного скота,
На берегу великой реки Ах-талай
Живет несметное число людей…
Хозяйкой пасущего скота,
Ханшей народа была
Прекрасная Пичен-Арыг,
Которая ездила на шестисаженном
Бело-игренем коне [20, с. 250].

Картины мира, по мнению исследователей, структурированы категориальными, классификационными схемами и должны изучаться историей ментальности. Предметом истории ментальности является анализ поведения, ценностных ориентаций, особенностей быта, нравов, обычаев, форм жилища, символики одежды пр. [8, с. 57]. Понятия ментальность и картина мира разграничиваются по степени осознанности: картина мира – осознанное представление, а ментальность сознанием не рефлексируется [22, с. 55]. Через картину мира ментальность связана с культурой. Картина мира носителей конкретного языка отражается структурой смыслов слов и определяется культурой и ментальностью эпохи [18, с. 7]. Полагают, что основной единицей ментальности является концепт данной культуры, реализуемый в границах словесного знака в частности и языка в целом и предстающий в содержательных формах как образ, как понятие и как символ [11]. В связи с этим на сегодняшний день слово рассматривается не только как основная структурно-семантическая единица, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, но и как инструмент мысли, аккумулятор и транслятор культуры [1].

Образ мирового древа организует пространственную среду как трехчастную модель: верхний мир, средний мир и нижний мир. В хакасском мировоззрении эта модель о происхождении мира дошла до нас в известной легенде о двух утках. Одна из них (Ульгень) посылает другую (Эрлик) за песком на дно реки. Тот песок, который первая утка получила от второй, она взбивает колотушкой девять дней, и в результате образуется земля. Утка-Эрлик утаила для себя часть песка. Песок, который она сохранила у себя, превратился в высокие горы. В наказание за обман первая утка не дала ей земли для проживания. Провинившаяся утка все-таки выпросила землю размером со след трости, проткнула землю и ушла в отверстие. Так они разграничили места обитания и сферы влияния.

В декоре и элементах традиционной одежды хакасов прослеживается четкое трехчастное деление, которое подчеркивается следующими предметными кодами [9, с. 23]: головной убор – верхний мир, пояс – средний, подол и обувь – нижний мир.

Соотнесение головного убора с сакральным верхом, известное с древнетюркского времени, делало этот предмет обязательным атрибутом при молении и необходимым предметом одежды шамана. У народов Саяно-Алтая при камлании шамана шапка выступала заместителем человека, испрошенные души *кут* шаман клал в шапку, таким образом головные уборы становятся чашей и реализуют идею «наполненности», являются сим-

волическими носителями плодородия [9 с. 177]. Женская праздничная шапка хакасской свахи *тӱлгӱ пӧрік* – символ наполненной чаши, плодородия, что подчеркивается самой формой. В традиционном обществе плодородие человека, как и плодородие скота, являлось залогом благополучия, и в таком важном обрядовом действии, как свадьба идея плодородия проявлялась особенно ярко. В самом женском костюме каждый элемент является одновременно и символом плодородия, и оберегом его защищающим.

В хакасском фольклоре шапку сравнивали с птицей, что подчеркивало ее принадлежность к верхнему миру, например, на верхушке высокого дерева сидит большая птица (загадка), ответ – шапка на голове [17].

Главной функцией одежды являлась, прежде всего, защитная функция. Как в прямом смысле, защита от внешней среды, так и в магическом – защита от внешних, враждебных сил – «одежда являлась границей между телом (микрокосмом) и миром (макрокосмом)» [9, с. 175]. В традиционном мировоззрении хакасов, как и у многих других народов, нательная и верхняя одежда воспринимается как покров, защита человека, живущего во втором, среднем мире трехчастной модели. В сложносоставном слове *кип-азах* отражено понятие комплекса одежды и обуви (*кип* – вид верхней одежды, *азах* – нога), обозначающее одежду в целом. У хакасов словом *кип* называют и послед новорожденного. По представлениям хакасов, ребенок, родившийся «в рубашке» (*кип-тан тӧӧрен*), был наделен счастьем «талаан». Его «рубашку» бережно хранили вместе с пуповиной в мешочке, куда клали серебряную монету, которые обычно находились в сундуке или специальной шкатулке. Это делалось, чтобы ребенок рос здоровым. Когда ребенок вырастал, то мать передавала ему «рубашку» со следующими словами: «Пусть твоя рубашка, рожденная вместе с тобой, будет твоей надежной защитой!» [5]. И если, будучи взрослым, он отправлялся на охоту или в дальнюю поездку, то на счастье ее зашивали в одежду. При возращении домой «рубашку» отпарывали и снова клали в сундук. После смерти ее хоронили вместе с покойником. Эта «рубашка» новорожденного, так же как и вся одежда, носимая человеком в течение жизни, считались неразрывно связанными с ним и его судьбой.

В традиции ношения одежды наиболее ярко проявлялись представления о защитных ее функциях, например, перед тем как надеть новый костюм его окуривали от злых духов богородской травой (хак. *ирбен от*). В одежде для магической защиты наиболее уязвимые места дополнительно защищались различными элементами: пуговицами, орнаментом, раковинами каури, которые выполняли функции оберега. Например, большая перламутровая пуговица – тана, которой застегивали ворот рубахи, защищала *тын (дыхание)* – одно из проявлений души человека (до самой смерти, пока не «обрывалось дыхание») [14, с. 29]. О том, что пуговица обладает функцией оберега, мы находим подтверждение в многообразии названий этого элемента одежды: *тана* – крупная перламутровая пуговица; *топчы* – 1) пуговица с ушком; 2) большая коралловая бусина; *марха* – пуговица; *іргек марха* – пуговица (букв.: *іргек* – самец); *тізі марха* – петлица пуговицы (букв.: *тізі* – самка). После смерти человека пуговицы срезались, и надрезался ворот. Это нужно было для того, чтобы «выпустить душу», если этого не сделать, то умершего не примут в страну мертвых [6]. Потеря пуговицы считалась плохой приметой. Подтверждение этому мы находим в хакасском фольклоре:

Богатырь Чибетей
До цели доехать не может,
К подмышке пришитая пуговица у него
Висит (на одной нитке),
К вороту пришитая пуговица у него повисла и болтается… [19, с. 255].

Так иносказательно говорилось о скорой гибели героя в хакасских алыптыг нымахах – героических сказаниях. Следующий пример представлен в шаманском обращении к богине Умай, где шаман, испрашивая долгую жизнь детям, иносказательно говорит:

Пусть не рушатся их изголовья,
Пусть их вороты долго не рвутся,
Пусть застежки застегнуты будут…
[17, с. 381].

Идея целостности одежды как целостности защиты человека связана с представлениями хакасов о том, что порванные вещи являлись принад-

лежностью мира умерших и становились целыми в стране мертвых [3]. В соответствии с этими представлениями умерших хоронили в платье навыворот, а шубу одевали внутренней полой наверх [6]. Это делалось потому, что характеристики нижнего мира в хакасском мировоззрении, для обитателей среднего противоположны: «Любые непорядок, разрушение, ссора, порок притягивают обитателей нижнего мира. Поэтому нельзя пользоваться треснувшей посудой, носить грязную, рваную одежду, ходить с незастегнутыми пуговицами… подавать вывернутое платье, перелицевывать одежду и т. д.» [3]. Считается, что можно легко подвергнуть порче человека через определенное воздействие на его одежду. Поэтому повреждение или потеря одежды может предвещать несчастье или болезнь ее владельца. У хакасов существует представление, по которому не рекомендуется надевать одежду больного человека или человека из рода, где часто болеют, так как «ағыры чух парар» можно получить болезни, «больную душу» этого человека. Для очищения такой одежды следует ее тщательно постирать и подержать над открытым огнем. Считалось, что «от инезі арығлабызар» дух огня ее очистит.

Важной деталью традиционной одежды являлся пояс, который, повязанный на талии, согласно распространенным на территории Южной Сибири представлениям был основным отличием людей среднего мира: небожители носили его под мышками, обитатели подземного царства на бедрах [9, с. 182]. В хакасских героических сказаниях термином «хур» (пояс) обозначалось объединение воинов, по всей видимости, по родственному признаку. Почти таким же термином обозначались родоплеменные кочевые аилы у монголов [15, с. 44]. Таким образом, в этом термине суммировались такие понятия как «пояс», «круг», «защита» и т. д. Семантическое значение «защиты» пояса проявляется в обычае обязательного подпоясывания всех мужчин, которые присутствуют на похоронах, и ношении вдовой траурного пояса на похоронах мужа (обычно замужней женщине подпоясываться запрещалось) [9, с. 211]. Эти обычаи объясняются тем, что необходимо было закрыть свою душу, чтобы душа покойного не потянула ее за собой. Защитная функция пояса прослеживается и в поверьях хакасов, заключающихся в том, что днем во время сна младенца, если дома никого не было, поперек его колыбели клали пояс (*хур*), ночью же это делали в любом случае. Считалось, что пояс «*паланың худын хайралапчар*» охраняет душу ребенка. Если все-таки ребенок чего-то испугался, то над ним проводят специальные обряды – *хурайласчалар*. Термин «*хурайласчалар*» не имеет дословного перевода и обозначает процесс очищения от злых духов. Слово «*хурайласчалар*» произошло от «*хурай*», заклинание, которое использует шаман при камлании. Можно предположить, что слово «*хурай*» произошло от *хур* – пояс, чем опять же подтверждается его магическая сила.

К элементам одежды, относящимся к нижнему миру, принадлежала обувь. Одновременно обувь принадлежала и к женскому порождающему началу, плодородию. Например, в традиционной ветеринарии хакасов существовал способ лечения коров с помощью сапога, снятого с ноги женщины, родившей двойню, которая считалась отмеченной особой плодородной силой [9, с. 180]. Женщина по своей сути считалась более связанной с нижним миром, поэтому ей не разрешалось одевать мужскую одежду, садиться на нее и перешагивать, поскольку подобными действиями «сурнің пасча» нарушалось правильное расположение верха и низа, что вело к болезни мужчины. С атрибутом, принадлежащим к нижнему миру трехчастной модели традиционной одежды хакасов, было связано много поверий, которые соблюдаются в некоторых хакасских семьях и в настоящее время. Например, свою обувь, в частности сапоги, надо класть один поверх другого, особенно на ночь, считается, что надев «отдохнувшую», «*тынанып алзынар*» обувь, человек будет себя чувствовать полным энергии, отдохнувшим, и, как следствие, жизнь его будет полноценная, равномерная, в противном случае говорят: «*Чуртазын иптіг полбас*» (букв.: «Жизнь не будет хорошей»). По обуви судили о человеке, причем неважна ее стоимость, главное ухоженность: *маймағы арыг полза, сырайы андогог* – обувь чиста будет, лицо такое же.

Подтверждение тому, что женщина в хакасском мировоззрении считалась связанной с нижним миром, мы опять же находим в фольклоре, который является мудростью народа, а именно в хакасских фразеологизмах со словом, обозначающем подол, который, как мы указали выше, является кодом нижнего мира трехчастной модели одежды. К числу таких фразеологизмов в хакасском языке относится: *идегі кірліг* (букв.: подол ее грязный). Смысловой перевод этой фразеологиче-

ской единицы в лексикографических источниках такой: развратная (о женщине, ведущей распутный образ жизни) [21, с. 116]. В этом же значении он используется в современном сагайском диалекте хакасского языка, например: *«Ондайның чахсы даа полза, идегің кірліг полза, чуртазың килиспес»* – «Если даже у тебя хороший характер, но ты будешь вести распутный образ жизни, жизнь у тебя не удастся». Однако в северной части Хакасии у носителей качинского диалекта хакасского языка фразеологизм *идегі кірліг* означает период менструации. Следующий пример с компонентом *идек* «подол», характеризует женщину не с положительной стороны, это «*идегі тўзік* ‘неряха, неряшливая женщина’ (букв.: подол ее опущенный)» [21, с. 116]. Например: *«Хысха идегі тезік поларға чарабас»* – «Девушке нельзя быть неряшливой». Фразеологизмы с компонентом *подол* характеризуют не только женский характер, но и мужской, что явно прослеживается в следующем высказывании: «*Идегіңнің алтында одырарға»* – «Не проявлять самостоятельности» (букв.: под подолом сидеть). Например: «*Мылтых хабар орнына хаттар идегіңнің алтында одырглаазар»* – «Вместо того чтобы взять в руки оружие вы сидели под подолами своих баб» [10, с. 32]. В семантике этого фразеологизма подол выступает в качестве некой женской защиты, покровительства для мужчин. Как защита подол выступает и в следующем хакасском фразеологизме: *«Идек чабарға»* – «Защищать кого-либо, заступаться за кого-либо» (букв.: подолом закрывать). Например: *«Че син, Паскир, пайлариа идеєу чаппа»* – «Ты, Паскир, за баев не заступайся (досл.: подолом не закрывай)» [4, с. 28]. Другое значение этого высказывания опять же соотносится с характером девушки, женщины: *«Идек чабарға»* – «Скромничать, стесняться». Например: *«Пасха иренірнең алнында идек чабарға ундуба»* – «Перед посторонними мужчинами веди себя скромно». В значении заступничества и защиты подол выступает и в следующем хакасском фразеологизме: *«Идекке чапсынарға»* – «Искать защиты у кого-либо» (букв.: к подолу цепляться). Например: *«Иден кізее чаппа, позыңа читпес»* (поговорка) – «Подолом своим других не укрывай, самому не хватит» [21, с. 116]. Отношение подола и детей в хакасской культуре прослеживается в выражении, которое является благословением молодой женщине на свадьбу: *«Оң идеегі мал пассын, сол идегі пала пассын»* – «На правую сторону подола пусть скот наступает, на левую сторону пусть дети наступают» [2].

Таким образом, аксиологические аспекты изучения хакасского костюма в контексте традиционной культуры позволяют рассмотреть природу ценностей этноса, его картину мира, мировоззрение, его связи с социальными и культурными факторами. Национальный костюм хакасов в традиционном мировоззрении представлял собой трехчастную модель мира, где каждый элемент расположен в соответствии с системой и является своего рода символом. Изучение народного костюма позволяет по-новому рассмотреть этническое мировоззрение хакасов, исследовать его как часть ансамбля, в котором отражается традиционная модель мира.

Литература

1. Абдина Р. П. Семантика лексемы «дом» в хакасском героическом эпосе как проявление национальной ментальности и ее репрезентация в русском языке // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6, ч. 1. – С. 13–16.
2. Абдина Р. П. Хакасские фразеологизмы с компонентом *подол* и их параллели в русском языке // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 9. – С. 13–15.
3. Ажиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов. Опыт реконструкции. – Абакан, 1997. – 43 с.
4. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. – Абакан, 1996. – 144 с.
5. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан, 1996. – 222 с.
6. Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. – Абакан, 1998. – 200 с.
7. Двуреченская А. С. Аксиологический подход к массовой культуре // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2009. – № 8. – С. 118–125.
8. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – 255 с.
9. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова Н. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988. – 200 с.
10. Нербышев К. Kjгbм хорымнарда: роман. – Абакан, 1983. – 206 с.

11. Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на мат-ле фольклорных и науч. текстов): дис. … д-ра филол. наук. – М., 1999. – 54 с.
12. Павлинская Л. Р. Экология этнических культур Сибири накануне XXI века // Народное искусство Сибири. Судьба традиции. – СПб.: Наука, 1995. – С. 91–99.
13. Патачакова Д. Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. – Абакан, 1992. – С. 14–18.
14. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – Ленинград: Наука, 1991. – 299 с.
15. Сунчугашев Я. И. Хакасские героические сказания как исторический источник // Вопр. этнографии Хакасии. – Абакан, 1981. – С. 28–44.
16. Ултургашева И. Г. Аксиологические аспекты изучения нематериального культурного наследия коренных этносов Сибири // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 21. – С. 44–50.
17. Фольклор Саянских тюрков XIX века. – М.: Новый ключ, 2003. – 542 с.
18. Фрумкина Р. М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58, № 1. – С. 3–10.
19. Хакасский героический эпос «Алтын Арыг» / под ред. В. Е. Майногашевой. – М., 1988. – 591 с.
20. Хакасский героический эпос Ай-Хуучин. – М., 1997. – 476 с.
21. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1111 с.
22. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / под ред. В. Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М., 2009. – 181 с.

References

1. Abdina R.P. Semantika leksemy “dom” v khakasskom geroicheskom epose kak proyavlenie natsional’noy mental’nosti i ee reprezentatsiya v russkom yazyke [The Semantics of the lexeme “house” in the Khakass heroic epos as a manifestation of national mentality and its representation in the Russian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of theory and practice]*. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 6, part 1, pp. 13-16. (In Russ.).
2. Abdina R.P. Khakasskie frazeologizmy s komponentom *podol* i ikh paralleli v russkom yazyke [The Khakass phraseological units with the component hem and their Parallels in the Russian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of theory and practice]*. Tambov, Gramota Publ., 2014, no. 9, pp. 13-15. (In Russ.).
3. Azhiganova L.V. *Traditsionnoe mirovozzrenie khakasov. Opyt rekonstruktsii [The Traditional world Outlook of the Khakass people. Experience of reconstruction]*. Abakan, 1997. 43 p. (In Russ.).
4. Borgoyakova T.G. *Kratkiy khakassko-russkiy frazeologicheskiy slovar’ [Short Khakass-Russian phraseological dictionary]*. Abakan, 1996. 144 p. (In Russ.).
5. Butanaev V.Y. *Traditsionnaya kul’tura i byt khakasov [Traditional culture and lifestyle of this nation]*. Abakan, 1996. 222 p. (In Russ.).
6. Butanaev V.Y. *Etnicheskaya kul’tura khakasov [The Ethnic culture of the Khakass people]*. Abakan, 1998. 200 p. (In Russ.).
7. Dvurechenskaya S.A. Aksiologicheskiy podkhod k massovoy kul’ture [Axiological approach to mass culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state University of culture and arts]*, 2009, no. 8, pp. 118-125. (In Russ.).
8. *Istoriya mental’nostey, istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh [The history of mentalities, historical anthropology. Foreign researches in reviews and abstracts]*. Moscow, 1996. 255 p. (In Russ.).
9. Lvova E.L., Oktyabrskaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova N.C. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri: Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir [Traditional world Outlook of the Turks of southern Siberia: Space and time. Real world]*. Novosibirsk, 1988. 200 p. (In Russ.).
10. Nerbyshev K. *Kygbm khorymnarda. Roman [Kjgbm khorymnarda. Novel]*. Abakan, 1983. 206 p. (In Russ.).
11. Nikitina S.E. *Kul’turno-yazykovaya kartina mira v tezaurusnom opisanii (na materiale fol’klornykh i nauchnykh tekstov). Diss. doktora filol. nauk [Cultural and linguistic world picture in the description of the thesaurus (on the material of folklore and scientific texts). Diss. Dr of filol. sci.]*. Moscow, 1999. 54 p. (In Russ.).
12. Pavlinskaya L.R. Ekologiya etnicheskikh kul’tur Sibiri nakanune XXI veka [Ecology of ethnic cultures of Siberia on the eve of XXI century]. *Narodnoe iskusstvo Sibiri. Sud’ba traditsii [Folk art of Siberia. The fate of tradition]*. St. Petersburg, Science Publ., 1995, pp. 91-99. (In Russ.).

13. Patachakova D.F. O roli dialektov v formirovanii natsional'nykh osobennostey khakasskogo yazyka [On the role of dialects in the formation of national peculiarities of the Khakass language]. *Khakasskaya dialektologiya [Khakass dialectology]*. Abakan, 1992, pp. 14-18. (In Russ.).
14. Potapov L.P. *Altayskiy shamanizm [Altai shamanism]*. Leningrad, Science Publ., 1991. 299 p. (In Russ.).
15. Sunchugashev Y.I. Khakasskie geroicheskie skazaniya kak istoricheskiy istochnik [Khakass heroic legends as a historical source]. *Voprosy etnografii Khakasii [Problems of Ethnography in Khakassia Republic]*. Abakan, 1981, pp. 28-44. (In Russ.).
16. Ulturgasheva I.G. Aksiologicheskie aspekty izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya korennykh etnosov Sibiri [Axiological aspects of the study of the intangible cultural heritage of indigenous ethnic groups of Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 21, pp. 44-50. (In Russ.).
17. *Fol'klor Sayanskikh tyurkov XIX veka [Folklore Sayan turkovich XIX century]*. Moscow, Novyy klyuch Publ., 2003. 542 p. (In Russ.).
18. Frumkina R.M. Kul'turologicheskaya semantika v rakurse epistemologii. [Cultural semantics from the perspective of epistemology]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka [Izvestiya AN. Series of literature and language]*, 1999, vol. 58, no. 1, pp. 3-10. (In Russ.).
19. *Khakasskiy geroicheskiy epos "Altyn Aryg" [The Khakass heroic epos "Altyn-Aryg"]*. Ed. V.E. Maynogasheva. Moscow, 1988. 591 p. (In Russ.).
20. *Khakasskiy geroicheskiy epos Ay-Khuuchin [The Khakass heroic epos Ai-Khouchin]*. Moscow, 1997. 476 p. (In Russ.).
21. *Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 1111 p. (In Russ.).
22. Khrolenko A.T. *Osnovy lingvokul'turologii. Uchebnoe posobie [Foundations of cultural linguistics. Study guide]*. 5th ed. Moscow, 2009. 181 p. (In Russ.).

УДК 811.512

ИНТЕГРИРУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ХАКАССКОЙ ОДЕЖДЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Абдина Раиса Петровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры психологии, педагогики и методик национального и поликультурного образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан, РФ). E-mail: rabdina@mail.ru

Ултургашева Надежда Доржуевна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: n.d.ult@mail.ru

Традиционная одежда любого народа является одним из проявлений материальной и духовной культуры. В ней отражаются традиции, социальные отношения, верования, эстетические нормы, поэтому народный костюм следует рассматривать как один из источников изучения этнической истории народа и его культуры, языка, связей с другими народами. В статье рассмотрены интегрирующие элементы хакасской традиционной одежды, которые имеют наибольшую частотность употребления в повседневной жизни, и их наименования в других языках. Такие элементы обнаруживаются, прежде всего, в обобщенных названиях одежды и часто используемых в повседневной жизни наименованиях ее деталей: шуба, платье, подол, воротник. Исследование хакасской традиционной одежды в сравнительном плане с другими народами, своевременный сбор и анализ этнографической лексики способствует выяснению наличия и особенностей межкультурных связей различных этносов в прошлом и на современном этапе. Исследование народного костюма и обозначающих его терминов в сравнении с языками и культурами других народов позволяет выявить интегрирующие элементы, которые имеют наибольшую частотность употребления в повседневной жизни, что указывает на этническую взаимосвязь сравниваемых языков и наличие межкультурных контактов их носителей в историческом прошлом.

Ключевые слова: язык, этнос, межкультурные связи, интегрирующие элементы, одежда, номинация.

INTEGRATING ELEMENTS OF KHAKASS CLOTHING IN THE INTERCULTURAL ASPECT

Abdina Raisa Petrovna, PhD in Philology, Sr. Instructor of Department of Psychology, Pedagogies and Techniques of National and Polycultural Education, Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: rabdina@mail.ru

Ulturgasheva Nadezhda Dorzhuevna, Dr. of Culturology, Professor, Department Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n.d.ult@mail.ru

The paper presents a systematic description and analysis of the vocabulary dealing with the traditional clothes in the Khakass dialects and the vocabulary from Old Turkic, Altaic family of languages and Russian. The folk costume is one of the manifestations of material culture. It reflects the traditions rooted in ethnic history, social relations and some elements of ideology – beliefs, aesthetic standards. To understand the history of the costume some data terminology should be used since the accurate meaning of the term, its etymology allows to have a deeper insight into the idea that underlies the item of the garment and its name and to reveal its ethnic roots. Alongside with the collection of terms dealing with costume and which are still in use nowadays, their analysis (tracing the origin of the term, determining its literal meaning, its etymology) it is necessary to use data from other languages. The study of the vocabulary of traditional clothes, as well as the clothes of the Khakass subethnic groups in comparison with other related nations will help to find out the evidence of the links of the Khakass people with other nations and their characteristic features.

Traditional suit is one of steady manifestations of material culture in which you find reflections of ethnos way of life, social and cross-cultural relations. It is important and also necessary to attract the data of folklore, data of terminology, and ethnocultural history to understanding the history of a suit in general. All history of ethnoses of Sayano-Altai and their cultural heritage is deepest and diverse roots which fed the subsequent generations with the ideas of unity and, at the same time, a variety of national forms and traditions, and defined richness of spiritual life of traditional ethnocultures. Language relationship is shown that there are general (integrating) dictionary bases – root morphemes which are used, first of all, in the daily speech, and also in special terminology. But the long and rather isolated development of any culture, and respectively and language, leads to formation of the independent (differentiating), typical semantic structures thanks to which there are essential differences in dictionary structure even of closely related languages. If these closely related languages or dialects of a language develop in the conditions of cultural and language contacts, then development of lexicon goes way of parallel alignment of these structures. Thus, the research of a traditional suit and the terms designating it in comparison with languages and cultures of other people allows to reveal the integrating elements which have the greatest rate of the use in everyday life. It indicates ethnic interrelation of the compared languages and availability of cross-cultural contacts of their carriers in the historical past.

Keywords: language, ethnicity, intercultural communication, integrating the elements, clothes, nomination.

Народный костюм – одно из устойчивых проявлений материальной культуры, в котором находят отражения образ жизни этноса, социальные и межкультурные отношения. Для понимания истории костюма важно и необходимо привлекать данные фольклора, данные терминологии, и этнокультурной истории в целом. Как отмечает Н. Д. Ултургашева, через обнаруженные фольклорные параллели можно судить о степени историко-культурной этнической общности народов. Указывая на важность исследований народной культуры этносов Саяно-Алтая, она правомерно устанавливает, что в свете продолжающего процесса консолидации народов, проживающих на указанной территории, эта проблема приобретает особую значимость и актуальность. Вся история этносов Саяно-Алтая и их культурное наследие – это глубочайшие и многообразные корни, которые питали последующие поколения идеями единства и, вместе с тем, разнообразия национальных форм и традиций, и определяли богатство духовной жизни традиционных этнокультур [8]. О важности привлечения данных терминологии С. А. Арутюнов сообщает, что развитие, измене-

ние и межпоколенная передача языка, неязыковой культуры (в частности, материальной) – процессы, хотя и сопряженные, но управляемые разными факторами и закономерностями [2], в связи с этим своевременный сбор и анализ этнографической терминологии поможет выяснению наличия и особенностей межкультурных связей различных этносов в далеком прошлом и на современном этапе. Языковое родство проявляется в том, что существуют общие (интегрирующие) словарные основы – корневые морфемы, которые используются, прежде всего, в повседневной речи, а также в специальной терминологии. Но длительное и относительно изолированное развитие любой культуры, а соответственно и языка, приводит к образованию самостоятельных (дифференцирующих), типичных семантических структур, благодаря которым возникают существенные отличия в словарном составе даже близкородственных языков. Если же эти близкородственные языки или диалекты языка развиваются в условиях культурных и языковых контактов, то развитие лексики идет путем параллельного выравнивания этих структур. Указанный путь создает условия для более высокой степени понятности и переходит в состояние, которое исследователи называют «языковой близостью» [9, с. 38].

Сравнивая лексику хакасской традиционной одежды с другими тюркскими языками, можно выделить интегрирующие элементы, которые обнаруживаются, преимущественно, в обобщенных названиях одежды и ее деталях: шуба, платье, подол, воротник. Ср.: др.-уйг. то:н, тон, том; крх.-уйг. тон; ср.-уйг. тон; ср.-кыпч. тон; арм.-кыпч. тон; ср.-огуз. тон; чаг. тон, тур., гаг., аз., дон, турк. до:н, кар., кум. тон, тат., башк. тун, ног., ккалп., каз. тон; кирг. тон; алт. тон; узб. тон, уйг. тон, уйг. диал. то:н; хак. тон; чул. тон; тув. тон, тоф дон. В указанных языках термин тон приводится в следующих значениях: одежда, верхняя одежда, платье, шуба [7].

Шуба была основной универсальной одеждой хакасов, использовавшейся во все времена года. Вот что пишет о шубе А. А. Кузнецова: «Покрой инородческой шубы, которая зачастую носится и летом, очень своеобразен и главным образом приспособлен для верховой езды» [3, с. 150]. Хакасские шубы ‘тон’ можно классифицировать по следующим параметрам: гендер, возраст и социальный статус их обладателей, назначение, сезонность и размер шуб, покрой, способ и материал их изготовления. Для обозначения этих разновидностей шуб в хакасском языке существует группа составных терминов, компонентом которых является слово тон. Например: ах тон (букв.: белая шуба) – нагольные шубы из натуральной неокрашенной кожи; содаң тон – короткая шуба (букв.: куцая, обрезанная, короткая шуба), теер тон – шуба из овчины (букв.: теер – шкура, овчинный); кіс тон – соболиная шуба. Данный вид шуб практически исчез к нашему времени. Для названия соболя в современном хакасском языке используется слово албыға, а старое общетюркское название соболя киш/кіс используется только в словосочетании кіс тон – соболиная шуба. Идектіг тон – свадебная шуба свахи, которая считалась самой нарядной и почетной у хакасок. Такая шуба отличалась своеобразным перехватом подола, откуда и получила название «идектіг» – то есть подольная. Идектіг тон имеет аналогии в плечевой женской одежде, встречавшейся в прошлом у алтайцев, тувинцев, забайкальских бурят, восточных монголов и китайцев [9, с. 97]. В этих костюмах одинаковы форма верхней левой полы, которая делалась со ступенчатым четырехугольным выступом и глубоко запахивалась на правую, а также перехват подола. В XIX–XX веках традиционные хакасские длинные шубы выходят из употребления и заменяются другими, более приспособленными для оседлого образа жизни. Новый вид зимних шуб получает соответствующее название: хазах тоны (букв.: русская шуба), «на которую идет несравненно меньше материала, и которая, благодаря своему узкому покрою, удобнее для работы» [3, с.146].

Следующим видом одежды, который мы отнесли к интегрирующим, является традиционное хакасское женское платье и мужская рубаха көгенек. Ср.: др.-тюрк. köŋäk. крх-уйг. көңлек; ср.-уйг. кӧмлек; ср.-кыпч. көңлек: арм.-кыпч. кӧлмак ср.-огуз. көңлäк; чаг. көңлäк, кӧйлек, тур. гӧмлек, тур. диал. гӧңлек; турк. кӧйнек, турк. диал кӧйнӧк; кар. кӧлмек, кум. гӧлек, тат. кӧйлек, башк. кӱлдäк; ног., ккалп., каз. кӧйлек; кирг. кӧйнӧк; алт. кӱнек узб. диал. кӧйлек, уйг. көңлäк, уйг. диал. кӧйлäк; шор. кӱңнек; тув. хӧйлең ‘рубашка, платье’ [7]. Хакасское традиционное платье көгенек отличается от одежды соседних народов нали-

чием наплечников и обшлагов. Покрой мужской рубахи незначительно отличается от покроя женского платья: мужская рубаха намного короче, наплечники и обшлага традиционной мужской рубахи шьются из одной и той же ткани, а в женском платье – из ткани другого цвета. Для их различения дополнительно приводятся слова ир (букв.: мужчина) и ипчі (букв.: женщина).

Из деталей традиционной хакасской одежды к интегрирующим элементам можно отнести подол и воротник. Ср.: алт, эдек др.-тюрк. etäk, башк. итэк, каз. етек, кирг. етек, татар. иймек, тув. едек, шор. едек, узб. етек, хак. идек – подол, пола одежды [7].

На сегодняшний день для обозначения воротника в хакасском языке используется слово мойдырых. Данный термин является общим практически для всех диалектов хакасского языка, фонетические отличия имеются лишь в кызыльском диалекте, в котором воротник обозначается словом монҷар. По морфологическому составу термин мойдырых является производным от существительного мойын – шея, к которому добавляется аффикс – дырых, перешедший в связи с изменениями в неотделимую часть слова (мойын+дырых=мойындырых=мойдырых).

В этнографической научной литературе отмечается, что до 30-х годов прошлого века хакасы использовали особый воротник, сшитый из шкурок, снятых с ножек дикой козы, имеющих гладкую и жесткую шерсть. Его носили охотники поверх шубы на промысле для того, чтобы снег, не задерживаясь, скатывался с плеч, и меховая или войлочная шуба не намокала. Такой воротник завязывался спереди [10]. Подтверждение данной информации мы получили у информантов, проживающих в Аскизском и Ширинском районах Хакасии. Однако ни в одном источнике не приводится точное название этой детали одежды. Представляется возможным сделать предположение, что воротник такого типа обозначался словом мойдырых. Поводом для подобного предположения служит информация А. П. Окладникова о том, что у якутов бытовал имеющий практическое значение «общеизвестный ошейник или боа из нанизанных друг за другом на одной длинной нити беличьих хвостов – мойтурук, который предназначен защищать лицо, горло и легкие от обжигающего холода Арктики…» [6, с. 112]. В указанной работе А. П. Окладников также отмечает, что и у эвенков бытовало боа или шарф из беличьих хвостов – вачи. Синонимом вачи у эвенков были мончаптукан и мэнчэптун – названия, связанные со словом шея – менчэн, как и вариант кызыльского диалекта хакасского языка монҷар – шея. Очевидно, что якутский мойтурук и эвенкийский мэнчэптун и по функции, и по названию близки хакасскому мойдырых. В хакасском языке существует еще один, более древний, термин для обозначения воротника – чаға. Он до сих пор используется только в сагайском диалекте хакасского языка. В других языках алтайской семьи он выступает в следующих фонетических вариантах: др.-тюрк. öaqa, алт. öака, каз. жага, калм. зах, кирг. жака, эвен. дьяка, як. саҕа «воротник» [5]. Доказательством более древнего происхождения этого термина может служить то, что он встречается в словаре Махмуда Кашгарского (1072–1074): öaqadaqi öalңali eliqdaki **iсңinғт «из-за того, что (стремится) слизать за воротом, теряет то, что находится в руках»**, а также в сочинениях Юсуфа Баласагунского (1069–1077): ғsanma olғm kelda tғtңa öaqa «не будь беспечным, смерть придет и схватит за ворот» [5]. В хакасских фольклорных произведениях воротник обозначается также термином чаға:

Чағаа *марха хазанғанда,*
Чарас чахсы тілеп парчадым [4].

Раз уж пуговицу к вороту пришил,
Еду искать пригожую, добрую.

Это свидетельствует о том, что термин чаға первичен по отношению к мойдырых. В хакасском языке термин чаға многозначен и обозначает также «пояс (брюк, юбки), край, грань и воротник». Для значения «воротник» в словарях обычно используется пометка «устаревший». Термин чаға означает край, кромку, тесьму, то есть понятие не собственно воротника как части одежды, пришиваемой к вороту, а вырез у горловины, ворот без пришивного воротника, что характерно для одежды халатного покроя скотоводов-кочевников.

Отсюда можно сделать вывод о том, что ворот в традиционной одежде хакасов имел V-образную форму (платье, возможно, имело воротник – стойку) и обозначался термином чаға. С появлением пришивного воротника совершается замена тер-

мина чага (в значении воротник) на мойдырых. В результате произошло расширение первичного значения термина мойдырых, первоначально относившегося лишь к меховой накидке, которую носили охотники на промысле.

Таким образом, исследование народного костюма и обозначающих его терминов в сравнении с языками и культурами других народов позволяет выявить интегрирующие элементы, которые имеют наибольшую частотность употребления в повседневной жизни. Это указывает на этническую взаимосвязь сравниваемых языков и наличие межкультурных контактов их носителей в историческом прошлом.

Литература

1. Абдина Р. П. Об использовании этнографических данных в сравнительно-историческом языкознании // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. ст. – М.: МГПИ, 2010. – С. 281–284.
2. Арутюнов С. А., Козлов С. Я. Древо происхождения языков мира. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ng.rf/science/2006-01-25/14_ezhk.html (дата обращения: 25.11.2012).
3. Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск, 1898. – 182 с.
4. Майногашева В. Е. Хакасский героический эпос «Алтын Арыг». – М.: Наука, 1988. – 591 с.
5. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
6. Окладников А. П. История якутской АССР. – М.: Наука, 1976. – 159 с.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / под ред. Э. Р. Тенишева. – М.: Наука, 2002. – 800 с.
8. Ултургашева Н. Д. Народная художественная культура в системе трансляции ценностей народов Саяно-Алтая. – Абакан, 2002. – 92 с.
9. Шайхулов А. Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики). – Уфа: БКИ, 1988. – 88 с.
10. Шибаева Ю. А. Одежда хакасов. – Сталинград, 1928. –189 с.

References

1. Abdina R.P. Ob ispol'zovanii etnograficheskikh dannyikh v sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii [On the use of ethnographic data in a comparative-historical linguistics]. *Filologicheskie traditsii v sovremennom literaturnom i lingvisticheskom obrazovanii. Sbornik nauchnykh statey [The philological tradition in modern literary and linguistic education. Collection of scientific articles]*. Moscow, MGPI Publ., 2010, pp. 281-284. (In Russ.).
2. Arutyunov S.A., Kozlov S.Y. *Drevo proiskhozhdeniya yazykov mira [The Tree of the origin of the languages of the world]*. (In Russ.). Available at: http://www.ng.rf/science/2006-01-25/14_ezhk.html (accessed 25.11.2012).
3. Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. *Minusinskie i achinskie inorodtsy [Minusinsk and Achinsk foreigners]*. Krasnoyarsk, 1898. 182 p. (In Russ.).
4. *Maynogasheva V.E. Khakasskiy geroicheskiy epos "Altyn Aryg" [Khakass heroic epos "Altyn-Aryg"]*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 591 p. (In Russ.).
5. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., Borovkova T.A., Dmitrieva L.V., Zyrin A.A., Kormushin I.V., Letyagina N.I., Tugusheva L.Yu. *Drevnetyurkskiy slovar' [The ancient Turkic dictionary]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 676 p. (In Russ.).
6. Okladnikov A.P. *Istoriya yakutskoy ASSR [History of the Yakut ASSR]*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 159 p. (In Russ.).
7. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Regional reconstruction]*. Ed. E.R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ., 2002. 800 p. (In Russ.).
8. Ulturgasheva N.D. *Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura v sisteme translyatsii tsennostey narodov Sayano-Altaya [Folk art culture in the system of translation of values of the peoples of Sayano-Altai]*. Abakan, 2002. 92 p. (In Russ.).
9. Shaykhulov A.G. *Istoricheskaya i dialektnaya leksika tyurkoyazyichnykh narodov Volgo-Kamsko-Ural'skogo regiona (aspekty sistemnoy kharakteristiki) [Historical and dialect vocabulary of the Turkic peoples of the Volga-Kama-Ural region (the aspects of system characteristics)]*. Ufa, BKI Publ., 1988. 88 p. (In Russ.).
10. Shibaeva Y.A. *Odezhda khakasov [Clothing Khakas]*. Stalingrad, 1928. 189 p. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ART HISTORY

УДК 78

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ КОМПОЗИТОРА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ). E-mail: umnova@kuzbass.net

Многие десятилетия русская музыка находится в авангарде мировой культуры, что не случайно: созиданию образа музыкальной России и ранее, и в настоящее время способствовали талантливые профессиональные исполнители, дирижеры и композиторы. Упрочению художественных позиций также помогают имеющие более чем двухсотлетнюю историю традиции отечественного музыкального образования. Однако на протяжении последних лет система российского музыкального образования переживает сложный период, поскольку ряд содержательных и материально-технических изменений ослабил процесс распространения в обществе знаний о музыкальном наследии человечества. К негативным явлениям можно отнести и тотальные масштабы распространения во всех областях массовой культуры, что во многом связано с особенностями эпохи постмодерна. Не удалось избежать радикальных перемен, смены эстетических парадигм и музыкальному искусству. Глобализация информационного поля, медиа и телекоммуникации, доступность Интернета позволили музыкантам-профессионалам и музыкантам-любителям прослушивать, анализировать как подлинные шедевры любой эпохи и страны, так и многочисленную низкопробную продукцию представителей массовой культуры. В настоящее время общедоступны компьютерные программы, которые позволяют зайти на тот или иной сайт, скачать демоверсию, научиться воспроизводить звуки, соединять их между собой для создания музыкальных треков. Возникающая ситуация «музыкального перепроизводства» ставит под сомнение необходимость образовательного процесса и для исполнителей, и для композиторов. В этой связи автору статьи важно не только заострить проблему отстаивания подлинных художественных позиций в пору выбора новых ценностей и приоритетов. В содержании статьи предпринята попытка определения тех путей, которые необходимы для развития творческого потенциала и формирования целостной личности молодого композитора, способного обновлять образ музыкальной России. Впервые характеризуется педагогическая деятельность профессора Санкт-Петербургской консерватории, композитора Сергея Слонимского, унаследовавшего в своем творчестве традиции отечественного и европейского искусства.

Ключевые слова: современный композитор, эпоха постмодерна, педагогическая деятельность, Сергей Слонимский.

TO THE QUESTION OF DEVELOPING THE COMPOSER'S PERSONAL MATURITY IN THE POSTMODERN ERA

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Musicology and Musical Applied Art Department, Kemerovo State University of Culture, Member of the Russian Composers Union (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: umnova@kuzbass.net

For many decades, Russian music is at the forefront of world culture, which is no accident: the creation of the musical image of Russia in the past and current contribution of talented professional performers, conductors and composers. The consolidation of artistic positions also helps having a more than bicentennial history of traditions of Russian musical education. However, in recent years the Russian system of music education is going through a difficult period, as a number of substantive and logistical changes have weakened the process of the spread of knowledge about the musical heritage of mankind. A negative phenomena can be attributed to the total prevalence in all areas of mass culture, largely due to the peculiarities of the postmodern era. Musical art was unable to avoid radical change of aesthetic paradigms. Globalization of the information field, media and telecommunications, availability of the Internet has allowed professional and amateur musicians listen, and analyze as true masterpieces of any era and country many of the base products of popular culture. Currently, publicly available computer programs that allow you to go to a particular website, download a demo, learn to play sounds, and connect them together to create music tracks. The resulting situation, "the music of overproduction" questioned the necessity of the educational process for performers and for composers. In this regard, the author of the article says that it is important not only to sharpen the problem of defending the genuine artistic positions at the time of choice of new values and priorities. In the article, an attempt is made to identify those pathways that are necessary for the development of creative potential and formation of an integral personality of the young composer, who is able to update the image of Russian music. The first is characterized by pedagogical activity Professor of Saint Petersburg Conservatory, and composer Sergei Slonimsky, who inherited in his art traditions of Russian and European art.

Keywords: modern composer, postmodern era, educational activities, Sergei Slonimsky.

Двадцатый век вошел в историю человечества как век жестокости и политического тоталитаризма, особенно его вторая половина обнаружила в жизни мирового общества множество противоречий и парадоксов. Именно этот период, получивший свое название как эпоха постмодерна (социальный постмодерн), характеризуется глобализацией многих процессов и явлений, возникновением информационного общества. Основополагающим принципом исторически нового типа культуры, который представлен в философии, науке, искусстве, становится прагматичный технологизм, конформизм, плюрализм идей, мнений, точек зрения, а также эстетический эклектизм, свободное сочетание выразительных средств. «Но одновременно, – по мнению А. И. Неклесса, – с развитием на планете структур массового общества, общества потребления происходит становление нового протосуверена – активной личности, сообществ деятельных личностей, получивших доступ к полноте богатств технологической цивилизации, выражением чего стала индивидуация – предельное состояние земной человеческой свободы» [4, с. 19].

Особенно чутко к переменам отнеслась музыка. Она стала своего рода зеркалом, показывающим эволюцию человеческого мировоззрения, эстетического сознания на своем невербальном, звуковом, чувственном языке. Отказ от стремления «постичь реальность», а также представления о том, что музыка «сама по себе», привели к использованию стилевых аллюзий и цитат, которые стали не только техническим приемом, но сущностной стороной музыки, переросшей из возможности в потребность. Повсеместным в академической музыке становится и привлечение популярных, бытовых мелодий, что музыковед В. Медушевский характеризует следующим образом: «…высокое искусство в эпоху постмодернизма предательски подмигивает массовой антикультуре» [3, с. 22].

Широко распространенным явлением стало уменьшение роли композитора в музыкальной композиции, к тому же на статус композитора претендуют не только диджеи (диск-жокеи), но и авторы мобильных сигналов. Данная ситуация получила отражение в высказывании Владимира Мартынова о том, что время композиторов закончилось: «Времена, когда композитор наподобие Вагнера или Верди мог стать национальным героем и провозвестником национального духа, ушли в безвозвратное прошлое» [2]. Действительно, наряду с композиторской музыкой существует огромный массив музыки некомпозиторской, созданной опытными практиками написания саундтреков «по заказу» для хепенингов, перфор-

мансов, рекламных роликов, звезд шоу-бизнеса и т. п. Эта некомпозиторская музыка не только параллельно сосуществует с музыкой авторов, знающих правила гармонии, полифонии, оркестровки, музыкальной формы, но и оказывается коммерчески более успешной. Поэтому вопрос воспитания и образования молодых авторов с яркой индивидуальностью в настоящее время стоит очень остро, несмотря на то, что русская музыкальная педагогика методически сильна и славится во всем мире.

Современный процесс обучения будущих создателей музыкальных произведений претерпевает значительные изменения и отражается как на его технологической стороне, так и на содержании. Кардинальное переустройство информационного пространства, тем не менее, способствует тому, что профессиональное композиторское творчество на рубеже столетий в России активно развивается. С одной стороны, благодаря мощным традициям сложившейся в XIX веке национальной школы, с другой стороны, благодаря усилиям неординарных музыкантов современности, которые своей собственной творческой активностью, артистическим авторитетом и педагогической деятельностью воспитывают первоклассных профессионалов. Напомним, что практически каждый из русских композиторов как XIX, так и XX веков был учителем в высшем смысле слова. М. И. Глинка и М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков и П. И. Чайковский, С. И. Танеев и Н. Я. Мясковский, В. В. Щербачев и Д. Д. Шостакович, многие другие не только не чуждались педагогической деятельности, но считали вопросы воспитания и просвещения значимыми. Поэтому и сегодня занятия в классе композиции предполагают развитие музыкального кругозора, чувство стиля, эстетического вкуса. В свою очередь распространение знаний о музыкальном наследии способствует формированию целостной личности молодого композитора, его духовности, преумножает интеллектуальное и эмоциональное богатства.

В этой связи значимыми, на наш взгляд, являются педагогический опыт и идеи о методах и направлениях в системе композиторского обучения крупнейшего музыканта современности, народного артиста России, профессора Санкт-Петербургской консерватории, действительного члена Российской академии образования, лауреата государственных премий С. М. Слонимского. Показательно, что Слонимский органично соединяет в своем творчестве композиторскую, музыкально-критическую, педагогическую, общественно-просветительскую и исполнительскую грани таланта (подробнее см. [11]). Педагогическую деятельность Сергей Михайлович начал в Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) государственной консерватории на кафедре теории музыки (1959–1967) и продолжает ее на кафедре композиции (с 1967 года) до сего дня. Проявившиеся с детских лет склонность к импровизации, любовь к музыкальному театру, увлечение сочинениями С. Прокофьева, Д. Шостаковича, М. Мусоргского во многом определили его творческий облик. В школьные годы его учителями были А. Д. Артоболевская и С. И. Савшинский (по классу фортепиано); а также С. Я. Вольфензон, В. Я. Шебалин, Е. О. Месснер, Б. А. Арапов (по классу композиции).

В Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова учителями Слонимского были: по классу композиции – О. А. Евлахов (1955), классу фортепиано – В. В. Нильсен (1956) В 1958 году Слонимский окончил аспирантуру как музыковед под руководством доцента Т. Г. Тер-Мартиросяна, ученая степень кандидата искусствоведения присвоена ему в 1963 году. Назовем имена учеников Слонимского, получивших широкое общественное признание своей деятельности: композиторы В. Кобекин и В. Сапожников, А. Колкер и В. Мигуля, А. Мревлов и А. Радвилович, Г. Коларовски (Македония) и Г. Плис (Аргентина), Ан Е Рим (Корея) и А. Танонов, К. Волнянский (Израиль) и М. Погольский (Германия), О. Бенедиктсон (Ирландия) и Мехди Хоссейни (Иран), Р. Умаров и Настасья Хрущева; музыковеды, доктора искусствоведения А. П. Милка и М. Г. Рыцарева, кандидаты искусствоведения А. В. Вульфсон и А. Л. Порфирьева и др.

Многие оригинальные взгляды Слонимского по вопросам музыкального образования и воспитания представлены в его книгах, статьях и интервью, опубликованных на протяжении уже более полувекового отрезка: с момента выхода в 1956 году статьи «Юность в музыке» (о творчестве молодых композиторов на тему о героизме) до настоящего времени. В качестве одной из последних музыкально-литературных работ назовем

эссе «Мысли о композиторском ремесле» (СПб., 2006) и «Заметки о композиторских школах Петербурга XX века» (СПб., 2012). Эти и другие литературные работы, также сконцентрировавшие и свойственное крупным музыкантам осмысление собственного творчества, представляют большой интерес еще и потому, что в них зафиксированы традиции отечественной композиторской школы, выражено свое ощущение природы творческих и педагогических процессов.

Общим лейтмотивом для размышлений Слонимского о педагогическом процессе может стать следующее высказывание: «Перефразируя мысль Римского-Корсакова об искусстве инструментовки… можно сказать, что индивидуально тонко работать с каждым творческим ярким учеником, помочь ему найти свое в творчестве, обучать его чутко и плодотворно есть тайна, которую не следует пытаться раскрыть научными разоблачениями» [7, с. 5]. В то же время не менее важно для Слонимского и воспитание в учениках нравственных качеств: «Искусство не терпит равнодушия. <…> Мы должны больше думать о людях. Музыка – самое человечное искусство, нельзя требовать от нее человечности, эмоциональности, а самому быть черствым, равнодушным» [10, с. 31]. Добавим к сказанному мнение В. Медушевского: «…слушателям, идущим на концерт классической музыки, не нужен гипноз, ни зомбирование. Нужна окрыляющая сила благодати и радости» [3, с. 40].

Слонимский относится к композиторам, которые демонстрируют универсализм: автор опер и симфоний, педагог, музыкальный писатель и искусствовед, публицист и пропагандист лучших образцов прошлых эпох и современности. Он глубоко убежден в том, что «композитор должен уметь все, что требуется от него в общественной жизни: дать интервью и строго проверить его текст, составленный журналистом; написать рекомендацию или отзыв талантливому артисту или коллеге; выступить с докладом о любимом им классике; организовать и вести музыкальное собрание, посвященное творчеству крупного, несправедливо забытого музыканта; составить концертную программу (не только авторскую, а практически любую); хорошо знать историю музыки – всеобщую и, тем более, отечественную; детально разбираться в теории (будь то гармония, анализ музыкальных произведений, полифония или сольфеджио); лучше других музыкантов знать драматургию, поэзию, художественную прозу, живопись, драматический театр, хореографию, вокальное искусство, а также философию, историю, некоторые точные науки» [9, с. 22].

Вспоминая традиции русской композиторской школы, Слонимский освещает извечный вопрос: «Должны ли предшествовать курсу свободного сочинения курсы гармонии, контрапункта, фуги, инструментовки и форм или параллельно с ними с первого курса должно начаться и свободное сочинение?» [7, с. 18]. Ему близка позиция М. Балакирева, начинавшего обучение прямо со свободного сочинения в самых сложных жанрах в современных стилевых параметрах. В то же время Слонимский напоминает, что классики, включая Бетховена и Шуберта, Грига и Бизе, Глинку и Чайковского, овладевали и навыками строгого стиля классицизма: «Все зависит от того, кто и как ведет курсы свободного сочинения, формы, гармонии, полифонии, инструментовки, насколько творчески приближает педагог все дисциплины к современной композиторской практике» [7, с. 19].

Интересно, что балакиревский импровизационный метод преподавания композиторам применил и развил в стенах Петербургской консерватории в 1920–1940-е годы В. Щербачев. Можно считать, что он развил и преумножил методические принципы Балакирева. Напомним, что в творческой школе Щербачева обучались композиторы Б. Арапов, Г. Попов, В. Пушков, М. Чулаки; дирижеры: Е. Мравинский, И. Мусин, а также музыковеды и пианисты. Как пишет Р Н. Слонимская, «среди учеников Щербачева деятельное участие в становлении и развитии принципов его школы, заветов Балакирева-педагога всю свою долгую педагогическую жизнь выполнял Б. А. Арапов» [5, с. 146]. Акцентируем внимание на отношении Слонимского к педагогическим подходам М. Балакирева, которого современный Мастер считает «самым великим учителем по композиции за всю историю мировой музыки» [6, с. 7]. Действительно, Балакирев – не только продолжатель глинкинских традиций, но и своеобразный лидер в деле обучения музыкантов разных специальностей, а также любителей музыки в XIX веке. Его вклад в отечественную музыкальную педагогику неоценим, а балакиревская идея о всеобщем музыкальном образовании сегодня лишь частично реализована как в России, так и в других странах.

Слонимскому близки задачи, которые Балакирев ставил перед своими учениками: не только овладеть техническими приемами, которым учили в европейских и русских консерваториях, но необходимо формировать и новый музыкальный язык, стилистически ориентированный на современное искусство. Балакирев ждал от своих учеников выстраданного, яркого, оригинального материала. Как отмечает Слонимский, «его… художественная натура избрала взрывчатую, стихийную, непредсказуемую импровизацию формой выражения педагогических идей, формой творчески сильного и чуткого перевоплощения учителя в души учеников, в их ярко индивидуальный тематический материал. Поразить воображение, убрать все препоны шаблонных вкусов, приемов и привычек, научить ученика летать ранее, чем он научится ходить… Такова, думается, глубоко осознанная цель столь небывалого и столь естественного, изначально музыкального процесса балакиревских уроков-импровизаций» [6, с. 7]. Представляется, что желание преодолеть препоны на уроках композиции у Слонимского связано с его стремлением открыть студентам новые горизонты современной музыки. В. Кобекин вспоминает: «…был 1967 год. Новые музыкальные течения поругивали в печати, но студенты композиторского факультета уже могли с ними знакомиться: алеаторика от Лютославского, додекафония и сериальность от Булеза – Веберна, конкретная музыка, электронная и т. п. <…> опусы Штокхаузена, Лигети, Кейджа мы слушали и обсуждали на уроках Слонимского» [1, с. 137].

Многие русские композиторы были не только преподавателями, но и просветителями, им была дорога судьба русского музыкального образования, которое они в первую очередь связывали с задачами воспитания соотечественников, особенно молодых. В этой связи актуальны мысли Слонимского о том, что музыкальное искусство как никакое другое влияет не только на личность, душу человека, но и на нравственное состояние общества. Поэтому в разных по жанрам и ракурсам музыкально-литературных опусах Слонимский убежденно отстаивает большую музыку, привлекая личные мысли, правдиво вспоминая реальные факты, иногда прибегая к безыскусной речи, порой возвышая голос до патетического красноречия. Процитируем некоторые из высказываний. Так, накануне премьеры Реквиема, посвященного невинно убиенным, число которых растет буквально с каждым часом, в интервью для «Санкт-Петербургских ведомостей» композитор поделился своими опасениями: «…тот музыкальный фон, который сопровождает нашу повседневную жизнь, это обыкновенный лохотрон. И самое страшное, что на этом фоне проходит жизнь подростков. Вы посмотрите на ребят с плейерами на головах. Ведь подаваемые им сигналы из двух-трех нот зомбируют. Страшно проходить мимо группы таких подростков. <…> И в немалой степени это связано с тем, что происходит в нашей музыкальной индустрии. Ведь музыка – это язык души. Какой музыкальный язык навязывают подросткам, такими и формируются их души. <…> Нельзя забывать, что жизнь народа – подлинная жизнь – отражается серьезной музыкой. Возьмите любую симфонию Шостаковича – это жизнь. <…> Сейчас все ссылаются на рейтинги. Дескать, у серьезной музыки рейтинги нулевые. Может быть, я чего-то не понимаю, но уверен, что такие высказывания – еще один в нашей жизни лохотрон. …Я вот давно предлагаю на телевидении сделать передачу о тех детях, которые вопреки всему занимаются музыкой, слышат ее, любят ее. …Мы не имеем права упустить еще одно поколение, позволить ему пройти мимо музыки» [8, с. 2].

В педагогическом процессе Слонимскому важно сориентировать молодых композиторов и в современных тенденциях развития музыкального искусства. Мастер убежден, что Третий авангард – очень интересное направление, в котором прослеживается явное преимущество супертембра: «…знаменем третьего авангарда явился супертембр, вооруженный до зубов, помноженный на электронные и компьютерные технологии, спектральная обертоновая шкала – это новый виток самого древнего свойства музыки. При этом… третье тысячелетие может быть “золотым” тысячелетием музыки, если будут отброшены, прежде всего запрет на мелодию, гармонию, полифонию, весь комплекс выразительных средств. Я против всякого запрета в искусстве, особенно музыкального» [12, с. 34].

Не вызывает сомнений, что педагогическая деятельность С. Слонимского уже многие десятилетия представляет собой, с одной стороны, практику свободного воспитания, с другой, процесс целенаправленного нравственного и профессио-

нального воздействия на молодых композиторов с целью формирования у них способности воспринимать и видеть красоту в искусстве и жизни, оценивать ее. В классе Мастера воспитывается эстетический вкус и отстаиваются идеалы личности; развиваются способности к самостоятельному творчеству и созданию прекрасного в третьем тысячелетии.

Литература

1. Вольные мысли. К юбилею С. Слонимского. – СПб.: Композитор, 2003. – 616 с.
2. Мартынов В. И. Конец времени композиторов. – М.: Рус. путь, 2002. – 296 с.
3. Медушевский В. В. Духовный анализ музыки: учеб. пособие. – М.: Композитор, 2014. – 632 с.
4. Неклесса А. И. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст // Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст: мат-лы науч. семинара. – М.: Науч. эксперт, 2008. – 272 с.
5. Слонимская Р. Н. Развитие музыкальных способностей студентов гуманитарных вузов: моногр. – СПб.: Композитор, 2008. – 276 с.
6. Слонимский С. М. Балакирев – педагог // Совет. музыка. – 1990. – № 3. – С. 7–12.
7. Слонимский С. М. Заметки о композиторских школах Петербурга XX века. – СПб.: Композитор, 2012. – 84 с.
8. Слонимский С. М. Музыка – это язык души // СПб. ведомости. – 2004. – 30 окт. – С. 1–2.
9. Слонимский С. М. Мысли о композиторском ремесле. – СПб.: Композитор, 2006. – 25 с.
10. Слонимский С. М. Редакционные беседы // Совет. музыка. – 1974. – № 2. – С. 31–33.
11. Умнова И. Г. Преломление музыкально-просветительских традиций в литературной деятельности композитора С. Слонимского // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33 (1). – С. 165–171.
12. Фестивали, конференции, конкурсы, творческие встречи // Музык. акад. – 2014. – № 4. – С. 32–34.

References

1. *Vol'nye mysli. K yubileyu S. Slonimskogo [The free thought. For the anniversary of S. Slonimsky]*. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2003. 616 p. (In Russ.).
2. Martynov V. I. *Konets vremeni kompozitorov [The End of time of composers]*. Moscow, Russkiy put' Publ., 2002. 296 p. (In Russ.).
3. Medushevskiy V.V. *Dukhovnyy analiz muzyki. Uchebnoe posobie [The Spiritual analysis of music. The tutorial is in two parts. Textbook]*. Moscow, Kompozitor Publ., 2014. 632 p. (In Russ.).
4. Neklessa A.I. Epokha Postmoderna i novyy tsivilizatsionnyy kontekst [The Postmodern Era and the new civilizational context]. *Tsivilizatsionnyy kontekst i tsennostnye osnovaniya rossiyskoy politiki. Materialy nauchnogo seminara [The context of civilizational and axiological grounds of Russian politics. Materials of scientific seminar]*. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2008. 272 p. (In Russ.).
5. Slonimskaya R.N. *Razvitie muzykal'nykh sposobnostey studentov gumanitarnykh vuzov. Monografiya [Development of musical abilities of students of humanitarian universities. Monograph]*. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2008. 276 p. (In Russ.).
6. Slonimskiy S.M. Balakirev – pedagog [Balakirev – teacher]. *Sovetskaya muzyka [Soviet music]*, 1990, no. 3, pp. 7-12. (In Russ.).
7. Slonimskiy S.M. *Zametki o kompozitorskih shkolakh Peterburga XX veka [Notes on the composers schools of St. Petersburg of the twentieth century]*. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2012. 84 p. (In Russ.).
8. Slonimskiy S.M. Muzyka – eto yazyk dushi [Music is the language of the soul]. *SPb. vedomosti [St. Petersburg statements]*, 2004, 30 October, pp. 1-2. (In Russ.).
9. Slonimskiy S.M. *Mysli o kompozitorskom remesle [Thoughts about the songwriting craft]*. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2006. 25 p. (In Russ.).
10. Slonimskiy S.M. Redaktsionnye besedy [Editorial interviews]. *Sovetskaya muzyka [Soviet music]*, 1974, no. 2, pp. 31-33. (In Russ.).
11. Umnova I.G. Prelomlenie muzykal'no-prosvetitel'skikh traditsiy v literaturnoy deyatel'nosti kompozitora Sergeya Slonimskogo [Breaking musical and educational traditions in the literary work of the composer Sergei Slonimsky]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 33 (1), pp. 165-171. (In Russ.).
12. Festivali, konferentsii, konkursy, tvorcheskie vstrechi [Festivals, conferences, contests, creative meetings]. *Muzykal'naya akademiya [Academy of music]*, 2014, no. 4, pp. 32-34. (In Russ.).

УДК 78.06

«ПО МОТИВАМ ТАТАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА» СОФИИ ГУБАЙДУЛИНОЙ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Шириева Надежда Велеровна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры татаристики и культуроведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, РФ). E-mail: taha1978@mail.ru

Дыганова Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры татаристики и культуроведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, РФ). E-mail: dirigerdea@mail.ru

София Губайдулина – живой классик современной музыки, один из самых востребованных композиторов нашего времени, чьи непрестанные поиски в сфере тембровых звучаний сопряжены с не менее напряженными духовными исканиями. Родившаяся в городе Казани, на перекрёстке двух культур – татарской и русской и двух религий – мусульманской и христианской, она не могла не испытывать их влияния в своем творчестве. И наиболее ярко оно выражалось в неугасаемом интересе Губайдулиной к богатейшему арсеналу выразительных средств, предоставляемых восточной музыкой.

Проблема синтеза западных и восточных культурных традиций в музыке композитора получила достаточно широкое освещение в музыковедческих трудах. Однако сочинения Софии Губайдулиной, основывающиеся на пентатонном звукоряде, – одна из наименее исследованных областей её творческого наследия. Три цикла для малой, альтовой и басовой домры в сопровождении фортепиано «По мотивам татарского фольклора» содержат характерные ладовые и ритмические особенности, отличающие татарскую традиционную музыкальную культуру. Спецификой данного сочинения является полистилистика, которой композитор обрамляет своеобразие национального музыкального языка. Эта особенность порождает проблему билингвизма, заключающуюся в соотношении в музыкальном тексте «По мотивам татарского фольклора» «своего» и «чужого» как художественного диалога этнического и общеевропейского. Подход к решению этой проблемы лежит в русле теории интертекстуальности, с помощью которой анализируются различные параметры межтекстовых связей в сочинении Губайдулиной. Эклектизм музыкальной ткани, образуемый сочетанием ангемитонных структур, элементов джазовой стилистики и сонорики, интонаций испанской гитарной музыки, отнюдь не противоречит композиционной целостности «По мотивам татарского фольклора». Полистилистические черты данного сочинения, представляющего «единство множества», могут быть объяснены царившими во время его написания постмодернистскими тенденциями. Итогом проведенного исследования является вывод об этнической самоиндентификации композитора в пространстве разных культур и объяснение «игры стилей» как новой формы художественного синтеза, объединяющего тенденции мирового искусства с установками этнокультуры.

Ключевые слова: домра, интертекстуальность, общеевропейское, пентатоника, полистилистика, синтез, татарская музыка, художественный диалог, этническое.

“TATAR FOLKLORE INSPIRATIONS” BY SOFIYA GUBAIDULINA: INTERTEXTUALITY ASPECTS

Shirieva Nadezhda Velerovna, PhD in Art History, Senior Lecturer, Department of Tatar Studies and Culturology, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: taha1978@mail.ru

Dyganova Elena Aleksandrovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Tatar Studies and Culturology, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: dirigerdea@mail.ru

Sofiya Gubaidulina, a living classic of modern music and one of the most popular composers of our time, is in constant search of both new timbres and spiritual truths. Born in Kazan (Russia), at the intersection of

Tatar and Russian cultures as well as Islam and Christianity, she was naturally influenced by all of them, which is best reflected in Gubaidulina's continual interest in the wide range of expression means offered by Oriental music. This phenomenon led to a wide discussion among musicologists on a synthesis of Western and Oriental cultural traditions in Gubaidulina's music.

However, Sofiya Gubaidulina's music based on the pentatonic scale is one of the most poorly studied areas in her artistic legacy. Three cycles of pieces *"Tatar Folklore Inspirations"* for small, alto and bass domra with piano accompaniment analysed in this paper have specific modal and rhythmic features characterising Tatar traditional music. Its main feature is polystylistics, which serves as form to the traditional music language and creates bilingualism with the "own" and the "alien" as a dialogue between the local ethnic and the European. This phenomenon is analysed using the intertextuality technique applied to various parameters of intertextual links. A combination of anhemitonic structures, stylistic jazz elements, sonorism and Spanish guitar intonations produces an eclecticism that does not contradict the compositional integrity of *"Tatar Folklore Inspirations"*. The polystylistics of this music, as a unity of varieties, can be explained by the postmodern trends of the time of its composition. This study reveals how the composer identifies herself within different cultures and explains her "play of styles" as a new form of artistic synthesis integrating the world art trends with ethnic cultural paradigms.

Keywords: domra, intertextuality, European, pentatonism, polystylistics, synthesis, Tatar music, artistic dialogue, ethnic.

XX век явил собой наступление эры особой музыкальной экспрессии, потребовавшей изобретения принципиально иных методов работы со звуковым материалом. Одним из способов получения новых звучаний для композиторов стал синтез традиций этнической музыки с конструктивными законами западноевропейского искусства. Особенно привлекательной была музыка Востока. Интерес к ней В. Н. Холопова объясняет прогрессом европейской музыки, за несколько веков прошедшей путь от натурального обертонового ряда до микрохроматики и погрузившейся сферу тембров, сонорики, неметрированного ритма [12, с. 153].

Эксперименты по введению в композицию характерных элементов восточного музыкального языка начались еще в творчестве К. Дебюсси, М. Равеля, М. Мийо, Ф. Пуленка, Э. Вила-Лобоса, О. Мессиана и были продолжены Г. Коуэллом, Ч. Айвзом, Дж. Кейджем. В одном ряду с названными композиторами стоит имя Софии Губайдулиной. Впитав в себя все тенденции современной композиторской техники, она также не избежала тяготения к музыке Востока, что в её случае было неизбежным. Рожденная от союза отца-татарина и русской матери в крае, где проживали два народа, тесно переплелись две религии, она не могла не испытывать влияния различных ментальностей. Вероятнее всего, это и определило ту специфическую «ориентальность» музыки Губайдулиной, в которой характерные свойства западной музыки, такие как ясность, конструктивность, чёткое следование нарративной логике, переплетаются с типичными чертами восточного искусства, к которым относятся созерцательность, вариативность, импровизационность [10, с. 36].

Проблема органичного сосуществования западных и восточных «речевых элементов» в музыкальном языке Софии Губайдулиной всегда интересовала исследователей её творчества. Она поднимается в трудах отечественных ученых В. Н. Холоповой, А. Ю. Кудряшова, китайского музыковеда Гань Бихуа, американского исследователя Фей Дамарис Нери.

Несмотря на связь с Востоком, ощущаемую во многих сочинениях Губайдулиной, в её творческом наследии мало сочинений, основанных на татарских пентатонных мотивах. Это три цикла по пять пьес для домры «По мотивам татарского фольклора» (1977), три пьесы для двух труб – «Татарская песенка», «Праздник», «Суюмбика» (1979), музыка к татарскому кинофильму «Три дня праздника» (1979) и «Татарский танец» для баяна и двух контрабасов (1992). Скромный перечень произведений, в которых Губайдулина обращается к татарской пентатонике, обусловил весьма малое количество исследований, посвященных её музыке с национальным колоритом. К ним можно отнести труды И. Р. Башаровой и Ш. Х. Монасыпова, в которых внимание исследователей локализовалось на музыкально-знаковой стороне «татарских» сочинений Губайдулиной (И. Р. Баша-

рова) и на их интерпретации с позиции духоведения (Ш. Х. Монасыпов). Также первые исполнители «По мотивам татарского фольклора» – Г. Мухаметдинова (домра) и Ю. Сокольская (фортепиано) – издали методические рекомендации, объединяющие анализ образной стороны пьес с практическими указаниями, касающимися специфики их исполнения. Однако в задачи указанных авторов не входило погружение в проблему обнаружения в данных произведениях оригинального художественного диалога этнического и общеевропейского. А поскольку этническое уже «задано» пентатоникой, то модели этого диалога будут выстраиваться на основе преимущественно одного параметра текстового билингвизма – разных форм отношений пентатоники и «расширенной тональности».

Обозначенная проблема соотношения в тексте сочинений Губайдулиной субстанциональных основ этнической музыкальной культуры и общеевропейского композиторского логоса обусловили поиск соответствующей методологии. Наиболее адекватной представляется сложившаяся в недрах лингвокультурологии теория интертекстуальности, активно используемая сегодня в музыковедении, и, в частности, её интерпретация М. Г. Арановским [1], в которой ученый ставит акцент на способе превращения «чужого» (заимствованного) в «свое» (оригинальное). Данное исследование будет посвящено анализу подобного рода межтекстовых связей в самом первом опусе Губайдулиной, где она отдает дань своим татарским корням – «По мотивам татарского фольклора».

Главным конструктивным элементом музыкальной ткани этого сочинения является пентатонный звукоряд мажорного и минорного наклонения. Необходимо отметить то значимое место, которое Губайдулина отводит стилизации звучания татарских народных песен и наигрышей. Здесь можно услышать вольный наигрыш курая (первая пьеса первого цикла), сокровенные напевы мунаджата (соло альтовой домры в первой части второго цикла), имитацию звучания танбура[1] (партия басовой домры в первой пьесе третьего цикла). Эпическими интонациями, отсылающими к древнему жанру баитов, пронизан монолог малой домры в третьей пьесе первого цикла и тематизм третьей пьесы второго цикла. Стариной веет от мелодического материала солирующей басовой домры в той же по счету части заключительного цикла. Прием игры *pizzicato*, сопряженный с глиссандо и вибрато, создает медитативный настрой, погружая в сакральное пространство каждого звука.

Но, используя в вышеупомянутых пьесах ангемитонные ладовые структуры, Губайдулина не замыкается в рамках бесполутоновости. Она разрушает ее архаическое звучание, то вкрапляя в него яркие «всполохи» хроматических звуков (второй цикл первой пьесы), то следуя по пути полимодального сочетания фрагментов пентатонных звукорядов мажорного и минорного наклонений, при этом нарочито избегая явного определения ладовой окраски (второй цикл третьей пьесы), либо разрежая сгущенное пентатонное пространство «мерцанием» пентаккордов или хроматических кластерных созвучий (первый цикл второй пьесы, третий цикл первой и третьей пьесы).

Роль хроматики существенно усиливается в пьесах скерцозного характера. Интересно, что Губайдулина прибегает здесь к жанру так называемой «легкой» музыки, помещая ангемитонные мотивы в джазовые танцевальные ритмы. Таковы пьесы под номером II в первом и третьем циклах. Нужно отметить, что Губайдулина, обычно редко обращающаяся к подобного рода аллюзиям, использует «шлягерность», следуя музыкально-эстетической парадигме А. Шнитке, в которой эстрадные музыкальные жанры были символом зла в искусстве (см., например, «Час души»). Но в данном случае обращение к стилистике джаза не несет никакой инфернальной нагрузки. Скорее можно предположить чисто технический интерес композитора к сплавлению острого синкопированного джазового ритма и ангемитонных структур. Доказательством служат слова самой Губайдулиной. В одном из своих интервью, отвечая на вопрос о том, что она получает от легкой музыки, Софья Асгатовна сделала следующее признание: «Мне очень нравится джаз. Луи Армстронг, Дюк Эллингтон – для меня это просто открытия. Я вижу Армстронга с его трубой, и от первого же звука прихожу в такое же, как у него, экстатически позитивное состояние» [9].

[1] Разновидность струнно-щипкового музыкального инструмента типа лютни, распространённого в арабских странах.

Как можно заметить, это любопытство породило полный необычных находок акустический результат. Например, в скерцо первого цикла свойственная динамичным джазовым композициям репетитивность мотивной ячейки, перемежаемая резким звучанием пауэр-аккордов с расщепленной квинтой, переходит в свою противоположность во втором разделе пьесы. Пентатонный звукоряд, теряя синкопированный драйв, обрамляется блюзовыми гармониями – малым минорным и большим мажорным септаккордами, – в свою очередь перерождающимися в диатонические кластеры, на фоне которых звучат отголоски первой темы.

Схожим принципом организации музыкального материала отмечена IV часть второго цикла. Пьеса начинается моторным остинатным ходом *g – f,* к которому время от времени прибавляется гемидитон *g – b*. Этот трихорд можно назвать мотивной ячейкой. Подобная мелодическая структура характерна для жанра такмак. Однако Губайдулина уходит от ритмической и метрической регулярности, свойственной данному типу напевов, путем заключения мотивной ячейки в разное количество тактов.

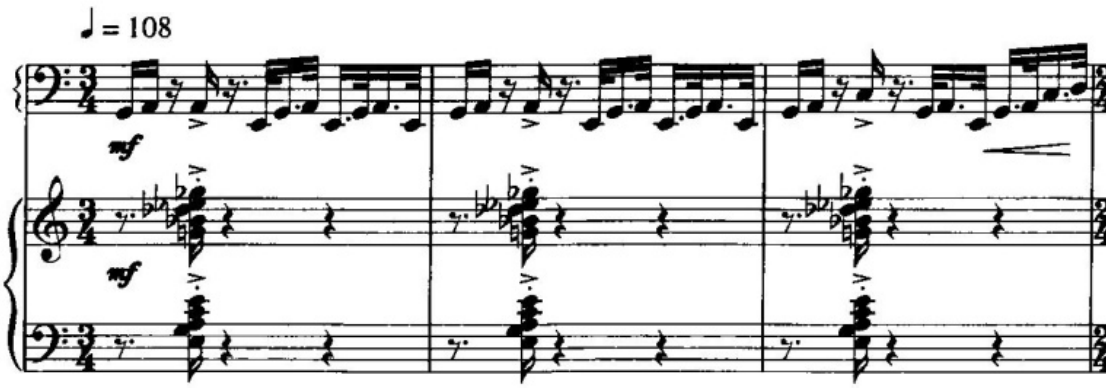
Партия фортепиано вносит свою лепту в разрушение квадратной структуры: остро звучащие квартаккорды приходятся на разные полные и неполные доли такта. Впоследствии интервальный состав кластеров будет беспрестанно меняться, обрастая диатоническими и хроматическими побочными тонами, что при сохранении интонационной структуры мотива у домры напоминает джазовый стиль бибоп, в котором импровизационность распространялась на сферу гармонии, а не мелодии.

Вторая пьеса третьего цикла написана в стиле буги-вуги. Пентатонный мотив у домры сопровождается колкими ударами фортепиано, подчеркнутая диссонантность которых оттеняет модальную структуру темы (см. нотный пример 1).

Нотный пример 1

С. Губайдулина «По мотивам татарского фольклора», пьеса II из «Пяти пьес для басовой домры и фортепиано»

II



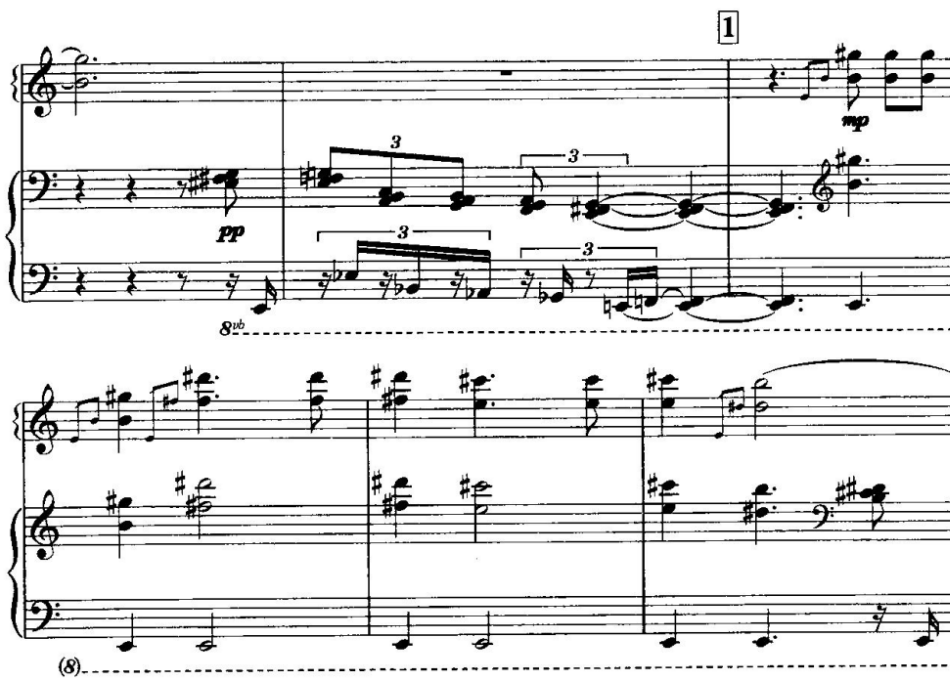
Постепенно Губайдулина видоизменяет заданную пентатонную «формулу», вводя в неё хроматические звуки. Во втором разделе пьесы тематическая ячейка полностью теряет свой первоначальный ладовый облик – композитор оставляет лишь характерный пунктирный ритм, отдаваясь стихии тотальной хроматики. Губайдулина использует здесь приемы, заимствованные из джаза – соло инструментов (домра – рояль – домра), полиритмию, фантазийные пассажи по хроматической гамме, глиссандо домры вверх-вниз. В репризе происходит возвращение пентатонного тематизма в партии домры, однако, стремясь до конца соблюсти джазовую стилистику, Губайдулина заканчивает часть характерным способом – «зависанием» домры на диссонантном звуке (*fis*).

Еще одним опытом стилизации является имитация в циклах «По мотивам татарского фольклора» звучания музыкальных инструментов, принадлежащих фольклорным традициям других народов. Например, в пьесе IV первого цикла резкий тембр домры напоминает звук балалайки, а быстрый темп и прием тремоло может быть ассоциирован с манерой исполнения русских плясовых наигрышей. Губайдулина добивается в этом эпизоде терпкого звукового колорита за счет сопоставления ангемитонного звукоряда минорного наклонения от *gis* и чистой кварты *a – d*. Подход к кульминации характеризуется возрастающим напряжением. Лубочная колористичность вертикали уступает место сонорности, усиленной контрастом секвенцируемых вверх, кружащихся хроматических интонаций домры и бурдонного звучания рояля в контроктаве. Сама кульминация представляет собой глиссандирование вверх и вниз по тритонам на протяжении нескольких тактов, завершающееся «сползанием» звучания. Это своего рода звуковой символ сизифова труда, так или иначе возникающий во многих сочинениях Губайдулиной [11, с. 150].

В ряде пьес можно обнаружить отголоски испанской фольклорной музыки. Так, Губайдулина использует домру как эквивалент испанской гитары. Характерные приемы звукоизвлечения, ритмоформулы, фактура создают живое впечатление гитарного исполнения. К примеру, в пьесе V первого цикла перечеркнутый форшлаг из двух нот перед гармонической, секстой звучит как медленный вариант арпеджио[2]. В партии домры композитор отказывается от пентатонного лада: выразительная лирическая мелодия звучит в верхнем регистре натурального ми мажора. Удвоение ее в сексту, ритмический рисунок, состоящий из триольных и дульных группы восьмых, – все эти особенности изложения отсылают нас к жанровому своеобразию испанской музыки (танцам, серенадам, романсам) (см. нотный пример 2).

Нотный пример 2

С. Губайдулина «По мотивам татарского фольклора», пьеса V из «Пяти пьес для малой домры и фортепиано»



[2] Композитор ставит ремарку – «Подражая звучанию гитары».

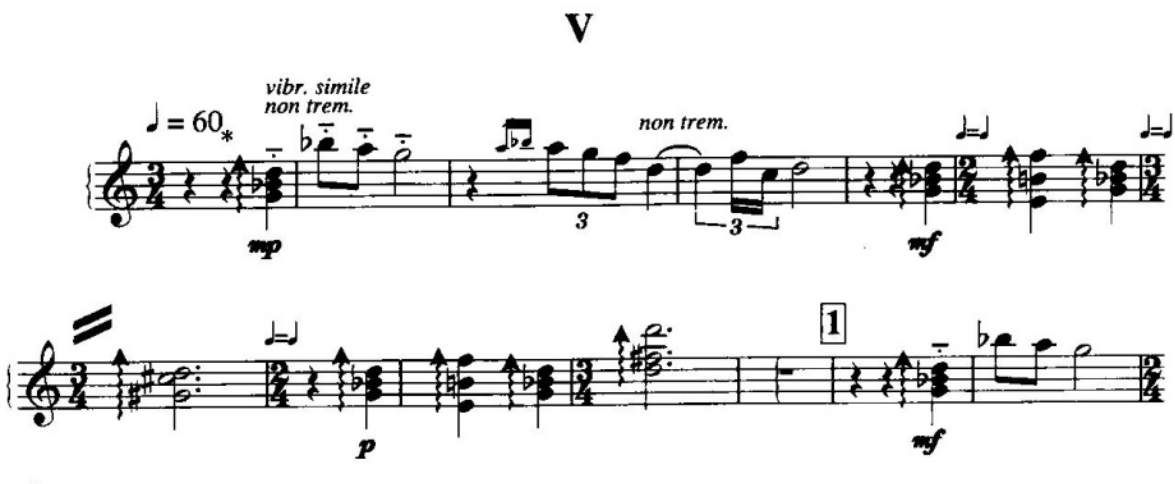
В данной пьесе Губайдулина прибегает к своему излюбленному принципу выстраивания музыкальной драматургии – принципу контраста, который в конкретном случае выражается в противопоставлении консонанса и диссонанса, диатоники и хроматики, верхнего и нижнего регистров. Светлые, размеренные, почти идиллические фразы домры перемежаются сумбурными репликами рояля в нижнем регистре, характеризующимися «рваной» ритмикой, нисходящим движением, резко звучащими кластерными созвучиями. В этой оппозиции отчётливо проступает символ – спокойствие вечности и суета бренности, темпоральность и интемпоральность, возвышенное и земное.

Пьеса II из второго цикла – это аллюзия на жанр фламенко. Об этом свидетельствуют переменный размер (5/8, 4/8, 3/8, 6/8), неквадратный, квазисинкопированный ритмический рисунок солирующей домры. В основе повторяемого мотивного звена лежит интонация кварты (чистой и увеличенной), которая является материалом для построения аккордовой вертикали. Явной ангемитонности в пьесе нет, однако в структуре неальтерированных кластеров рояля она просматривается. Если разложить их по горизонтали, то можно обнаружить характерное для бесполутоновости квинтовое расположение звуков. Развитие происходит путем секвенцирования заданного мотивного сегмента по полутонам вверх, после чего партии обоих инструментов начинают взаимодействовать в технике, отдаленно напоминающей мензуральный канон: прозрачной квартовой «капели» восьмых длительностей рояля противостоит тягучий «распев» этого же интервала у домры. Завершается часть медитативным раскачиванием квартовой интонации вверх от ми первой октавы. Достигая своей вершины (*g3*), звучность, словно вздрагивая и трепеща, истаивает в флажолетном тремоло.

Оригинальный микс звукоизвлечения в подражание гитаре, элегических интонаций и пентатоники можно наблюдать в пьесе V этого же цикла. Первый раздел состоит из повторяющейся четыре раза фразы, которую можно разделить на две части. В первом двутакте после арпеджиато трезвучия *g-moll* на слабой доле такта следует восходящий ход на малую сексту с последующим поступенным спуском – типичный мелодический оборот русской романсовой лирики. Во втором двутакте Губайдулина ритмически обыгрывает пентатонный звукоряд минорного наклонения от *ре*, украшая его характерными для татарской музыки мелизмами. Таким образом, возникает очередной символ – в одной музыкальной фразе объединены два культурных мира – русский и татарский – с их самыми яркими чертами (см. нотный пример 3).

Нотный пример 3

С. Губайдулина «По мотивам татарского фольклора», пьеса V из «Пяти пьес для альтовой домры и фортепиано»



Небольшими интерлюдиями между повторами фразы служат аккордовые «переборы», основу которых составляет полиладовость: на мелодический минор *g a b c d e fis* наслаивается лидомиксолидийский (или так называемый «подгалянский») лад *g a h cis d e f* (с вкраплением звука *gis*).

Второй раздел пьесы представляет собой имитацию роялем наигрыша курая. Пентатонный напев минорного наклонения от звука *d* обрамляется бесполутоновыми созвучиями, строящимися по звукам двенадцатитонового ряда. Совмещая эти две конструкции – линеарную и вертикальную – Губайдулина добивается поразительного сонорно-акустического эффекта: архаический ангемитонный мелос, помещенный в контекст свободной двенадцатитоновости, начинает переливаться и играть разными красками, обретая новые смысловые грани.

В двух заключительных частях третьего цикла пентатоника встречается лишь фрагментарно, уступая место хроматической атональности. Первый раздел IV части построен на концентрическом развитии одного мотивного сегмента в рамках «свободной двенадцатитоновости» [4, с. 88]. Можно предположить, что в контексте атональной организации материала он выполняет функцию «центрального элемента» (Ю. Холопов), являясь тем «исходным интонационным комплексом, который и генерирует все мелодические и гармонические образования композиции» [4, с. 90]. Губайдулина репрезентирует начальный интонационный конструкт в вертикальном созвучии *Gis – A – es* у домры, в следующем такте сразу же «раскладывая» его по горизонтали в партии рояля. Затем она присоединяет к данному мотиву звук *D*. Тем самым образуется сцепление двух тритонов – *D – Gis* и *A – es*. Это интонационная ячейка исполняет роль того звена, которое будет генерировать интонационные преобразования, построенные на постепенном добавлении к тритоновому комплексу хроматических звуков *E, F, Fis, G, Gis*.

Фактурное решение Губайдулиной второго раздела пьесы напоминает склад мелодия + аккомпанемент. Ангемитонный мелос в партии рояля сопровождается аккордовым «боем» у домры.

Преимущественное использование здесь композитором консонансных созвучий, ясное разграничение компонентов фактурного слоя по вертикали, эмоциональный накал звучания, обусловленный пунктирным и синкопированным ритмом, внезапной сменой темпа (вполовину быстрее прежнего) и динамики (*ff*) – всё это резко контрастирует с предыдущим эпизодом, где превалирует постепенность музыкального развития, линеарное изложение материала, диссонансы и хроматика.

В третьем разделе наблюдается возвращение первоначальной формы организации музыкальной ткани, однако можно заметить определенные изменения. Существенно расширяется область гемитоники, охватывая практически весь двенадцатитоновый ряд. Начальная интонационная структура тритон + тритон модифицируется, приобретая вид – чистая кварта + тритон. Хроматический катабасис – «трагический символ нисхождения» [5, с. 54] – готовит сосредоточенно-меланхоличную коду, построенную на интонационно-фактурной инверсии второго раздела пьесы. Ранее проводившаяся в партии рояля тема переходит к домре. Низкий регистр и равномерная ритмика мелодии на фоне синкопированной пульсации аккордов фортепианного аккомпанемента придают звучанию сумрачный колорит, а в интонационной структуре и имитирующей «голос» виолончели тембровой окраске альтовой домры можно услышать отголоски «Элегии» Ж. Массне (Нотный пример 4).

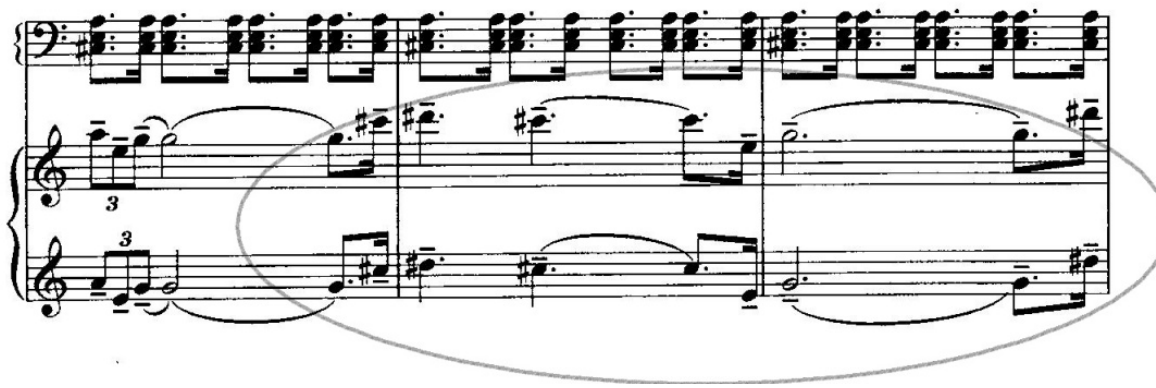
Постепенно истаивающая звучность готовит заключительную часть третьего цикла. Этот финал имеет явно выраженную эсхатологическую окраску. Глиссандирующее «жужжание» домры изображает «звуки ветра на кладбище»[3] (цит. по [8, с. 12]). Потусторонний мир находит отражение в «двух планах бытия» партии рояля: постепенное сошествие минорных трезвучий вглубь басового диапазона по хроматической гамме (вновь – catabasis!) уравновешивается уплывающими в хрустальную высь верхнего регистра аккордами. В этих гармониях, по словам С. Губайдулиной, «ни один звук не совпадает, и поэтому в каждом из них возникает тяготение, разрешающееся в противоположном пространстве»[4] (цит.

[3] Из личной беседы Гузель Мухаметдиновой с Софией Губайдулиной.

[4] Из личной беседы Юзефины Сокольской с Софией Губайдулиной.

Нотный пример 4

С. Губайдулина «По мотивам татарского фольклора», пьеса IV из «Пяти пьес для басовой домры и фортепиано»



по [8, с. 19]). Так возникает эйдетический символ: «звук, рожденный на земле» [8, с. 19] есть отраженная сущность иного – космического – мира.

Музыкальный триптих «По мотивам татарского фольклора» представляет собой оригинальный сплав различных стилей, где органично сочетаются черты татарской фольклорной музыкальной культуры, терпкое звучание джаза, сонористические методы работы с музыкальной тканью, элементы рока и этномузыки других народов. Пронизывающие весь цикл пентатонные звучания являются здесь репрезентантами тех языковых протоструктур, которые демонстрирует укоренённость музыкальной речи Губайдулиной в глубинных слоях родовой памяти. А мастерское внедрение Губайдулиной пентатоники в «речевое пространство» общеевропейской музыкальной лексики позволяет не только относить «По мотивам татарского фольклора» к произведениям, демонстрирующим особенности национальной композиторской школы, но и с полным правом рассматривать это сочинение как образец, соответствующий ведущим художественным явлениям своего времени.

Литература

1. Арановский М. Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. – М.: Композитор, 1998. – 341 с.
2. Башарова И. Р. Смысловая организация музыкального текста инструментальных сочинений для детей Софии Губайдулиной: дис. … канд. иск.: 17.00.02. – Уфа, 2008. – 264 с.
3. Гань Б. Воплощение образа восточного ощущения в произведениях С. Губайдулиной. – М., 1997. – 47 с.
4. Дьячкова Л. С. Гармония в музыке XX века: учеб. пособ. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2003. – 296 с.
5. Козылов А. С. Альфред Дезенкло «Прелюдия, каденция и финал» для саксофона и фортепиано. Особенности интерпретации // Актуал. проблемы высш. музык. образования. – 2010. – № 2. – С. 53–55.
6. Кудряшов А. Ю. Об особенностях ладогармонического устройства «Сада радости и печали» С. Губайдулиной // Проблемы музыкознания. Музыка. Язык. Традиция: сб. науч. тр. / отв. ред.-сост. В. Г. Карцовник. – Л.: ЛГИТМиК, 1990. – Вып. 5. – С. 179–192.
7. Монасыпов Ш. Х. Портреты выдающихся деятелей искусств Татарстана (в духовно-научном освещении): моногр. – Казань: Казан. гос. консерватория, 2014. – 320 с.
8. Мухаметдинова Г. Ф., Сокольская Ю. Ю. Методические и исполнительские рекомендации к трем циклам пьес С. Губайдулиной «По мотивам татарского фольклора» (с нотными текстами). – Казань: Казан. гос. консерватория им. Н. Г. Жиганова, 2013. – 82 с.

9. Полякова С. София Губайдулина: как звучит неизвестное [Электронный ресурс] // Новая газ. – 2007. – 29 янв. – URL: http://www.novayagazeta.ru/arts/37200.html (дата обращения: 06.09.2016).
10. Холопова В. Н. Специфика стиля С. Губайдулиной и ее Третий квартет // Поэтика музыкальной композиции. – М.: ГМПИ им. Гнесиных. 1991. – Вып. 113. – С. 32–50.
11. Холопова В. Н. Российская академическая музыка последней трети XX – начала XXI века (жанры и стили) [Электронный ресурс]. – М., 2015. – 226 с. – URL: http://www.kholopova.ru/RussianAcademicMusic(Genresand Styles).V.Kholopova.pdf (дата обращения: 06.09.2016).
12. Холопова В. Н. София Губайдулина и восточный авангард: моменты корреляции // Музыка XX века. Москов. форум. МГК им. П. И. Чайковского. – М., 1999. – Сб. 25. – С. 153–160.
13. Neary F. D. Symbolic structure in the music of Gubaidulina. Dr of Musical Arts diss. – Columbus: The Ohio State University, 1999. – 196 p.

References

1. Aranovskiy M.G. *Muzykal'nyy tekst. Struktura i svoystva [Musical text. Structure and features]*. Moscow, Kompozitor Publ., 1998. 341 p. (In Russ.).
2. Basharova I.R. *Smyslovaya organizatsiya muzykal'nogo teksta instrumental'nykh sochineniy dlya detey Sofii Gubaydullinoy. Diss. kand. iskusstvovedeniya [Semantic organisation of Sofia Gubaidulina's instrumental music for children. Dr. ped. sci. diss.]*. Ufa, 2008. 264 p. (In Russ.).
3. Gan' B. *Voploshcheniye obraza vostochnogo oshchushcheniya v proizvedeniyakh S. Gubaydulinoy [Typification of Oriental perception in the music of S. Gubaidulina]*. Moscow, 1997. 47 p. (In Russ.).
4. D'yachkova L.S. *Garmoniya v muzyke XX veka [Harmony in the music of the 20th century]*. Moscow, RAM im. Gnesinykh Publ., 2003. 296 p. (In Russ.).
5. Kozylov A.S. Al'fred Dezenklo "Prelyudiya, kadentsiya i final" dlya saksofona i fortepiano. Osobennosti interpretatsii [**"**Prelude, cadenza and finale**"** for saxophone and piano. Interpretation specifics]. A*ktual'nyye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya [Current Problems of Higher Music Education]*, 2010, no. 2, pp. 53-55. (In Russ.).
6. Kudryashov A.Yu. Ob osobennostyakh ladogarmonicheskogo ustroystva "Sada radosti i pechali" S. Gubaydullinoy [Modal and Harmonic Features of S. Gubaidulina's "The Garden of Joy and Sorrow"]. *Problemy muzykoznaniya. Muzyka. Yazyk. Traditsiya [Musicology Problems. Music. Language. Tradition]*. Ed. V.G. Kartsovnik. Leningrad, LGITMiK Publ., 1990, vol. 5, pp. 179-192. (In Russ.).
7. Monasypov Sh.Kh. *Portrety vydayushchikhsya deyateley iskusstv Tatarstana (v dukhovno-nauchnom osveshchenii) [Spiritual and Scientific Portraits of the Outstanding Artistic Personalities of Tatarstan]*. Kazan, Kazan State Conservatory Publ., 2014. 320 p. (In Russ.).
8. Mukhametdinova G.F., Sokol'skaya Yu.Yu. *Metodicheskiye i ispolnitel'skiye rekomendatsii k trem tsiklam p'yes S. Gubaydulinoy "Po motivam tatarskogo fol'klora" (s notnymi tekstami) [Methodological and performance recommendations for S. Gubaidulina's three cycles of pieces "Tatar Folklore Inspirations" Sofia Gubaidulina: The Sound of the Unknown]*. Kazan, Kazan State Conservatory Publ., 2013. 82 p. (In Russ.).
9. Polyakova S. Sofiya Gubaydullina: Kak zvuchit neizvestnoe [The Sound of the Unknown]. *Novaya gazeta [New Gazette]*, 2007, 29 Jan. (In Russ.). Available at: http://www.novayagazeta.ru/arts/37200.html (acssesed: 06.09.2016).
10. Kholopova V. Spetsifika stilya S. Gubaydulinoy i ee Tretiy kvartet [Stylistic Specifics of S. Gubaidulina's Music and Her Third *Quartet]. Poetika muzykal'noy kompozitsii [Music Composition Poetics]*. Moscow, 1991, iss. 113, pp. 32-50. (In Russ.).
11. Kholopova V.N. *Rossiyskaya akademicheskaya muzyka posledney treti XX – nachala XXI veka (zhanry i stili) [Russian Classical Music of the Last Third of the 20th Century and Early 21th Century. Genres and Styles]*. Moscow, 2015. 226 p. (In Russ.). Available at: http://www.kholopova.ru/Russian Academic Music (Genres and Styles). V. Kholopova.pdf (acssesed 06.09.2016).
12. Kholopova V.N. Sofiya Gubaydulina i vostochnyy avangard: momenty korrelyatsii [Sofia Gubaidulina and Oriental Avant-Garde: Correlations]. *Muzyka XX veka [Music of the 20th century]*. Moscow, 1999, iss. 25, pp. 153-160. (In Russ.).
13. Neary F.D. *Symbolic structure in the music of Gubaidulina. Dr of Musical Arts diss*. Columbus, The Ohio State University Publ., 1999. 196 p. (In Engl.).

УДК 72.04.03

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

Щетинина Наталья Анатольевна, соискатель, кафедра истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: natashh@bk.ru

Статья посвящена становлению частных художественных галерей в городах Сибири. Отмечается, что галереи обладают большим культуросозидающим потенциалом и способны решать актуальные задачи духовного развития общества. Автор аргументирует утверждение о том, что частные галереи участвуют в изучении, интерпретации и сохранении культурно-исторического наследия своего региона, что разнообразные формы деятельности галерей оказывают особое влияние на формирование представления о современном изобразительном искусстве. Автор исследует функции частной галереи художественной династии Щетининых в Барнауле. Подчеркивается, что преобладает просветительская функция в деятельности данной галереи. Это находит выражение в организации концептуальных ретровыставок, значительно дополняющих искусствоведческое знание новыми фактами из истории художественной жизни Алтайского края. Особое внимание в статье уделено основателю художественной династии П. А. Щетинину (1928–2004). Отмечается преемственность во взглядах на искусство представителей данной династии, особое значение творчества скульптора П. А. Щетинина в современной жизни общества, что проявилось в воссоздании его работы в виде монументального памятника «Прощание» на площади Свободы в городе Барнауле. Монумент посвящен жертвам политических репрессий 1930-х годов.

Ключевые слова: частная художественная галерея, «Арт-галерея Щетининых», концептуальная выставка, просветительская функция, коллекция, формы художественной жизни, каталог, благотворительная деятельность.

PRESERVATION OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF THE SIBERIAN REGION

Shchetinina Natalia Anatolievna, Applicant, Department of History of Domestic and Foreign Art, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natashh@bk.ru

The article is devoted to formation of private art galleries in the cities of Siberia. It is noted that galleries have high culture creating potential and are capable to solve actual problems of spiritual development of society. The author reasons the statement that private galleries participate in studying, interpretation and preservation of cultural and historical heritage of the region that various forms of activity of galleries pay special attention to formation of idea of the modern fine arts. The author investigates the educational, charitable, publishing and other functions of private Shchetinin dynasty gallery of art in Barnaul, convincingly proving their important social importance. It is emphasized that educational function in activity of this gallery prevails. It finds expression in the organization of the conceptual retroexhibitions considerably supplementing art criticism knowledge with the new facts from history of art life of Altai. The special attention in article is paid to the founder of art dynasty P.A. Shchetinin (1928–2004). The continuity in views of art, his place in modern life of society of representatives of this dynasty is noted that “Farewell” at Liberty Square in Barnaul was especially accurately shown in a reconstruction of a sculpture of P.A. Shchetinin in the form of a monument. It is devoted to the victims of political repressions of the 1930s. Long-term work on the project embodiment, molding

and author's completion of sculptural composition were carried out by A.P. Shchetinin on a nonprofit basis. The bronze monument with a pedestal from red granite has been harmoniously fitted into space of the urban environment, having filled it by historical memory.

Keywords: private gallery, "Art gallery of Shchetinin", conceptual exhibition, educational function, collection, forms of art life, catalog, charity.

В начале XXI века среди многообразных культурных ценностей в системе образования поликультурность становится приоритетной. Наряду с государственными музеями все большую роль в просвещении, образовании, нравственно-эстетическом воспитании людей, в информационных и коммуникативных процессах начинают играть частные художественные галереи. Они обладают большим «культуросозидающим потенциалом» и способны решать важные задачи духовного развития общества. Галереи принимают активное участие в изучении, интерпретации и сохранении культурно-исторического наследия своего региона. Различные формы их деятельности оказывают значительное влияние на формирование представления о современном изобразительном искусстве.

На рубеже XX–XXI веков в Сибири стали появляться первые частные художественные галереи, специализирующиеся на современном искусстве: в Новокузнецке – галерея «Сибирское искусство» (1997); в Омске – Арт-галерея «Квадрат» (1998); в Иркутске – галерея «Главный стиль» (1999); в Новосибирске – «Сибирские мастера» (2000), «Старый город» (2001); в Барнауле – «Арт-галерея Щетининых» (2003), «Кармин» (2005) и др. Наиболее полный перечень галерей, действующих в городах Западной Сибири на 2012 год, приведен в монографии И. В. Черняевой [11, с. 81–117]. Инициаторами их создания зачастую выступали искусствоведы, предприниматели, коллекционеры и сами художники, искавшие новые возможности общения со зрителем и покупателем. Галереи ставили перед собой разные задачи – от исключительно коммерческих до социально-культурных. Большинство из них старалось объединить эти функции. В условиях демократических преобразований сибирские галереи, пройдя сложный процесс становления, стали важной составляющей современного художественного рынка и органично вошли в культурную жизнь региона. Исследователями отмечено, что особенностью художественных галерей Алтайского края является акцент на просветительскую функцию [11, с. 121].

Важный вклад в освоение художественного пространства Сибири, развитие гуманитарного знания, сохранение и изучение культурно-исторического наследия своего региона вносит первая на Алтае частная «Арт-галерея Щетининых», основанная в 2003 году [8, с. 23]. Она служит примером формирования традиций семейного арт-бизнеса на основе творческих династий и нового типа художника-предпринимателя, деятеля современной художественной жизни и арт-рынка [10, с. 81]. Галерея начала свою работу в условиях демократических преобразований, когда в России активно развивался процесс становления галерейного дела. Жизнеспособность и успешность галереи обусловлены тем, что она была организована творческими личностями, барнаульскими художниками Анатолием и Ириной Щетиниными. Востребованное временем создание культурного центра с багетной мастерской, салоном-магазином «Все для художника» и художественной галереей явилось началом галерейного движения в Алтайском крае. Уже второе десятилетие, широко и новаторски концептуально развивая свою деятельность, «Арт-галерея Щетининых» плодотворно сотрудничает с художниками, музеями, вузами, школами искусств со всего края (Змеиногорск, Заринск, Рубцовск, Тальменка, Топчиха, ЗАТО «Сибирский», Полковниково, Завьялово и др.). Ее задачами являются приобщение подрастающего поколения к традициям русской культуры, воспитание творческой личности средствами изобразительного искусства. Арт-галерея участвует в различных социальных и благотворительных проектах, занимается актуальными направлениями современного искусства и определяет вектор его развития, изучает и сохраняет для потомков наиболее значимые произведения, несущие самобытность, духовно-нравственную основу в жизнь многих людей.

Ключевыми принципами галереи всегда являлись профессионализм, духовность, гуман-

ность, верность традициям отечественного искусства, диалог и интеграция, поддержка талантов и презентация новых имен [1]. Специфика арт-галереи выражается в преимущественном обращении к реалистическому искусству, которое ориентировано на культурные и духовные ценности населения отдаленных от столицы регионов и доказало здесь свою жизнеспособность.

Образовательно-просветительская функция галереи реализуется через ряд ключевых проектов, отмеченных Т. М. Степанской в научно-популярном издании «Династия художников Щетининых в культуре Алтайского края» (2012) [1]. С некоторыми поправками и дополнениями их можно систематизировать следующим образом: 1) «Алтай – край вдохновения»; 2) «Возрождение национальной культуры»; 3) выставки из цикла «Моя семья»; 4) «Художник. Педагог. Творчество»; 5) выставки, посвященные «Юбилеям края», Дню города, Дню Победы; 6) персональные выставки, новые имена; 7) международные, передвижные выставки; 8) фотовыставки; 9) молодежные и детские выставки.

Благодаря серьезной искусствоведческой работе за период своего существования галерея представила около 120 временных выставок, большинство из которых сопровождалось изданием информационных буклетов и каталогов. В современной выставочной практике традиционный тематический принцип формирования временных экспозиций является самым популярным. Он лежит в основе формирования разных типов выставок и позволяет легко объединять группы экспонатов в пределах заявленной темы, вызывая широкий зрительский интерес. Все большую актуальность приобретают концептуальные выставки – креативные проекты, дискуссионные по замыслу и динамичные по организации выставочного пространства. Они показывают художественный материал в «проблемном» видении, на основе кураторской концепции, предлагают новый, оригинальный взгляд на рассматриваемую тему. Последние тематические выставки галереи «Часы и времени бег» (2015), «На земле, в воде и в небе…» (2015), «Содружество прекрасных муз» (2016), «Живая вода Алтая. Живопись из коллекции Щетининых» (2016) стали носить ярко выраженный концептуальный характер.

Персональные и групповые, тематические и концептуальные, юбилейные и мемориальные, молодежные и детские выставки зачастую становятся площадкой для разнообразных форм взаимодействия: экскурсий, мастер-классов, лекций и т. д. Ежедневно галерею посещают сотни барнаульцев и гостей города, среди них школьники и студенты, воспитанники детских домов, пенсионеры. Вся работа галереи направлена на пробуждение внутреннего диалога человека с искусством, на воспитание патриотизма и гражданственности у молодых людей. Оригинальные произведения алтайских мастеров живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, экспонируемые на выставках, показывают самому широкому зрителю уникальную художественную культуру нашего края. Здесь происходит открытие красоты окружающего мира, рождается любовь к родным местам и гордость за свой народ, возникает желание сохранять и приумножать богатства своей страны. Работа с подрастающим поколением: дошкольниками, учащимися и студентами – важная и целенаправленная просветительская деятельность галереи как помощника и методиста. В грамотной организации образовательных проектов используется опыт музейной педагогики, а также немаловажную роль играет педагогический опыт И. В. и А. П. Щетининых, который они приобрели в культпросветучилище (АКПУ). На фоне выставок галереи регулярно проводятся встречи и мастер-классы для заведующих, методистов и воспитателей с художниками города и края. Разработаны специальные экскурсии для детей дошкольного возраста с учетом их восприятия. И. В. Щетинина активно занимается эстетическим воспитанием юных зрителей и на других площадках. Будучи на протяжении многих лет членом жюри различных конкурсов, она принимает участие в формировании критериев оценки детского творчества. А. П. Щетинин курирует колледж дизайна при АлтГУ, являясь председателем дипломной выпускной комиссии. А студенты колледжа имеют возможность проходить практику в галерее, участвуя в организации экспозиций новых выставок. Положительный опыт уже есть и в проведении преддипломной практики, а также в осуществлении дипломного проекта. Арт-галерея стала местом проведения выездных практических занятий для слушателей курсов кафедры дошкольного образования Алтайского краевого института повышения квалификации работни-

ков образования. В 2005 году доцентом кафедры Е. В. Затеевой при участии И. В. и А. П. Щетининых был разработан учебно-методический комплекс художественно-эстетического образования детей дошкольного возраста «Малыш в мире искусства родного края». Данный труд оказался своевременным и востребованным педагогами и методистами Алтайского края [2]. Долговременная и продуктивная работа связывает галерею с детскими школами искусств через экспонирование работ учащихся, творческие встречи, организации художественных выставок в стенах школ, участие в жюри конкурсов различного уровня. Арт-галерея сотрудничает со всеми высшими учебными заведениями города, регулярно проводятся экскурсии, преподаватели вузов читают лекции в экспозиционных залах. В рамках Международной научно-практической конференции «Художественное образование Алтая – XXI век: традиции и новации» состоялась выставка «Художник. Педагог. Творчество» (2009) [9]. Ее основной идеей стало привлечение внимания к тому, что современное искусство должно опираться на традиции отечественной художественной школы, а развитие традиций находится в руках учителя.

Отличительная особенность галереи – активная издательская деятельность: к 2016 году опубликовано более 65 изданий [12]. Репортажи о вернисажах популярного культурного центра регулярно появляются в средствах массовой информации, что еще раз подчеркивает актуальность его работы. Важную роль играют публикации в периодической печати, анонсирующие выставки. Большое значение имеют ценные исторические источники – каталоги и буклеты, которые издаются практически к каждой экспозиции. Они дают возможность проследить основные вехи выставочной политики арт-галереи и наиболее полно представить творчество того или иного автора. Каталогизация художественных проектов, осуществленных в «Арт-галерее Щетининых», позволяет включить их в историко-культурное наследие региона. Благодаря накопленному опыту сегодня галерея готова к тому, чтобы выходили серьезные научные издания по изобразительному искусству. Наработан богатый архивный материал, который систематизируется для передачи в государственный архив.

Продолжая традиции российского меценатства, «Арт-галерея Щетининых» развивает серьезную благотворительную деятельность, которая осуществляется посредством материальных вложений и личного участия. С 2005 года по итогам ежегодной краевой выставки за достижения в изобразительном искусстве художникам вручается «Премия династии художников Щетининых». Членам Союза художников России, студентам, пенсионерам и друзьям галереи предоставляются льготы при оформлении работ в багетной мастерской. Бесплатный вход, консультации и экскурсии делают галерею доступной для широкой аудитории. Издательская деятельность осуществляется из средств ее владельцев. Постоянно оказывается помощь и поддержка молодым талантливым художникам – будущим лидерам алтайского искусства. Например, галерея стала организатором и спонсором выставки «Молодые крупным планом» [3], которая завершила крупный художественный проект «Аз. Арт. Сибирь – 2013», ранее представленный на многих выставочных площадках Барнаула. Арт-галерея привлекла внимание общественности к самобытному творчеству лауреатов и дипломантов уникального межрегионального проекта, реализуемого в рамках концепции «Барнаул – культурная столица юга Сибири».

Более полувека в семье Щетининых собиралась и продолжает пополняться личная коллекция живописи, графики и скульптуры, ценный материал которой регулярно используется во многих экспозициях галереи. На первой выставке были представлены мастера, чьи произведения вошли в золотой фонд алтайского изобразительного искусства. Это современники и единомышленники основателя творческой династии, известного скульптора и живописца П. А. Щетинина (1928–2004) – Н. П. Иванов, М. Ф. Жеребцов, Д. Л. Комаров, Г. К. Тарский, Ф. А. Филонов и другие друзья-художники, которые дарили свои работы. Выставки «Сподвижники. Прокопий Щетинин и его поколение» (2009) [7], «Свет реализма» (2013) [6], «Привет молодым!» (2015) из собрания Щетининых 1950–2000-х годов продемонстрировали профессионализм и высокую культуру творчества авторов, исповедующих гуманистические идеалы русского искусства. Они позволили оценить изобразительное искусство Алтая второй половины XX века с позиций современной

художественной культуры и искусствоведческой науки. Многие произведения были показаны публике впервые, открывая неизвестные грани творчества классиков алтайского искусства. Среди них такие признанные имена, как М. Я. Будкеев, Г. Ф. Борунов, В. А. Зотеев, Ф. С. Торхов, Л. Р. Цесюлевич, В. П. Марченко. Периодически работы из коллекции Щетининых участвуют в тематических выставках вместе с произведениями современных художников, демонстрируя преемственность традиций: «Из мастерских художников Алтая» (2003), «Художники – фронтовики» (2005) и др. Как отмечает Т. М. Степанская, «для нового поколения зрителей и художников общение с подобными экспозициями важно, так как приводит к открытию целого пласта сибирского художественного наследия, созданного в ушедшем веке» [8, с. 20]. Частью этого наследия стало реалистическое творчество Прокопия Алексеевича Щетинина, которое «выразило устремления времени, ставшего для России к концу XX века историческим прошлым, память о котором всегда будет звучать в произведениях искусства» [5, с. 5]. Историзм – четко выраженная черта творческой деятельности художника. Скульптор откликался на сюжеты, связанные, прежде всего, с историей Алтая. Историческая тема воплощена им не только в образе И. Ползунова, в портретах современников М. Юдалевича, Г. Егорова, М. Лисавенко, А. Алексеева, А. Дерявского и др., но и в мемориальных комплексах и композициях, среди которых в свое время получил особое признание памятник в селе Чистюнька Топчихинского района Алтайского края «Сибирские партизаны» (1954), вошедший в монографию «Памятники Сибири» [4, с. 107]. В 2010 году, благодаря инициативе и усилиям Анатолия Прокопьевича Щетинина, в историческом центре Барнаула на площади Свободы был установлен памятник жертвам политических репрессий. Он изготовлен по модели П. А. Щетинина с символическим названием «Прощание» (1987), которую семья Щетининых передала в дар родному городу. Многолетняя работа над воплощением проекта, лепка и авторская доработка скульптурной композиции осуществлялись А. П. Щетининым на безвозмездной основе. Бронзовый памятник с постаментом из красного гранита гармонично вписался в пространство городской среды, наполнив его исторической памятью. По словам доктора искусствоведения Т. М. Степанской, «открытие памятника такого масштаба принадлежит к тем событиям, которые питают ум и чувства молодого поколения, дают простор для правильного понимания прошлого и настоящего и воспитания сознательного патриотизма» [1, с. 10]. В данный момент ждет своего воплощения еще одна серьезная работа П. А. Щетинина – «И. И. Ползунов» (1983), имеющая общественное признание. Созданный скульптором образ механика, изобретателя парового двигателя, вошедшего в историю науки и техники Алтая, принадлежит к творческой удаче художника. А. П. Щетинин продолжает заниматься реализацией идеи отца в увековечении памяти Ивана Ивановича Ползунова. Эскиз памятника планируется воплотить в бронзе и в ближайшие годы установить в г. Змеиногорске.

Таким образом, благодаря своей многогранной деятельности частная художественная галерея династии Щетининых приблизилась к варианту научно-исследовательского учреждения, объединяющего образовательные и просветительские, научные и творческие ресурсы региона. Она вносит весомый вклад в сохранение, изучение и интерпретацию регионального культурно-исторического наследия, оказывая особое влияние на формирование представления о современном изобразительном искусстве Сибири.

Литература

1. Династия художников Щетининых в культуре Алтайского края: науч.-попул. изд. / науч. ред. Т. М. Степанская. – Барнаул: Графикс, 2012. – 36 с.
2. Затеева Е. В. Малыш в мире искусства родного края: учеб.-метод. комплекс по художеств.-эстет. образованию дошкольников. – Барнаул: АКИПКРО, 2006. – 112 с.
3. Молодые крупным планом: живопись, графика, дизайн: каталог / «Арт-галерея Щетининых»; сост., авт. вст. ст. И. В. Щетинина. – Барнаул: Графикс, 2013. – 24 с.
4. Памятники Сибири: Западная Сибирь и Красноярский край. – М.: Совет. Россия, 1974. – 395 с.
5. Прокопий Щетинин. Скульптура. Живопись. Графика: альбом / «Арт-галерея Щетининых»; сост. Н. А. Щетинина; вст. ст. А. К. Лисицкая. – Барнаул: [б.и.], 2005. – 12 с.

6. Свет реализма: живопись, графика, скульптура из собр. Щетининых: каталог / «Арт-галерея Щетининых»; сост. И. В. Щетинина; ред. и авт. вст. ст. Т. М. Степанская. – Барнаул: Графикс, 2013. – 32 с.
7. Сподвижники. Прокопий Щетинин и его поколение: каталог / «Арт-галерея Щетининых»; сост. И. В. Щетинина; ред. и авт. вст. ст. Т. М. Степанская. – Барнаул: [б.и.], 2009. – 22 с.
8. Степанская Т. М. Художественная династия Щетининых // Очерки истории искусства Алтая. – Барнаул: Графикс, 2009. – 220 с.
9. Художник. Педагог. Творчество: каталог / АлтГАКИ; «Арт-галерея Щетининых» и др.; сост. С. М. Погодаев, А. П. Щетинин; авт. вст. ст. Л. П. Гекман. – Барнаул: Графикс, 2009. – 24 с.
10. Черняева И. В. Просветительская деятельность художественных галерей Западной Сибири в условиях современного арт-рынка // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 1. – С. 80–84.
11. Черняева И. В. Художественные галереи Западной Сибири на рубеже XX–XXI веков: моногр. – Барнаул: АлтГУ, 2013. – 164 с.
12. Щетинина Н. А. Издательская деятельность «Арт-галереи Щетининых» как пример реализации просветительской функции частных художественных галерей Алтая // Молодой ученый. – 2016. – № 17. – С. 4 99–503.

References

1. *Dinastiya khudozhnikov Shchetininykh v kul'ture Altajskogo kraya: nauchno-populyarnoe izdanie [Dynasty of Shchetinin artists in the culture of the Altai Region: popular science publication].* Ed. by T.M. Stepanskaya. Barnaul, Grafiks Publ., 2012. 36 p. (In Russ.).
2. Zateeva E.V. *Malysh v mire iskusstva rodnogo kraya. Uchebno-metodicheskiy kompleks po khudozhestvenno-esteticheskomu obrazovaniyu doshkol'nikov [The kid in the art world of his native land. Educational-methodical complex on artistic and aesthetic education of preschool children].* Barnaul, AKIPKRO Publ., 2006. 112 p. (In Russ.).
3. *Molodye krupnym planom: zhivopis', grafika, dizayn. Katalog "Art-galerei Shchetininykh" [Young closeup: painting, drawing, design. Catalog of the "Art gallery of Shchetinin"].* Ed. by I.V. Shchetinina, Barnaul, Grafiks Publ., 2013. 24 p. (In Russ.).
4. *Pamyatniki Sibiri: Zapadnaya Sibir' i Krasnoyarskiy kray [Monuments of Siberia: Western Siberia and the Krasnoyarsk Region].* Moscow, Soviet Russia Publ., 1974. 395 p. (In Russ.).
5. *Prokopiy Shchetinin. Skul'ptura. Zhivopis'. Grafika. Al'bom "Art-galerei Shchetininykh" [Prokopii Shchetinin. Sculpture. Painting. Graphics. Album of the "Art gallery of Shchetinin"].* Ed. by N.A. Shchetinina, prolusion A.K. Lisitskaya. Barnaul, 2005. 12 p. (In Russ.).
6. *Svet realizma: zhivopis', grafika, skul'ptura iz sobraniya Shchetininykh. Katalog "Art-galerei Shchetininykh" [Light realism: painting, drawing, sculpture from collection of Shchetinin. Catalog of the "Art gallery of Shchetinin"].* Ed. by and prolusion T.M. Stepanskaya, compiler I.V. Shchetinina. Barnaul, Grafiks Publ., 2013. 36 p. (In Russ.).
7. *Spodvizhniki. Prokopii Shchetinin i ego pokolenie. Katalog "Art-galerei Shchetininykh" [Companions. Prokopii Shchetinin and his generation. Catalog of the "Art gallery of Shchetinin"].* Ed. T.M. Stepanskaya, compiler I.V. Shchetinina. Barnaul, 2009. 22 p. (In Russ).
8. Stepanskaya T.M. Khudozhestvennaya dinastiya Shchetininykh [Art Dynasty of Shchetinin]. *Ocherki istorii iskusstva Altaya [Essays of the history of art of the Altai Region].* Barnaul, Grafiks Publ., 2009. 220 p. (In Russ.).
9. *Khudozhnik. Pedagog. Tvorchestvo. Katalog AltGAKI, "Art-galerei Shchetininykh" [Artist. Teacher. Creation. Catalog of the AltGAKI, "Art gallery of Shchetinin"].* Compiler S.M. Pogodaev, A.P. Shchetinin, prolusion L.P. Gekman, Barnaul, Grafiks Publ., 2009. 24 p. (In Russ.).
10. Chernyaeva I.V. Prosvetitel'skaya deyatel'nost' khudozhestvennykh galerey Zapadnoy Sibiri v usloviyakh sovremennogo art-rynka [Educational activities of art galleries of Western Siberia in the modern art market]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Tomsk State University. Series Cultural and art history]*, 2012, no. 1, pp. 80-84. (In Russ.).
11. Chernyaeva I.V. Khudozhestvennye galerei Zapadnoy Sibiri na rubezhe XX–XXI vekov. Monografiya [Art galleries of Western Siberia at a boundary of the XX-XXI st centuries. Monograph]. Barnaul, Altai State University Publ., 2013. 164 p. (In Russ.).
12. Shchetinina N.A. Izdatel'skaya deyatel'nost' "Art-galerei Shchetininykh" kak primer realizatsii prosvetitel'skoy funktii chastnykh khudozhestvennykh galerey Altaya [Publishing of "Art-galerei Shchetininykh" as an example of the implementation of educational features of private art galleries of Altai]. *Molodoy uchenyy [Young scientist]*, 2016, no. 16, pp. 499-503. (In Russ.).

УДК 7: 792.01

«ЗВУКОПИСЬ» МИХАИЛА ЧЕХОВА КАК ТАЙНОЕ ВЛАДЕНИЕ СЛОВОМ

Титов Юрий Федорович, соискатель, преподаватель кафедры мастерства актера, Театральный институт имени Бориса Щукина при Государственном академическом театре имени Евгения Вахтангова (г. Москва, РФ). Email: titovdirector@gmail.com

Интерес к творческому наследию актера и режиссера Михаила Чехова, к его методу и отдельным упражнениям заметно возрастает за последние годы. Но существует один весомый аспект в творчестве Михаила Александровича, который и по сей день остается малоизученным среди исследователей творческого пути мастера. Речь идет о таком понятии, как «звукопись» Чехова. Нашей целью является раскрытие сути этого едва уловимого понятия и постижение того, как владение голосом и речью повлияло на создание гениальных образов великого актера, которые восхищают последователей и любителей творчества Михаила Чехова по сию пору. Опираясь на труды выдающегося исследователя и чеховского современника П. А. Маркова, обращаясь к трудам театральных антропологов Э. Барба и Н. Саварезе, анализируя множество актерских воспоминаний об игре мастера, мы сможем всецело подойти к изучению звукового построения роли Михаилом Чеховым и понять опорные принципы в создании его бессмертных образов. Также автор статьи обращается к эпохе символизма в лице таких представителей, как А. Белый, Н. Гумилев, Р. Штайнер, сыгравших значимую роль в становлении «звукописи» Чехова. В заключение повествуется о дальнейшей разработке и постижении духовной сущности слова выдающимся режиссером современности А. Васильевым.

Ключевые слова: звукоизвлечение, театральная антропология, онтология слова, эвритмия, голосоведение, актерская техника.

MICHAEL CHEKHOV'S EUPHONY AS A SECRET PROFICIENCY IN SPEECH

Titov Yuriy Fedorovich, Applicant, Instructor of Acting Department, Boris Shchukin Theatre Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: titovdirector@gmail.com

The interest in Michael Chekhov's oeuvre as well as in his methods and certain exercises has been significantly growing in recent years. However, there exists one substantial aspect in Michael Aleksandrovich's work, that is disregarded and remains unnoticed among the researches of the master's creative development. What is meant here is the notion of Chekhov's euphony. Still this subject hasn't been properly researched whereas it is basic for understanding the formation of a figure of the outstanding actor. Our aim is to reveal the heart of this subtle matter and to comprehend the fact how the use of voice and speech influenced the creation of this great actor's ingenious images which still amaze the followers and admirers of Michael Chekhov's work. In this article special attention will be paid not so much to speech characteristics of master's images but to "the philosophy of sound extraction," to a way of expression of thoughts of the character and performance by means of actor's voice opportunities. After all by definition of Evg. Vakhtangov that "fantastic grotesque" first of all Chekhov expressed on stage by means of a voice and speech. Based on the works of outstanding Michael Aleksandrovich's researcher and contemporary P.A. Markov, turning to works of theatre, anthropologists E. Barba and N. Savarese, analyzing a number of actors' reminiscences of the master's performance we may approach the study of Michael Chekhov's sound composition of the role and understand the basic principles of his immortal images creation. The author of the article refers to representatives of symbolism such as A. Bely, N. Gumilyov, R. Shteiner, who played a significant role in the rise of Chekhov's euphony. The conclusion deals with further development and comprehension of spiritual essence of the word by eminent modern director A. Vasilyev.

Keywords: sound extraction, theatre anthropology, word ontology, eurhythmy, voice maintaining, acting technique.

Литература, посвященная такому явлению русского театра, как Михаил Чехов, появляется перманентно. Имя великого актера упоминается в театральных журналах, пусть с большими интервалами, но выходят книги о нем, примерно раз в пять лет в разных странах обязательно проходят конференции, где вновь и вновь обращаются к наследию Михаила Александровича. Каждый год в разных уголках нашей планеты организуется тот или иной фестиваль, посвященный уникальному актеру, ведутся тренинги, лекции, создаются спектакли… На фоне этого хочется отметить следующую тенденцию у исследователей, обращающихся к творческому наследию Чехова: зачастую авторы акцентируют свое внимание на гениальных пластических, именно пластических, решениях образа великого актера. Меньшее внимание обращается на то, как «звучит» роль у Михаила Александровича, какова характеристика его речи, каково голосоведение актера. Тем не менее, речевая характеристика в творчестве Михаила Александровича занимает не меньшее, а, быть может, большее значение, нежели пластическое выражение роли. Анализ «звукописи» актуален сейчас как никогда ввиду нарастающего интереса к теоретическому постижению метода мастера. Без понимания того, как «звучит» гений Чехова, невозможно полноценно оценить множество аспектов творческого наследия мэтра.

Нашей целью является раскрытие чеховского звукоизвлечения как центробежной силы в создании образа. Между тем интонационный строй роли, тон голоса, манера речи – всего этого мы практически не встречаем в описании ролей мастера, а это составляет особый пласт в творчестве актера. Мало кем из современников было понято это тайное владение словом. К счастью, особым исключением для нас является великий историк и теоретик театра Павел Марков. Он, как никто другой среди современников, изучал актерское дарование Чехова и был одной с Чеховым культуры Серебряного века. В своих трудах П. Марков отмечает особую чеховскую манеру говорить на сцене: «Он внезапно “выпаливает” не слова, а звуки; звук разрыва тесно сомкнутых губ окрашивает речь» [11, с. 23]. Также Марков обращает внимание, что речь Чехова, его слова живут сами по себе. Критик отмечает колоссальную степень свободы актера, описывая, что сам Чехов или играемый им герой «не волен удержать слова, которые сейчас вот-вот польются из его уст» [11, с. 23]. В свою очередь, Михаил Александрович придавал такому понятию, как «манера говорить», огромное значение. Увлечение «звукописью» родилось в нем практически одновременно с увлечением теософией Рудольфа Штайнера, но об этом чуть позже.

Необходимо отметить, что на сцене у Чехова доведено до предела внимание к значению слова, а также к произносимым звукам. Такое разъединение звука на составляющие и поиск в этих составляющих самой сущности персонажа до Михаила Александровича не применялось в театральной педагогике. У Чехова не образ рождает ту или иную интонацию или манеру поведения, а их рождает звук, ритм звука и темп. Именно они предстают «корнеплодом» образа.

Для того чтобы понять антропологические принципы Михаила Чехова и особенно его принцип работы со «звукописью», необходимо обратиться к увлечению актера теософией Рудольфа Штайнера. Его идеи пользовались интересом среди художественной интеллигенции России в 1920-х годах. В разное время Штайнером интересовался и Андрей Белый, который в итоге познакомил Чехова с теософией, и Маргарита Шабашникова, и Максимилиан Волошин, и Велимир Хлебников, и др. Штайнер поставил своей целью раскрыть «тайные» силы и возможности людей. С помощью вымеренных упражнений (занятие медитацией, эвритмией, музыкой и т. д.) он хотел постичь глубинные силы, таящиеся в человеке. Внимание Михаила Чехова к тембровой окраске звука, к звучанию гласных и согласных сродни увлечению поэтов Серебряного века звукописью. В данном направлении работали младшие символисты В. Иванов и А. Белый, акмеист Н. Гумилев, авангардист В. Хлебников. Поэт А. Белый, интересовавшийся фоносемантикой – цветовой символикой звука, утверждал, что в его преломлении звук «А» представляется белым, «Е» – желто-зелёным, «И» – синим, «У» – чёрным, а звук «О» – ярко-оранжевым. Весь Серебряный век, все экспериментаторы того времени сознательно или

бессознательно занимались тем, что пытались вновь и вновь уловить незримую нить между высшим познанием мира и человеческим бытием:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Н. Гумилев

Судьбоносной встречей для Чехова явилось его знакомство с Андреем Белым. Михаил Александрович начал интересоваться взаимодействием слова и звука, которым в то время увлекался Белый. Пограничное состояние духа, постижение этого состояния являлось основной тенденцией того времени. XX век, а точнее его первая четверть, – это, как мы видим, кружение вокруг слова. Для Михаила Александровича – это кружение вокруг смыслов, заложенных в текстах, но смыслов не социальных или бытовых, а духовных. От сверхсознательной интуиции Чехов идет к сознательной фиксации слова и через эту фиксацию в звукописи переходит к раскрытию духовной сущности образа. Для мастера звукопись явилась попыткой преодолеть себя, желанием выйти за рамки душевного реализма и способом перейти к реализму фантастическому, духовному, к тому состоянию, которое еще Гоголь описывал следующими словами: «Вдруг стало видимо далеко, во все концы света»[1].

Таким образом, в творчестве Михаила Чехова слово стало ключевым проводником между реальным миром и ирреальным постижением действительности. Именно к фиксированному слову роли Чехов подходит, как к духовной сущности. Его звукопись – это путь познания духовного слова, выявляющего духовную жизнь и сущность персонажа. Подобно чтению молитвы, проговаривание текста происходит без внесения своего личностного «я» в объективный текст Священного Писания – Слова Божия. Служитель церкви не может и не должен «окрашивать» священный текст. Ему запрещено наполнять текст личностными интонациями. Также и у Чехова текст выступает в роли объективно-сущего понятия, которое нельзя заполнять, «замусоривать» своим личным «я». Идеи Андрея Белого в его создании «Глоссолалий», в котором звук и слово стали проводниками от сознательного к бессознательному, оказали сильнейшее влияние на Михаила Александровича. Мысли и идеи данной поэмы перекликались с идеями физического выражения той или иной буквы и звука в трудах Рудольфа Штайнера. Именно о влиянии Штайнера на методологию Чехова в контексте антропного принципа следует поговорить более подробно.

Будучи молодым актером, Чехов жадно впитывал в себя все то, что было заложено в штайнеровском учении о звуке и слове. В своей книге «О технике актера» великий мастер посредством звука, вслед за А. Белым, старается постичь психологию различных народов мира: «Что живет, например, в звуке русского слова “я”? В нем два звука: слабое “й” в начале и сильное “а” в конце: “йа”. В звуке “й” только слабо намечается для русского человека сила самоутверждения, свойственная этому “й” звуку <...> Как бы сильно, упорно, настойчиво не произносил русский человек свое “я”, он все же только усилит “а”, раскрывающее его душу познанию высшего» [14, с. 195–196]. Попытка углубленного понимания звука отсылает нас к эвритмическому искусству. Если говорить буквально, то эвритмия – это звук, выраженный в движении. Это новый вид пластического искусства, зародившийся в 1912 году благодаря Штайнеру. Эвритмия явилась попыткой человеческого «я» проникнуть в эфирные, духовные сферы человека. В свою очередь, чеховское изучение законов эвритмии постигалось мастером благодаря его уникальной фантазии.

Один из очевидцев гениальной игры Михаила Александровича во время его выступлений в Польше отмечает умение Чехова расщеплять текст роли на атомы. Об игре мастера в рассказе А. П. Чехова «Ведьма» мы можем прочитать следующее: «Он разгрызает слова, дробит их, придает смысл каждой литере – высказывается не столько содержанием слов, сколько способом их выговаривания. Дикция его так утончённа, так обдуманна в каждом пунктуационном движении,

[1] Гоголь Н. В. Собр. соч.: 9 т. – М.: Рус. кн., 1994. – Т. 1. – С. 274.

что доходит до изощренности – и извращенности» [13]. Со временем Чехов настолько овладел техникой работы со звуком и словом, что, подобно виртуозу, играющему на музыкальном инструменте, Михаил Александрович смог играть на своих голосовых связках. «Он взвешивает их во рту, давит, задерживает, превращает в звуки – хриплые, шипящие, свистящие» [13], – пишет критик. Постигая учение об эвритмии, актеру потрясающе удавалось выразить на сцене то, что, казалось бы, не поддавалось сценическому воплощению.

Штайнер считал, что человеческий язык является отголоском божественного слова, именно поэтому он делал акцент на универсальном качестве звука и его межкультурном происхождении. Основоположник антропософии стремился найти такую систему движения тела, которая могла бы сделать понятным данное качество и свойство звуков. Слова и речь рассматривались как звуковая и ритмическая основа, которой можно было предать телесное выражение. Сила слова теперь зависела не от силы диафрагмы, а от степени его прочувствованности. На репетициях с актерами во МХАТ-2 Чехов начинает с помощью жестов «читать» сонеты Шекспира и произведения Пушкина. Когда же он преподает в Англии, в Даргтингтон Холле, то еще больше погружается во взаимосвязь звука и движения и постоянно развивает свои упражнения. Он даже приглашает в Даргтингтон Холл ученицу Штайнера Алису Кроутер, которая рассказывает его ученикам, что «через звучание гласных можно огню, горящему в нас, позволить выйти на свободу. Мы освобождаемся от эмоции через гласные звуки, но нести эмоции должны согласные <...> Гласные выражают субъективность, согласные отражают внешний мир» [18, с. 176].

Интересным окажется и то, что в зарубежный период творчества Михаила Александровича критики, говоря о его сценической игре, станут отмечать необязательность перевода текста, произносимого мастером со сцены. В его игре смысл слов имел второстепенное значение, во главе же находилось чувственное постижение ритма слова и звука. Смысл слов постигался не с помощью усилия мысли, а благодаря общему восприятию мимической, звуковой и жестовой целостности актера. Сам Чехов часто отмечал среди своих учеников, что необходимо думать движениями, а не словами. До конца жизни он интересовался изучением взаимосвязи звука и жеста, неустанно совершенствовал собственный актерский метод, а будучи в Америке именно на этой проблематике останавливался более подробно.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что работа над тайным владением слова продолжается и в XXI веке. Театральные опыты такого режиссера, как Анатолия Васильева, по праву являют собой продолжение изучения звукописи. Васильев вслед за Михаилом Александровичем занимается онтологией слова. Он стремится перейти от психологизации слова к его духовной сущности. Опыты режиссера в спектаклях по произведениям Пушкина «“Дон Жуан, или Каменный гость” и другие стихи» (1998), «Моцарт и Сальери» (2000) особенно ярко выражают приверженность Васильева к изучению тайных смыслов слова, где слово помещается в лабораторию творческих изысков. Тенденцию онтологического восприятия слова можно выделить и в знаковых для режиссера спектаклях «Плач Иеремии» (1996) В. Мартынова и «Диалоги» (1988) Платона. В дальнейшем увлечение словом привело режиссера к собственной творческой лаборатории, где он воспитал плеяду учеников, по сей день продолжающих дело мастера. Подводя итоги, можно заключить, что работа над изучением такого понятия, как «звукопись», продолжается вслед за театральными антропологами, и, быть может, в скором времени мы станем свидетелями новых открытий в этой интереснейшей области.

Литература

1. Барба Э., Саварезе Н. Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя. – М.: Артист. Режиссёр. Театр, 2010. – 320 с.
2. Билинкис Я. С. Феномен Михаила Чехова // Непокоренное искусство: О процессе художественного развития. – Л.: Совет. писатель, 1991. – С. 294–308.
3. Васильев А. А. О физическом действии и других секретах [Электронный ресурс] // Сайт «Зеркало сцены». – URL: http://lib.vkarp.com (дата обращения: 13.05.2014).
4. Васильев А. А. Хроника 14-го числа // Искусство кино. – 1999. – № 6. – С. 130–147.

5. Иванов В. В. От реатеатрализации театра к театральной антропологии // Театр XX века: закономерности развития / под ред. А. В. Бартошевича. – М.: ГИТИС, 2003. – С. 125–144.
6. Иванова М. С. Михаил Чехов – жизнь и творчество. – М.: Театр. ин-т им. Б. Щукина, 2015. – 88 с.
7. Калужских Е. В. Значение эвритмии в технике актера по М. Чехову // Культура – искусство – образование: Новые аспекты синтеза теории и практики. – Челябинск: ЧГАКИ, 2006. – С. 134–138.
8. Кириллов А. А. Эксцентрик Духа // Антракт. – 1991. – № 8. – С. 6.
9. Кухта Е. А. Театральная антропология, как ее понимает Эуженио Барба [Электронный ресурс] // Петерб. театр. журн. – СПб., 2002. – № 2 [28]. – URL: http://ptj.spb.ru/archive/28/teachers-28/teatralnaya-antropologiya-kakponimaeteeeuzheniobarba (дата обращения: 13.05.2014).
10. Лекции Рудольфа Штайнера о драматическом искусстве в изложении Михаила Чехова. Письма актера к В. А. Громову / вступ. текст В. В. Иванова; публ. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак; коммент. С. В. Казачкова, Т. Л. Стрижак и В. Г. Астаховой // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века: ист. альм. / ред.-сост. В. В. Иванов. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – Вып. 2. – С. 85–142.
11. Любимов Б. Н. Театральные течения: сб. ст. – М.: ГИТИС, 1998. – 343 с.
12. Марков П. А. Михаил Чехов // Марков П. А. О театре. – М.: Искусство, 1974. – Т. 2. – С. 298–307.
13. Осинская К., Осинский З. Михаил Чехов в Польше [Электронный ресурс] // Сайт «Новая Польша». – URL: http://www.novpol.ru/index.php?id=1701#przyp13 (дата обращения: 09.02.2014).
14. Чехов М. А. Литературное наследие. – М.: Искусство, 1995. – Т. 1. – 2-е изд. испр. и доп. – 542 с.
15. Чехов М. А. Литературное наследие. – М.: Искусство, 1995. – Т. 2. – 2-е изд, испр. и доп. – 588 с.
16. Чехов М. А. Я готовлюсь к принятию новой будущей техники // Петерб. театр. жур. – СПб., 1995. – № 7. – URL: http://ptj.spb.ru/archive/7/in-opposite-perspective-7-2-7-archive/yagotovlyus-kprinyatiyu-novoj-budushhej-texniki (дата обращения: 21.09.2014).
17. Чехов М. А. Уроки для профессионального актера. На основе записей уроков, собранных и составленных Д. Х. Дюпре. – М.: ГИТИС, 2011. – 165 с.
18. Meerzon Y. The Path of a Character. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. – 338 p.

References

1. Barba E., Savareze N. *Slovar' teatral'noy antropologii. Taynoe iskusstvo ispolnitelya [Dictionary of the theatrical anthropology. Secret art of the performer]*. Moscow, Actor. Director. Theater Publ., 2010. 320 p. (In Russ.).
2. Bilinkis Ya.S. Fenomen Mikhaila Chekhova [Michael Chekhov's phenomenon]. *Nepokorennoe iskusstvo: O protsesse khudozhestvennogo razvitiya [Unsubdued art: About process of art development]*. Leningrad, Soviet writer Publ., 1991, pp. 294-308. (In Russ.).
3. Vasilyev A.A. *O fizicheskom deystvii i drugikh sekretakh [About physical action and other secrets]*. (In Russ.). Available at: http://lib.vkarp.com (accessed 13.05.2014).
4. Vasilyev A.A. Khronika 14-go chisla [Chronicle of the 14th]. *Iskusstvo kino [Art of the film]*, 1999, no. 6, pp. 130-147. (In Russ.). Available at: http: http://kinoart.ru/archive/1999/06/n6-article19 (accessed 17.05.2014).
5. Ivanov V.V. Ot reateatralizatsii teatra k teatral'noy antropologii [From a reateatralization of the theatre to theatrical anthropology]. *Teatr XX veka: zakonomernosti razvitiya [Theatre of the XX century: regularities of development]*. Moscow, GITIS Publ., 2003, pp. 125-144. (In Russ.).
6. Ivanova M.S. *Mikhail Chekhov – zhizn' i tvorchestvo [Michael Chekhov – life and creativity]*. Moscow, The Boris Schukin Theatre Institute Publ., 2015. 88 p. (In Russ.).
7. Kaluzhskikh E.V. Znachenie evritmii v tekhnike aktera po M. Chekhovu [The meaning of eurhythmy in the actor technique according to M. Chekhov]. *Kul'tura – iskusstvo – obrazovanie: Novye aspekty sinteza teorii i praktiki [Culture – art – education: New aspects of synthesis of the theory and practice]*. Chelyabinsk, CHGAKI Publ., 2006, pp. 134-138. (In Russ.).
8. Kirillov A.A. Ekstsentrik Dukha [Eccentric of the spirit]. *Antrakt [Interval]*, 1991, no. 8, p. 6. (In Russ.).
9. Kukhta E.A. Teatral'naya antropologiya, kak ee ponimaet Euzhenio Barba [Theatrical anthropology as Eugenio Barba understands it]. *Peterburgskiy teatral'nyy zhurnal [St. Petersburg theatrical magazine]*, 2002, no. 2 (28). (In Russ.). Available at: http://ptj.spb.ru/archive/28/teachers-28/teatralnaya-antropologiya-kakponimaeteeeuzheniobarba (accessed 13.05.2014).
10. Lektsii Rudol'fa Shtaynera o dramaticheskom iskusstve v izlozhenii Mikhaila Chekhova. Pis'ma aktera k V.A. Gromovu [Rudolf Steiner's lectures about drama art in Michael Chekhov's statement. Letters of the actor to V.A. Gromov]. *Mnemozina: Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka: Istoricheskiy al'manakh [Mnemozina: Documents and facts from the history of Russian theatre of the XX century: Historical almanac]*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2006, iss. 2, pp. 85-142. (In Russ.).

11. Lyubimov B.N. Teatral'nye techeniya [Theatre directions]. *Sbornik statey [Collection of articles]*. Moscow, GITIS Publ., 1998. 343 p. (In Russ.).
12. Markov P.A. Mikhail Chekhov. Teatral'nye portrety [Michael Chekhov]. *O teatre [About theatre]*. Moscow, Art Publ., 1974, vol. 2, pp. 298-307. (In Russ.).
13. Osinskaya K., Osinskiy Z. *Mikhail Chekhov v Pol'she [Michael Chekhov in Poland]*. (In Russ.). Available at: http://www.novpol.ru/index.php?id=1701#przyp13 (accessed 09.02.2014).
14. Chekhov M.A. *Literaturnoe nasledie [Literary heritage]*. Moscow, Art Publ., 1995, vol. 1. 542 p. (In Russ.).
15. Chekhov M.A. *Literaturnoe nasledie [Literary heritage]*. Moscow, Art Publ., 1995, vol. 2. 588 p. (In Russ.).
16. Chekhov M.A. Ya gotovlyus' k prinyatiyu novoy budushchey tekhniki [I prepare for acceptance of new future technique]. *Peterburgskiy teatral'nyy zhurnal [St. Petersburg theatrical magazine]*, 1995, no. 7. (In Russ.). Available at: http://ptj.spb.ru/archive/7/in-opposite-perspective-7-2-7-archive/yagotovlyus-kprinyatiyu-novoj-budushhej-texniki (accessed 21.09.2014).
17. Chekhov M.A. *Uroki dlya professional'nogo aktera. Na osnove zapisey urokov, sobrannykh i sostavlennykh D.Kh. Dyupre [Lessons for the professional actor. On the basis of records of the lessons collected and made by D. Dupre]*. Moscow, GITIS Publ., 2011. 165 p. (In Russ.).
18. Meerzon Y. *The Path of a Character*. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2005. 338 p. (In Engl.).

УДК 781.21

ФЕНОМЕН КОДА В МУЗЫКАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Юферова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории музыки, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: olya2113@yandex.ru

Автор придерживается семиотического подхода при исследовании музыкальной коммуникации и обращается к такому его ключевому понятию, как «код». Предметом изучения настоящей статьи является феномен кода – неотъемлемая часть и условие организации любого вида коммуникации, формирующее область нормативной информации, общезначимых смыслов. Понятие код рассматривается в приложении к различным областям знания, выявляются механизмы его функционирования, объясняются ключевые его семиотические виды. Музыкальный код понимается как идеальная составляющая музыкального целого, принадлежащая интерсубъективному пространству участников коммуникации. Отмечается отсутствие кода как непосредственно в самом музыкальном звучании, так и в зафиксированном нотном тексте. Возникновение кода представляется в процессе «означивания» человеческим сознанием воспринятого им звукового материала. Проблема кода, рассматриваемая сквозь призму истории развития музыкального искусства, трактуется как проблема коммуникации. Сделан акцент на том, что последняя принимает глобальные масштабы в XX столетии, когда нарушение связи между музыкальным произведением и слушателем приводит к непониманию адресатом заложенных в тексте смыслов и, в конечном счете, к потере кода. Намечены направления изучения понятий код и знак, код и язык, код и шифр. Предпринята попытка классификации музыкальных кодов с позиции социокультурной принадлежности коммуникантов, в связи с определенными историческими периодами развития музыкального искусства, типами участников коммуникации в аспекте «композитор – исполнитель – слушатель».

Ключевые слова: код, семиотика, коммуникация, сообщение, знак, язык, шифр.

THE PHENOMENON OF CODE IN MUSICAL COMMUNICATION

Yuferova Olga Aleksandrovna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of Music Theory, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: olya2113@yandex.ru

The author adheres to the semiotic direction of musical communication and considers a "code" concept. This article describes the phenomenon of code as a necessary condition of musical communication, forming

the area of regulatory information of all meaningful senses. The researcher studies a concept of code in a different spheres of knowledge, finds the mechanisms of its functioning, explains a principal semiotic types of codes. The code in musical art is meaning an ideal component of artwork, which belongs to intersubjective space of communication. The author noted the lack of a code in a musical sounding and in a score. The codes are formed at a process of perception, when a recipient begin to endow a meaning to a musical text. The problem of code is considered in connection with the history of musical art, which is related to a problem of communication. The emphasis is placed on the fact that this problem takes a global dimension in the 20th century, when the communication between a composer, his artwork and a recipient are lost. It leads to the incomprehension of musical senses by listener and, as a result, to the loss of the code. The author correlates the following notions: code and sign, code and language, code and cipher. The researcher makes an attempt to classify the codes in musical art in connection with the social and cultural types of communication, in different stages of musical history. In code classification, the author considers participants of a communicative chain: "composer – performer – listener".

Keywords: code, semiotics, communication, message, sign, language, cipher.

Музыкальное искусство функционирует в широком коммуникативном пространстве. Взаимодействуя с различными формами художественного познания, оно предстает одним из связующих «каналов» между человеком и окружающей его средой. Будучи своеобразным «посредником» в процессе коммуникации, музыкальное произведение включает в себя как универсальные, так и специфически звуковые механизмы «общения». Среди них особую роль выполняют художественные нормы, стабильные и общезначимые компоненты коммуникации, способствующие сохранению и передаче музыкальной информации и апеллирующие к понятию «код».

Проблема кода является одной из важнейших для различных форм познавательной деятельности человека – науки, религии, философии, политики, социологии, искусства. Она сохраняла свою актуальность на протяжении многовекового развития человеческой мысли. Однако именно в XX столетии масштабы этой проблемы подвергаются переоценке, происходит осознание значимости кода в коммуникативных процессах, социокультурных взаимодействиях. Этому способствует интенсивное техническое развитие во всех сферах общественной деятельности, связанное с внедрением аудио-, видео-, компьютерных технологий, использованием Интернета, мобильной связи. Активное развитие и совершенствование средств электронной коммуникации приводит к расширению информационного пространства, включению в него различного рода знаковых систем.

Однако нужно отметить, что, несмотря на невероятный информационный «взрыв», XX столетие обнаруживает значительное ослабление коммуникативных связей. Тенденция к «информационной изоляции – шифровке смысла, не лежащего на поверхности», – способствует возникновению ощущения, что коммуникация осуществляется поверх семиотических процессов [7, с. 114]. По этому поводу У. Эко пишет: «…неотчетливость коммуникативного процесса заключается в увеличивающемся разрыве между содержанием отправленного сообщения и тем, что извлекает из него адресат, тем больше, чем менее осознаваема система или псевдосистема используемых предназначащих стимулов» [11, с. 105].

Актуальность проблемы кода для современной науки не вызывает сомнения. Ее разработка осуществляется на пересечении различных областей знания: математики, криптографии, теории коммуникации, социологии, структурной лингвистики, семиологии и т. п. При этом отметим, что вплоть до сегодняшнего времени такие понятия, как код и знак, код и язык, код и шифр употребляются зачастую как синонимы. Проблема усложняется еще и тем, что единая общепринятая теория знака и значения в науке отсутствует. Многочисленные споры вокруг данного вопроса обусловлены, прежде всего, стремительным расширением сферы семиотики, сближением лингвистических и логико-семантических исследований, использованием в семиотических трудах кибернетиче-

ского, информационного подходов, системно-структурных методов.

Вопросы кодирования освещаются в трудах по семиотике языка (Пирс Ч.), структурной лингвистике (Соссюр Ф.), психолингвистике (Леонтьев А., Лурия А.), лингвокультурологии (Гудков Д.), семиотике искусства и культуры (Барт Р., Эко У.), активно изучаются в математических дисциплинах, в частности, в ее прикладной ветви – криптографии (Черчхаус Р.), в работах по теории информации и кибернетике (Винер Н., Шеннон К.). Необходимость обращения к проблеме кодирования непосредственно связана с разработкой логических языков, изучением процессов искусственного порождения и дешифровки текста, автоматического анализа его содержания и т. п. Коды используются в различных сферах практической деятельности человека, например, телеграфии, радиосвязи, компьютерном программировании. Отметим, что код вообще является неотъемлемой частью и условием организации любого вида коммуникации – вербальной, невербальной, знаковой, образной и т. п.

Многообразие областей применения кода способствует существованию различных трактовок данного понятия. В теории коммуникации код является важнейшим условием для восприятия и понимания сообщения. Отметим, что в процессе общения функционируют такие коды, как код адресанта (субъекта коммуникации), код адресата (объекта коммуникации, кому направлено сообщение), код сообщения. В нескольких ракурсах предстает феномен кода в теории перевода: как исходный код (язык исходного текста), субъективный код (система условных обозначений, которыми пользуется переводчик в записях), код переводного текста (язык перевода). В криптографии код обозначает «секретное, условленное сочетание цифр или букв, дающее право доступа куда-либо или к чему-либо» [3, с. 436].

В психологии, в сфере исследования механизмов восприятия, коды предстают, прежде всего, как системы ожиданий. Психолингвистика рассматривает процессы кодирования и декодирования информации по отношению к сообщениям и их воспринимающим и интерпретирующим индивидам. Генетика обнаруживает коды наследственной информации – своеобразные системы «записи» в молекулярной форме. Нейрофизиология изучает процессы передачи сигналов с периферии нервных окончаний к коре головного мозга, при этом отмечается, что мозг формирует множество замещающих схем, участвует в многократном перекодировании получаемой информации.

Характерно, что вышеперечисленные сферы знания, обращаясь к явлению кода, тесно взаимодействуют с научными достижениями теории информации. Отметим, что ключевыми моментами в становлении данной науки предстают, с одной стороны, идея изучения информационных процессов с позиции кибернетики, а с другой – потребность технических коммуникативных устройств в преобразовании информации. Одной из ее задач является изучение кода и разработка наиболее экономных его видов, позволяющих передавать информацию при помощи минимального количества символов. Основными понятиями теории информации являются «отправитель», «канал связи», «код», «сообщение», «получатель». Они же имеют ключевое значение для изучения кода в различных коммуникативных системах.

В человеческой коммуникации коды предустановлены конвенциями социокультурной общности, которой принадлежат коммуниканты. Они функционируют как некая форма коллективного соглашения, которая формируется в процессе коммуникации и является результатом общезначимых навыков «общения». Коды обладают свойством общеизвестности, доступности в пределах той или иной человеческой общности, социокультурной группы. Индивиды, разделяющие и пользующиеся одними и теми же кодами являются членами так называемой «интерпретативной общности».

В «Словаре терминов французского структурализма» кодом обозначается «совокупность правил или ограничений, обеспечивающих функционирование речевой деятельности естественного языка или какой-либо знаковой системы» [8]. У. Эко определяет код как систему, устанавливающую: 1) «репертуар противопоставленных друг другу символов»; 2) «правила их сочетания»; 3) «окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [11, с. 44].

Код включается в систему синтагматических и парадигматических связей[1], отражающих соотношение двух взаимосвязанных уровней: 1) комбинации знаков (символов); 2) система определенных правил сочетания знаков (символов). Выступая в качестве регулятора связи между однотипными классами носителей информации и их значениями, код способствует передаче, обработке и хранению информации. При этом отметим, что в кодах, обслуживающих языковую коммуникацию, «отсутствует жесткое единообразие», поскольку любой индивидуум принадлежит одновременно нескольким речевым сообществам и объединяет в себе различные коды [9, с. 407]. Его социальные роли связаны с принятием определенного поведения и речевой практики посредством выбора соответствующего данной ситуации кода. Каждый коммуникант располагает своим «репертуаром» кодов, отличным как в количественном, так и в качественном отношении, вплоть до использования различных языков.

Коды обладают свойствами саморегулирования, самоуправления и представляют собой гибкие самонастраивающиеся системы, организующие то или иное направление в движении смысла. Важнейшим свойством кодов является ориентация на установление общезначимых норм и правил, что позволяет оптимально осуществлять ту или иную коммуникацию. При этом нужно уточнить, что по социологическим данным «между нормами, строго предписывающими поведение людей, и практическими схемами, во многих случаях необязательными, существует подвижное взаимодополняющее единство» [9, с. 408]. Характерно, что в повседневной жизни следование правилам, образцам, схемам поведения происходит в крайних случаях (например, в критических, опасных ситуациях). В большинстве случаев поступками человека управляют не установленные «свыше» нормы, а принципы практической целесообразности.

Коды можно условно дифференцировать на «естественные» и «искусственные». В первом случае они связаны с языковыми системами, исторически сложившимися в речевой практике человека, и функционируют, прежде всего, на уровне неосознаваемых, интуитивных установок. Так, по мысли А. Левина, «конвенциональная природа коммуникативных кодов отнюдь не обязательно выражается эксплицитно: более того, конвенции, определяющие функционирование естественных языков, всегда создаются имплицитно, «самоустанавливаясь» в множествах коммуникативных актов, и лишь впоследствии эксплицируются на метауровне лингвистического описания» [8]. Во втором случае коды создаются самим человеком. Они предстают в открыто выраженном виде, маркированы посредством той или иной семиотической системы (например, дорожные знаки).

В крупном плане коды могут быть разделены на три группы: социальные, текстуальные и интерпретативные. Отметим, что между ними не существует резких границ. Так, все семиотические коды в широком смысле являются социальными кодами, поскольку их возникновение и функционирование обусловлено тем или иным социальным контекстом. Аналогичным образом все семиотические коды могут рассматриваться как идеологические, потому что их репрезентации обладают как функцией указания, так и убеждения.

Социальные коды апеллируют к знаниям человека о социальном мире и включают в себя коды поведения, коды товаров (продуктов) и т. п. К *текстуальным* кодам относятся репрезентационные коды, указывающие на те или иные объекты действительности. Характерно, что зачастую они воспринимаются непосредственно, как если бы были прямыми репродукциями реальности (например, в кино, на телевидении). Однако отметим, что окружающий мир всегда репрезентирован, и то, что человек трактует в качестве «непосредственного» восприятия, на самом деле «опосредовано» перцептуальными кодами (перцепция включает в себя ментальную репрезентацию). Все тексты, какими бы «реалистичными» они на первый взгляд не казались, являются сконструированными репрезентациями, а не просто «рефлексиями».

[1] В языкознании парадигма (с гр. paradeigma – пример, образец) – это «система форм одного слова, отражающая видоизменения слова по присущим ему грамматическим категориям» [10]. Парадигматика – один из двух аспектов (наряду с синтагматикой) исследования языка. Ее задачей выступает «изучение элементов языка и классов этих элементов, находящихся в отношениях противопоставления, выбора одного из взаимоисключающих элементов» [10]. Парадигматические и синтагматические связи являются проявлением, соответственно, вертикальных и горизонтальных текстовых отношений.

Таким образом, то, что воспринимается человеком в качестве реальности, включает в себя коды, репрезентируется посредством кодов.

К *интерпретативным* кодам относятся перцептуальный и идеологический коды. Они могут рассматриваться «в качестве формирующих основу для суждений модальности» [4]. К перцептуальным кодам относятся, прежде всего, зрительный, слуховой, осязательный, обонятельный, вкусовой. Данные сенсорные модальности причисляют к кодам по той причине, что интерпретация индивида не может быть отделена от его восприятия, а последняя, в свою очередь, зависит от его социальной и культурной принадлежности. В отличие от большинства кодов, понятие перцептуального кода не допускает интенциональной коммуникации, поскольку не имеет «отправителя».

На идеологический код, как правило, указывают понятия, в словесной конструкции которых присутствует окончание «изм», например, индивидуализм, капитализм, либерализм, консерватизм, феминизм, материализм. Идеологический код включает в себя «коды текстуального производства и интерпретации» – доминантные, договорные и оппозициональные. Доминантный код связан с ситуацией, когда адресат полностью разделяет и принимает код текста, репродуцируя предпочтительное его прочтение. Отметим, что данное толкование может и не быть результатом какой-либо сознательной интенции автора. В таком случае код текста кажется «естественным» и «очевидным». Обратная же ситуация возникает с оппозициональным кодом, когда социальная позиция адресата приводит его к неприятию доминантного кода. Понимая предпочтительную трактовку текста, он отрицает ее, привнося альтернативный идеологический код. В случае с договорным кодом адресат частично разделяет код текста и принимает предпочтительное прочтение, но иногда модифицирует его в соответствии со своим жизненным опытом и интересами.

По типу артикуляции коды могут быть классифицированы на три группы: коды с единственной артикуляцией, коды с двойной артикуляцией, неартикулированные коды. *Коды с единственной артикуляцией* бывают двух видов: а) обладающие только первой артикуляцией; б) обладающие только второй артикуляцией. В первом случае коды состоят из знаков, которые взаимосвязаны друг с другом, но не объединяются в более крупные значимые структуры. Так, система знаков дорожного движения является кодом только с первой артикуляцией. Во втором случае коды образуются из знаков, значения которых невыводимы из своих элементов. Они разделимы лишь только на фигуры, минимальные функциональные единицы. Ярким примером кода со второй артикуляцией является бинарный код. Его единицы – 0 и 1 – могут комбинироваться и продуцировать числа, буквы, иные знаки. Двоичными кодами являются двухбуквенный шифр Ф. Бэкона, «азбука» Морзе, «языки» компьютерного программирования и т. п.

Коды с двойной артикуляцией обладают двумя структурными уровнями – первой и второй артикуляции. Примером кода с двойной артикуляцией является вербальный язык. На уровне первой артикуляции система состоит из наименьших приемлемых значимых единиц (например, морфем или слов). Уровень второй артикуляции включает минимальные функциональные единицы, не имеющие самостоятельного значения и не являющиеся знаками (к примеру, фонемы или графемы). *Неартикулированные коды*, то есть, не обладающие какой-либо артикуляцией, состоят из знаков, не имеющих непосредственного отношения друг к другу и не подразделяющихся на составляющие элементы. Так, кодом без артикуляции является «язык цветов», поскольку каждый тип цветка является самостоятельным, независимым знаком, не несущим какого-либо отношения к другим знакам в коде.

Безусловно, что в человеческой коммуникации отправитель сообщения подчиняется коду. Чем бы ни была продиктована его речь, в акте «говорения» правила кода неизбежно регулируют и ограничивают разнообразие потенциальных высказываний. Его сообщение (устное или письменное) находится в постоянной связи со своим кодом, являясь частичной реализацией содержащихся в нем правил и норм. Благодаря коду сообщения становится «сообщаемыми». При этом нужно отметить, что сообщение, по У. Эко, может представать в двух ракурсах: 1) как значащая форма; 2) как система означаемых. В первом случае речь идет о сообщении как определенном сочетании графических или акустических знаков, которое может существовать в таком виде само по

себе, даже если его никто не получает. Второй случай показывает сообщение как значащую форму, которую адресат наделил смыслом на основе того или иного кода.

Для полноценной коммуникации код должен быть полностью (или частично) общим для адресанта и адресата, соответственно, кодирующего и декодирующего сообщение. Хотя в некоторых случаях отправление и дешифровка сообщений могут осуществляться на основе разных кодов. Так, ярким примером возможности прочтения сообщения с помощью двух различных кодов является сообщение «I vitelli dei romani sono belli». Эта фраза может быть прочитана на двух языках – на латинском и итальянском. При этом сообщение как значащая форма в обоих случаях остается неизменным, однако его значение изменяется в зависимости от того, каким кодом пользуются коммуниканты. На латинском языке оно прочитывается следующим образом: «Ступай, Вителлий, на воинственный глас римского бога», а на итальянском сообщает, что «телята, которых разводили наши античные предки (или разводят нынешние жители итальянской столицы), хороши собой» [11, с. 68–69].

Итак, от приложения к тексту того или иного кода зависит конечный результат его дешифровки. Существенное значение для адресата имеет вопрос выбора соответствующего кода. Помимо знания намерений отправителя ему зачастую необходимы определенного рода пояснения – своеобразные руководства для интерпретации. Ими могут быть, по У. Эко, контекст сообщения, коммуникативная ситуация, ее обстоятельства, а также возможное указание на код в самом сообщении. Особое внимание к себе требуют обстоятельства сообщения, которое «не указывает на них, но в них разворачивается, осуществляясь в конкретной ситуации, которая и наделяет сообщение смыслом», определяя выбор кода [11, с. 70]. Ученый заключает: «непреложная реальность конкретных коммуникативных обстоятельств решающим образом влияет на семиотический универсум культурных конвенций, она укореняет в повседневной жизни сугубо теоретический мир абстрактных кодов и сообщений, подпитывая холодную отстраненность и самодостаточность семиотических смыслов жизненными соками природы, общества, истории» [11, с. 70–71].

Феномен кода является неотъемлемой частью коммуникативных процессов в музыкальном искусстве. Знание кода предстает необходимым условием для постижения музыкальных произведений, принадлежащих различным эпохам, стилям, творческим школам. Использование в сочинениях кодифицированных звуковых образований является своего рода гарантией адекватного их восприятия и понимания слушателем. Владение информацией кода дает возможность более точной и глубокой интерпретации.

Проблема музыкального кода – это весьма актуальная и малоисследованная область музыкознания. Причем, она привлекает к себе внимание именно на современном этапе развития музыкального искусства и науки. И это не случайно. Ведь ранее, до XX столетия, музыкальные произведения создавались в рамках объединяющего их классического (шире – классико-романтического) стиля, который был общезначим, заведомо известен всем коммуникантам – композитору, исполнителю, слушателю. Имеющий широкое распространение как в социокультурном пространстве (от профессионалов до любителей музыки), так и географическом (прежде всего страны Западной Европы, Россия), он представал универсальным «кодом», доступным для массовой аудитории.

Однако в XX веке ситуация в музыкальной коммуникации совершенно изменилась. Музыкальное произведение, которое должно стать средством «общения», обнаруживает свою коммуникативную несостоятельность. В результате чрезвычайной индивидуализации творческого процесса, устойчивого стремления к инновациям происходит как бы разрыв между той информацией, которую вкладывает в сочинение композитор и тем сообщением, что извлекает из нее слушатель. Такое положение характеризует современное искусство, «бросившее вызов коммуникации и оказавшееся на грани некоммуникабельности» [11, с. 174].

Потеря кода, нарушение связи между музыкальным произведением и слушателем приводит к непониманию адресатом заложенных в нем смыслов. Отрыв от исходных значений нотного текста обуславливает ситуацию, когда получатель оказывается в своеобразной коммуникативной «пустоте». Стремясь найти замену прежней системе кодов, он начинает приписывать текстам

другие смыслы, возникающие у него зачастую в результате непосредственного восприятия музыкальных явлений. В итоге он приходит к художественным выводам и оценкам, не соответствующим настоящему положению дел.

Таким образом, проблема коммуникации принимает глобальные масштабы в музыкальном искусстве XX столетия. Ее исследование требует глубокого изучения и проработки такого феномена, как музыкальный код. Отметим, что сам термин «код» достаточно перспективен и обладает определенным потенциалом для музыкальной науки. Так, в соотношении с понятием музыкальный «язык» он имеет некоторые преимущества: 1) код не ограничивает исследователя какими-либо историческими рамками; 2) код не ориентирует на вербальный язык как эталон для изучения коммуникации вообще; 3) код дает особый ракурс изучения проблемы музыкального знака, когда поиск означаемых смещается из плоскости объектно-субъектных отношений в пространство интерсубъективных связей. Иначе говоря, взамен «означаемого вообще» код устанавливает «означаемое для конкретного коммуниканта (или группы коммуникантов). При этом внимание сосредотачивается не на том, **что есть** означаемое и означающее, а на том, **как** они между собой связываются.

Знак, по Ч. Пирсу, «адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак», который ученый называет интерпретантом первого знака [5, с. 48]. Код, будучи в семиотической ситуации своеобразным интерпретантом, является связующим звеном между знаком и его объектом, способствуя адекватному пониманию заложенного в знаке смысла.

Термин «код» можно использовать по отношению к музыкальным системам самых различных веков. Если понятие музыкального «языка» в своем применении ограничивалось рамками классико-романтической эпохи, то область распространения кода может охватывать все этапы развития музыкального искусства, от Средневековья до современности. На самом деле, в отношении к старинной музыке, звуковысотным системам XX века не совсем корректно использовать понятие «язык». В данном случае это, скорее, метафора, чем научный термин. Отметим, что лишь в XVIII–XIX столетиях музыкальное искусство в своем историческом развитии приблизилось к «языковой» коммуникации, сходной с речевой деятельностью. Этот факт нашел свое отражение в музыкальной науке. Так, Б. Асафьев говорит о музыке как «звукопроизнесении чувствуемой мысли», «искусстве интонируемого смысла». Общепризнанной позицией в музыковедении стало рассмотрение выразительных средств как элементов музыкального «языка». Исследователи пишут, например, о гармоническом «языке», о музыкальном «языке» того или иного композитора. При этом существующая методологическая установка, ориентирующая на вербальный язык как эталон языковой коммуникации вообще, не лишена проблем и противоречий в понимании музыки как особого вида «языка».

С позиции семиотики язык (а именно, вербальный язык) является частным случаем кода, точнее, это текстуальный код, обладающий двойным членением (двойной артикуляцией). В связи с этим музыкальный «язык» также можно рассматривать как разновидность музыкального кода, его конкретно-историческую реализацию в музыке XVIII–XIX столетий. Однако, полагаем, что при изучении феномена кода в музыке нужно ограничиться лишь понятием «код», используя его применительно к любому периоду развития музыкального искусства.

Итак, рассмотрим понятие «музыкальный код» и попытаемся выявить основные параметры его дефиниции. Феномен кода является ключевым звеном коммуникативных процессов в музыкальном искусстве. Будучи явлением конвенционального порядка, он вбирает в себя область нормативной, общезначимой информации. Именно это свойство кода обуславливает возможность передачи музыкального «сообщения» от композитора к слушателю, способствует быть музыкальному произведению средством «общения». Однако отметим, что музыкальные сочинения могут содержать иную, специализированную информацию, являющуюся результатом внесения субъективных интенций автора. Закрытая для непосвященных, она уже принадлежит не коду, а шифру.

Рассматривая понятие музыкального кода, нужно исключить две крайние позиции его трактовки. Во-первых, мысль о том, что код полностью охватывает музыкальное искусство, целиком

покрывает художественную деятельность. Если допустить данную точку зрения как истинную, то окажется, что музыка уже не является искусством. Она становится в один ряд с нехудожественными явлениями, предстает общеизвестным и доступным «каналом связи», в котором означающие обнаруживают однозначную трактовку, как, например, в вербальном языке. Второе мнение связано с тем, что в музыке вообще нет кода. В этом случае отсутствие в коммуникации общезначимых смыслов приведет к тому, что музыкальному произведению будет отказано в функции сообщения, а само музыкальное искусство окажется непознаваемым явлением, «вещью в себе».

Таким образом, код в музыке существует, однако область его распространения ограничена. Подчеркнем, что код охватывает только лишь идеальную сторону музыкального целого. Он образует особую ментальную субстанцию, интерсубъективную реальность, принадлежащую сознанию людей определенной социокультурной принадлежности. Код может рассматриваться как «предельное основание, позволяющее сводить чувственное многообразие и изменчивость свойств к чему-то постоянному, относительно устойчивому и самостоятельно существующему» [1, с. 21]. Вообще, способность создавать коды и пользоваться ими является неотъемлемой частью мышления человека.

Что касается материальной, то есть звуковой стороны музыкальных явлений, отметим, что в ней кода нет. Это согласуется с мнением Ф. Соссюра, который считает, что звук (фонема) как материальная субстанция не принадлежит языку; «в языке нет ничего кроме различий» [9, с. 117]. Итак, непосредственно в самом музыкальном звучании код не существует. Аналогичным образом его нет и в зафиксированном нотном тексте, который при отсутствии коммуникантов оказывается некой «пустой» незначащей формой. Код возникает только тогда, когда звуковой материал становится объектом восприятия, переживания, осмысления, когда человеческое сознание начинает приписывать ему те или иные значения.

В музыкальном искусстве, как и в других коммуникативных системах, существуют различные коды. Их можно обнаружить лишь в результате теоретической рефлексии, аналитических процедур. В музыкальном мышлении коды фигурируют в качестве грамматических моделей, абстрактных схем, формул, структурных единиц, подчиняющихся определенным правилам сочетаний, функциональным отношениям.

Что касается классификации музыкальных кодов, то говорить о ней весьма не просто. В музыке коды достаточно многообразны, изменчивы, причем одни коды вбирают в себя другие, образуя более сложные системы. Формирующие различные уровни организации текста (структурный, семантический, драматургический и т. п.), они образуют совокупное множество, представляющее «иерархическое построение большой сложности» [4, с. 36]. Ю. Лотман пишет: «Созданный автором текст оказывается включенным в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщенных опытом предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровывать информацию, заключенную в тексте» [4, с. 357].

Автор настоящей работы попытается лишь наметить возможную классификацию кодов в музыке. В качестве ее критериев можно выделить следующие:

1. Коды, связанные с различными социокультурными коммуникативными общностями:

- код академической (профессиональной) музыки;
- код народной музыки;
- код популярной музыки;
- код культовой музыки.
- код джазовой музыки;

2. Коды, ориентирующие на определенную музыкальную эпоху:

- код (возможно коды) старинной музыки;
- код классической музыки;
- код (возможно коды) романтической музыки;
- коды музыки XX века.

3. Коды, представляющие различные типы коммуникантов:

- код композитора;
- код исполнителя;
- код слушателя.

Таким образом, понятие кода применимо по отношению к художественным целостностям различного ранга. Распространяя свое действие

на некоторую совокупность музыкальных произведений, код является обобщением широкого круга музыкальных явлений. Он выявляется посредством определенного комплекса художественных норм, связанных с теми или иными эстетическими установками. Причем для каждого кода характерен свой набор нормативных элементов, функциональные отношения которых регулируются установленными «правилами» и ограничениями. Анализ нормативных компонентов того или иного кода, рассмотрение вопросов их возникновения и эволюции в процессе развития музыкального искусства выходит за рамки настоящей статьи и требует специального изучения.

Литература

1. Большая советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Совет. энцикл., 1976. – 3-е изд. – Т. 25. – 600 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Глоссарий ключевых терминов семиотики [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/skripnik_semiotika/05.aspx (дата обращения: 15.01.2015).
4. Лотман Ю. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
5. Пирс Ч. Начала прагматизма / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб.: Алетейя, 2000. – Т. 1. – 318 с.
6. Саввина Л. Звукоорганизация музыки XX века: семиотические проблемы исследования // Музык. акад. – 2008. – № 2. – С. 114–121.
7. Словарь терминов французского структурализма // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – URL: http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm (дата обращения: 25.03.2015).
8. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: Панпринт, 1998. – 2-е изд. – 1064 с.
9. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотина. – М.: Логос, 1998. – 296 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию [Электронный ресурс]. – URL: http:// belpaese2000.narod.ru/Teca/Nove/eco_struttura.htm (дата обращения: 18.12.2014).

References

1. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]*. Ed. A.M. Prohorov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1976, 3th ed., vol. 25. 600 p. (In Russ.).
2. *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Great Dictionary of Russian language]*. Ed. S.A. Kuznetsova. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. (In Russ.).
3. *Glossariy klyuchevykh terminov semiotiki [Glossary of key terms of semiotics]*. (In Russ.). Available at: http: \\www. sbiblio.com/BIBLIO/archive/skripnik_semiotika/05.aspx (accessed 15.01.2015).
4. Lotman Y. *Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the art text]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.).
5. Pirs Ch. *Nachala pragmatizma [The beginning of pragmatism]*. Transl. by V.V. Kiryushchenko, M.V. Kolopotin. Publ. is based on some manuscripts of Ch. Pirs during 1868–1903 years. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2000, vol. 1. 318 p. (In Russ.).
6. Savvina L. Zvukoorganizatsiya muzyiki XX veka: semioticheskie problemy issledovaniya [Sound-height organization of music in the twentieth century: the semiotic study of the problem]. *Muzykal'naya akademiya [The musical academy]*, 2008, no. 2, pp. 114-121. (In Russ.).
7. Slovar terminov frantsuzskogo strukturalizma [Glossary of French structuralism]. *Strukturalizm: "za" i "protiv" [Structuralism: "for" and "against"]*. Ed. E.Y. Basin i M.Y. Polyakov. (In Russ.). Available at: http: \\www.philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm (accessed 25.03.2015).
8. *Sovremennyy filosofskiy slovar' [Modern philosophical dictionary]*. Ed. V.E. Kemerova. 2th ed. London, Frankfurt, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk, Panprint Publ., 1998. 1064 p. (In Russ.).
9. *Sossyur F. Kurs obschey lingvistiki [Cours de linguistique générale]*. France, Payot, 1997, 520 p. Transf. by A.M. Suhotina. Moscow, Logos Publ., 1998. 296 p.). (In Franc.).
10. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura: Vvedenie v semiologiyu [Absent structure: Introduction to semiology]*. (In Russ.). Available at: http: \\www. belpaese2000.narod.ru/Teca/Nove/eco_struttura.htm (accessed 18.12.2014).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PEDAGOGICAL SCIENCIES

УДК 37

HIERARCHIA WARTOŚCI MŁODZIEŻY GIMNAZJALNEJ POWIATU MYŚLENICKIEGO

Mazur Pyotr, Państwowa, Wyższa Szkoła Zawodowa (Chełmie, Polska). E-mail: pedagogika@pwsz.chelm.pl

Łętocha Monika, Uniwersytet Jana Kochanowskiego (Kielcach, Polska). E-mail: pedagogika@pwsz.chelm.pl

Zdrowie jest jedną z najważniejszych wartości w życiu każdego człowieka. Problematyka wartości w procesie wychowania młodzieży jest stale aktualna w literaturze pedagogicznej. Celem niniejszego artykułu jest przedstawienie opinii uczniów gimnazjum z powiatu myślenickiego na temat ich osobistej hierarchii wartości. Głównym problemem badawczym było ustalenie jaki jest system wartości uznawanych przez młodzież, które wartości są dominujące, a które peryferyjne. W celu uzyskania materiału badawczego posłużono się metodą sondażu diagnostycznego. Techniką badawczą, którą zastosowano była ankieta. Podstawowym narzędziem badawczym była *Skala oceny wartości preferowanych* wzorowana na technice opracowanej przez P. Olesia, składająca się z katalogu nazw 27 wartości. Niniejsze opracowanie jest wprowadzeniem w problematykę aksjologii młodzieży. Wiedza młodzieży na temat wartości zdrowia i jego znaczenia w życiu jest niezadowalająca, dlatego też zadaniem szkoły jest promowanie zdrowego stylu życia. Problem znaczenia wartości w życiu młodzieży przedstawiony został na podstawie badań własnych przeprowadzonych wśród uczniów gimnazjów powiatu myślenickiego.

Słowa kluczowe: młodzież, wartość, hierarchia wartości.

THE HIERARCHY OF VALUES OF YOUTH GYMNASIUMS IN MYŚLENICE COUNTY

Mazur Pyotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Pedagogics of Helm Higher Public Vocational School (Helm, Poland). E-mail: pedagogika@pwsz.chelm.pl

Łętocha Monika, Jana Kochanowskiego University (Kielcach, Poland). E-mail: pedagogika@pwsz.chelm.pl

Health is one of the most important values in everyone's life. The issue of values in the process of bringing up the young is still valid in the literature connected with pedagogy. The purpose of this article is to present the opinions of high school students from the Myślenice district concerning their personal hierarchy of values.

The main problem of the research was to determine what is the value system recognized by young, which values are dominant and which ones are peripheral. In order to obtain research material, the method of diagnostic survey has been used. The research technique that has been used was a survey. The primary research tool was *The scale of assessment of the preferred values* based on the technique developed by P. Oleś, consisting of a catalogue that included the names of 27 different values. This study is an introduction to the problems of axiology of youth. The young people's knowledge about the value of health and its importance in their life is unsatisfactory, that is why it is the school's task to promote the healthy lifestyle. The problem of importance of the values in the lives of youth will be presented on the basis of the own research conducted among middle school pupils from Myślenice district.

Keywords: youth, value, hierarchy of values.

Wychowując dzieci i młodzież chcemy zawsze osiągnąć jakiś zamierzony cel, który przedstawia jakąś wartość dla społeczeństwa czy jednostki. Dlatego też możemy powiedzieć, że nie ma pedagogiki „bezwartościowej". Każde działanie wychowawcza zakłada realizację czy osiąganie wartości, inaczej działalność ta nie miałaby sensu [5].

Wartości mają ogromne znaczenie w całym procesie wychowawczym. To właśnie one wyznaczają wspólny kierunek zarówno dla wychowawcy jak i dla wychowanka. Dzięki nim możliwe jest wspólne pokonywanie trudnych szlaków wzrastania ku pełni człowieczeństwa [13].

W dobie współczesnych dyskusji na temat edukacji i wychowania należy przywołać słuszną uwagę K. Chałas, że nie ma wychowania bez wartości. Jej zdaniem „wychowanie bez wartości staje się pustym dzwonem, który nawet mimo silnego rozkołysania nie wyda oczekiwanych dźwięków. Wychowanie musi prowadzić do głębi człowieczeństwa, które jest treścią życia osoby, jej integralnego rozwoju, który ostatecznie jest wyznaczony przez urzeczywistnianie najwyższych wartości i dążenie do Absolutu" [1].

Czym są wartości?

Termin wartość (łac. *valor*) pochodzi od czasownika „być wartościowym" (łac. *valere*) [7]. Pojęcie to pierwotnie wywodziło się z ekonomii (wartość rzeczy, towaru; wartość użytkowa, wymienna) [2]. W starożytnej Grecji naczelnymi wartościami były: prawda, dobro i piękno [10]. Dla chrześcijaństwa jako pierwszoplanowe w aksjologii są wartości ewangeliczne: wiara, nadzieja i miłość. Wielka Rewolucja Francuska akcentowała triadę: równość, wolność i braterstwo. Współcześnie podkreśla się takie wartości jak: godność osoby ludzkiej, pluralizm, solidarność [4].

Czymże są wartości? Wielu filozofów stoi na stanowisku, że pojęcia „wartość" nie da się prawidłowo zdefiniować. Zdefiniowanie wartości jest utrudnione, ponieważ jest ono zakresowo szeroka oraz zawiera element subiektywnego odczucia i oceny. W odmienny sposób będzie ją formułował idealista, inaczej materialista czy spirytualista, a wśród nich inaczej socjolog, psycholog, historyk. Charakteryzując wartość należy uwzględnić jej relację wobec dobra [9].

Wskazując na znaczenie wartości w życiu człowieka, K. Denek określa je mianem busoli, która wyznacza kierunek postępowania. Są one wyznacznikiem zachowań i działań jednostek i grupy. One należą do regulatorów ludzkich dążeń i zachowań. W ich świetle człowiek ocenia postępowanie własne i innych.

K. Chałas uważa, iż „najogólniej można stwierdzić, że 'wartość' oznacza to, co jest cenne, godne pożądania i co stanowi (powinno stanowić) przedmiot szczególnej troski oraz cel ludzkich dążeń, a także kryterium postępowania człowieka" [1].

Hierarchia wartości

Dwudziestowieczna myśl filozoficzna poruszająca problemy aksjologii ma wielu znaczących przedstawicieli. M. Scheler jest niewątpliwie tym myślicielem, który najbardziej przyczynił się do rozwoju aksjologii jako samodzielnej dyscypliny filozoficznej. Naczelną kategorią przeżyć emocjonalnych jest miłość. To ona kieruje człowieka ku wartościom wyższym, a nienawiść ku niższym. Niemiecki myśliciel dawał jej prymat przed poznaniem: „Miłość jest pobudką dla poznania i woli, co więcej – jest matką ducha i rozumu samego" [6].

M. Scheler przypisywał wartościom istnienie na podobieństwo wzorów matematycznych. Dokonując hierarchizacji typów wartości przyjął za główne kryterium antropologiczno-personalistyczne. Zakładając, że człowiek jest osobą rozumną i wolną, to jego dobro decydujące przy ustalaniu aksjologicznej hierarchii bytów. Ujmował je w cztery klasy o różnej randze. Zasadą podziału stanowiły cechy: czas trwania, zasięg, niezależność oraz głębia zadowolenia. Posługując się tymi kryteriami przedstawił następującą hierarchię wartości:

a) religijne (absolutne);
b) duchowe (kulturalne);
c) witalne;
d) hedonistyczne [5].

Najbardziej upowszechnionym podziałem, który ciągle jest wykorzystywany, rozbudowywany i subiektywnie interpretowany przez wielu badaczy jest podział Schelera. Możemy wyróżnić następujące grupy wartości:

a) wartości hedonistyczne – to, co sprawia przyjemność jest cenne i staje się celem działań;

b) wartości witalne – to, co wzmacnia życie i przyczynia się do pięknego wyglądu ciała oraz sprawności psycho-fizycznej jest godne pożądania i wysiłku;

c) wartości materialne – cenne jest to, co wzbogaca stan posiadania i podnosi standard życia;

d) wartości socjocentryczne – cenne jest to, w czym wyraża się zbiorowa wola i zbiorowy wysiłek jednostek (rodzina, państwo, naród, partia polityczna);

e) wartości estetyczne – to harmonia, ład, piękno, to, co dostarcza podniosłych przeżyć;

f) wartości etyczne (altruistyczne) – to różne formy dobra, czyli takie działania, które wzmacniają życie i rozwój człowieka i innych istot żywych;

g) wartości poznawcze – to wiedza i prawda o sobie i świecie;

h) wartości religijne – wprowadzają człowieka w świat nadprzyrodzony; dzięki nim uzyskuje pełniejsze rozumienie siebie samego, innych ludzi i świata [3].

Wartości hedonistyczne, witalne, materialne i socjocentryczne możemy nazwać instrumentalnymi. A pozostałe cztery określa się mianem duchowych. W hierarchii wartości na najniższym szczeblu znajdują się wartości hedonistyczne, wyżej wartości materialne, wartości socjocentryczne, wartości witalne, wartości kulturowe (estetyczne, poznawcze), wartości etyczne, najwyżej usytuowane są wartości religijne [3].

Dla K. Ostrowskiej system wartości poszczególnych jednostek to układ wzajemnie powiązanych „odczuć wartości". Według niej system wartości to układ ustosunkowań wobec wartości, takich jak: Bóg, inni ludzie, idee, zdarzenia, otaczająca nas rzeczywistość itp. Ustosunkowanie wobec wartości to określenie, w jakim stopniu dana wartość jest dla mnie ważna i konieczna do realizacji osobowej egzystencji, tzn. realizowania się w płaszczyźnie biologicznej, psychicznej, społecznej i duchowej [12].

Badania własne

Celem zrealizowanego badania było poznanie opinii uczniów gimnazjum z powiatu myślenickiego na temat ich osobistej hierarchii wartości. Głównym problemem badawczym było ustalenie jaki jest system wartości uznawanych przez młodzież gimnazjalną, które wartości są dominujące, a które peryferyjne.

Podstawowym narzędziem badawczym była *Skala oceny wartości preferowanych* wzorowana na technice opracowanej przez P. Olesia [11], składająca się z katalogu nazw 27 wartości. Udział w badaniu był anonimowy. Ankietyzację przeprowadzono w maju 2016 roku w wylosowanych szkołach powiatu myślenickiego.

Dobór próby do badania miał charakter losowy. Zebrano 136 ankiet od uczniów. Analiza struktury badanych dzieci z punktu widzenia danych metryczkowych wskazuje, że liczba chłopców (47,8 %) była niewiele mniejsza od liczby dziewcząt (52,2 %).

Po liczbowym opracowaniu wyników otrzymano hierarchię wartości preferowanych przez gimnazjalistów. W tabeli 1 zaprezentowano odpowiedzi młodych mieszkańców powiatu myślenickiego.

Tabela 1

Osobista ocena wartości

Lp.	Wartość	Wskaźnik preferowania (w %)[1]
1.	rodzina	58,60
2.	miłość	55,95
3.	wiara w Boga	54,11
4.	zdrowie	42,57
5.	przyjaźń	38,82
6.	szacunek	28,67
7.	sprawiedliwość	26,10
8.	dobro	20,51
9.	wolność	19,85
10.	patriotyzm	18,67
11.	wykształcenie	16,39
12.	godność	15,44
13.	pomoc innym	15,36
14.	życie towarzyskie	13,67
15.	prawda	13,16
16.	własny rozwój	12,64
17.	wiedza	11,25
18.	kultura	11,17
19.	pokój	10,51
20.	wygodne życie	9,70
21.	mądrość	8,89
22.	praca	8,82
23.	dobra materialne	8,23
24.	rozwój duchowy	6,02
25.	przyroda	5,66
26.	piękno	5,29
27.	władza	4,70

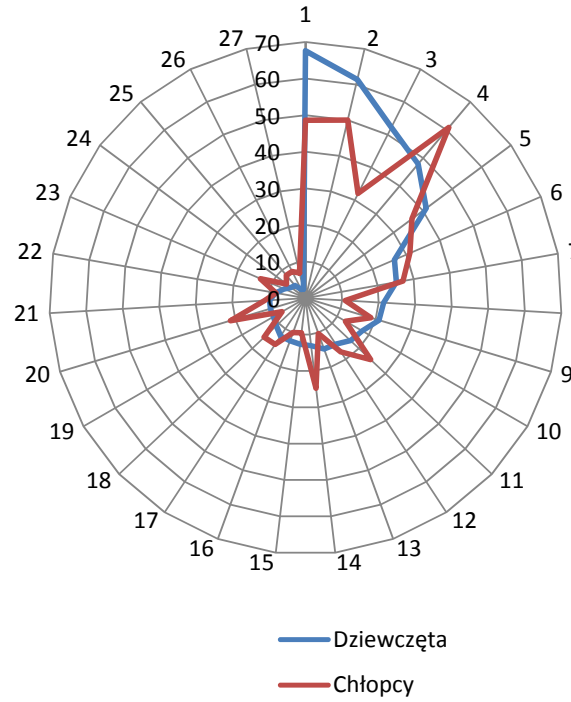
[1] Średni wskaźnik preferowania wartości uzyskany został w wyniku określenia procentowego stosunku średniej wszystkich wyborów danej wartości do liczby określającej maksymalną wartość wyborów tej samej wartości.

W tabeli 2 zaprezentowano odpowiedzi młodych mieszkańców powiatu myślenickiego z podziałem na wybory dokonane przez dziewczęta i chłopców. Wskazania zostały uporządkowane na sposób malejący według wskazań dziewcząt. W ten sposób powstał plan hierarchii wartości, który pozwala nam porównać podobieństwa i różnice w preferencjach według płci.

Tabela 2

Hierarchia wartości według płci badanych

Lp.	Wartość	Wskaźnik preferowania (w %)	
		Dziewczęta	*Chłopcy*
1.	rodzina	67,60	48,61
2.	miłość	61,40	50,00
3.	zdrowie	52,25	32,00
4.	wiara w Boga	47,88	60,92
5.	przyjaźń	41,12	36,30
6.	szacunek	26,47	31,07
7.	sprawiedliwość	25,21	27,07
8.	wykształcenie	21,40	10,92
9.	wolność	20,98	18,61
10.	pomoc innym	17,88	12,61
11.	dobro	16,90	24,46
12.	mądrość	15,07	17,53
13.	własny rozwój	14,78	10,30
14.	patriotyzm	13,09	24,76
15.	kultura	12,67	9,53
16.	wiedza	12,39	10,00
17.	życie towarzyskie	12,39	15,07
18.	prawda	10,98	15,53
19.	praca	10,14	7,38
20.	godność	10,00	21,38
21.	pokój	9,85	11,23
22.	dobra materialne	8,30	8,15
23.	wygodne życie	6,33	13,38
24.	przyroda	4,92	6,46
25.	rozwój duchowy	4,50	8,15
26.	piękno	2,67	8,15
27.	władza	2,53	7,07



Rysunek 1. Hierarchia wartości preferowanych przez gimnazjalistów

Wnioski

Analizując przedstawione powyżej dane można wysnuć następujące wnioski:

1) Obserwując dwie przecinające się krzywe obrazujące nasilenie wskazań dziewcząt i chłopców, można zauważyć wzajemne przeplatanie się linii, wskazujące na zmienność wyborów dokonywanych przez respondentów.

2) Najwyższy wskaźnik preferowania otrzymały wartości: rodzina – 67,60 % dziewcząt i wiara w Boga - 60,92 % chłopców.

3) Analiza hierarchii wartości wskazała, że w pierwszej grupie dziesięciu najważniejszych wartości dla obu badanych grup znalazło się 7 wspólnych wartości: rodzina, miłość, zdrowie, wiara w Boga, przyjaźń, szacunek, sprawiedliwość. W systemie wartości dziewcząt znalazły się dodatkowo: wykształcenie, wolność, pomoc innym. Katalog najważniejszych wartości chłopców uzupełniały: patriotyzm, dobro, godność.

4) Analiza hierarchii wartości wskazała, że w pierwszej grupie dziesięciu najmniej ważnych wartości dla obu badanych grup znalazło się 6

wspólnych wartości: władza, piękno, rozwój duchowy, przyroda, dobra materialne i praca. W systemie wartości dziewcząt znalazły się dodatkowo: wygodne życie, pokój, godność i prawda. Katalog najmniej ważnych wartości chłopców uzupełniały: kultura, wiedza, własny rozwój i wykształcenie.

5) Wyraźną przewagę wskazań dziewcząt sięgającą ponad 10 punktów procentowych obserwujemy w wyborze następujących wartości: rodzina, miłość, zdrowie, wykształcenie. Największa rozbieżność jest w przypadku wartości „zdrowie" i wynosi ponad 20 %.

6) Wyraźna przewaga wskazań chłopców sięgająca ponad 10 punktów procentowych występuje w wyborze takich wartości jak: wiara w Boga, patriotyzm i godność. Największa rozbieżność jest w przypadku wartości „wiara w Boga" i wynosi ponad 13 %.

7) Najmniejsze rozbieżności w wartościach preferowanych przez gimnazjalistów (do 5 %) są w wyborze następujących wartości: przyjaźń, szacunek, sprawiedliwość, wolność, mądrość, własny rozwój, kultura, wiedza, życie towarzyskie, prawda, praca, pokój, dobra materialne, przyroda, rozwój duchowy, władza. Najmniejsza rozbieżność jest w przypadku wartości „dobra materialne" i wynosi 0,15 %.

8) Na samym dole hierarchii wartości dziewcząt znalazła się „władza", a u chłopców – „przyroda".

Podsumowując wyniki badań możemy stwierdzić, że w systemach wartości gimnazjalistów powiatu myślenickiego, zdecydowanie dominują wartości etyczne (altruistyczne) i socjocentryczne. Z danych wynika również, że najmniejszą popularnością cieszyły się wśród respondentów wartości hedonistyczne i materialne.

Literatura

1. Chałas K. Wychowanie ku wartościom. Elementy teorii i praktyki. – Lublin-Kielce. – 2003. – Vol. 1. (In Polish).
2. Darowski R. Filozofia człowieka. Zarys problematyki. – Kraków, 1996. (In Polish).
3. Dyczewski L. Miejsce i funkcje wartości w kulturze // Kultura w kręgu wartości / red. L. Dyczewski. – Lublin, 2000. (In Polish).
4. Dyczewski L. Najważniejsze są wartości // Kultura w kręgu wartości / red. L. Dyczewski. – Lublin, 2000. (In Polish).
5. Kotłowski K. Filozofia wartości a zadania pedagogiki. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. (In Polish).
6. Kowalczyk S. Człowiek w poszukiwaniu wartości. Elementy aksjologii personalistycznej. – Lublin, 2006. (In Polish).
7. Kowalczyk S. Filozofia kultury. Próba personalistycznego ujęcia problematyki. – Lublin, 2005. (In Polish).
8. Lisnik A. Grenova K., Values development in teaching process. Scientific Bulletin of Chełm. Section of Pedagogy. – 2014. – P. 13–19. (In Polish).
9. Mazur P. Podstawy pedagogiki pastoralnej. – Kraków, 2011. (In Polish).
10. Olbrycht K., Prawda, dobro i piękno w wychowaniu człowieka jako osoby. – Katowice, 2002. (In Polish).
11. Oleś P. Wartościowanie a osobowość. Psychologiczne badania empiryczne. –Lublin, 1989. (In Polish).
12. Ostrowska K. Wokół rozwoju osobowości i systemu wartości. – Warszawa 1998.
13. Будник О. Б. Професійна підготовка майбутніх учителів початкової школи до соціально-педагогічної діяльності: теорія і методика. – Дніпропетровськ, 2014. (In Ukrainian).

References

1. Chałas K. *Wychowanie ku wartościom. Elementy teorii i praktyki [Education to values. Elements of theory and practice]*. Lublin-Kielce, 2003, vol. 1. (In Polish).
2. Darowski R. *Filozofia człowieka. Zarys problematyki [The philosophy of man. The list of issues]*. Krakow, 1996. (In Polish).
3. Dyczewski L. Miejsce i funkcje wartości w kulturze [Place and functions of the value of culture]. *Kultura w kręgu wartości [Culture in terms of values]*. Ed. L. Dyczewski. Lublin, 2000. (In Polish).
4. Dyczewski L. Najważniejsze są wartości [The most important are values]. *Kultura w kręgu wartości [Culture in terms of values]*. Ed. L. Dyczewski. Lublin, 2000. (In Polish).
5. Kotłowski K. *Filozofia wartości a zadania pedagogiki [Philosophy, significance and objectives of pedagogy]*. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968. (In Polish).
6. Kowalczyk S. *Człowiek w poszukiwaniu wartości. Elementy aksjologii personalistycznej [People in search of valuables. Elements aksjologii personalistycznej]*. Lublin, 2006. (In Polish).
7. Kowalczyk S. *Filozofia kultury. Próba personalistycznego ujęcia problematyki [Philosophy of culture. Attempt personalistycznego shooting perspective]*. Lublin, 2005. (In Polish).

8. Lisnik A. Grenova K. *Values development in teaching process*. *Scientific Bulletin of Chełm - Section of Pedagogy [Values development in teaching process. Scientific Bulletin of chełm - Section of pedagogy States]*, 2014, pp. 13-19. (In Polish).
9. Mazur P. *Podstawy pedagogiki pastoralnej [Basics of pedagogy pastoralnej]*. Krakow, 2011. (In Polish).
10. Olbrycht K. *Prawda, dobro i piękno w wychowaniu człowieka jako osoby [Truth, goodness and beauty, education, personality]*. Katowice, 2002. (In Polish).
11. Oleś P. *Wartościowanie a osobowość. Psychologiczne badania empiryczne [Examination of values and identity. Psychological research empirical]*. Lublin, 1989. (In Polish).
12. Ostrowska K. *Wokół rozwoju osobowości i systemu wartości [Around the development of personality and value system]*. Warszawa, 1998.
13. Budnik O.B. *Profesiyna pidgotovka maybutnikh uchiteliv pochatkovoï shkoli do sotsial'no-pedagogichnoï diyal'nosti: teoriya i metodika [Professional training of future primary school teachers to socio-pedagogical work: theory and methods]*. Dnepropetrovsk, 2014. (In Ukrainian).

УДК 37.072; 316.4

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: znak42@mail.ru

В статье представлены основные положения методологической концепции адаптивного управления образованием с точки зрения социологии управления как актуального направления научного исследования в условиях транзитивного российского общества. Постоянно осуществляемые управленческие воздействия на систему образования в условиях активно идущих трансформационных процессов способны влиять на неё как позитивно, так и негативно, они могут быть результативными и эффективными или наоборот. В стабильных условиях общественного развития наиболее востребованным был, например, комплексный подход в управлении образованием, предполагающий необходимость учёта и реализации проблем образования всесторонне и многогранно, в создании комплекса всех необходимых условий для их решения. Но в непредсказуемых и постоянно меняющихся условиях современного социально-экономического общества России, когда перемены и реформы стали постоянным атрибутом жизни, такие подходы не способствуют решению современных проблем в управлении образованием, нужны иные, гибкие подходы, соответствующие времени преобразований в обществе. Таковыми могут быть адаптивные подходы в управлении образованием. Это требует концептуальной проработки их содержательного, методологического и технологического компонентов. В данной статье предлагается методологический аспект исследуемой проблемы, её актуальность и важность в современных социально-экономических условиях развития российского общества. Активные перемены, вызванные реформами и модернизацией, требуют как от отдельного индивида, так и в целом от социальных систем (например, образования) активных адаптационных процессов к новым условиям и обстоятельствам. Адаптивные свойства, присущие социальным системам, становятся важными и востребованными в изменившихся условиях. Всё это требует, в свою очередь, поиска адекватных новым условиям систем управления.

Ключевые слова: адаптивное управление, сложноорганизованная система, саморазвивающаяся система, самоорганизующаяся система, адаптационный тип самоуправляемого развития, адаптивность системы образования.

ON THE METHODOLOGICAL CONCEPT OF ADAPTIVE MANAGEMENT EDUCATION: SOCIOLOGICAL ASPECT

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Department Chair of State and Municipal Management, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: znak42@mail.ru

In the article, the substantive provisions of methodological conception of adaptive control of education are presented from the point of view of sociology of management as actual direction of scientific research in the conditions of transitive Russian society. The constantly carried out administrative affecting system of education in the conditions of actively going transformation processes is able to influence on it both, positively and negatively, they can be efficient and effective or vice versa. In the stable terms of community, the development most highly sought in a complex approach was, for example, in a management by education, supposing the necessity of account and realization of problems of education all-round and many-sided, in creation of complex of all necessary terms for their decision. But in the unforeseeable and constantly changing terms of modern socio-economic society of Russia, when changes and reforms became the permanent attribute of life, such approaches do not assist the decision of modern approaches, its actuality and importance in modern socioeconomical terms of development of Russian society. Active changes, caused reforms and modernization, require both, from a separate individual and on the whole, from the frames of society, for example, education, active adaptation processes to the new terms and circumstances. Adaptive properties inherent the frames of society become important and claimed in changing terms. All of it requires, in turn, search of adequate new.

Keywords: adaptive management, complex structural system, self-developing system, self-organizing system, adaptation of the type of self-governing, adaptability of the education system.

Современные тенденции, связанные с преобразованиями российского общества, которое переживает уже длительную трансформацию и модификацию основных своих сфер (например, образования), определяют появление и развитие различных социальных феноменов и систем управления ими. К числу таких феноменов можно отнести различные возникающие в связи с этим явления как в целом в социальной системе, так и в её элементах (в частности, в образовании): например, модернизация, инновация, диверсификация, гуманизация и гуманитаризация и множество других (см. [5; 6]).

Их возникновение и развитие обусловлено актуальной потребностью общества и государства восстановить прерванную глубокую связь, а именно внутреннее естественное единство человека и общества, активно разрушенное в первые годы глубокой трансформации современного российского общества в конце XX – начале XXI века и продолжающее разрушаться в настоящее время.

Эти явления возникли как социальная необходимость восстановить образовавшийся разрыв между целями общества и целями социальных систем, в нашем случае – системы образования, и целями трансформации российского общества, который возник в результате возникшего рассогласования между темпами социокультурной и социально-экономической трансформации общества и ролью в этом системы образования.

Цели образования как социальной системы должны быть прочно связаны с целями жизни общества, что отмечает, например, С. И. Гессен, он подчёркивает, что жизнь определяет образование и, напротив, образование воздействует на жизнь. Это означает, что понять систему образования, понять её феномены – значит понять не только специфику, но и социальную сущность самого общества. Методология формирования такого взгляда заложена, прежде всего, в работах П. Бергера, Т. П. Бурдье, Э. Дюркгейма, Г. Лукмана, П. Штомпки и др.

Понимание «адаптивного образования» как феномена основывается на теории Д. Беркли, основоположника феноменализма, который представляет собой признание той или иной области человеческого опыта как феноменального, то есть являющегося или кажущегося бытия.

В контексте такой методологической установки изучение адаптивных систем, в том числе и образования, а также систем управления ими, актуально как для науки «социологии управления», так и для педагогики. Причем важно не только для того, чтобы понять и обосновать феномены системы образования адаптивного характера, способствующие в условиях транзитивного общества восстановлению связи развивающейся личности как социального актора (полноценно функционирующей в обществе личности) с обществом, но и для того, чтобы определить их роль и значение в этом процессе (см. [3]).

Социологическая интерпретация различных адаптивных систем образования (адаптивных школ, адаптивных технологий обучения, адаптивной физической культуры, адаптивной системы управления и др.) как феноменов российской системы образования необходима также для того, чтобы раскрыть методологию и социальную технологию управления образованием как социальным институтом транзитивного российского общества.

В соответствии с общей теорией управления, которая широко представлена в современных научных исследованиях, в нестабильных и быстро меняющихся условиях с мало предсказуемыми изменениями эффективными могут быть только гибкие, органические структуры управления, каковыми являются именно адаптивные структуры управления.

Образование как социальный институт, чтобы стабильно и эффективно функционировать или развиваться, поддерживать свою жизнедеятельность в динамично меняющейся среде (как внешней, так и внутренней), должно меняться, оставаясь неизменным в своей сущностной основе, сохраняя свою миссию и свои функциональные задачи. Если достигнутый уровень функционирования на определённом этапе становится не эффективным, то вновь возникает необходимость в изменении, в развитии. Управление в условиях реформ и перемен не возможно в жёстких статичных формах и структурах, что, в свою очередь, обуславливает существование гибких, вариативных систем образования и адекватных им систем управления.

Однако анализ практики управления образованием показывает, что традиционные структуры управления, созданные, как правило, по линейно-функциональному принципу, являются достаточно жёсткими и могут эффективно работать только в стабильных условиях. В связи с этим возникает потребность в активном научном поиске иных структур управления, отвечающих новым целям и задачам системы образования в условиях транзитивного российского общества.

Базовыми для разработки концептуальных основ социологии адаптивного управления образованием являются исследования общих закономерностей социального управления В. Г. Афанасьев, Н. А. Витке, Т. Парсонс, А. И. Пригожин и др. (см. [2; 8]).

Существенную роль в разработке концепции социологии управления образованием как адаптивной системой играют исследования, в которых освещаются проблемы детерминизма, признающие объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества (В. С. Барулин, М. Бунге, С. В. Чесноков и др.). Эти исследования позволяют разработать концептуальные основы социологии управления образованием как адаптивной системой на основе синтеза общих законов, характерных для всех социальных систем и закономерностей детерминизма, определяющих всеобщую взаимосвязь и взаимообусловленность социальных явлений. Особенности адаптивного управления системой образования могут быть обозначены как связи, отражающие диалектическое соотношение самых различных отношений, совокупность которых выступает в качестве важнейшего детерминанта развития общества в изменившихся условиях российской действительности.

Разработка концептуального основания социологической интерпретации одного из феноменов транзитивного российского общества – адаптивного образования как объекта адаптивного управления – требует понимания его социально-функциональной сущности в условиях транзитивного общества, раскрытия институциональной типологии, социальных детерминант генезиса и обоснования феноменологии противоречий практики управления им.

Это необходимо, во-первых, для теоретической экспозиции феномена адаптивного образования в качестве объекта социологического иссле-

дования; во-вторых, для раскрытия детерминанта генезиса адаптивного образования в контексте проблем трансформируемого и трансформирующегося общества; в-третьих, для поиска и обоснования противоречий в управлении им.

Решение этих исследовательских задач связано с необходимостью концептуального обоснования социологической интерпретации феномена адаптивного образования, которое определяет интерпретативные схемы социологического анализа детерминант социогенеза адаптивного образования, социологической экспозиции его сущности и социально-институциональной типологии, социальных функций и раскрытие противоречий практики управления адаптивным образованием в российском обществе на современном этапе его развития.

Адаптивное образование, в соответствии с имеющимися в науке понятиями, определятся как образование, построенное на основе адаптивного подхода (см. [4]). Адаптивный подход в качестве методологического обоснования в обучении, стратегии и тактики развития современной школы и системы образования в целом реализует «идею приспособляемости» как характерную отличительную черту жизни общества в целом и отдельной личности.

Важными признаками адаптивного подхода в образовании являются:

- сбережение психического, физического и нравственного здоровья субъектов образования;
- реализация здоровьесохраняющей функции системы образования;
- создание благоприятного микроклимата в ней;
- построение образования на основе здоровьесбережения средствами адаптивных технологий обучения, воспитания и управления;
- адаптивное и адаптирующее повышение квалификации педагогов;
- гибкое и гуманистическое взаимодействие участников образовательного процесса и др.

Суть адаптивного подхода как научной концепции в том, что в биологической и в общественной жизни успеху человека способствует адаптация, поскольку в жизни каждой личности необходимо найти оптимальный уровень стресса и расходовать адаптационную энергию в таком темпе и направлении, которое соответствует врожденным особенностям и предпочтениям человека (Н. Я. Семаго).

Современная система образования адаптивного свойства стремится создать условия для рационального расходования адаптационной энергии всех участников процесса образования различными средствами. Это не только педагогическая поддержка в виде разнообразных учреждений, в том числе адаптивной школой, адаптивными технологиями обучения, но и адаптивным управлением.

Существенные признаки адаптивного подхода как методологического обоснования развития адаптивной системы образования широко представлены в научных исследованиях. Актуальность адаптивного подхода обоснована в многочисленных работах: «адаптивное обучение», «адаптивные технологии», «адаптивные системы» и др. Так, по мнению, П. И. Третьякова, адаптивное образование должно и может сыграть важную роль социального амортизатора, обеспечивающего важную поддержку адаптивными способами обучающихся, позволяющими, в некоторой степени, выровнять их стартовые возможности на различных этапах непрерывного образования.

Важное место в этом занимает система управления образованием, которая способна создавать условия для успешной адаптации обучающихся, результатом создания таких условий может являться адаптивная образовательная среда, создающая условия для развития способности к приспособлению или адаптации всех участников образовательного процесса на всех уровнях сложности трансформационных процессов. Ведущей парадигмой образования должна стать адаптивная концепция, направленная на повышение адаптационных возможностей человека. В быстроменяющемся мире человеку приходится решать задачи в уже изменившихся условиях, поэтому образование должно стать творческим, повышающим адаптационные возможности человека для их решения по-новому.

Думается, что разработка концепции *адаптивного управления образованием* с точки зрения науки социологии может быть осуществлена:

- во-первых, на идеях итерпретативной социологии (Х. Абельс, В. А. Ядов и др., см. [1]);

- во-вторых, на научных идеях интегративной социологической теории, которая обосновывает важность единства макросоциологических и микросоциологических измерений социального функционирования и развития личности на основе адаптации, индивидуализации и интеграции (Т. Парсонс, К. Лоренц и др.);

- в-третьих, на ведущих идеях развивающейся социологической теории здоровья, в которой обосновывается понимание адаптабильности личности как важного системного фактора, способствующего развитию адаптационного потенциала личности (А. Алексеев, В. А. Ананьев, П. Бергер и др., см. также [7]). Это является основным для адаптивного образования и адаптивного управления им.

Выбор в качестве основы для разработки концептуального ключа социологической интерпретации феномена «адаптивное образование» указанных выше идей определил методологическую основу исследования. Таковой является интерпретативная методология социологии управления социогенезом личности в условиях адаптивного образования, включённой в адаптивную образовательную систему. Данная методология интегрирует основные идеи интерпретативной, гуманистической, когнитивной, культургенетической и здоровьесберегающей социологии и является основанием социологической интерпретации адаптивного образования как важного феномена для транзитивного российского общества.

Концептуальные основания интерпретации феномена «адаптивное образование» определяют известные в науке теоретические концепции:

1) когерентности (связи) социологических макро- и микротеорий, определяющих важность интегративного социологического подхода и научной интерпретации различных феноменов социальной реальности;

2) адаптации как культурогенетического механизма, способствующего созданию социального порядка и социальной динамики (трансформации) общества;

3) концепции здоровья как приспособленности и адаптации личности к социальной динамике и трансформации общества;

4) социализации как социогенетическиго механизма, являющегося условием адаптации личности в условиях транзитивного общества.

Интегрирующим фактором, связывающим названные выше подходы в единое концептуальное основание социологической интерпретации адаптивного образования как феномена российского общества, является *концепция социализации личности*, которая определяет образовательный процесс как социогенетический механизм развития личности, обеспечивающий социальный порядок общества (Т. Парсонс, А. В. Мудрик и др.).

Таким образом, методологическая концепция адаптивного управления образованием с точки зрения социологии опирается, прежде всего, на понимание сущности «адаптивного образования» и его актуальности в условиях динамично реформируемого российского общества; а также, на интеграции идей социологии, образования и управления. Это делает концепцию важной для современного российского общества как транзитивного социума.

Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация: введение в интерпретативную социологию. – СПб.: Алетейя, 1999. – 265 с.
2. Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. – М., 1997. – 382 с.
3. Заруба Н. А. Адаптивный подход в управлении образованием: принципы управления // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (6). – С. 75–79.
4. Заруба Н. А. Терминологические аспекты адаптивного управления образованием // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 36. – С. 206–211.
5. Заруба Н. А., Шпак Л. Л. Концептуально-схематическая модель социологического сопровождения управленческих кадров // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 213–225.
6. Заруба Н. А., Шпак Л. Л. Социологическое сопровождение аттестации управленческих кадров // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22-1. – С. 125–138.
7. Казин Э. М., Федоров А. И., Панина Т. С., Заруба Н. А. Социальные и педагогические аспекты сохранения здоровья субъектов образовательного процесса // Мир образования – образование в мире. – 2001. – № 1. – С. 146.
8. Парсонс Т. Система современных обществ: пер. с англ. – М., 1998. – 370 с.

References

1. Abel's Kh. *Interaktsiya, identifikatsiya, prezentatsiya: vvedenie v interpretativnuyu sotsiologiyu [Interaction, identity, presentation: introduction to interpretive sotsiologiyu]*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1999. 265 p. (In Russ.).
2. Afanas'ev V.G. *Chelovek v upravlenii obshchestvom [The man in the company's management]*. Moscow, 1997. 382 p. (In Russ.).
3. Zaruba N.A. Adaptivnyy podkhod v upravlenii obrazovaniem: printsipy upravleniya [An adaptive approach to education management: management principles]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad]*, 2012, no. 2 (6), pp. 75-79. (In Russ.).
4. Zaruba N.A. Terminologicheskie aspekty adaptivnogo upravleniya obrazovaniem [Terminological aspects of adaptive management of education]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 36, pp. 206-211. (In Russ.).
5. Zaruba N.A., Shpak L.L. Kontseptual'no-skhematicheskaya model' sotsiologicheskogo soprovozhdeniya upravlencheskikh kadrov [Conceptual and schematic model of sociological support managers]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 23, pp. 213-225. (In Russ.).
6. Zaruba N.A., Shpak L.L. Sotsiologicheskoe soprovozhdenie attestatsii upravlencheskikh kadrov [Case management training certification support]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22, vol. 1, pp. 125-138. (In Russ.).
7. Kazin E.M., Fedorov A.I., Panina T.S., Zaruba N.A. Sotsial'nye i pedagogicheskie aspekty sokhraneniya zdorov'ya sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa [Social and pedagogical aspects of staying healthy subjects of the educational process]. *Mir obrazovaniya-obrazovanie v mire [World education-education in the world]*, 2001, no. 1, p. 146. (In Russ.).
8. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]*. Moscow, 1998. 370 p. (In Russ.).

УДК 378:316.444.5

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Ерёмин Виталий Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: eremin_06@mail.ru

Статья посвящена изучению понятия «профессиональная мобильность» в соответствии с современными задачами профессионального образования. На первом этапе исследования выявлена роль профессиональной мобильности в части целей и задач профессионального образования в нормативных документах. В частности, на международном уровне отмечается её ведущая роль в развитии учебных планов, межинституционального сотрудничества, организации совместных программ обучения, практической подготовки и проведения научных исследований. В российской системе образования профессиональная мобильность рассматривается в контексте информатизации общества и развития новых наукоемких технологий. Следующий этап исследования был посвящен изучению источников, в которых представлены научные выводы российских исследователей относительно данного понятия. Было отмечено, что в рассмотренных работах авторы прямо увязывают профессиональный успех специалиста с его способностью адаптации к новым условиям и способностью взаимодействовать с людьми в определенной среде. Это происходит, в первую очередь, путем усвоения новых норм, традиций, правил поведения, то есть речь идет о способности к аккультурации, которую сегодня рассматривают часто в контексте возрастающего обмена студентами и специалистами. На основании изученных источников автором предлагается в статье собственное определение понятию «профессиональная мобильность».

Ключевые слова: профессиональная мобильность, профессиональное образование, академическая мобильность, адаптация, аккультурация, интеграция.

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF THE PROFESSIONAL MOBILITY OF MODERN SPECIALISTS

Eremin Vitaliy Valeryevich, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department for Foreign Languages at the Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunications, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: eremin_06@mail.ru

The article is devoted to the concept studying "professional mobility" according to modern problems of professional education. At the first investigation phase is revealed the role of professional mobility regarding the purposes and professional education problems in some standard documents. In particular, it is marked at the international level its leading part in development of curricula, inter-institutional cooperation, the organizations of joint programs of training, practical preparation and carrying out of scientific researches. In the Russian education system professional mobility is considered in a context of information of a society and development of new high technologies. The following investigation phase was addressed to sources which present scientific conclusions of the Russian researchers concerning the given concept. It has been noticed, that in the considered works authors directly co-ordinate professional success of the specialists to their ability of adaptation to new conditions and ability to co-operate with people in the certain environment. It occurs, first of all, by mastering of new norms, traditions, behavior rules, that means a question of ability to acculturation which is considered today often in a context of an increasing exchange of students and specialists. The author offered his own definition in the article to concept "professional mobility" on the basis of studied sources. The proposed definition is based on common cultural and professional competences reflecting knowledge, skills and habits received in the course of education programs study. Besides, this definition includes the ability to social adaptation as well as vertical and horizontal movement in social and professional structures.

Keywords: professional mobility, professional education, academic mobility, adaptation, acculturation, integration.

Российская система образования претерпевает в наши дни ряд изменений, которые обусловлены, в частности, ратификацией Болонской декларации от 19 июня 1999 года, которая утверждает в числе прочего необходимость формирования и укрепления интеллектуального, культурного, социального и научно-технологического потенциала европейского пространства [1]. При этом в Декларации можно выделить три основных момента: мобильность, трудоустройство и конкурентоспособность.

Мобильность, которую предлагается обеспечить путем преодоления препятствий для эффективного осуществления свободного передвижения, представлена двумя видами: академической и профессиональной.

Академическая мобильность подразумевает доступ к возможности получения образования и практической подготовки, а также к сопутствующим услугам. Для этого сформулированы два условия. Первое из них – это установление в вузах системы двухуровнего образования (бакалавриат, магистратура), функционирующей на основе соответствующих образовательных стандартов. Второе условие – внедрение Европейской системы перевода и накопления кредитов (European Credit Transfer System), представляющей собой единую систему зачетных единиц для учёта учебной работы студентов при освоении образовательной программы или курса. Данная система позволяет студентам зачесть пройденные дисциплины и продолжить обучение при переходе из одного учебного заведения в другое на территории европейских стран.

Профессиональная мобильность предполагает для преподавателей, исследователей и административного персонала признание и зачет периодов времени, затраченного на проведение исследований, преподавание и стажировку в европейском контексте, без нанесения ущерба их правам, установленным законом. Профессиональная мобильность важна для реализации идеи самой Декларации в части развития учебных планов, межинституционального сотрудничества,

организации совместных программ обучения, практической подготовки и проведения научных исследований.

Трудоустройство, согласно замыслу авторов Декларации, обеспечивается за счет введенной системы сопоставимых академических степеней, ориентированной на общеевропейский рынок труда.

Конкурентоспособность определяется двумя факторами. Первый фактор – это независимость и автономия университетов как гарантия того, что системы высшего образования и научных исследований государств-участников будут непрерывно адаптироваться к изменяющимся нуждам, запросам общества и к необходимости развития научных знаний. Все перманентные изменения должны отражаться, в первую очередь, в образовательных программах для подготовки специалистов, востребованных в данный момент для работодателей. Второй фактор конкурентоспособности – внедрение внутривузовских систем контроля качества образования и привлечение к внешней оценке деятельности вузов студентов и работодателей.

Все вышеназванные положения являются определяющими для государств-участников Болонского процесса, которые взяли на себя обязательство привести в соответствие с Декларацией все нормативные положения, регулирующие национальную систему образования. Так, среди основных целей и задач Национальной доктрины образования в Российской Федерации на период до 2025 года называются [7]:

- непрерывность образования в течение всей жизни человека;
- академическая мобильность обучающихся;
- подготовка высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий;

Среди основных задач Доктрины называются:

- интеграция российской системы образования в мировое образовательное пространство с учетом отечественного опыта и традиций;
- активный выход на рынок образовательных услуг, широкое участие учебных заведений и педагогов в образовательных программах международных организаций и сообществ.

Обзор вышеназванных документов позволяет заметить, что ключевой категорией все же выступает «мобильность», поскольку через нее в первую очередь обеспечивается становление современного специалиста, приобретение всех необходимых для него качеств и открывается возможность дальнейших перспектив профессионального роста.

В современной науке уже активно изучаются вопросы сущности мобильности, психолого-педагогические условия формирования мобильности специалистов. Мы остановимся на наиболее интересных выводах с точки зрения педагогики.

Для начала обратимся к самому понятию мобильность. Большой интерес представляет определение, данное Ю. Ю. Дворецкой, а именно: *мобильность личности* – это форма реакции человека на различные изменения, происходящие во внешней и внутренней среде [4, с. 10].

О. С. Полозова, рассматривая понятие «мобильность», отмечает у него наличие писхолого-педагогических характеристик. В психологии в это понятие вкладывают «подвижность, способность к движению через познавательные, профессиональные сферы», а в социальной педагогике понимают «постоянную потребность человека в новой информации, готовность к изменению места деятельности (работы, учебы), проживания, принадлежности к социальной группе, а также реакция на многообразие стимуляторов» [9, с. 44]. В связи с этим автор замечает, что определения понятия «академическая мобильность», сформулированные компетентными европейскими и российскими ведомствами (Офис программы Tempus в России, Рекомендации министров Совета Европы, Российский совет академической мобильности), не отражают психолого-педагогические процессы, в которые включены учащиеся.

И. А. Оденбах, суммируя в своем исследовании выводы различных исследователей, характеризует академическую мобильность следующим образом: она имеет междисциплинарное содержание; предполагает выраженную готовность к переменам, внесению существенных изменений в свою жизнь; соотносится с развитой субъектностью как осознанием значимости собственной роли в достижении успеха; она важна в аспекте становящейся конкурентоспособности личности будущего специалиста; социальная составляющая играет немаловажную роль [8, с. 13].

Исходя из этих характеристик, И. А. Оденбах считает, что академическая мобильность – это, прежде всего, возможность студентов самим «формировать свою образовательную траекторию, в рамках образовательных стандартов выбирать предметы, дисциплины, курсы, учебные заведения в соответствии со своими склонностями и устремлениями» [8, с. 13].

Что касается профессиональной мобильности, то здесь обращают на себя внимание выводы ряда исследователей, которые соотносятся с тенденциями в современном обществе. Так, Л. В. Горюнова выделяет основные задачи высшего профессионального образования в условиях глобализации и модернизации. Во-первых, образование призвано подготавливать специалистов, способных легко обучаться, быстро приспосабливаться к меняющимся условиям и содержанию профессиональной деятельности, заинтересованных в своем непрерывном образовании и совершенствовании. Таким образом, в процессе профессиональной подготовки специалистов в системе высшего образования необходимо развивать их адаптационные способности, а также умения и навыки самообучения. Во-вторых, образование должно сформировать у будущего специалиста такие личностные структуры и способности, которые позволили бы ему самостоятельно ориентироваться в профессиональном мире и выстраивать вектор своего карьерного роста [2, с. 8]. На основе этих задач Л. В. Горюнова делает вывод, что понятие «профессиональная мобильность специалиста» определяется не только его способностью менять свою профессию, место и род деятельности, но и умением принимать самостоятельные и нестандартные решения, направленные на повышение уровня своего профессионализма, а также способностью быстро осваивать новую образовательную, профессиональную, социальную и национальную среду [2, с. 8]. Другой исследователь, Ю. Ю. Дворецкая, проанализировав различные подходы к определению профессиональной мобильности, предложила свое определение, включив в него условие развития механизма адаптации субъекта: профессиональная мобильность личности – это механизм адаптации, позволяющий человеку управлять ресурсами субъектности и профессиональным поведением [4, с. 13]. Также В. А. Дюнина в своем определении указывает, что профессиональная мобильность обеспечивает среди прочего правильную оценку своей профессиональной деятельности в системе выполнения трудовых обязанностей совместно с другими людьми, взаимодействия с ними в процессе регулирования своей и их деятельности [5, с. 13].

Э. Ф. Зеер и М. В. Кормильцева рассматривают данный феномен как интегральное качество личности со следующими характеристиками [6, с. 74]:

1. Готовность к смене специальности, профессии.

2. Способность к освоению инноваций, новой техники, технологий; организационных форм деятельности.

3. Умение переключаться с одного вида деятельности на другой.

На основе проведенного теоретического анализа Э. Ф. Зеери и М. В. Кормильцева предлагают такое определение данному понятию: «Профессиональная мобильность – интегративное, целостное качество субъекта деятельности, обеспечивающее способность и готовность гибко ориентироваться в динамичных профессиональных условиях (как внутренних, так и внешних) и выстроить следующую структуру данного феномена» [6, с. 74]:

- Базовый компонент (индивидуально-типологические свойства, личностные качества, интеллектуальные свойства).
- Когнитивный компонент (осознание необходимости смены профессии, специальности и т. п., выбор путей реализации данного решения).
- Компетенции (данные конструкты формируются и развиваются в процессе обучения, выстроенного с позиции компетентностного подхода).
- Конативный компонент (профессиональная мобильность проявляется в быстрой смене выполняемых производственных заданий, рабочего места, специальности, профессии, отрасли).

Как мы видим, названные здесь авторы прямо увязывают профессиональный успех специалиста с его способностью адаптации к новым условиям и способностью взаимодействовать с людьми в определенной среде. Причем в первую очередь приходится осваивать новые нормы, традиции, правила поведения, то есть адаптироваться к новой культуре. Другими словами речь идет о способности к аккультурации, которую сегодня

рассматривают часто в контексте возрастающего обмена студентами и специалистами.

Термин «аккультурация» используется в наше время для обозначения процесса и результата взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой (у культуры-донора) [3, с. 209]. Существуют разные виды аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Однако в плане межкультурного обучения и поддержания диалога культур приемлема *интеграция*, под которой понимают идентификацию как со старой, так и с новой культурой [3, с. 210].

Кроме этого в психологическом аспекте считается, что успешность аккультурации определяется позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью. Интеграции соответствуют позитивная этническая идентичность и этническая толерантность, ассимиляции – негативная этническая идентичность и этническая толерантность, сепарации – позитивная этническая идентичность и интолерантность, маргинализации – негативная этническая идентичность и интолерантность [3, с. 211].

Таким образом, сохранение родного культурного наследия, усвоение норм чужой культуры на основе позитивной этнической идентичности и этнической толерантности в процессе межкультурной коммуникации способны развить умение адаптации в условиях иной среды и обеспечить возможность развития своих личностных и профессиональных качеств. В связи с этим у нас сформировалось свое видение понятия профессиональной мобильности в условиях возрастающих межкультурных контактов, а именно: ***профессиональная мобильность*** – вертикальное и горизонтальное перемещение личности в рамках социально-профессиональных структур, сопровождаемое адаптацией к окружающей среде на основе позитивной этнической идентичности и этнической толерантности, общекультурных и профессиональных компетенций.

Компетенции отражают знания, умения и навыки, полученные в ходе освоения образовательных программ по конкретным направлениям подготовки или специальностям. Тогда как способность к социальной адаптации следует рассматривать как следствие подготовки обучающихся к межкультурной коммуникации. Горизонтальное перемещение в социально-профессиональных структурах означает расширение профессиональной деятельности специалиста за счет освоения новых профессий или работы на стыке профессий. Вертикальное перемещение подразумевает карьерный рост в виде работы на руководящих должностях или выполнения дополнительных обязанностей и представительских функций. Именно такое понимание профессиональной мобильности следует, по нашему мнению, учитывать при разработке содержания дисциплин, затрагивающих вопросы деятельности подготавливаемых специалистов, а также курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Литература

1. Болонская декларация от 19 июня 1999 года [Электронный ресурс]. – URL: http: // http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/documents/mdc/bologna_declaration1.pdf.
2. Горюнова Л. В. Составляющие профессиональной мобильности современного специалиста // Естествознание и гуманизм: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Ильинских. – Томск: ТГУ, 2005. – Т. 2, вып. 5. – С. 8.
3. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учеб. для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
4. Дворецкая Ю. Ю. Психология профессиональной мобильности личности: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.01. – Краснодар, 2007. – 25 с.
5. Дюнина В. Н. Формирование профессиональной мобильности студентов информационных специальностей в техникуме: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08. – Нижний Новгород, 2009. – 25 с.
6. Зеер Э. Ф., Кормильцева М. В. Социально-личностные компетенции и профессиональная мобильность как целевая ориентация образования // Сибир. пед. журн. – 2009. – № 10. – С. 72.
7. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Одобрена Постановлением Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.htm.
8. Оденбах И. А. Академическая мобильность как фактор социализации личности студента университета: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01. – Оренбург, 2011. – 23 с.
9. Полозова О. С. Академическая мобильность в контексте инноваций современного высшего профессионального образования // Вестн. Брянск. гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 43–47.

References

1. *Bolonskaya deklaratsiya ot 19 iyunya 1999 goda [Bologna Declaration of 19 June 1999]*. (In Engl.). Available at: http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/documents/mdc/bologna_declaration1.pdf (accessed 25.09. 2016).
2. Goryunova L.V. Sostavlyayushchie professional'noy mobil'nosti sovremennogo spetsialista [The components of the professional mobility of a modern specialist]. *Estestvoznanie i gumanizm. Sbornik nauchnykh trudov [Natural science and humanism. Collection of scientific works]*. The editor-in-chief N.N. Ilyinskih, Tomsk, TGU Publ., 2005, vol. 2, iss. 5, p. 8 (In Russ.).
3. Grushevitskaya T.G. *Osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii. Uchebnik dlya vuzov [Basics of the intercultural communication. Textbook for high schools]*. The editor-in-chief A.P. Sadohin. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2003. 352 p. (In Russ.).
4. Dvoretskaya Yu.Yu. *Psikhologiya professionalnoy mobil'nosti lichnosti. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. [Psychology of the professional mobility of the personality. Author's abstract of diss. PhD in psych. sci. diss.]*. Krasnodar, 2007. 25 p. (In Russ.).
5. Dyunina V.N. *Formirovanie professional'noy mobil'nosti studentov informatsionnykh spetsial'nostey v tekhnikume. Avtoref. diss. kand. ped. nauk. [Formation of the professional mobility of students in IT-specialties in technical schools. Author's abstract of diss. PhD ped. sci. diss.]*. Nizhniy Novgorod, 2009. 25 p. (In Russ.).
6. Zeer E.F. Sotsial'no-lichnostnye kompetentsii i professional'naya mobil'nost' kak tselevaya orientatsiya obrazovaniya [Social and personal competences and professional mobility as a goal orientation for education]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal [Siberian pedagogical journal]*, 2009, no. 10. 72 p. (In Russ.).
7. *Natsional'naya doktrina obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii. Odobrena Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 04.10. 2000 № 751 [National educational doctrine in Russian Federation of 4 October 2000, no. 751]*. (In Russ.). Available at: http://www.rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.htm (accessed 25.09.2016).
8. Odenbakh I.A. *Akademicheskaya mobil'nost kak faktor sotsializatsii lichnosti studenta universiteta. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [The academic mobility as a factor for university students socialization. Author's abstract of PhD ped. sci. diss.]*. Orenburg, 2011. 23 p. (in Russ.).
9. Polozova O.S. Akademicheskaya mobil'nost' v kontekste innovatsiy sovremennogo vysshego professional'nogo obrazovaniya [The academic mobility in the innovation context of modern higher professional education]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]*, 2012, no. 1, pp. 43-47. (in Russ.).

УДК 37.013.42

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СРЕДСТВ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ

Мищенко Игорь Евгеньевич, аспирант, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: mischenko1991igor@mail.ru

В статье определена актуальность проблемы профилактики девиантного поведения курсантов и применения педагогического потенциала средств культурно-досуговой деятельности в процессе ее решения. Представлены характеристика культурно-досуговой деятельности на основе анализа философских, культурологических, педагогических исследований, определяющих ее потенциал в профилактике девиантного поведения курсантов. Девиантное поведение курсантов представлено как психолого-педагогическое и социально-культурное явление. Раскрываются виды девиантного поведения, к которым относятся: дезадаптивное, аутодеструктивное, делинквентное, аддиктивное, виоляционное. Определены цели и задачи культурно-досуговой деятельности в аспекте профилактики девиантного поведения курсантов. Дается определение средствам культурно-досуговой деятельности в аспекте профилактики девиантного поведения курсантов как способам передачи содержания (идей, научных взглядов, событий, фактов, образов художественных произведений, жизненных примеров и др.) в целях оказания

положительного влияния на процессы обучения, воспитания и социализации личности. Раскрыто, что педагогический потенциал средств культурно-досуговой деятельности есть совокупность содержательных и методических свойств средств культурно-досуговой деятельности, позволяющих оказывать образовательное, воспитательное и социализирующее воздействие на курсантов, проявляющих девиантное поведение. При этом к содержательным свойствам относятся включенность в деятельность любительских творческих объединений, оптимизация социокультурного пространства вуза и система военно-патриотического воспитания. Методические свойства средств культурно-досуговой деятельности представлены проектированием индивидуально-коррекционных карт досуга группам риска, проявляющим признаки девиантного поведения. В статье делаются выводы о возможности нивеляции проявлений девиантного поведения курсантов при использовании потенциала средств культурно-досуговой деятельности.

Ключевые слова: курсанты, девиантное поведение, профилактика девиантного поведения, культурно-досуговая деятельность.

PEDAGOGICAL POTENTIAL FUNDS OF CULTURAL AND LEISURE ACTIVITIES TO PREVENT THE DEVIANT BEHAVIOR OF MILITARY UNIVERSITY STUDENTS

Mishchenko Igor Evgenyevich, Postgraduate, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: mischenko1991igor@mail.ru

The article defines the urgency of the problem of prevention of deviant behavior of military university students and the application of pedagogical potential means of cultural and leisure activities in the process of solving it. The characteristics of cultural and leisure activities based on the analysis of philosophical, cultural, pedagogical research, determine its potential in the prevention of deviant behavior of military university students. Deviant behavior of military university students is presented as psychological-pedagogical and socio-cultural phenomenon. It discloses types of deviant behavior, which include: disadaptive, autodestructive, delinquent, addictive, violation. The aims and objectives of the cultural and leisure activities in the aspect of prevention of deviant behavior of military university students. The definition of the means of cultural and leisure activities in the aspect of prevention of deviant behavior of military university students as a way to transfer content (ideas, scientific views, events, facts, images of works of art, life examples, etc.) in order to provide a positive influence on education processes, training and socialization of the personality. It is disclosed that the pedagogical potential of the cultural and leisure activities is the totality of substantive and methodological tools of properties of cultural and leisure activities that allow to provide educational, training and socializing influence on military university students exhibiting the deviant behavior. At the same time, a substantial properties include involvement in the activities of amateur art groups, optimization of socio-cultural space of the military university and the system of military-patriotic training. Methodical property means cultural and leisure activities are presented in designing individual correctional cards of leisure risk groups, shows signs of deviant behavior. The article concludes conclusions about the possibility decrease manifestations of deviant behavior of military university students when using the potential of the cultural and leisure activities.

Keywords: military university students, deviant behavior, prevention of deviant behavior, cultural and leisure activities.

В современном обществе все большее внимание уделяется развитию личности молодежи в аспекте будущей профессиональной деятельности, при этом акцент смещается с учебной деятельности и практической составляющей на организацию самостоятельной работы, оптимизацию социокультурной среды вузов. В разделах мониторингов, ежегодно определяющих эффективность деятельности современных вузов, отводиться место определению создания социо-

культурной среды в вузе, однако данный раздел довольно формален. В то же время в современных диссертационных исследованиях (за последние три года более 150) доказывается высокая степень эффективного влияния социально-культурной деятельности на различные аспекты формирования личности молодежи. В теоретико-практических исследованиях уделяется внимание культурно-досуговой деятельности как части социально-культурной.

Значимо, что культурно-досуговая деятельность представляет собой совокупность педагогических технологий, которые обеспечивают превращение культурных ценностей в регулятив социального взаимодействия. Данная деятельность обладает исключительными возможностями самореализации, индивидуализации и социализации личности.

С позиции социологических и психологических исследований за последние годы усиливаются виды отклонений в развитии личности молодежи (более 25 работ), проявлении девиаций. Проблема девиантного поведения курсантов выступает значимой, поскольку от будущей профессиональной деятельности данной социальной группы зависит развитие социокультурной ситуации в России в целом. Проявления девиантного поведения курсантов связаны со снижением качественного состава Вооруженных сил и общей педагогической культуры офицерского корпуса – с одной стороны, и несоответствием содержательных элементов воспитания и культурно-досуговой деятельности современным требованиям общества и военного дела – с другой.

Социально-культурная замкнутость самих военных вузов, отсутствие предоставления широких возможностей развития культуры курсантов в досуговой деятельности обостряет обозначенную проблему и определяет поиск путей ее разрешения через выявления потенциальных возможностей обеспечения эффективной профилактики девиантного поведения курсантов в системе государственно-патриотического, военно-профессионального, нравственного, правового, эстетического, физического и других видов воспитания курсантов в целом.

В исследовании профилактики девиантного поведения курсантов мы определяем ведущим фактором применение педагогического потенциала средств культурно-досуговой деятельности.

Анализ философских, культурологических, педагогических исследований культурно-досуговой деятельности позволил выявить ее характеристики, отражающие педагогический потенциал в решении проблемы профилактики девиантного поведения курсантов:

- целостность, историческая обусловленность и социальная основа (философский контекст: И. Кант, И. Гердер и др.);
- механизм социально-культурной активности, условия мотивационного выбора деятельности, предмет деятельности специальных учебных заведений и организаций культуры; процесс и результат свободной деятельности человека (культурологический контекст: Г. А. Аванесова [1, с. 13], В. Е. Новаторов [6], Ф. Х. Попова [7] и др.);
- сфера жизнедеятельности, направленная на формирование личности, ее способностей, системы ценностных ориентаций и др.; определяет возможности самореализации, индивидуализации и социализации личности; творческая деятельность (педагогический контекст: В. И. Гладилина [3], В. Я. Суртаев [11], А. В. Соколов [9, с. 96], Ю. А. Стрельцов [10] и др.).

Педагогический потенциал средств культурно-досуговой деятельности применяется в отношении девиантного поведения, которое представляет собой психолого-педагогическое и социально-культурное явление, проявляющееся в отклонении личности от социально-культурных и психолого-профессиональных норм и ценностей, сопровождаемое действиями и поведением, влияющим на нарушения в социализации и самореализации личности.

Следует отметить, что каждая возрастная группа, а так же группа, имеющая особенности профессиональной деятельности, гендерного развитии, этнокультурной специфики может проявлять различные виды девиантного поведения. Анализ теоретических исследований и практики воспитательной работы в военном вузе позволил выделить следующие виды девиантного поведения курсантов: дезадаптивное (постоянная конфликтность, напряженность, замкнутость, слезливость, разочарования и нежелания служить и др. Особенно подвержены проявлению данного вида отклоняющегося поведения курсанты, в чьих семьях нет военнослужащих); аутодеструктивное (суицидальные наклонности, членовредительство, а также через деградацию личности, которая

проявляется как нежелание обучаться, снижение мотивации, потеря положительных морально-нравственных качеств и т. п.); делинквентное (неуставные взаимоотношения, дезертирство, самовольное оставление части, невыполнение приказа и т. д.); аддиктивное (курение, компьютерная зависимость, применимо к курсантам, проживающим вне казармы, и в редких случаях – алкогольная зависимость); виоляционное (англ. *violation* – нарушение не уголовно наказуемые нарушения требований общевоинских уставов, к которым относятся нарушение распорядка дня, нарушение формы одежды, курение в неположенном месте, нарушение дисциплины строя, нарушение дисциплины на занятиях, неопрятный внешний вид и т. п.).

Отсюда целями культурно-досуговой деятельности в аспекте профилактики девиантного поведения курсантов становятся формирование перфекционистских личностных качеств, среди которых – честь, долг, верность Отечеству, патриотизм и др.; популяризация творческой деятельности, обеспечение культурного роста курсантов; сохранение и передача культурного и исторического наследия, а также армейских традиций и ритуалов; формирование истинных духовных ценностей средствами культуры [2].

Достижение целей культурно-досуговой деятельности обусловлено выполнением ее задач, которые опираются на требования, разработанные А. Д. Жарковым и В. М. Чижиковым, к эффективному использованию средств культурно-досуговой деятельности:

- воспитание личностных качеств патриотической направленности, гордости за принадлежность Вооруженным силам Российской Федерации;
- формирование готовности выполнять приказы командиров и начальников, требования воинских уставов, следовать законам Российской Федерации;
- привлечение курсантов к творческой жизни ввуза, совершенствование их эстетических качеств;
- организация культурного досуга военнослужащих с учетом их интересов и предпочтений в целях поддержания их морально-психологического состояния на высоком уровне [2, с. 54; 5].
- способствование культурному обогащению курсантов через произведения искусства (живописи, музыки, литературы, кинематографа и т. д.);
- применение исторического и культурного наследия народов России в процессе сплочения многонационального армейского коллектива;
- профессиональное совершенствование работников культуры в целях учета современных тенденций и направлений культуры и искусства.

Структура культурно-досуговой деятельности насчитывает 30 видов деятельности, которые подразделяются на индивидуальные, групповые и массовые формы. И четыре родовых метода культурно-досуговой деятельности: в драматургии программ – метод монтажа, в режиссуре программ – методы: иллюстрирования, театрализации и игры. В структуре культурно-досуговой деятельности три типа структурных элементов: информационно-просветительные, художественно-публицистические и культурно-развлекательные программы. Основополагающим в классификации структуры культурно-досуговой деятельности положен следующий фактор: степень взаимного участия и ее протяженность во времени [4].

В своем исследовании Е. И. Григорьева рассматривает средства культурно-досуговой деятельности как «набор инструментов» идейно-эмоционального воздействия, которые используются работниками учреждений культуры и досуга в процессе производственной деятельности [8, с. 28]. В рамках данного понимания средств культурно-досуговой деятельности они подразделяются на устные, печатные, наглядные, технические художественные, комплексные.

Н. И. Резник в «Справочнике офицера-воспитателя» классифицирует культурно-досуговую деятельность в военном вузе следующим образом: организационные формы информационного характера; просветительского характера; формы культурно-досуговой деятельности, активизирующие личность; познавательно-развлекательные мероприятия; мероприятия, пропагандирующие положительный образ современника; протяженные во времени; камерные формы общения; организационные формы, направленные на борьбу с негативными сторонами службы [2, с. 308–309]. Исследователь определяет прин-

ципы организации культурно-досуговой деятельности: практико-ориентированный; нормативный (выбор форм, методов и содержания согласно нормативным документам, условиям военной службы и категориям военнослужащих); непрерывность, систематичность, планомерность; научная обоснованность содержания мероприятий; дифференцированного содержания; актуальности; участия [2, с. 192].

Средствами культурно-досуговой деятельности в аспекте профилактики девиантного поведения курсантов выступают пути и способы передачи содержания (идей, научных взглядов, событий, фактов, образов художественных произведений, жизненных примеров и др.) в целях оказания положительного влияния на процессы обучения, воспитания и социализации личности.

Педагогический потенциал средств культурно-досуговой деятельности есть совокупность содержательных и методических свойств средств культурно-досуговой деятельности, позволяющих оказывать образовательное, воспитательное и социализирующее воздействие на субъекта (курсантов, проявляющих девиантное поведение).

К содержательным свойствам средств культурно-досуговой деятельности относятся:

- включенность в деятельность любительских творческих объединений, активизирующих творческую атмосферу, способствующую реализации творческого потенциала курсантов и направленных на расширение межличностных связей на основе общих интересов, что способствует процессу разрыва нежелательных контактов, влияющих на проявления девиантного поведения. Культурное обогащение и восполнение потребности в проведении досуга способно поддерживать истинные нравственные и социально значимые ценности, формировать умение давать здоровую оценку поступкам сослуживцев, что связано с методом опосредованного педагогического воздействия;
- оптимизация социокультурного пространства вуза с учетом направленности культурно-досуговой деятельности на снятие физического и нервного напряжения, стресса средствами культуры и искусства; организации просветительской работы и интерактивных форм как передачи профессиональных и общекультурных знаний;
- система военно-патриотического воспитания как организованная, целенаправленная деятельности по формированию и развитию у курсантов готовности и способности к службе, воспитанию верности боевым и героическим традициям, сознательного и добросовестного выполнения воинского долга в ходе служебно-боевой деятельности, что связанно с формированием позитивных мировоззренческих взглядов и позиций по основным социальным, историческим, нравственным, политическим, военным и другим проблемам; важнейших духовно-нравственных, деятельностных качеств курсанта (любовь к Родине, уважение к законности, ответственность за выполнение конституционных обязанностей по защите Отечества и обеспечению безопасности его граждан и др.).

К методическим свойствам средств культурно-досуговой деятельности относятся проектирование индивидуально-коррекционных карт досуга группам риска, проявляющим признаки девиантного поведения. Индивидуальная в работа велась с учетом особенностей личности каждого курсанта, с ориентацией на успешную его адаптацию и нивеляцию признаков девиантного поведения на основе изучения личности как психологами, так и экспертной группой командного состава, с учетом психолого-педагогических рекомендаций по изменению и коррекции личностных качеств, обуславливающих дезадаптацию курсанта.

При групповом методе проектирования индивидуально-коррекционных карт главным принципом является сознательное и целенаправленное использование всей совокупности взаимодействий, возникающих внутри группы между ее участниками, то есть групповой динамики, использующихся в целях профилактики девиантного поведения. При этом группу составляют в основе своей курсанты не проявляющие признаков девиантного поведения, а корректируемый индивид определяет свою деятельность относительно коллектива.

Индивидуально-коррекционные карты досуга содержат рекомендации по посещению досуговых мероприятий, общественных объединений и т. п. относительно интересов курсантов и необходимости корректирования того или иного проявления девиантного поведения через определенные сферогруппы: развитие познавательных процессов личности; развитие мотивационной

и эмоциональной составляющей личности; развитие межличностных отношений; обеспечение личностного роста и формирование Я-концепции, самосознания, мировоззрения; развитие и коррекция профессионального становления.

Следовательно, профилактика девиантного поведения курсантов средствами культурно-досуговой деятельности связана с анализом включенности курсантов в культурно-досуговую деятельность в целом, нивелируемых качествах личности курсантов, а также с коррекцией некоторых форм деятельности в аспекте профилактической деятельности. Педагогический потенциал средств культурно-досуговой деятельности определяет те содержательные и методические механизмы, которые обеспечивают эффективность профилактической деятельности в социокультурной среде вуза.

Литература

1. Аванесова Г. А. Культурно-досуговая деятельность: Теория и практика организации: учеб. пособие. – М.: АспектПресс, 2006. – 236 с.
2. Воспитательная работа в Вооружённых силах Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. Н. И. Резника. – М.: ЦТ МО РФ, 2005. – 344 с.
3. Гладилина В. И. Культурно-досуговая деятельность как средство самоутверждения и самовыражения личности подростка [Электронный ресурс]: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.05. – СПб., 2008. – 20 с. – URL: http://www.ceninauku.ru/page_17397.htm.
4. Ерофеева О. Г. Педагогические условия реализации конструктивной культурно-досуговой деятельности учащейся молодёжи: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.05. – М., 2013. – 23 с.
5. Культурно-досуговая деятельность: учебное пособие / под ред. В. М. Чижикова, А. Д. Жаркова. – М.: МГУК, 1998. – 461 с.
6. Новаторов В. Е. Современные технологии культурно-досуговой деятельности: состояние, проблемы, перспективы развития // Вестн. Омск. ун-та. – 1999. – Вып. 3. – С. 109–114.
7. Попова Ф. Х. Культурно-досуговая деятельность в контексте культурологического исследования: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01. – Челябинск, 2004. – 22 с.
8. Современные технологии социально-культурной деятельности / под науч. ред. Е. И. Григорьевой. – Тамбов: Першина, 2004. – 512 с.
9. Соколов А. В. Социально-культурная система как пространство для реализации социально-культурной деятельности // Социально-культурная деятельность в образовательном пространстве: межвузов. сб. науч. и учеб.-метод. ст. / гл. ред. Е. Л. Кудрина; ред.-сост. В. В. Туев. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – С. 94–100.
10. Стрельцов Ю. А., Стрельцова Е. Ю. Педагогика досуга: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МГУКИ, 2010. – 307 с.
11. Суртаев В. Я. Социокультурное творчество молодежи: методология, теория, практика: моногр. – СПб.: СПбГУКИ, 2000. – 207 с.

References

1. Avanesova G.A. *Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost': Teoriya i praktika organizatsii. Uchebnoe posobie [Cultural and leisure Activities: The theory and practice of the organization. Manual]*. Moscow, AspektPress Publ., 2006. 236 p. (In Russ.).
2. *Vospitatel'naya rabota v Vooruzhennykh silakh Rossiyskoy Federatsii. Uchebnoe posobie [Educational Activities in the Russian Federation Armed Forces. Textbook]*. Under total. ed. N.I. Reznik. Moscow, DH Russian Defense Ministry Publ., 2005. 344 p. (In Russ.).
3. Gladilina V.I. *Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' kak sredstvo samoutverzhdeniya i samovyrazheniya lichnosti podrostka. Avtoreferat diss. kand. ped. nauk. 13.00.05 [Cultural and leisure activities as a means of self-affirmation and self-expression of personality of teenager. Author's abstract of diss. PhD in pedagogy. 13.00.05]*. St. Petersburg, 2008. 20 p. (In Russ.). Available at: http://www.ceninauku.ru/page_17397.htm (accessed 14.07.2016).
4. Erofeeva O.G. *Pedagogicheskie usloviya realizatsii konstruktivnoy kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti uchashcheysya molodezhi. Avtoreferat diss. kand. ped. nauk. 13.00.05 [Pedagogical conditions of realization of constructive cultural and leisure activities of young students]. Author's abstract of diss. PhD in pedagogy. 13.00.05]*. Moscow, 2013. 23 p. (In Russ.).
5. *Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost'. Uchebnoe posobie [Cultural and leisure Activities. Textbook]*. Ed. V.M. Chizhikova, A.D. Zharkov. Moscow, MSICA Publ., 1998. 461 p. (In Russ.).

6. Novatorov V.E. Sovremennye tekhnologii kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya [Modern technologies of cultural and leisure activities: status, problems and prospects of development]. *Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]*, 1999, vol. 3, pp. 109-114. (In Russ.).
7. Popova F.H. Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' v kontekste kul'turologicheskogo issledovaniya. Avtoreferat diss. kand. kul'turologii. 24.00.01 [Cultural and leisure activities in the context of cultural studies. Author's abstract of diss. PhD in culturology. 24.00.01]. Chelyabinsk, 2004. 22 p. (In Russ.).
8. Sovremennye tekhnologii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Modern technologies of social-cultural activity]. Under the scientific. ed. prof. E.I. Grigorieva. Tambov, Pershina Publ., 2004. 512 p. (In Russ.).
9. Sokolov A.V. Sotsial'no-kul'turnaya sistema kak prostranstvo dlya realizatsii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Socio-cultural system as a space for the implementation of socio-cultural activities]. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v obrazovatel'nom prostranstve. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh statey [Socio-cultural activities in the educational space. Interuniversity collection of scientific and educational articles]*. Ch. Ed. E.L. Kudrina; ed.-status. V.V. Tuev. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2007, pp. 94-100. (In Russ.).
10. Streltsov Y.A., Streltsova E.Y. Pedagogika dosuga. Uchebnoe posobie [Leisure Pedagogy. Textbook]. Moscow, MSICA Publ., 2010. 307 p. (In Russ.).
11. Surtaev V.Y. Sotsiokul'turnoe tvorchestvo molodezhi: metodologiya, teoriya, praktika. Monografiya [Social and cultural creativity of young people: methodology, the theory, practice. Monography]. St. Petersburg, St.PSICA Publ., 2000. 207 p. (In Russ.).

УДК 378.096

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Мишова Валерия Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: valeriya_mishova@mail.ru

Огнева Элла Николаевна, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: ella@kemguki.ru

В последние годы российская система образования претерпевает глобальные изменения, в которых актуализируется проблема становления профессионального развития личности. В 2016 году был утвержден новый ФГОС ВО по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», в настоящее время на обсуждение профессиональной общественности вынесен проект нового стандарта, который предполагает ориентацию на профессиональные стандарты, соответствующие профессиональной деятельности выпускников программ бакалавриата по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Каждое следующее поколение стандарта отличается от предыдущего более общими формулировками компетенций и дает вузам возможность готовить выпускников, которые будут конкурентноспособными и обладать теми компетенциями, которые являются актуальными с учетом изменений, постоянно происходящих на рынке труда.

Был проведен сравнительный анализ состава компетенций, представленных в стандартах третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», охарактеризована мотивационная структура личности студентов, необходимая для успешного формирования компетенций, проведено исследование студентов на наличие мотивационных профилей для освоения компетенций. Результаты исследования позволили сделать вывод, что при подготовке студентов направления «Библиотечно-информационная деятельность» требуется обеспечить их планомерное погружение в основы изучаемой профессии. Для успешного освоения студентами компетенций, заложенных

в ФГОС ВО, в учебную деятельность следует постепенно вводить элементы деятельности будущей профессии, создавать определенные производственные ситуации. Таким образом, повышать их заинтересованность деятельностью и направленность на будущую профессию. Это возможно лишь с привлечением к образовательному процессу действующих руководителей и работников профильных организаций, предприятий и учреждений.

Ключевые слова: компетенции, образовательный стандарт, библиотечно-информационная деятельность, мотивационные профили, профессиональная деятельность.

THE STUDY OF MOTIVATIONAL STRUCTURE OF PERSONALITY AS A BASIS FOR PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STUDENTS TRAINING AREAS "LIBRARY AND INFORMATION WORK"

Mishova Valeriya Viktorovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Automated Information Processing Technology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: valeriya_mishova@mail.ru

Ogneva Ella Nikolaevna, Associate Professor of Department of Automated Information Processing Technology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ella@kemguki.ru

In recent years, the Russian education system is undergoing global changes, which actualizes the problem of formation of personal professional development. In 2016, a new standard in the direction of preparation "Library and Information Activities" was approved, the professional public is currently discussing a submitted draft of the new standard, which requires focus on professional standards, relevant professional activity of graduates of undergraduate programs in the direction of preparation "Library and Information Activities". Each successive generation of the standard differs from the previous with more general wording of competencies and gives universities the opportunity to prepare graduates to be competitive and to have those competencies that are relevant in view of the changes constantly taking place in the labor market.

A comparative analysis of the competencies represented in the standards of the third generation was conducted in the direction of preparation "Library and Information Activities", characterized by a motivational structure of personality of students necessary for the successful formation of competencies, students studied for the presence of motivational profiles for the development of competencies. The results of the study led to the conclusion that, in preparing students in the direction "Library and Information Activities" it is required to provide systematic students' immersion in the basics of the study of the profession. For the successful development of the competencies laid down in the standard, the educational activity should gradually introduce elements of future profession, create specific production situation, thus, to increase its interest in activities, and focus on the future profession. This is only possible with the involvement of the educational process of existing managers and employees of specialized organizations, enterprises and institutions.

Keywords: competence, educational standards, library and information work, motivational profile, professional activity.

Изменение парадигмы современного профессионального образования находит свое отражение в принципах компетентностного подхода, при котором одним из главных критериев качества образования является успешная профессиональная деятельность. Решающим этапом профессионального становления личности является процесс обучения в вузе, в рамках которого формируется адекватное представление о будущей профессии и отношение к ней.

Принятием в 2010 году образовательного стандарта третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» (уровень бакалавриата) [4] были созданы условия для развития российского библиотечно-информационного высшего профессионального образования на основе компетентностного подхода. 11 августа 2016 года утвержден новый ФГОС ВО по направлению подготовки «Библиотечно-информационная дея-

тельность» [3], так называемый стандарт 3+, который предполагает, что современный специалист в сфере библиотечно-информационной деятельности должен обладать соответствующими компетенциями в научно-исследовательской и методической, информационно-аналитической, организационно-управленческой, проектной, психолого-педагогической и технологической деятельности.

Хотелось бы отметить, что уже на обсуждение профессиональной общественности вынесен проект нового стандарта (3++) [5], который предполагает ориентацию на профессиональные стандарты, соответствующие профессиональной деятельности выпускников программ бакалавриата по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность».

Каждое следующее поколение стандарта отличается от предыдущего большим обобщением в формулировках компетенций и дает вузам возможность готовить выпускников, которые будут конкурентноспособными и обладать компетенциями, являющимися актуальными с учетом изменений постоянно происходящих на рынке труда.

Вместе с тем, стоит вопрос о том, в какой мере студенты готовы к освоению основной образовательной программы и формированию у них компетенций, необходимых для профессиональной деятельности в библиотечно-информационной сфере. Следует отметить, что в процессе формирования компетенций особая роль принадлежит учебно-профессиональной мотивации студентов, от уровня развития которой зависит успешность процесса обучения.

В связи с этим на базе института информационных и библиотечных технологий ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры» преподавателями кафедры технологии автоматизированной обработки информации было проведено исследование среди студентов института.

Целью данного исследования явилось проведение сравнительного анализа компетенций, представленных в стандартах третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», и выявление готовности студентов к овладению этими компетенциями.

Задачи исследования:

1. Проанализировать состав компетенций, представленных в стандартах третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность».

2. Охарактеризовать мотивационную структуру личности студентов, необходимую для успешного формирования компетенций, предусмотренных стандартами третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность».

3. Провести исследование студентов на наличие необходимых мотивационных профилей для освоения компетенций.

На первом этапе был проанализирован состав компетенций, представленных в стандартах третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Было выявлено, что стандарты лишь задают ориентиры на развитие личности студента в будущей профессиональной деятельности.

В соответствии с компетенциями, отраженными в ФГОС ВО третьего поколения, современный специалист библиотечно-информационной деятельности (БИД) должен быть способен оперативно решать неординарные информационные задачи, уметь профессионально осуществлять экспертно-консультационную, научно-исследовательскую, проектную и творческую деятельность. Выпускник должен владеть методами анализа современных документальных потоков, отраслевых информационных ресурсов, технологией аналитико-синтетической переработки информации, методами выявления и изучения информационных потребностей субъектов информационного рынка, а также обладать профессиональными компетенциями в области проектирования, создания, внедрения и эксплуатации автоматизированных библиотечно-информационных систем.

Однако следует отметить, что в первом стандарте третьего поколения [4], кроме общего перечня компетенций, был представлен и перечень дисциплин базовой части основной образовательной программы с указанием компетенций, которые будут сформированы в результате их изучения.

В последующих редакциях ФГОС ВО уже нет привязки компетенций к дисциплинам и указывается, что «набор дисциплин, относящихся к базовой части программы бакалавриата, орга-

низация определяет самостоятельно в объеме, установленном настоящим ФГОС ВО, с учетом соответствующей примерной основной образовательной программы» [5]. Оговорен только обязательный перечень дисциплин: «Философия», «История», «Иностранный язык», «Безопасность жизнедеятельности», «Физкультура».

Таким образом, образовательная организация вправе самостоятельно определять перечень дисциплин, посредством которых у студентов будут сформированы компетенции, направленные на готовность к будущей профессиональной деятельности в сфере БИД.

Далее был проведен сравнительный анализ компетенций, представленных в стандартах третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» (табл. 1).

Таблица 1

Состав компетенций, представленных в стандартах третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»

ФГОС ВПО (3)		ФГОС ВО (3+)		ФГОС ВО (3++)	
Наименование блока компетенций	**Кол-во**	**Наименование блока компетенций**	**Кол-во**	**Наименование блока компетенций**	**Кол-во**
Общекультурные компетенции (ОК)	16	Общекультурные компетенции (ОК)	11	Универсальные компетенции (УК)	8
Профессиональные компетенции (ПК):	41	Общепрофессиональные компетенции (ОПК)	6	Общепрофессиональные компетенции (ОПК)	4
		Профессиональные компетенции (ПК):	36	Профессиональные компетенции (ПК)	-
- производственно-технологическая деятельность	8	- технологическая деятельность	5		
- организационно-управленческая деятельность	9	- организационно-управленческая деятельность	8		
- проектная деятельность	4	- проектная деятельность	4		
- научно-исследовательская деятельность	5	- научно-исследовательская и методическая деятельность	4		
- информационно-аналитическая деятельность	7	- информационно-аналитическая деятельность	7		
- психолого-педагогическая деятельность	8	- психолого-педагогическая деятельность	8		

В результате анализа данных, представленных в табл. 1, была выявлена тенденция к уменьшению количества компетенций, отраженных в стандартах каждого следующего поколения. Кроме того, отличительной особенностью последнего утвержденного стандарта (3+) является то, что отдельным блоком выделены общепрофессиональные компетенции, таким образом, сделан акцент на необходимость формирования и развития личностных качеств обучающихся, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

Проект будущего стандарта (3++) отличается тем, что в нем используются более обобщенные формулировки компетенций. В стандарте выделяют три блока компетенций: универсальные, общепрофессиональные и профессиональные, которые, в свою очередь, разбиты по различным категориям. При этом универсальные и общепрофессиональные компетенции представлены в стандарте, а перечень профессиональных компетенций выпускника программы бакалавриата вуз будет устанавливать самостоятельно, исходя

из направленности программы, на основе содержания обобщенных трудовых функций из соответствующих профессиональных стандартов.

Второй этап исследования заключался в выявлении характеристики мотивационной структуры личности студентов, необходимой для успешного формирования компетенций, предусмотренных ныне действующим стандартом третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». То есть определялось, какие ключевые мотивационные профили личности студента необходимы для формирования каждой компетенции, так как в основе любой познавательной деятельности лежит мотивационно-ценностная сфера личности. К такой сфере относятся определенные потребности, установки, ценности личности, которые являются определяющими направлениями в деятельности человека.

Мотивационная структура личности студентов исследовалась на основе методики В. Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности» [2]. При исследовании акцент делался только на те мотивационные профили, которые способствуют формированию компетенций, заложенных в ФГОС ВО по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». В результате была составлена матрица соответствий элементов мотивационной структуры личности (мотивационного профиля) и формируемых компетенций. В табл. 2 приведен пример соответствующей матрицы для блока общепрофессиональных компетенций.

Таблица 2

Матрица соответствий элементов мотивационной структуры личности студентов и общепрофессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»

Наименование мотивационного профиля	Код компетенции					
	ОПК-1	ОПК-2	ОПК-3	ОПК-4	ОПК-5	ОПК-6
мотивация общей активности	+	+	+	+	+	+
мотивация социальной полезности	+			+		
мотивация творческой активности		+		+	+	

Таким образом, среди множества мотивационных профилей, позволяющих оценить направленность личности на будущую профессию, были выбраны следующие профили: мотивация общей активности, мотивация творческой, развивающей активности, мотивация социальной полезности.

Мотивация общей активности показывает энергичность, стремление студента приложить свою жизненную энергию и умения в какой-либо сфере деятельности. В нее включаются такие мотивы, как активность, выносливость, упорство.

Мотивация творческой активности отражает стремление студента использовать свою энергию и возможности в той сфере, где можно получить творческие результаты; включает в себя созидание, достижение, понимание, сознание.

Социальная полезность представляет собой мотивацию поддержания жизнедеятельности и комфорта в социальной сфере, здесь отражается стремление студента получать внимание и одобрение окружающих, престиж, положение в обществе, влияние и власть, и включает в себя уважение, честолюбие, доминирование [2, с. 38].

На заключительном этапе было проведено исследование студентов на наличие у них необходимых мотивационных профилей для освоения компетенций в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». В исследовании участвовали студенты дневной и заочной форм обучения института информационных и библиотечных технологий, обучающихся по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Общее количество респондентов составило 206 человек.

На основе используемой методики В. Э. Мильмана [2] исследовались общие мотивационные профили учащихся. Методика предполагает использование анкеты, состоящей из 112 утверждений, при этом каждый опрашиваемый оценивался по четырехбалльной шкале. Результаты исследования представлены на рис. 1.

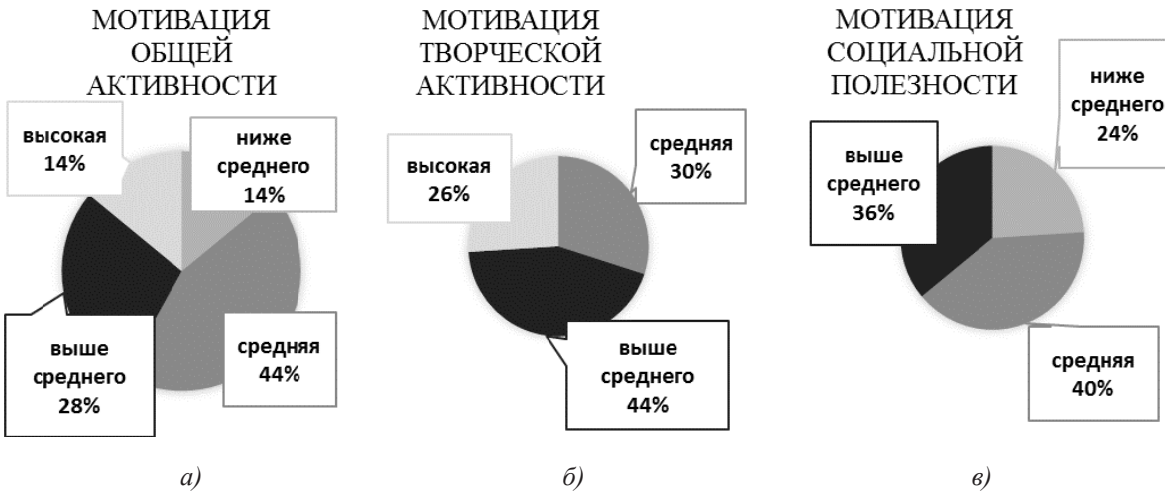


Рисунок 1. Результаты исследования мотивационного профиля студентов направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»

Результат мотивации общей активности исследования показал (рис. 1, а), что в большей степени преобладают студенты со средней мотивацией (44 %). То есть можно сказать о том, что студенты обладают жизненной энергией, стремлением развиваться в определенной сфере деятельности. При этом необходимо направить интерес студентов на профессиональную деятельность, развить увлеченность будущей профессией.

При исследовании на мотивацию творческой активности были получены позитивные результаты (рис. 1, б). Студенты с низким показателем отсутствуют. Большая часть респондентов обладает мотивацией выше среднего – 44 %. Следовательно, можно сделать вывод, что студенты обладают потенциалом к творческой деятельности и развиваются в сфере личных интересов. Но при этом необходимо направить студентов на развитие творческой деятельности именно в библиотечно-информационной сфере.

Данные на исследование мотивации социальной полезности имеют большой разброс (рис. 1, в). Наблюдается преобладание среднего и выше среднего показателя. Для развития мотивации социальной полезности необходимо ввести формы занятий для студентов, отвечающие принципам диалогичности и самореализации, то есть необходимо обеспечить развитие коммуникативных умений для сотрудничества и партнерства, организовать формы работы для студентов, в которых будет осуществлен самоанализ выполненной деятельности.

Проведенное исследование показало, что студенты обладают необходимым интеллектуальным потенциалом, у них присутствует интерес к будущей профессиональной деятельности, выражено стремление к самореализации, самоутверждению, но они слабо ориентированы на приобретение специальных умений и навыков будущей профессии. Большинство студентов заинтересовано в высшем образовании как некоей базе статусно-престижной деятельности. Следовательно, необходимо направить устремления студентов на освоение приемов, умений и навыков в библиотечно-информационной сфере, организовать воспитательно-образовательный процесс таким образом, чтобы активно задействовать студентов в познавательной деятельности и заинтересовать их перспективами личностного развития именно в будущей профессии. Нужно показать студентам актуальные проблемы библиотечно-информационной деятельности и наметить пути их совместного решения в активном взаимодействии с коллегами, преподавателями, используя возможности профессионального образования на занятиях, во внеаудиторной работе и т. п.

Следовательно, мы пришли к заключению, что при подготовке студентов направления «Биб-

лиотечно-информационная деятельность» необходимо обеспечить их планомерное погружение в основы изучаемой профессии. Для успешного освоения студентами компетенций, заложенных в ФГОС ВО, в учебную деятельность следует постепенно вводить элементы деятельности будущей профессии, создавать определенные производственные ситуации, таким образом, повышать их заинтересованность деятельностью и направленность на будущую профессию. Это возможно лишь с привлечением к образовательному процессу действующих руководителей и работников профильных организаций, предприятий и учреждений.

Идеи, заложенные в проекте нового стандарта, расширяют возможности вуза по подготовке конкурентноспособного и востребованного на рынке труда профессионала в сфере библиотечно-информационной деятельности. Соответственно, перед российскими вузами в ближайшие годы будет продолжать стоять задача по разработке профессиональных компетенций, которые позволят сформировать у обучающихся готовность выполнять трудовые функции, заложенные в профессиональных стандартах, соответствующих профессиональной деятельности выпускников программ бакалавриата по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность».

Литература

1. Зилева В. В. Подготовка студентов вуза к проектированию творческой деятельности // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2010. – № 2. – С. 6–8.
2. Мильман В. Э. Мотивация творчества и роста. – М.: Мирея, 2005. – 165 с.
3. Приказ Минобрнауки России от 11.08.2016 № 1001 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 “Библиотечно-информационная деятельность” (уровень бакалавриата)» [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510306.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
4. Приказ Минобрнауки России от 13.01.2010 № 3 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 071900 “Библиотечно-информационная деятельность” (квалификация (степень) “бакалавр”)» [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/7/20111115133513.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
5. Проект: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjectsFGOSVO/BAK/510306_B.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
6. Скипор И. Л. Технологический подход как методологическая база проведения научных исследований и моделирования образовательных программ подготовки кадров библиотечно-информационной сферы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22. – С. 32–51.

References

1. Zileva V.V. Podgotovka studentov vuza k proektirovaniyu tvorcheskoy deyatel’nosti [Preparation of students of high school to design creative activities]. *Mir nauki, kul’tury i obrazovaniya [The world of science, culture and education]*. Gorno-Altaysk, 2010, no. 2, pp. 6-8. (In Russ.).
2. Milman V.E. *Motivatsiya tvorchestva i rosta [Motivation creativity and growth]*. Moscow, 2005. 165 p. (In Russ.).
3. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 11.08.2016 № 1001 “Ob utverzhdenii Federal’nogo gosudarstvennogo obrazovatel’nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 “Bibliotechno-informatsionnaya deyatel’nost’” (uroven’ bakalavriata)” [The Order of the Russian Ministry of 08.11.2016, № 1001 “On approval of the Federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 51.03.06 “Library and information activities” (undergraduate level)”]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510306.pdf (accessed 10.10.2016).
4. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 13.01.2010 № 3 “Ob utverzhdenii Federal’nogo gosudarstvennogo obrazovatel’nogo standarta vysshego professional’nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 071900 “Bibliotechno-informatsionnaya deyatel’nost” (kvalifikatsiya (stepen’) “bakalavr”)” [Order of the Russian Ministry of 13.01.2010, № 3 “On approval of the Federal state educational standard of higher professional education in the field of training 071900 “Library and Information Activities”(qualification (degree) “Bachelor”)”]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/7/20111115133513.pdf (accessed 10.10.2016).

5. *Proekt: Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 "Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost' (uroven' bakalavriata)" [Project: Federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 51.03.06 "Library and information activities" (undergraduate level)]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjectsFGOSVO/BAK/510306_B.pdf (accessed 10.10.2016).
6. Skipor I.L. Tekhnologicheskiy podkhod kak metodologicheskaya baza provedeniya nauchnykh issledovaniy i modelirovaniya obrazovatel'nykh programm podgotovki kadrov bibliotechno-informatsionnoy sfery [Technological approach as a methodological basis of the research and modeling of educational training programs of library-information sphere]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22, pp. 32-51. (In Russ.).

УДК 378

СРЕДСТВА ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Дворовенко Вадим Николаевич, аспирант кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: vadimon@mail.ru

Дворовенко Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: olga.uso@gmail.com

В статье описывается опыт кафедры технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного института культуры по использованию электронной образовательной среды при обучении бакалавров и магистров направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Авторы рассматривают средства электронной образовательной среды вуза, построенной на базе системы дистанционного обучения Moodle, с позиции требований образовательных стандартов нового поколения.

Преподаватели кафедры технологии документальных коммуникаций КемГИК включились в активное использование электронной образовательной среды в образовательном процессе с первых дней внедрения. За пятилетний период кафедра перешла от размещения в электронной образовательной среде статичных ресурсов к применению разнообразных форм электронного обучения, реализуемых модулями системы дистанционного обучения Moodle.

В работе обосновывается выбор средств электронной образовательной среды для решения предписанных стандартом задач: обеспечение доступности организационных ресурсов; организация синхронного и асинхронного взаимодействия между участниками образовательного процесса; реализация различных видов занятий с применением электронного обучения; сбор и хранение результатов образовательной деятельности; формирование электронного портфолио студента на основе этих результатов.

Авторы делают выводы о том, что опыт кафедры документальных коммуникаций КемГИК позволяет заключить, что электронная образовательная среда вуза, построенная на базе системы дистанционного обучения Moodle, соответствует требованиям стандартов нового поколения.

Ключевые слова: библиотечно-информационное образование, образовательный стандарт, электронная образовательная среда, электронное обучение, СДО Moodle, Кемеровский государственный институт культуры.

CAPABLITIES OF ELECTRONIC EDUCATIONAL ENVIRONMENT FOR MEETING THE REQUIREMENTS OF NEW GENERATION EDUCATIONAL STANDARDS FOR "LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITIES" DIRECTION

Dvorovenko Vadim Nikolaevich, Postgraduate, Department of Documentary Communications Technology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vadimon@mail.ru

Dvorovenko Olga Vladimirovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Documentary Communications Technology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: olga.uso@gmail.com

The article describes the experience of using e-learning environment for training the bachelors and masters in Library and Information Activities gained in department of Documentary Communications Technology in Kemerovo State University of Culture. The authors examine the capabilities of university electronic educational environment, built based on the Moodle Learning Management System, according to the requirements of new generation of educational standards.

Teachers of the Department of Documentary Communications Technology of Kemerovo State University of Culture were involved in the active use of electronic educational environment for the educational process from the first day of implementation. Over a five-year period, the department advanced from filling e-learning environment with static resources to using various forms of e-learning activities, implemented in Moodle LMS.

The paper substantiates the choice of electronic educational environment modules for tasks, prescribed by learning standard: availability of institutional resources; organization of synchronous and asynchronous interactions between participants of the educational process; implementation of various types of training using e-learning; collection and storage of educational performance; formation of an electronic student portfolio on the basis of these results.

The author concludes that the experience of the Department of Documentary Communications Technology of Kemerovo State University of Culture allows us to conclude that the electronic educational environment of university based on the Moodle learning management system conforms with the requirements of a new generation of standards.

Keywords: Library and Information Education, educational standard, electronic educational environment, e-learning, Moodle LMS, Kemerovo State University of Culture.

Подготовка квалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда, немыслима без применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Библиотечно-информационное образование не является исключением. Одной из форм применения ИКТ в образовании является формирование электронной информационно-образовательной среды. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) 3+ вменяют вузам в обязанность организацию доступа обучающимся к такой среде. Стандарты нового поколения предъявляют к реализации электронной информационно-образовательной среды следующие требования:

- доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин (модулей), практик, к изданиям электронных библиотечных систем и электронным образовательным ресурсам, указанным в рабочих программах;
- фиксацию хода образовательного процесса, итогов промежуточной аттестации и результатов освоения программы бакалавриата;
- проведение всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий;
- формирование электронного портфолио обучающихся, в том числе сохранение работ обучающегося, рецензий и оценок на эти работы со стороны любых участников образовательного процесса;
- взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе синхронное и (или) асинхронное взаимодействия посредством сети Интернет [5; 6].

В Кемеровском государственном институте культуры (КемГИК) в 2011 году, задолго до при-

нятия ФГОС 3+, был начат проект «Электронная образовательная среда» [4]. Сайт электронной образовательной среды (edu.kemguki.ru) создан на базе системы дистанционного обучения Moodle.

Система дистанционного обучения Moodle – это обучающая среда, предполагающая использование не только статичных ресурсов, но и интерактивных элементов. Функциональные возможности организации образовательного процесса в среде Moodle достаточно широки и позволяют использовать эту систему для школьного, вузовского, дополнительного и корпоративного образования. Рассмотрим возможности системы Moodle применительно к требованиям новых образовательных стандартов по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность».

Доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин и практик. Использование в курсах системы Moodle ресурсов типа «Файл» позволяет размещать в электронной образовательной среде не только учебные планы и рабочие программы дисциплин и практик, но и другие виды учебных изданий, необходимых для осуществления образовательной деятельности в форматах Microsoft Word, PDF, HTML и др.

В КемГИК структура учебно-методического комплекса дисциплины в электронной образовательной среде предполагает использование следующих видов материалов: организационные ресурсы, учебно-программные ресурсы, комплексные учебные ресурсы, учебно-теоретические ресурсы, учебно-практические ресурсы, учебно-методические ресурсы, учебно-справочные ресурсы, учебно-наглядные ресурсы, учебно-библиографические ресурсы, оценочные средства [7]. Требования ФГОС носят формальный характер, обязывая размещать в электронной информационно-образовательной среде только учебные планы и рабочие программы. Однако эти виды ресурсов относятся к организационной документации, не раскрывают содержания образовательных программ и малоинтересны студентам.

Преподаватели кафедры технологии документальных коммуникаций обеспечивают студентам полный доступ к учебным материалам по преподаваемым дисциплинам. На данный момент в разделе кафедры в электронной образовательной среде размещены 270 электронных учебно-методических комплексов. В соответствии с локальными актами вуза электронный учебно-методический комплекс представляет собой образовательный ресурс, обеспечивающий возможность студенту самостоятельно или с помощью преподавателя освоить учебный курс. Информация в электронных учебно-методических комплексах предназначена для организации аудиторной и внеаудиторной работы обучающихся. В рамках электронных учебно-методических комплексов преподавателями кафедры размещаются учебно-методические пособия, конспекты лекций, описания лабораторных и практических работ и другие материалы, раскрывающие содержательное наполнение учебной дисциплины. Такие учебно-методические комплексы пользуются у студентов большей популярностью, чем комплексы, наполненные только организационными ресурсами.

Для повышения эффективности обучения преподаватели предлагают студентам наглядные материалы. Обычно наглядные материалы представлены в виде мультимедийных конспектов лекций, которые позволяют студентам закрепить теоретический материал курса или повторить материал при подготовке к промежуточной или итоговой аттестации. В некоторых учебных курсах преподаватели размещают для студентов дополнительный видеоматериал. Такой материал призван обогатить теоретические знания студентов и расширить их кругозор. Так, например, в курсе «Мультимедийные технологии» представлены видеозаписи, демонстрирующие возможности использования мультимедиа в различных сферах деятельности. В курсе «Информационное обеспечение региональных потребностей» тему «Краеведческая продукция библиотек» дополняет фильм «Кемерово, 1930–1980», который не только знакомит студентов с историей города, но и является наглядным материалом по подготовке краеведческой продукции.

Доступ к изданиям электронных библиотечных систем и электронным образовательным ресурсам. Использование ресурса «Гиперссылка» системы электронного обучения Moodle позволяет легко вставлять в учебно-методические комплексы дисциплин ссылки на издания электронных библиотек.

Структура учебно-методического комплекса электронной образовательной среды КемГИК предполагает размещение учебно-теоретического материала. В большинстве учебных курсов

преподаватели выкладывают ссылки на полные тексты базовых учебников и учебных пособий из электронной библиотеки КемГИК и электронных библиотечных систем, на которые у вуза оформлена подписка.

Некоторые преподаватели предлагают для работы студентов авторские, не являющиеся аналогами печатных, электронные учебные издания. В качестве примера можно привести курсы «Информационные технологии» И. С. Пилко [3] и «Информационное обеспечение региональных потребностей» Л. Г. Тараненко [8]. Такие издания имеют ряд преимуществ и более эффективны в организации самостоятельной работы студентов [1].

Асинхронное взаимодействие между участниками образовательного процесса. Использование внутреннего механизма обмена сообщениями системы Moodle позволяет вести переписку между всеми участниками образовательного процесса. При этом, в отличие от таких средств, как электронная почта и социальные сети, вся переписка структурирована и хранится на ресурсе, подконтрольном вузу. Другие модули системы дистанционного обучения Moodle тоже могут использоваться для обеспечения асинхронного взаимодействия, но уже применительно к конкретным видам учебной деятельности.

Так, например, удобным средством коммуникации в рамках учебной дисциплины является модуль «Форум». Преподаватели используют форумы для обсуждения актуальных проблем по курсу (отдельной теме). В форуме преподаватель задает тему и формат общения и поддерживает коммуникацию со студентами. Этот элемент удобен при работе со студентами-заочниками, поскольку позволяет установить коммуникацию внутри группы. Например, в курсе «Маркетинг библиотечно-информационной деятельности» студентам заочной формы обучения в рамках выполнения контрольной работы предложено поделиться опытом работы по проектной деятельности в библиотеках. Студенты охотно размещают собственные материалы с описаниями реализованных проектов. Многие участники группы вступают в обсуждения размещенных материалов. Кроме того, предложенные студентами работы служат в качестве опытного образца для других участников форума. Опыт работы преподавателей кафедры технологии документальных коммуникаций показывает, что не все обучаемые готовы вступать во взаимодействие с другими слушателями и предпочитают отмалчиваться при обсуждении материалов. В таком случае преподавателю очень важно на установочной лекции объяснить студентам необходимость подобного взаимодействия, мотивировать к обсуждению и поддерживать дружелюбный тон общения.

Синхронное взаимодействие между участниками образовательного процесса. Интеграция среды Moodle с различными системами видеоконференцсвязи (например, Adobe Connect, BigBlueButton, Openmeeting и др.) позволяет организовать синхронное взаимодействие участников образовательного процесса. В основном, синхронное взаимодействие средствами электронной образовательной среды применяется при дистанционной форме. В КемГИК в качестве платформы видеоконференцсвязи используется система BigBlueButton. Использование этой системы позволяет не только проводить сеансы видеосвязи, но и дополнять их презентациями, а также записывать сеансы и использовать эти записи затем как учебные материалы для студентов, пропустивших занятие.

Большой потребности в средствах синхронной коммуникации в вузе нет, поскольку программы очного обучения в дистанционной форме пока не реализуются. Использование системы видеоконференцсвязи BigBlueButton сейчас проходит апробацию преподавателями кафедры технологии документальных коммуникаций при обучении студентов-магистрантов заочной формы обучения, поскольку ФГОС разрешает работу в дистанционном формате при реализации программ магистерской подготовки [1]. Курс «Информационная аналитика: теория и практика» выстроен таким образом, что магистрантам заочной формы обучения предложена работа в формате вебинара. Продолжительность лекции в таком формате рассчитана на один академический час, что связано с особенностями восприятия материала в подобном формате. Вторая часть занятия проводится в формате дискуссии и предполагает высказывания участников, ответы на вопросы студентов.

Фиксация хода образовательного процесса, итогов промежуточной аттестации. Система дистанционного обучения Moodle обладает богатыми возможностями по контролю успеваемости студентов. Для форм деятельности, под-

разумевающих автоматизированный контроль, оценки вычисляются средствами электронной образовательной среды; для остальных форм преподаватель может вводить оценки самостоятельно. Итоговая оценка за курс также может быть вычислена автоматически или введена преподавателем самостоятельно. Использование модуля «Субкурс» позволяет собрать в одном «курсе – зачетной книжке» итоговые результаты освоения отдельных дисциплин.

В качестве одной из форм промежуточной аттестации студентов преподавателями кафедры используется модуль «Тест». Модуль предполагает формирование банка вопросов, которые затем используются в нескольких тестах. Банк вопросов может быть сформирован как по всему курсу (например, в курсе «Информационное обеспечение управления»), так и по отдельным его темам (например, в курсе «Библиотековедение»). Опыт работы с этим модулем преподавателей кафедры технологии документальных коммуникаций показывает, что использование тестирования положительно сказывается на качестве подготовки студентов.

Формирование электронного портфолио обучающихся, в том числе сохранение работ обучающегося. Использование модуля «Задание» системы Moodle не только позволяет студентам производить отправку заданий на оценку преподавателем, но и обеспечивает взаимодействие между преподавателем и студентом. При этом сами работы и оценки хранятся в системе в течение всего срока обучения студента. Поэтому электронная образовательная среда вуза по сути и является средой портфолио.

Модуль «Задание» предполагает размещение студентами выполненных работ, которые затем проверяются преподавателем. Система позволяет преподавателю: устанавливать для студентов сроки предоставления материала; комментировать выполненные работы студентов; отправлять задания на доработку до тех пор, пока работа не будет соответствовать заданным критериям. Благодаря тому, что работы и оценки хранятся упорядоченно, модуль активно применяют как при организации и контроле самостоятельной работы студентов, так и на практических занятиях. Такой подход позволяет стереть грань между работой студента с преподавателем и самостоятельной работой и более эффективно использовать время общения с преподавателем в аудитории.

Отдельный интерес представляет требование ФГОС по **«проведению всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий».** Реализация этого требования в КемГИК осуществляется преимущественно посредством модулей «Лекция» и «Семинар» системы Moodle [9].

Началу использования модуля «Лекция» предшествовало сокращение количества часов, отводимых на изучение лекционного материала при обучении студентов заочной формы обучения. Перевод некоторых тем в формат электронного обучения позволяет предоставлять студентам учебный материал в полном объеме. Так, например, в курсе «Информационные технологии» преподавателем разработаны интерактивные лекции по 4 темам. Интерактивные лекции обязательны для прохождения студентами заочной формы обучения, поэтому в формате электронного обучения восполняется недостаток часов, отводимых на изучение курса.

Ключевой особенностью интерактивных лекций, построенных в форме вопросов и ответов, является возможность познакомить студентов с теоретическим материалом и сразу же закрепить полученные знания. Преподаватель подготавливает теоретический материал, разбивая его на небольшие блоки; каждый блок снабжается тестовым заданием, которое позволяет контролировать степень усвоения материала; преподаватель задает траекторию прохождения лекции, управляет её содержимым, а также может легко узнать, когда и сколько времени студент работал с лекцией. Разработка материалов этого типа достаточно сложна, но позволяет добиться высокого уровня усвоения материала.

Вариантом работы в интерактивной форме выступает модуль «Семинар». Работа с этим модулем заключается в том, что каждый студент выполняет собственную работу, а затем оценивает результаты работы других. Итоговая оценка учитывает не только качество собственных работ, но и деятельность студентов в качестве рецензентов. Преподаватель обозначает темы для работ и формулирует оценочную шкалу для объективности

оценки. При таком подходе все студенты оказываются вовлечены в учебную деятельность, а работа в качестве оценщиков позволяет сформировать более высокий уровень компетенций.

Преподаватели кафедры технологии документальных коммуникаций задействуют модуль «Семинар» при организации самостоятельной работы студентов. Так, например, в курсе «Сетевые технологии» студенты размещают доклады на предложенные преподавателем темы. Использование модуля позволяет углубить уровень освоения тем, предназначенных для самостоятельного изучения.

Таким образом, можно заключить, что электронная образовательная среда, построенная на базе системы дистанционного обучения Moodle отвечает всем требованиям ФГОС 3+. Кафедрой технологии документальных коммуникаций КемГИК накоплен большой опыт использования средств электронной образовательной среды в процессе обучения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность». Одним из направлений совершенствования подготовки специалистов в области библиотечно-информационной деятельности является развитие форм и методов электронного обучения.

Литература

1. Абалакова О. В., Ли М. Г. Мультимедийные технологии в библиотечно-информационном образовании // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 2 (27). – С. 242–250.
2. Андреев А. В., Андреева С. В., Доценко И. Б. Практика электронного обучения с использованием Moodle. – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2008. – 146 с.
3. Пилко И. С. Информационные технологии. Ч. 1. Теоретические основы информационной технологии [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс по специальности 052700 (071201) «Библиотечно-информационная деятельность». – Кемерово, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Пилко И. С., Жегульская Ю. В. Электронная образовательная среда вуза культуры и искусств // Информ. ресурсы России. – 2015. – № 4 (146). – С. 38–41.
5. Приказ Минобрнауки России от 11.08.2016 № 1001 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 “Библиотечно-информационная деятельность” (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510306.pdf (дата обращения: 30.10.2016).
6. Приказ Минобрнауки России от 14.12.2015 № 1468 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 “Библиотечно-информационная деятельность” (уровень магистратуры) [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/510406.pdf (дата обращения: 30.10.2016).
7. Скипор И. Л. Интеграция электронных образовательных ресурсов вуза: разработка унифицированной структуры контента сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 122–130.
8. Тараненко Л. Г. Информационное обеспечение потребностей региона [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс по специальности 052700 (071201) «Библиотечно-информационная деятельность» / науч. ред. И. С. Пилко. – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Тараненко Л. Г. Подготовка кадров по направлению «библиотечно-информационная деятельность» в вузе // VIII Юдинские чтения: мат-лы междунар. науч.-практич. конф.: в 2 ч. – Красноярск: Гос. универсал. науч. б-ка Красноярск. края. – 2015. – Ч. 2. – С. 246–252.

References

1. Abalakova O.V., Li M.G. Mul’timediynye tekhnologii v bibliotechno-informatsionnom obrazovanii [Multimedia technologies in library and information education]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no. 2 (27), pp. 242-250. (In Russ.).
2. Andreev A.V., Andreeva S.V., Dotsenko I.B. *Praktika elektronnogo obucheniya s ispol’zovaniem Moodle [E-learning Practice Using Moodle]*. Taganrog, TTI SFU Publ., 2008. 146 p. (In Russ.).
3. Pilko I.S. *Informatsionnye tekhnologii. Ch. 1. Teoreticheskie osnovy informatsionnoy tekhnologii: ucheb.-metod. kompleks po spetsial’nosti 052700 (071201) “Bibliotechno-informatsionnaya deyatel’nost’” [Information Technology. Part 1. Theoretical Foundations of information technology: textbook in the specialty 052700 (071201) “Library and Information Activities”]*. Kemerovo, 2007. 1 CD-ROM. (In Russ.).

4. Pilko I.S., Zhegulskaia I.V. Elektronnaya obrazovatel'naya sreda vuza kul'tury i iskusstv [E-learning environment of the higher institution of culture and arts]. *Informatsionnye resursy Rossii [Information Resources of Russia]*, 2015, no. 4 (146), pp. 38-41. (In Russ.).
5. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 11.08.2016. № 1001 "Ob utverzhdenii Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 'Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost' (uroven' bakalavriata)" [Order of the Russian Ministry of 08.11.2016, № 1001 "On approval of the Federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 51.03.06 'Library and information activities' (undergraduate level)"]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510306.pdf (accessed 30.10.2016).
6. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 14.12.2015 № 1468 "Ob utverzhdenii Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 'Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost' (uroven' magistratury)" [Order of the Russian Ministry of 12.14.2015, № 1468 "On approval of the Federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 51.03.06 'Library and Information Activities' (graduate level)"]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/510406.pdf (accessed 30.10.2016).
7. Skipor I.L. Integratsiia elektronnykh obrazovatel'nykh resursov vuza: razrabotka unifitsirovannoy struktury kontenta sayta "Elektronnaya obrazovatelnaya sreda KemGUKI" [Integration of electronic educational resources of the university: development of unified structure of site "Electronic educational environment KemGUKI" content]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 20, pp. 122-130. (In Russ.).
8. Taranenko L.G. *Informatsionnoe obespechenie potrebnostey regiona: ucheb.-metod. kompleks po spetsial'nosti 052700 (071201) "Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost'" [Information support needs of the region [electronic resource]: textbook in the specialty 052700 (071201) "Library and Information Activities"]*. Ed. I.S. Pilko. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2012. 1 CD-ROM. (In Russ.).
9. Taranenko L.G. Podgotovka kadrov po napravleniyu "Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost'" v vuze [Training in "Library and information work" in high school]. *VIII Yudinskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh [VIII Yudinskie read: Materials of the international scientific-practical conference: in 2 parts]*. Krasnoyarsk, Gosudarstvennaya universal'naya nauchnaya biblioteka Krasnoyarskogo kraya Publ., 2015, no. 2, pp. 246-252. (In Russ.).

УДК 338.48

КООРДИНАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЙ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ДИСЦИПЛИНЫ «ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА»

Балашова Марина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (г. Кемерово, РФ). E-mail: bmw9632@mail.ru

Балашова Оксана Александровна, соискатель, Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (г. Кемерово, РФ). E-mail: bmw9632@mail.ru

В статье рассмотрена взаимосвязь технологий формирования компетенций с содержанием тем дисциплины «Организация международного туризма» на основе практики подготовки студентов в Кемеровском институте (филиале) РЭУ им. Г. В. Плеханова. Актуальность преподавания дисциплин туристской направленности обусловлена значением туризма для Кемеровской области как доходообразующей отрасли, а также развитием туристско-рекреационного кластера Кемеровской области, требующего квалифицированных кадров в сфере туризма. Дисциплина «Организация международного туризма» читается на кафедре мировой экономики с 2010 года сначала для специализации «Экономика международного туризма», специальность 080102 «Мировая экономика», а затем для бакалавров на-

правления 38.03.01 «Экономика», профиль «Мировая экономика». Фонды оценочных средств по дисциплине содержат кейсы, деловые игры, дискуссии, задачи, рефераты, доклады, презентации, тесты, эссе, подготовку страноведческого материала. Магистранты, обучающиеся по магистерской программе «Мировая экономика и международный бизнес», в период педагогической практики готовят отдельные вопросы для лекционных и практических занятий студентов-бакалавров, изучающих дисциплину «Организация международного туризма», получают навыки рецензирования страноведческого материала, эссе и других письменных работ бакалавров. Важным моментом в преподавании этой дисциплины является научно-исследовательская работа студентов по изучаемым вопросам, которая включает подготовку статей, докладов на научно-практических конференциях вузовского, городского, федерального и международного уровней, конкурсных проектов, работ в рамках олимпиад, проводимых Молодежным союзом экономистов и финансистов РФ (МСЭФ). Некоторые вопросы дисциплины становятся основой для исследований, проводимых в рамках выпускных квалификационных работ (ВКР) бакалавров и магистрантов. Эти исследования могут проводиться по заказу института и муниципальных округов, отдельных туристических фирм. Исследования в рамках НИРС нацелены на развитие въездного туризма иностранцев в Кузбассе.

Ключевые слова: внутренний и въездной туризм, кластерный подход, образовательные технологии.

THE COORDINATION OF CONTENTS AND FORMATION TECHNOLOGY OF COMPETENCES BY THE TEACHERS OF THE DISCIPLINE "THE INTERNATIONAL TOURISM ORGANIZATION"

Balashova Marina Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Department of World Economy, Kemerovo Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bmw9632@mail.ru

Balashova Oksana Alexandrovna, Applicant, Kemerovo Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bmw9632@mail.ru

The article examines the relationship between technologies of competencies forming and the contents of the discipline "The International Tourism Organization" based on the students training at Kemerovo Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics. The topicality of teaching tourism disciplines is the cause of the tourism importance for Kemerovo region as income-generating industry and development of tourism and recreation cluster of Kemerovo region which requires qualified personnel in the tourism field. The discipline "The International Tourism Organization" is provided at the Global Economy Department since 2010, first for the specialization "Economics of International Tourism" specialty 080102 "The Global Economy," and then for bachelors 38.03.01 "Economics" profile "The Global Economy." The funds of assessment tools for the discipline includes case studies, business games, discussions, tasks, essays, reports, presentations, tests, preparation of some regional geographic materials. Undergraduates enrolled in the master's program "The Global Economy and International Business" during the period of studying the specific questions for lectures and practical classes for bachelors studying the discipline "The International Tourism Organization," they gain the skills of reviewing the written works of bachelors. An important point in teaching this discipline is scientific researches of students which include the preparation of articles, presentations at scientific conferences at the university on municipal, federal and international levels, competitive projects, works at different competitions held by the Youth Union of Economists and Financiers of Russian Federation (YUEF). Some topics and problems of the discipline become the basis for the studies within the final qualifying works (FQW) of bachelors and masters. These studies can be carried out by order of the Institute and municipalities, individual travel agencies. The researches within NIRS are focused on the inbound of foreign tourism development in Kuzbass.

Keywords: domestic and inbound tourism, cluster approach, educational technology.

На федеральном и региональном уровнях в качестве стратегического направления развития туризма выбраны внутренний и въездной туризм [5; 6; 7]. Это учитывалось при разработке рабочих программ по дисциплине «Организация международного туризма».

Дисциплина «Организация международного туризма» читается на кафедре мировой экономики Кемеровского института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова с 2010 года.

Целью освоения учебной дисциплины «Организация международного туризма» является формирование у студентов системы профессиональных знаний о мировой и отечественной индустрии туризма.

Задачи дисциплины:

- раскрыть понятие «международный туризм» и факторы, его определяющие;
- рассмотреть современные проблемы международного туризма, направления его развития;
- выявить влияние правовой, экономической, политической среды на международный туризм;
- определить особенности формирования и продвижения туристского продукта на рынке;
- рассмотреть систему показателей производственной деятельности туристской фирмы;
- показать механизм инновационного развития в сфере туризма;
- рассмотреть систему страхования в туризме.

В результате изучения дисциплины «Организация международного туризма» студенты должны:

знать:

- основные понятия туризма;
- общемировые тенденции развития туризма;
- законодательные и нормативные акты, регулирующие туристическую деятельность в Российской Федерации;
- виды туризма и специфику их организации;
- туристические формальности и особенности страхования в туризме;
- классификацию средств размещения;
- основы гостиничной деятельности, работы предприятий общественного питания, транспортного обслуживания туристов;
- систему государственного регулирования туристической деятельности;
- структуру федеральных и региональных органов, осуществляющих конкретные функции по обеспечению мер государственного регулирования в сфере туризма;
- квалификационные требования к работникам сферы туризма;
- принципы управления и построения предприятий туризма;
- основы договорных отношений между организаторами путешествий;

уметь:

- формировать информационный материал по турам с использованием интернет-ресурсов;
- составлять информационный лист, памятку туристу, выезжающему за рубеж;
- работать с каталогами туристических фирм;
- составлять рекламный материал по направлениям въездного туризма, в том числе на языке основной клиентуры туристической фирмы (английском, немецком, французском, китайском и др.);

владеть навыками:

- делового общения;
- разработки страноведческого материала при предложении турпродукта клиенту туристической фирмы.

Дисциплина «Организация международного туризма» читается как продолжение дисциплины «Международный бизнес». Преподаватель проектирует процесс изучения дисциплины с учетом системности, междисциплинарности, синергетичности процесса формирования компетенций [4].

При проведении занятий, например, по теме «Риски в туризме» необходимо использование нескольких технологий преподавания в связи с многообразием рисков и междисциплинарным характером понятий и инструментов, изучаемых в этой теме.

Политические, социальные риски требуют повышения социальной ответственности бизнеса. Примеров такого рода рисков в 2015 году много – расстрел мексиканских туристов в Египте 13.09.2015, гибель 224 российских туристов в Синае на борту самолета А-321. Безопасность туристов всегда была первоочередной задачей организаторов путешествий. В качестве основных технологий формирования компетенций по этой теме используются кейсы и проводятся дискуссии.

Экологические риски связаны не только с экотуризмом. Принципы экологического туризма должны быть внедрены и для других видов туризма, прежде всего, познавательного, рекреационного, самодеятельного и т. д. [1]. Основные признаки экологического туризма следующие:

- любое путешествие, в течение которого путешественник изучает окружающую среду;
- путешествие, в котором природа является главной ценностью;
- доходы от экотуризма направляются на финансовую поддержку защиты окружающей среды;
- экотуристы лично участвуют в действиях, которые сохраняют или восстанавливают ресурсы дикой природы;
- экотур – это путешествие, в котором все действия являются «экологически мягкими».

Международной организацией экотуризма были сформулированы 10 заповедей экотуриста:

- помнить об уязвимости Земли;
- оставлять только следы, уносить только фотографии;
- познавать мир, в который попал: культуру народа, географию;
- уважать местных жителей;
- не покупать изделия производителей, подвергающих опасности окружающую среду;
- всегда следовать только протоптанными тропами;
- поддерживать программы по защите окружающей среды;
- где возможно, использовать методы сохранения окружающей среды;
- поддерживать (патронировать) организации, содействующие защите природы;
- путешествовать с фирмами, поддерживающими принципы экотуризма.

При разработке маршрута для иностранных туристов (одно из основных оценочных средств) студенты должны основываться на принципах экологического туризма и применять их для Кузбасса. Кроме того, в период изучения дисциплины студенты по возможности посещают одно мероприятие, направленное на охрану окружающей среды своего города.

Инвестиционные риски, анализ которых проводится различными качественными и количественными методами, должны быть учтены, в том числе при проведении экспертиз проектов по финансированию строительства объектов туристической инфраструктуры, гостиниц и т. д.

Нетрадиционным подходом к анализу инновационных проектов является новая теория и технология эффективного решения проблем учета неопределенности, разработанная А. С. Нариньяни и В. Г. Напреенко, – технология недоопределенных вычислений (Н-вычислений) и недоопределенных моделей (Н-моделей). Этот подход относится к направлению constraint programming (программирование в ограничениях) и считается наиболее перспективным для моделей при наличии большого числа факторов недоопределенности. Применение Н-моделей уже апробировано при решении практических задач моделирования развития национальных и региональных экономик, функционирования предприятий и оценке инвестиционных проектов.

В сравнении с традиционными инструментами инвестиционного проектирования (такими как серийные продукты – Альт-инвест, Project Expert и др.) технология Н-моделей обеспечивает большие возможности для инвестиционного проектирования:

- возможность расчета с использованием интервальных оценок показателей наряду с точечными оценками;
- возможность расчетов в отсутствие части параметров и при наличии грубых оценок параметров;
- возможность контроля риска, оценки качества используемой информации, выявления и устранения причин чрезмерной неопределенности;
- возможность решения неоднозначных задач;
- возможность задавать желаемые значения результирующих показателей;
- возможность анализа большого числа вариантов проекта без их перебора;
- возможность «не упустить» какое-либо решение;
- упрощение сопровождения проектов.

Кластерный подход в туризме уже был отмечен в наших статьях [2]. Формирование инновационных территориальных кластеров характерно и для Кемеровской области, важным звеном которых являются предприятия индустрии туриз-

ма. Новые проекты на горе Зеленой в Шерегеше показывают более высокий уровень вовлеченности кузбасского бизнеса, который привлекает иностранные компании, имеющие опыт работы на инфраструктурных объектах в Сочи. В своем интервью начальник Департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области Антон Пятовский отметил, что в Шерегеш за последние 10–15 лет было вложено порядка 10 млрд руб. частных инвестиций, а благодаря тому, что Кузбасс вошел в федеральную целевую программу развития внутреннего и въездного туризма, которую курирует Ростуризм, на средства федерального и областного бюджетов ведется строительство автомобильной дороги Кузедеево – Мундыбаш – Таштагол на участке «Обход поселка Каз»; в целом к 2017 году планируется привлечь в развитие СТК «Шерегеш» еще более 6 млрд. руб. инвестиций, построить 31 объект туристской и 6 объектов обеспечивающей инфраструктуры [3]. В середине октября в Кемеровском госуниверситете состоялась установочная стратегическая сессия туристско-рекреационного кластера Кемеровской области, в Совет кластера вошло 27 человек – это представители Кузбасского технопарка, Департамента молодежной политики и спорта Администрации Кемеровской области, КузТПП, КемГУ, Кемеровского института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова, Кузбасской ассоциации предприятий туристической индустрии (КАТИ), Федерации спортивного туризма Кемеровской области, крупных туристических фирм [8].

При проведении занятий по дисциплине «Организация международного туризма» используются элементы научно-исследовательской работы студентов, активно внедряется проектный метод при формировании маршрутов, разрабатываемых студентами. Это позволяет обучающимся участвовать в конкурсах «Малая родина» и «Лучший инновационный проект», апрельской Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Вклад молодых ученых в инновационный потенциал Кузбасса», Международных выставках-ярмарках «Экспо-Сибирь», олимпиадах под эгидой МСЭФ, публиковать результаты своих исследований в журнале «Молодежь в науке и не только…», сборнике трудов «Региональные проблемы перехода к инновационной экономике». Выигрывая конкурсы, студенты понимают, что знания реально приносят деньги. Ведь одна из целей обучения по этой дисциплине – подготовка студентов для работы в рыночной среде (в благоприятные для выездного туризма годы до 10 % выпускников устраивались на работу в туристические агентства, а некоторые выпускники смогли открыть собственные туристические агентства).

Несколько лет подряд проводились совместные мероприятия с кафедрой «Экономики социальной сферы» КемГУКИ, посвященные празднованию 27 сентября Международного дня туризма. Одно из мероприятий прошло на тему «Кемерово – индустриальный». Проект «Кузбасский индустриленд», инициаторами которого были авторы статьи, фактически предлагает еще один туристский бренд Кемеровской области наряду с Йети, Красной горкой, Мариинском, Танаем. Несколько выпускных квалификационных работ были выполнены на темы, связанные с развитием въездного туризма, по заказу муниципальных образований Кемеровской области, например Краснобродского городского округа, Кемеровского района и др.

Опыт показывает, что 20 % предприятий – баз практик студентов (при прохождении учебной и производственной практики у бакалавров, научно-производственной практики у магистров) – это туристические агентства и компании.

Необходимо отметить, что при прохождении педагогической практики магистранты, обучающиеся по магистерской программе «Мировая экономика и международный бизнес», участвуют в проведении дискуссий, обсуждении и рецензировании проектов бакалавров, изучающих дисциплину «Организация международного туризма», тем самым участвуя в измерении освоенности заявленных компетенций. Изучение студентами направления «Экономика», профиль «Мировая экономика», двух иностранных языков позволяет работать с кейсами, разработанными преподавателями на английском и немецком языках.

Таким образом, содержание дисциплины «Организация международного туризма» определяет использование как традиционных технологий преподавания и контроля знаний студентов, так и применение интерактивных методов обучения, а также активного вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу университета и «туристическую жизнь» города и области.

Литература

1. Аглекова Е. И., Балашова М. В. Региональные аспекты развития экологического туризма в Кузбассе // Инновационная экономика в XXI веке: моногр. / под ред. Ю. Н. Клещевского, И. А. Кудряшовой. – Кемерово: Кемеров. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2013. – Гл. 21. – С. 259–267.
2. Балашова М. В., Кудряшова И. А., Балаганская Е. Н. Проблемы, перспективы и современный механизм поддержки малых и средних предприятий, действующих в сфере внутреннего и въездного туризма на территории Кемеровской области // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 13. – С. 136–142.
3. Интервью А. Пятовского // Авант-партнер. – 2015. – № 3 (44). – С. 80–82.
4. Кагакина Е. А., Харлампенков Е. И., Чекалина Т. А., Устимова О. В. Формирование компетенций студентов вузов как логистический процесс // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 17/2. – С. 117–125.
5. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 01.03.2013 № 194-р «О Стратегии развития туризма в Кемеровской области до 2025 года».
6. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 № 2567-р «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы».
7. Сидорова Е. Ю., Сидорова Я. С. Вопросы совершенствования системы управления в сфере туризма // Инновации в социально-экономических и производственных системах: моногр. – Кемерово: Кемеров. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. – Гл. 18. – С. 253–265.
8. В Кузбассе создан туристско-рекреационный кластер // Рус. акцент. – Кемерово: Кузбас. торг.-промышл. палата. – 2015. – 14 окт.

References

1. Aglekova E.I., Balashova M.V. Regional'nye aspekty razvitiya ekologicheskogo turizma v Kuzbasse [Regional aspects of development of ecological tourism in the Kuzbass]. *Innovatsionnaya ekonomika v XXI veke. Monografiya [Innovation Economy in the XXI century. Monograph]*. Ed. Yu.N. Kleshchevskiy, I.A. Kudryashova. Kemerovo, Kemerovskiy institut (filial) RGTEU Publ., 2013, ch. 21, pp. 259-267. (In Russ.).
2. Balashova M.V., Kudryashova I.A., Balaganskaya E.N. Problemy, perspektivy i sovremennyy mekhanizm podderzhki malykh i srednikh predpriyatiy, deystvuyushchikh v sfere vnutrennego i v"ezdnogo turizma na territorii Kemerovskoy oblasti [Problems, perspectives and modern mechanism of support for small and medium-sized enterprises operating in the field of domestic tourism in the Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2010, no. 13, pp. 136-142. (In Russ.).
3. Interv'yu A. Pyatovskogo [Interview A. Pyatovskiy]. *Avant-partner [Avant-partner]*, 2015, no. 3 (44), pp. 80-82. (In Russ.).
4. Kagakina E.A., Kharlampenkov E.I., Chekalina T.A., Ustimova O.V. Formirovanie kompetentsiy studentov vuzov kak logisticheskiy protsess [Formation of competence of university students as a logistics process]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2011, no 17/2, pp. 117-125. (In Russ.).
5. *Rasporyazhenie Kollegii Administratsii Kemerovskoy oblasti ot 01.03.2013 № 194-r "O Strategii razvitiya turizma v Kemerovskoy oblasti do 2025 goda" [Order of the Board of Administration of the Kemerovo region of 01.03.2013, № 194-p "On Tourism Development Strategy in the Kemerovo Region up to 2025"].* (In Russ.).
6. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 № 2567-r "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy RF "Razvitie kul'tury i turizma na 2013-2020 gody" [Russian Federation Government Decree of 27.12.2012 № 2567-p "On Approval of State Program" Development of Culture and Tourism for 2013-2020"].* (In Russ.).
7. Sidorova E.Yu., Sidorova Ya.S. Voprosy sovershenstvovaniya sistemy upravleniya v sfere turizma [The improvement of management systems in the field of tourism]. *Innovatsii v sotsial'no-ekonomicheskikh i proizvodstvennykh sistemakh. Monografiya [Innovation in socio-economic and production systems'. Monograph]*. Kemerovo, Kemerovo Institute (Branch) Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2015, ch. 18, pp. 253-265. (In Russ.).
8. V Kuzbasse sozdan turistsko-rekreatsionnyy klaster [In the Kuzbass established tourist-recreational cluster]. *Russkiy aktsent [Russian accent]*. Kemerovo, Kuzbass Chamber of Commerce and Industry Publ., 2015, 14 October. (In Russ.).

УДК 37.047

МОДУЛЬНАЯ СИСТЕМА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Литвак Римма Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Нысанов Адэль Туренбекович, аспирант, кафедра педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

На сегодняшний день существует острая проблема рынка труда, который находится в дисбалансе с системой подготовки кадров. Общеобразовательные школы односторонне ориентированы на подготовку выпускников к поступлению в высшие учебные заведения. Неверно выбранная профессия на этапе профессионального ориентирования ведет к смене вида труда в дальнейшем, снижению его эффективности или дополнительному обучению на производстве, что актуализирует развитие культуры профессиональной ориентации старшеклассников.

Проведен теоретический анализ понятия «культура профессиональной ориентации», выявлены основные структурные компоненты, представлены взаимосвязи между ними.

Использование в процессе развития культуры профессиональной ориентации потенциала сетевого взаимодействия школы в системе дополнительного образования и производства позволяет выстроить эффективную программу профессиональной ориентации старшеклассников.

Процессуальным этапом развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования выступает модульная система, опирающаяся на принципы последовательности, практической направленности и включающая следующие этапы: профессиональное информирование, профессиональная диагностика, профессиональная консультация, профессиональная адаптация и профессиональный отбор.

Полученные статистические данные проведенной опытно-экспериментальной работы демонстрируют эффективность модульной системы в процессе развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования.

Ключевые слова: культура профессиональной ориентации, сетевое взаимодействие, дополнительное образование, модульная система.

MODULAR SYSTEM OF CULTURAL DEVELOPMENT OF VOCATIONAL GUIDANCE OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN NETWORK INTERACTION OF ADDITIONAL EDUCATION

Litvak Rimma Alekseevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy and Psychology, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Nysanov Adel Turenbekovich, Postgraduate, Department of Pedagogy and Psychology, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

There is a burning issue of labor market today which is in imbalance with a system of training. Comprehensive schools are unilaterally focused on training the graduates for higher educational institutions. The statistics of the last years show that more than a half of university graduates do not work in the specialty field. Incorrectly chosen profession at a stage of professional orientation leads to change of a type of work

further, to decrease in its efficiency or additional training at production that staticizes cultural development of vocational guidance of high school students.

The theoretical analysis of the concept “culture of vocational guidance” is carried out, the main structural components are revealed, interrelations between them are presented. In the article, the normative documents staticizing the provisions development of vocational guidance, creation of network of educational institutions, support of system of additional education for occupations of high school students are submitted.

The use in development of culture of vocational guidance of potential of network interaction of school, institutions of additional education and production allows to build the effective program of vocational guidance of high school students.

A procedural stage of cultural development of vocational guidance of seniors in network interaction of additional education the modular system relies on the principles of the sequence, and a practical orientation includes the following stages acts: professional informing, professional diagnostics, professional consultation, professional adaptation and professional selection.

The obtained statistical data of the carried-out skilled and experimental work shows efficiency of modular system in development of culture of vocational guidance of high school students in network interaction of additional education.

Keywords: culture of vocational guidance, network interaction, additional education, modular system.

В современном мире образовательная деятельность приобретает динамичный характер, становится личностно-ориентированной, появляются инновационные образовательные технологии, основанные на интеграции сфер образования. В этих условиях возникает потребность в гибкости, адаптируемости каждого образовательного учреждения в рамках общего образовательного пространства. На первый план выходит проблема кооперации, объединения образовательных учреждений в решении общих проблем по достижению главной цели – подготовки к выбору профессиональной деятельности. Одной из ключевых задач такой подготовки является профессиональное ориентирование старшеклассников и молодежи. При этом зачастую учащиеся испытывают трудности в процессе самоопределения, поэтому проблема выбора профессии, дальнейшего жизненного пути находится в центре внимания, интересов и планов старших школьников.

По статистике количество старшеклассников, которые не определились с выбором профессии или сомневаются около 52 %, что превышает количество определившихся со своим профессиональным будущем, таким образом к моменту окончания школы их выбор дальнейшего образования является случайным [13].

При этом данные последних лет показывают, что более 60 % молодых специалистов после окончания вуза работают не по специальности, что свидетельствует о неправильном выборе молодежью своей профессии, либо о неуверенности в своей готовности к выполнению профессиональных функций еще на этапе профессиональной ориентации [4].

В условиях актуализации сетевого непрерывного образования, активно влияющего на становление старшеклассников, существует острая необходимость развития культуры профессиональной ориентации.

Значимость развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников актуализирована в нормативных документах федерального уровня: Комплекс мер по проведению профессиональной ориентации обучающихся учреждений общего образования на 2012–2015 годы; Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы; Концепция развития образования Республики Казахстан до 2015 года; Закон Республики Казахстан «Об образовании» и др.

В каждом из этих документов актуализируются положения развития профессиональной ориентации, создание сети образовательных учреждений, поддержка системы дополнительного образования для занятий старшеклассников.

Особое внимание хотелось бы обратить на «Комплекс мер по проведению профессиональной ориентации обучающихся учреждений общего образования на 2012–2015 годы», одним из пунктов реализации которого является: «создание (развитие) сети учреждений (межведом-

ственных методических (ресурсных) центров (кабинетов), консультационных пунктов), обеспечивающих разработку и внедрение современного научно-методического обеспечения профориентационной работы среди обучающихся общеобразовательных учреждений (методик и технологий, профессиографических, справочно-информационных материалов и др.)» [5].

Культуру профессиональной ориентации некоторые ученые рассматривают как один из видов общечеловеческой культуры, представляющий собой поэтапное освоение старшеклассником знаний, норм, культуры ценностей в обществе, развитие способностей, осмысление значимости личностных качеств, обеспечивающих удовлетворение потребностей в профессиональной ориентации.

Н. Б. Крылова придерживается мнения, что «профессиональная культура – не просто умение определить и выбрать лучшую культурную норму, а скорее стремление использовать новые культурные образцы» [8, с. 205]. Автор описывает следующие составляющие такой культуры: «Система знаний и интересов, определяющих кругозор личности; система убеждений, образующих мировоззренческий уровень; система умений и развитых на их основе способностей, проявляющихся в практической деятельности; система индивидуальных норм поведения и освоенных методов деятельности; система социальных чувств» [7, с. 58].

Изучение работ отечественных ученых по проблеме развития культуры профессиональной ориентации (И. А. Зимняя, Н. Б. Крылова, С. Н. Макарова, В. А. Сластенин, Е. В. Ткаченко и др.) позволило выявить несколько различных трактовок понимания сущности и содержания «культуры профессиональной ориентации» как комплекса новообразований, знаний культуры, ценностных отношений, способствующих созданию мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивно-смысловых результатов личностной деятельности субъекта [3].

Вместе с тем понятие культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования раскрыто недостаточно полно, что дает основание обратиться к изучению теоретических положений исследуемой проблемы и позволяет рассматривать его как интегрированное качество личности, включающее следующие структурные компоненты: культурно-ценностный, мотивационно-деятельностный, психологический, социокультурный, – обеспечивающие у старшеклассников готовность к выбору профессии.

При этом структурные компоненты:

- интегрируют культуру ценностных ориентаций, профессиональный интерес, социальные мотивы, эмпатию, культуру взаимоотношений;
- культивируют современные знания о рынке труда, социально-экономической ситуации, нормативно-правовых документах, психологических затратах различного вида профессий, социальной коммуникации;
- инициируют умения разработки программ, планов, включающие подростков в реализацию социально-культурных технологий.

Процесс развития культуры профессиональной ориентации опирается на принципы последовательности, практической направленности и включает в себя следующие этапы: профессиональное информирование, профессиональная диагностика, профессиональная консультация, профессиональная адаптация и профессиональный отбор.

Теоретический анализ исследуемой проблемы позволил целостно изучить закономерные связи между структурными компонентами и скорректировать модульную систему, которая выступает процессуальным этапом развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования.

С точки зрения некоторых ученых в педагогике под модулем понимается «некоторая часть целого в системе обучения, четко определенная функциональными свойствами» [15].

С другой стороны, например, Г. Оуенс понимал модуль как «обучающий замкнутый комплекс, в состав которого входят педагог, обучаемые, учебный материал и средства, помогающие обучающемуся и преподавателю реализовать индивидуализированный подход, обеспечить их взаимодействие» [17].

Основоположник модульного подхода П. А. Юцявичене определяет модуль как «блок информации, включающий в себя логически завершенную единицу учебного материала, целевую программу действий и методическое руководство, обеспечивающее достижение поставленных дидактических целей» [16].

Модульность системы позволяет исключать какой-либо модуль в процессе формирования культуры профессиональной ориентации, если соответствующие ему компоненты уже сформированы.

Таким образом, каждый пакет-модуль предназначен для индивидуального обучения и включает в себя несколько ключевых составляющих:

- *целевая составляющая* (описание актуальности и назначения конкретного модуля, перечень знаний, умений и навыков, который старшеклассник должен приобрести после завершения модуля);
- *содержательная составляющая* (формы, методики и технологии достижения цели модуля);
- *ресурсная составляющая* (методические рекомендации, необходимая литература, источники информации).

С точки зрения Н. С. Пряжникова, содержательно-процессуальная модель профессионального самоопределения личности состоит из следующих этапов:

1) «осознание ценности общественного полезного труда и необходимости профессиональной подготовки (ценностно-нравственная основа самоопределения);

2) ориентировка в социально-экономической ситуации и прогнозирование престижности выбираемого труда;

3) общая ориентировка в мире профессионального труда и выделение профессиональной цели-мечты;

4) определение ближайших целей как этапов и путей к дальней цели;

5) информирование о профессиях и специальностях, соответствующих профессиональных учебных заведениях и местах трудоустройства;

6) представление о препятствиях, осложняющих достижение профессиональных целей, а также значение своих достоинств, способствующих реализации намеченных планов и перспектив;

7) наличие системы резервных вариантов выбора на случай неудачи по основному варианту самоопределения;

8) начало практической реализации личной профессиональной перспективы и постоянная корректировка намеченных планов по принципу обратной связи» (см. [2, с. 3–5]).

Согласно теоретическому анализу мы выделяем несколько логически взаимосвязанных последовательных модулей развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования: профессиональное информирование, профессиональная диагностика, профессиональная консультация, профессиональная адаптация и профессиональный отбор (см. рис. 1).

Рисунок 1. Модульная система

Рассмотрим каждый модуль отдельно с позиций действий ресурсного центра дополнительного образования в сетевом взаимодействии.

Модуль 1 – профессиональное информирование – представляет собой ознакомление старшеклассников с современными видами трудовой деятельности, социально-экономическими и психофизиологическими особенностями различных профессий, потребностями в квалифицированных кадрах, требованиями, предъявляемыми профессиями к человеку, с возможностями профессионально-квалификационного роста и векторами самосовершенствования в процессе трудовой деятельности [11] (табл. 1).

Таблица 1

Модульная система по развитию культуры профессиональной ориентации старшеклассников

Этап	Профессиональное информирование	Профессиональная диагностика	Профессиональное консультирование	Профессиональная адаптация	Профессиональный отбор
Цель	формирование конкретного образа спектра разнообразных профессий	осознание старшеклассником своих интересов, способностей, культурных ценностей, связанных с выбором профессии и своего места в обществе	помощь в корреляции готовности старшеклассника к профессиональной деятельности и запросов профессии	овладение специальностью с достаточно высокими трудовыми показателями, стабильностью и удовлетворенностью в работе	оценка профпригодности и окончательное профессиональное самоопределение старшеклассника
Формы и методы	экскурсии, создание карты профессий, интерактивные беседы, виртуальные экскурсии, видеосеминары, профбрифинги форсайт-проект «Будущее за ...» и др.	психологические тесты, методики, индивидуальное консультирование и тренинги, деловые игры, квесты, компьютерная диагностика и др.	составление «Карты выбора профессий», проведение индивидуальных и групповых бесед, семейных консультаций и др.	профкурсы, профвебинары, мастер-классы, психологическая поддержка и др.	профессиональные пробы, ролевые игры, проект «Первый день» и др.
Результат	повышение уровня общей информационной культуры в сфере профессионального самоопределения; укрепление ценностных ориентаций; рост мотивационной составляющей	формирование/ развитие готовности к выбору профессиональной деятельности; осмыслению ценностных ориентаций	повышение мотивации к трудовой деятельности и общей информационной культуры в сфере выбора профессиональной направленности	повышение культуры профессиональных отношений, выработка социальной адаптированности	повышение культуры профессиональных отношений, выработка социальной адаптированности
Формируемые качества личности	добросовестное отношение к труду; установка на выбор профессии; способность формировать адекватное представление о мире профессий и общественных потребностях в их отдельных видах; способность выделять для себя главное при выборе профессии; ориентация на культуру труда	осознание своих интересов, способностей, общественных ценностей, связанных с выбором профессии и своего места в обществе; способность адекватно оценивать свои качества как факторы выбора профессии	способность формировать представления о перспективах профессионального роста и мастерства, правилах выбора профессии и освоение основ взаимодействия в коллективе	коммуникабельность; предприимчивость; интеллектуальность; ответственность; работоспособность; социально-профессиональная мобильность; склонность к коммерческому риску; способность принимать самостоятельные решения и др.	умение адекватно оценивать свои личностные возможности

Цель данного модуля заключается в формировании в сознании старшеклассника конкретного образа всего спектра направлений профессионального самоопределения.

Из определения профессионального информирования вытекают основные направления деятельности ресурсного центра:

- знакомство с содержанием и перспективами рынка профессий на основе форсайт-технологий; особенностями и психофизиологическими требованиями, предъявляемыми профессиями к человеку; возможностями профессионального роста; современным состоянием, потребностями рынка труда и перспективами его развития на основе социально-экономической ситуацией с инновационными технологиями в отраслях профессиональной деятельности;
- распространение профессиографических материалов, необходимых для самостоятельного анализа.

Результатом в данном модуле является: повышение уровня информационной культуры в сфере профессионального самоопределение старшеклассника (формирование адекватного представления о мире профессий); укрепление ценностных ориентаций в сознании старшеклассника после анализа общественных потребностей в условиях современного рынка и обращения к понятию культуры трудовой деятельности; рост мотивационной составляющей за счет детального погружения в специфику каждой профессии.

Модуль 2 – профессиональная диагностика – направлен на мониторинг текущего уровня развития способностей, выявление задатков, физических и психологических особенностей старшеклассников, ценностных ориентаций, изучение интересов и потребностей.

С точки зрения психологии, диагностика профессиональной пригодности человека ориентирована на рассмотрение «совокупности психологических и психофизиологических особенностей, необходимых и достаточных для достижения ими, при наличии специальных знаний, умений и навыков, общественно приемлемой эффективности труда» [6].

Цель данного модуля состоит в осознании старшеклассником своих интересов, способностей, общественных ценностей, связанных с выбором профессии и своего места в обществе;

Для проведения профессиональной диагностики ресурсный центр в сфере сетевого дополнительного образования осуществляет следующие направления деятельности:

- подбор диагностических материалов, привлечение профессионалов (психологов, специалистов в различных сферах) для проведения тренингов и тестирования;
- разработка и организация методик и новых форм диагностики;
- организация сетевого обмена диагностическими ресурсами.

В результате профессиональной диагностики происходит: формирование/развитие готовности к выбору профессиональной деятельности за счет осознания своих психологических и психофизиологических особенностей; соотношение общественных ценностных ориентиров с собственными.

Модуль 3 – профессиональное консультирование – заключается в оказании консультативной помощи старшекласснику в ходе соотношения его возможностей и потребностей с предъявляемыми требованиями той или иной профессии и решении проблем, возникающих в процессе самоопределения.

Целью данного модуля является помощь в корреляции старшеклассником собственной готовности к профессиональной деятельности (наличие соответствующих способностей и личностных интересов, определяющих успех в ней, с учетом запросов самой профессии).

Основными задачами на данном этапе для старшеклассника являются:

- выделение собственных возможностей (профессионального трудового потенциала, общих и специальных знаний, умений, навыков, возможного профессионального опыта);
- определение старшеклассниками собственных ограничений (психологических, медицинских и т. п.);
- подбор профессии в соответствии с профессиональными склонностями, сложившимися способностями, приобретенными умениями, знаниями, навыками, но и ограничениями (заболеваниями) [9, с. 78].

Квалифицированный консультант оказывает психологическую помощь в решении проблем, связанных с социально-психологическими уста-

новками самоопределяющейся личности: психологическая неготовность старшеклассника к трудовой деятельности или к выбору профессии; несогласие родителей с этим выбором; актуальность той или иной профессии на рынке труда; осмысление соотношений «Хочу. Могу. Надо».

Таким образом, направления деятельности ресурсного центра при реализации данного модуля будут следующие:

- привлечение специалистов для организации индивидуального и группового консультирования;
- организация сетевого консультирования.

В *результате* корреляция возможностей, потребностей старшеклассника и требований профессии повышает мотивацию к трудовой деятельности и общую информационную культуру в сфере выбора профессиональной направленности.

Модуль 4 – профессиональная адаптация – это процесс вхождения человека в профессию и гармонизация взаимодействий его с профессиональной средой [12].

Профадаптация есть гармонизация оптимального качества деятельности в конкретной профессии в сочетании с достаточно высокими трудовыми показателями, стабильностью и удовлетворенностью в работе [14, с. 9–10].

В профессиональную адаптацию входит и профессиональная поддержка – «методы, способствующие снижению психологической напряженности, формированию позитивного настроя и уверенности в будущем» [11].

Так как, по мнению А. Б. Георгиевского, «адаптация есть особая форма отражения системами воздействия внешней и внутренней среды, заключающегося в тенденции установления с ним динамического равновесия», тогда процесс профессиональной адаптации делится на три уровня:

- *физиологическая адаптация* – приспособление организма к условиям среды;
- *психическая адаптация* – внутренняя сбалансированность индивидуально-личностных особенностей человека;
- *социальная адаптация* – определенный уровень социализации личности в коллективе [1, с. 56].

Полная профессиональная адаптация происходит после окончания профессионального обучения, а для старшеклассника характерна частичная или «клиповая» профподдержка.

Деятельность ресурсного центра направлена на:

- организацию дополнительных профессиональных курсов, мастер-классов и др.;
- осуществление психологической поддержки в процессе углубления в профессиональную деятельность.

Длительность данного модуля не ограничена временными рамками, а соотносится только с потребностями старшеклассников.

В *результате* происходит повышение уровня культуры профессиональных отношений, профессиональной готовности (знания, умения, навыки), социальной адаптированности.

Модуль 5 – профессиональный отбор – представляет собой квалифицированную оценку пригодности к профессиональной деятельности; осознание индивидуального профессионального пути старшеклассника.

Профессиональный отбор предполагает отбор кандидатур, удовлетворяющих требованиям с помощью моделирования процесса профессиональной деятельности – профессиональные пробы.

Так, под профессиональными пробами понимается «испытание, моделирующее элементы конкретного вида профессиональной деятельности, имеющее завершенный вид, способствующее сознательному, обоснованному выбору профессии» [10].

Профессиональной пробой может быть:

- результат: материальные изделия (рисунки, наброски), информационные продукты (стихи, программы), номера художественной самодеятельности (танец, миниатюра, монолог) и др.;
- некоторая самостоятельно смоделированная имитация деятельности профессионала;
- имитационная ролевая игра и др. [10].

Цель данного модуля: оценка профпригодности и окончательное профессиональное самоопределение старшеклассника.

Профессиональный отбор квалифицированными специалистами может показать объективное или субъективное несоответствие предъявляемым требования профессии (например, отбор на театральное или хореографическое направление), за которым последует возвращение к Модулю 3.

Направлениями деятельности ресурсного центра выступают:

- организация профессиональных проб (подбор специалистов или площадок для прохождения испытаний);
- разработка и организация ролевых профессиональных игр;
- организация прохождения практики старшеклассников на предприятиях.

Результатом прохождения данного модуля является: повышение культуры профессиональных отношений и социальной адаптированности.

С использованием комплекса диагностических методик (модифицированную диагностику «Профессиональная готовность» А. П. Чернявской, опросник социально-психологической адаптации А. К. Осницкого, Тест коммуникативных умений Л. Михельсона и др.) была проведена оценка динамики развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования. Опытно-экспериментальная работа проводилась в естественных условиях образовательного процесса в КГКП «Региональный учебно-методический центр дополнительного образования детей» Управления образования акимата Костанайской области и КГКП «Дворец развития и творчества детей и молодежи» акимата города Рудного Костанайской области.

Результаты показали, что низкий уровень культуры профессиональной ориентации старшеклассников уменьшился на 34,8 % по сравнению с результатами в начале опытно-экспериментальной работы, наблюдалось повышение среднего уровня на 12, 5 % и значительный рост высокого уровня на 22, 3 %.

Полученные данные объясняются разнообразием форм участия старшеклассников в познавательной и продуктивной деятельности: экскурсии на производство, в образовательные учреждения, встречи с работодателями и специалистами, – а также эффективными формами социальной поддержки и подтверждают эффективность использования модульной системы развития культуры профессиональной ориентации старшеклассников в сетевом взаимодействии дополнительного образования.

Литература

1. Георгиевский А. Б. Эволюция адаптаций (ист.-методол. исслед.). – Л.: Наука, 1989. – 189 с.
2. Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Садовникова Н. О. Профориентология: теория и практика: учеб. пособ. для высш. шк. – М.: Академ. Проект; Фонд «Мир», 2008. – 192 с.
3. Зимняя И. А. Культура. Образованность. Профессионализм специалиста // Проблемы качества, его нормирования и стандартов в образовании: сб. науч. ст. – М.: Исследов. центр проблем качества подготовки специалистов, 1998. – 156 с.
4. Инновационные методы и подходы в профориентации подростков [Электронный ресурс] // Мое образование. – URL: http://www.moeobrazovanie.ru/publikacii/press_ relizi/innovacionnye_metody_i_podhody_v_proforientacii_podrostkov.html (дата обращения: 07.09.2016).
5. Комплекс мер по проведению профессиональной ориентации обучающихся ОО на 2012–2015 годы [Электронный ресурс]. – URL: http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/proforientatsiya/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/kompleks-mer-po-provedeniyu-professionalnoj-orientatsii-obuchayushchikhsya-obrazovatelnykh-uchrezhdenij.html (дата обращения: 07.09.2016).
6. Краткий психологический словарь. – Ростов н/Д.: ФЕНИКС, 1998. – 512 с.
7. Крылова Н. Б. Формирование культуры будущего специалиста. – М.: Высш. шк., 1990. – 142 с.
8. Крылова Н. Б. Культурология образования. – М.: Народ. образование, 2000. – 272 с.
9. Основы профориентологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. И. Вершинин, М. С. Савина, Л. Ш. Махмудов, М. В. Борисова. – М.: Академия, 2009. – 176 с.
10. Профессиональные пробы [Электронный ресурс]. – URL: http://letopisi.org/index.php (дата обращения: 07.09.2016).
11. Российское образование федеральный портал [Электронный ресурс]. – URL: http://www.edu.ru/abitur/act.15/index.php (дата обращения: 07.09.2016).
12. Сластенин В. А., Каширин В. П. Психология и педагогика. – М.: Академия, 2006. – 480 с.
13. Терехова Л. А Новые подходы к проведению профориентационной работы [Электронный ресурс] // Матлы интернет-конф. «Профессиональная ориентация: новые подходы, формы и методы работы», сент.-окт. 2013 года. – URL: http://cirthmao.ru/images/stories/sbornik.pdf (дата обращения: 07.09.2016).

14. Черникова Т. В. Профориентационная поддержка старшеклассника: учеб.-метод. пособие. – М.: Глобус, 2006. – 256 с.
15. Шеин А. А. Модульный принцип обучения в системе образовательного процесса // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 12. – С. 115–118.
16. Юцявичене П. А. Теоретические основы модульного обучения: дис. … д-ра пед. наук. – Вильнюс, 1990. – 437 с.
17. Owens G. The Module in «Universities Quarterly». Universities Quarterly // Higher education and society. – 1975. – Vol. 25, № 1. – P. 20–27.

References

1. Georgievskiy A.B. *Evolyutsiya adaptatsiy (istoriko-metodologicheskoe issledovanie) [The evolution of adaptations (historical and methodological research)]*. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 189 p. (In Russ.).
2. Zeer E.F., Pavlova A.M., Sadovnikova N.O. *Proforientologiya: Teoriya i praktika. Uchebnoe posobie dlya vysshey shkoly [Proforientologiya: Proforientologiya: Theory and Practice. Textbook for higher education]*. Moscow, Akademicheskiy Proekt Publ.; Fond "Mir" Publ., 2008. 192 p. (In Russ.).
3. Zimnyaya I.A. Kul'tura. Obrazovannost'. Professionalizm spetsialista [Culture. Education. Professionalism]. *Problemy kachestva, ego normirovaniya i standartov v obrazovanii [Problems of quality, its regulation and standards in education]*. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 1998. 156 p. (In Russ.).
4. Innovatsionnye metody i podkhody v proforientatsii podrostkov [Innovative methods and approaches in career counseling teens]. *Moe obrazovanie [My education]*. (In Russ.). Available at: http://www.moeobrazovanie.ru/publikacii/press_relizi. innovacionnye_metody_i_ podhody_v_proforientacii_podrostkov.html (accessed 07.09.2016).
5. Kompleks mer po provedeniyu professional'noy orientatsii obuchayushchikhsya OO na 2012–2015 gody *[The package of measures for the GS students of vocational guidance for 2012–2015]* (In Russ.). Available at: http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/proforientatsiya/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/kompleks-mer-po-provedeniyu-professionalnoj-orientatsii-obuchayushchikhsya-obrazovatelnykh-uchrezhdenij.html (accessed 07.09.2016).
6. *Kratkiy psikhologicheskiy slovar'[Short psychological dictionary]*. Rostov-na-Donu, FENIKS Publ., 1998. 512 p. (In Russ.).
7. Krylova N.B. *Formirovanie kul'tury budushchego spetsialista [Formation of culture of the future expert]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 142 p. (In Russ.).
8. Krylova N.B. *Kul'turologiya obrazovaniya [Cultural education]*. Moscow, Narodnoe obrazovanie Publ., 2000. 272 p. (In Russ.).
9. Vershinin S.I., Savina M.S., Makhmudov L.S., Borisov M. V. *Osnovy proforientologii. Uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy [Basics proforientologii. Proc. allowance for students. executive. proc. Institutions]*. Moscow, Academia Publ., 2009. 176 p. (In Russ.).
10. *Professional'nye proby [Professional Sample]*. (In Russ.). Available at: http://letopisi.org/index.php (accessed 07.09.2016).
11. *Rossiyskoe obrazovanie federal'nyy portal [The Russian federal education portal]*. (In Russ.). Available at: http://www.edu.ru/abitur/act.15/index.php (accessed 07.09.2016).
12. Slastenin V.A., Kashirin V.P. *Psikhologiya i pedagogika [Psychology and Pedagogy]*. Moscow, Academia Publ., 2006. 480 p. (In Russ.).
13. Terekhova L.A Novye podkhody k provedeniyu proforientatsionnoy raboty [A new approaches to career guidance]. *Professional'naya orientatsiya: novye podkhody, formy i metody raboty [Professional orientation, new approaches, forms and methods of work]*, 2013. (In Russ.). Available at: http://cirthmao.ru/images/stories/sbornik.pdf (accessed 07.09.2016).
14. Chernikova T.V. *Proforientatsionnaya podderzhka starsheklassnika. Ucheb.-metod. posobie [Professional orientation support high school student. Allowance]*. Moscow, Globus Publ., 2006. 256 p. (In Russ.).
15. Shein A.A. Modul'nyy printsip obucheniya v sisteme obrazovatel'nogo protsessa [The modular training system in the educational process]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya [The successes of modern science]*, 2013, no. 12, pp. 115-118. (In Russ.).
16. Yutsyavichene P.A. *Teoreticheskie osnovy modul'nogo obucheniya. Diss. d-ra ped. nauk [Theoretical bases of modular training. Diss. Dr. of ped. sciences]*. Vilnius, 1990. 437 p. (In Russ.).
17. Owens G. The Module in "Universities Quarterly." *Higher education and society,* 1975, vol. 25, no. 1, pp. 20-27. (In Engl.).

УДК 37

ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ ИСКУССТВ В СИСТЕМЕ МНОГОУРОВНЕВОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зауэрвайн Лариса Теодоровна, кандидат философских наук, начальник Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: Lzauervayn@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы многоуровневой системы подготовки кадров в сфере художественного образования в Кемеровской области как способа формирования кадрового резерва специалистов художественного творчества. Автор отмечает, что учреждения художественного образования выполняют две важные функции: они являются ступенью профессионального образования в сфере культуры и искусства и уникальной формой развития творческих способностей обучающихся. Поэтому реализация дополнительных предпрофессиональных программ позволяет укрепить связи многоуровневой подготовки профессиональных кадров, используя возможности сетевого взаимодействия.

Для укрепления позиций многоуровневой подготовки профессиональных кадров в Кемеровской области был создан Координационный совет по художественному образованию, работа которого позволяет говорить о значительной активизации профориентационной работы и увеличении количества поступающих в ссузы из школ искусств.

Анализируя работу учреждений художественного образования, автор резюмирует, что Кемеровская область имеет одну из лучших в стране и Сибирском федеральном округе многоуровневую систему подготовки кадров. Свидетельство этого – высокая востребованность выпускников на рынке труда.

Ключевые слова: многоуровневое художественное образование, профессиональное образование, сетевое взаимодействие, кадровый резерв, подготовка профессиональных кадров.

CHILDREN'S ART SCHOOLS IN THE SYSTEM OF MULTILEVEL ART EDUCATION

Zauervayn Larisa Teodorovna, PhD in Philosophy, Head of the Regional Culture and National Policy Department of Kemerovo Region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Lzauervayn@mail.ru

The article examines the questions of multilevel training system in the sphere of art education in Kemerovo region as a method for forming personnel allowance of art creativity specialists. The author notes that institutions of art education carry out two important functions: they are a step of professional education in the sphere of culture and art, and a unique form for developing creative capabilities of students. Therefore implementation of additional preparatory professional programs allows to strengthen relations of multilevel professional personnel training, using possibilities of network interaction.

For strengthening the multilevel professional personnel training in Kemerovo region, the Coordination Council on Art education was created, its work allows to speak about the considerable improving the professional orientation work and increasing the quantity of entrants in special professional educational institutions from art schools.

Analyzing the activity of art education institutions, the author summarizes that Kemerovo region has one of the best in the country and Siberian Federal District multilevel system of training. The high demand of graduates in the labor market proves this statement.

Keywords: multilevel art education, professional training, network interaction, personnel allowance, professional personnel training.

Современная образовательная система в России испытывает особое внимание со стороны государства и помещена в разряд общенациональных приоритетов. Как и во всей стране, в Кемеровской области учреждения художественного образования занимают особое место, поскольку

выполняют две важнейшие функции: и как ступени профессионального образования в сфере культуры и искусства, и как уникальная форма развития творческих способностей и воспитания общей культуры подрастающего поколения.

Практически все стороны деятельности учреждений регламентируются законами и подзаконными актами. Со своей стороны и региональная система управления адаптирует существующие нормативы в соответствии с потребностями, возможностями и особенностями области.

Так, в Кузбассе Департаментом культуры и национальной политики приняты документы стратегического значения: Закон Кемеровской области «О культуре», «Концепция развития культуры Кемеровской области на 2014–2025 годы», программа Кемеровской области «Культура Кузбасса», включающая подпрограмму «Социально-экономическое развитие наций и народностей».

Кемеровская область обладает значительным творческим потенциалом, и система художественного образования детей органично входит в единый культурный комплекс региона. Достижения школ искусств неоднократно отмечались на всероссийском и международном уровнях.

Уже к 2014 году 100 % школ Кузбасса перешли к реализации дополнительных предпрофессиональных программ, и на сегодняшний день по ним обучаются около 25 % детей. Департамент культуры и национальной политики ставит задачу сохранить эту тенденцию, укрепить связи многоуровневой системы подготовки профессиональных кадров, использовав возможности сетевого взаимодействия.

Решение вопросов профессиональной ориентации одаренных учащихся начинается уже на этапе поступления в школу. Конкурсная ситуация по набору в первый класс на предпрофессиональные программы в 2015 году сложилась следующим образом: традиционно высокие цифры поступления на специальности: «Изобразительное искусство» – 1,9 человека на место, на фортепиано и народные инструменты – по 1,15 человека на место. Наименьший конкурс – по 0,8 человека на место – на театральные и хоровые отделения. Пока сохраняется небольшой конкурс на отделение «Хоровое пение» – 0,6 человек на место.

Не решена проблема с набором на такие специальности, как балалайка – всего обучается 173 человека, виолончель – 185 учащихся. Духовые отделения в школах малочисленны или их нет вовсе. Только в 11 территориях из 34 прошел набор на духовые инструменты, а всего обучается 561 человек. Активизация работы в этом направлении остается вопросом первостепенной важности, не решив эту задачу на начальном профессиональном образовании мы будем испытывать трудности и на других уровнях обучения.

Формирование кадрового резерва специалистов художественного творчества – это стратегическая управленческая задача, которую необходимо решать на уровне региона. В 2014 году Департаментом был создан Координационный совет по художественному образованию. В состав совета вошли руководители ведущих школ области, директора всех колледжей, специалисты органов управления культурой в территориях. Работа совета позволяет говорить о значительной активизации профориентационной работы и, как следствие, происходит увеличение количества поступающих в ссузы из школ искусств. Статистика такова: на сегодняшний день около 12 % выпускников школ продолжают учиться в профильных ссузах области. Но сюда хотелось бы прибавить процент выпускников, которые успешно поступают в ведущие столичные профильные учебные заведения. Таким образом, этот показатель увеличивается до 25 %. Фактически каждый четвертый выпускник ДШИ становится студентом профильного учебного заведения, а уже 50 %, то есть каждый второй выпускник колледжа, продолжают обучение в профильном вузе. Это позволяет говорить об эффективно работающей в области системе многоуровневой подготовки специалистов.

В этой связи можно отметить яркие творческие проекты, объединяющие школы искусств и профессиональные колледжи: в 2014 году в г. Кемерово в ЦДМШ № 1 состоялось выступление сводного камерного оркестра учеников школы и студентов Кемеровского музыкального колледжа, с 2013 года Новокузнецкий колледж искусств проводит смотр музыкальных отделений школ искусств, в Кемеровском областном художественном колледже есть интересный опыт совместных художественных выставок школьников и студентов. Работает программа проведения педагогической практики студентов на базе школ, стали традиционными творческие конкурсы, организованные колледжами.

Многолетний опыт работы показал эффективность индивидуальной работы с одаренными детьми: получая внимание и поддержку в детском возрасте, значительное количество ребят впоследствии выбирают профессию художественной направленности.

Так, в области 24 года работает Губернаторский культурный центр «Юные дарования Кузбасса». Его деятельность – это выявление талантливых детей по всему региону, проведение выездных детских конкурсов, в том числе и в малых городах, организация мастер-классов и семинаров ведущих специалистов России и зарубежья. Одним из масштабных проектов для одаренных детей стал областной фестиваль искусств «Музыкальный Олимп». Уже третий год его концерты охватывают около 30 % территорий Кемеровской области, собирая более 10 000 зрителей.

Ежегодно область находит средства на финансирование самых ярких ребят для участия во всероссийских и международных проектах. Наши таланты покорили Америку, Италию, Испанию, Францию. В октябре 2015 года юный саксофонист из города Мыски Артем Никоноров стал участником первой творческой смены для музыкантов-духовиков, открывшейся во Всероссийском образовательном центре «Сириус», созданном по инициативе Президента Российской Федерации в городе Сочи.

В течение последних пяти лет 25 одаренных детей из Кемеровской области приняли участие в работе Летней творческой школы Международного благотворительного фонда «Новые имена» в Суздале.

На протяжении нескольких лет реализуется Губернаторская оздоровительная программа, позволяющая одаренным детям выехать на летний отдых в детский центр в Греции, ВДЦ «Орленок», «Океан». На территории региона, на наших зимних курортах «Танай», «Шерегеш», ставших уже знаменитыми на всю страну, в рамках губернаторской программы в период школьных каникул работают творческие смены для юных талантов.

Ежегодно 300 одаренных ребят получают Губернаторскую стипендию «Юные дарования Кузбасса» в размере 1000 руб. ежемесячно, а всего за 24 года помощь и поддержку области получили более 2600 юных дарований: музыканты, художники, литераторы, хореографы, артисты. Талантливым детям выплачиваются единовременные губернаторские премии «Достижения юных» и «Надежда Кузбасса» в размере 10 000 руб. Многие школы поддерживают ребят школьными и именными спонсорскими стипендиями. Неоднократно творческие достижения наших юных талантов отмечались премией президента «Талантливая молодежь».

Вся эта работа охватывает детей не только в крупных промышленных городах Кузбасса, но и в сельских школах, и в малых городах. Это видится очень важным, так как позволяет раскрыть дарование даже в глубинке.

Важную роль играет проведение конкурсов среди преподавателей и творческих коллективов школ. Кемеровским областным УМЦ культуры и искусства за последнее время организованы и проведены областные конкурсы среди ДШИ. Грант на открытие экспериментальной площадки получили школы Междуреченска, Кемерово, Прокопьевска, Осинников, а также Тяжинского и Новокузнецкого районов. Состоялся конкурс пленэрных работ преподавателей ДШИ, ДХШ, конкурс учебно-методических работ. По результатам конкурса лучшие работы были изданы и стали достоянием педагогической общественности. А победители конкурса пленэрных работ были премированы Департаментом культуры и национальной политики и представляли Кузбасс на общероссийском конкурсе в г. Сочи, где завоевали Гран-При и звания лауреатов.

Кузбасс активно откликнулся на проведение общероссийских конкурсов «Молодые дарования России», «Лучший преподаватель детской школы искусств» и «50 лучших детских школ искусств», проводимых по инициативе Министерства культуры РФ. Ежегодно эти конкурсы приносят нам достойные победы. В 2016 году на областном этапе конкурса лучшей стала сельская школа пос. Новостройка.

Реализация региональной программы «Культура» позволяет значительно улучшить материальную базу школ художественного образования. Практически во всех школах выполнены ремонтные работы, приобретены музыкальные инструменты, улучшено состояние библиотечного фонда. В значительной мере это помогло школам впоследствии успешно подойти к реализации программ в соответствии с федеральными государственными требованиями.

Однако мы вынуждены констатировать, что процессы оптимизации затронули и нашу сферу. Мы как учредители прекрасно понимаем, что главный аргумент в этом вопросе – разумная экономия средств. Но анализируя итоги этого процесса в Кузбассе, мы можем сказать, что количество учащихся даже увеличилось по сравнению с прошлым годом на 196 человек, так как переход школ от узконаправленных художественных и музыкальных в формат школ искусств позволил расширить и спектр образовательных услуг. Сегодня в Кузбассе 111 ДШИ.

Количество педагогических ставок сохранено на 100 %. Все школы сохранили за собой помещения. При этом сокращение управленческого персонала позволило перераспределить средства, направить их на стимулирование преподавателей, методическое обеспечение школ.

В прошедшем учебном году школы освоили на капитальный и текущий ремонты 84 171 274,3 руб. Обновляются инструменты, костюмы. Это не просто школы – это дворцы музыки, танца, живописи. Материальная база не только обновляется, но и содержится в идеальном порядке, в школах удивительная эстетика, чистота, уют. Причем, это характерно и для школы крупного города, и для маленькой сельской школы.

Кемеровская область имеет одну из лучших в стране и Сибирском федеральном округе многоуровневую систему подготовки кадров. Сеть образовательных учреждений культуры и искусства Кузбасса представлена 5 профильными колледжами, которые ежегодно выпускают порядка 200 специалистов, и профильным вузом – Кемеровским государственным институтом культуры. Ежегодная востребованность выпускников на рынке труда составляет 100 %. Кроме того, в регионе создана эффективная образовательная сеть для повышения квалификации преподавателей: 4 колледжа и областной УМЦ, институт дополнительного образования КемГИК, охватывая север и юг Кузбасса, позволяют полностью удовлетворить данные потребности. Результаты мониторинга говорят о 100-процентной обученности педагогических работников ДШИ.

Стратегические планы в области художественного образования – это формирование и развитие системы сетевого взаимодействия с общеобразовательными школами, которые позволят увеличить контингент учащихся в соответствии с дорожной картой. На сегодняшний день в Кемеровской области охват дополнительным образованием детского населения от 5 до 18 лет составляет 68,5 %. Выполняя задания дорожной карты, мы планируем к 2018 году увеличить эту цифру до 71 %. Второй важной задачей является создание по-настоящему работающей системы многоуровневой непрерывной подготовки кадров, включающей все звенья. Это возможно сделать, вернувшись к прошлому опыту сотрудничества ДШИ, колледжей и вуза, через согласование образовательных программ и, как результат, обеспечение преемственности в обучении.

Занятие любым видом искусства – это огромный труд, и только когда он достойно оценен на самом высоком уровне, всесторонне поддержан, созданы условия для его развития, мы можем рассчитывать на качественную подготовку в системе художественного образования и творчества в целом.

Литература

1. Бородай А. И. Художественное образование в современной России: опыт структурного анализа // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 24–29.
2. Ирхен И. И. Векторные процессы культурной политики и художественное образование в современной России // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 5. – С. 152–156.
3. О Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]: распоряж. Правительства РФ от 25 авг. 2008 года № 1244-р // Гарант: информ.-прав. портал. – URL: http://base.garant.ru/193788 (дата обращения: 21.06.2016).
4. Об образовании в Российской Федерации (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 дек. 2012 года № 273-ФЗ // Гарант: информац.-прав. портал. – URL: http://base.garant.ru/70291362 (дата обращения: 21.06.2016).
5. Сухарев А. И. О сущности и целях художественного образования в современных социоусловиях // Омск. науч. вестн. – 2010. – № 6. – С. 163–166.

References

1. Boroday A.I. Khudozhestvennoe obrazovanie v sovremennoy Rossii: opyt strukturnogo analiza [Art education in modern Russia: the experience of structure analysis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2013, no. 2, pp. 24-29. (In Russ.).
2. Irkhen I.I. Vektornye protsessy kul'turnoy politiki i khudozhestvennoe obrazovanie v sovremennoy Rossii [Vector processes of cultural policy and art training in modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]*, 2010, no. 5, pp. 152-156. (In Russ.).
3. O Kontseptsii razvitiya obrazovaniya v sfere kul'tury i iskusstva v Rossiyskoy Federatsii na 2008-2015 (s izmeneniyami i dopolneniyami). Rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 25 avgusta, 2008, № 1244r [About the Concept for developing education in the sphere of culture and art in Russian Federation 2008-2015 (with changes and additions). Order of the Government of the Russian Federation of August 25, 2008, no. 1244r]. *Garant: informatsionno-pravovoy portal [Garant: legal information portal]*. (In Russ.). Available at http//base.garant.ru/193788 (accessed 21.06.2016).
4. O Kontseptsii razvitiya obrazovaniya v sfere kul'tury i iskusstva v Rossiyskoy Federatsii na 2008-2015 (s izmeneniyami i dopolneniyami). Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 № 273-FZ [About the Concept for developing education in the sphere of culture and art in Russian Federation 2008-2015 (with changes and additions). Federal order of December 29, 2012, no. 273-FZ]. *Garant: informatsionno-pravovoy portal [Garant: legal information portal]*. (In Russ.). Available at http//base.garant.ru/193788 (accessed 21.06.2016).
5. Sukharev A.I. O sushchnosti i tselyakh khudozhestvennogo obrazovaniya v sovremennykh sotsiousloviyakh [About the essence and aims of art education in modern social and cultural environment]. *Omskiy nauchnyy vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*, 2010, no. 6, pp. 163-166. (In Russ.).

УДК 37

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И КАЧЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, исполняющий обязанности проректора по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: ponomarev63@mail.ru

Шунков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, исполняющий обязанности ректора, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

В статье общенациональная задача развития сферы культуры, поставленная в «Основах государственной культурной политики» сопрягается с необходимостью совершенствования качества образования и обеспечения учреждений культуры профессиональными кадрами.

Общественное измерение качества образования квалифицированных специалистов сферы культуры – это совокупность личностных качеств, духовно-нравственных ценностей и ориентиров, общекультурных и профессиональных компетенций выпускников для их успешной профессиональной карьеры в обществе. Высшее образование в сфере культуры ориентировано сегодня на компетенции в области художественно-творческих технологий. В перечне же требований работодателей к молодым специалистам остаются на первом плане компетенции, ориентированные на личностно-мотивационные характеристики: стремление к саморазвитию, умение работать в команде, лояльность к работодателю, управление конфликтами и др. Важнейшим опытом для вузов культуры в области образования и обеспечения качества подготовки специалистов социально-культурной деятельности выступает проектно-ориентированная политика, в которой тесно связаны образование, культура, экономика, бизнес и социальная политика – ведущие типы социально-культурной, творческой и деловой активности.

Для вузов проекты – это обеспечение практико-ориентированного обучения по профилям социально-культурной деятельности. Для работодателя – это возможность профессионально-общественной экспертизы подготовки кадров. Для выпускника – этап профессиональной адаптации и первый шаг в устройстве профессиональной карьеры. Для всех – обеспечение качества образования и культурной среды региона. Выстраивание современной образовательной стратегии развития вузов культуры является их функционирование не только в качестве культурно-просветительских центров в регионах страны, но и многоуровневых образовательных комплексов, в структуре которых реализуются преемственные образовательные программы (от детской школы искусств до ассистентуры-стажировки), программы переподготовки и повышения квалификации. Осуществление образовательной политики на основе принципа преемственности основных образовательных программ среднего профессионального и высшего образования позволит обеспечить согласование академических знаний и практических умений на каждом образовательном уровне, решить задачу развития вариативности образовательных программ, в конечном счете, обеспечить государственную политику создания многоуровневых образовательных комплексов отрасли культуры.

Ключевые слова: государственная культурная политика, социально-культурная деятельность, качество образования, образовательные стандарты, профессиональные стандарты.

SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES: STATE CULTURAL POLICY AND QUALITY OF VOCATIONAL TRAINING

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Acting Vice-Rector for Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ponomarev63@mail.ru

Shunkov Aleksandr Viktorovich, Dr of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Rector, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

In the article, the problem of national culture set in “Principles of State Cultural Policy” is with the need to improve the quality of education and providing the professional staff of institutions of culture. The public dimension of the quality of education of qualified specialists of sphere of culture is a combination of personal qualities, moral values and orientations, common cultural and professional competencies of graduates for successful careers in society. Higher education in the sphere of culture is focused today on the competence in the field of artistic and creative technologies. The list of the requirements of employers for young professionals to remain at the forefront of competence-oriented personality-motivational characteristics is: the desire for self-development, teamwork, loyalty to the employer, conflict management, etc. The most important experience is for the culture of higher education institutions in the field of education and quality assurance. CDS training specialists perform project-oriented policies, which are closely related to education, culture, economics, business and social policy as the leading types of socio-cultural, artistic and business activity. For projects of universities, it is to provide practice-oriented training profiles “ACS”. For the employer, it is an opportunity of professional training of public examination. For graduate, it is the stage of professional adaptation and the first step in the professional career of the device. For all, it is ensuring the quality of education and cultural environment of the region. Building up modern educational strategy for the development of culture of universities is their functioning not only as a cultural and educational centers in the regions of the country, but also multi-level educational complexes in the structure which are realized sustained educational program (from the children’s art school to post-graduate course), a program of retraining and improvement of qualifications. The implementation of educational policy based on the principle of continuity of basic education of secondary vocational and higher education programs will ensure the coordination of academic knowledge and practical skills at every educational level to solve the problem of the variability of educational programs, ultimately, provide the state policy of creating multi-level educational complexes for culture industry.

Keywords: state cultural policy, socio-cultural activities, quality of education, educational standards, professional standards.

В «Основах государственной культурной политики» государство признает культуру в качестве национального достояния и духовно-нравственной основы развития современного гражданского общества в России.

Уже во «Введении» к самому документу декларируется следующая важная идея: «На протяжении всей отечественной истории именно культура сохраняла, накапливала и передавала новым поколениям духовный опыт нации, обеспечивала единство многонационального народа России, воспитывала чувства патриотизма и национальной гордости, укрепляла авторитет страны на международной арене» [4, с. 5].

В принятом документе «государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признаёт ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [4, с. 5]. Сегодня это свойство культуры становится определяющим для будущего страны.

Этот безусловный факт требует также государственного и общественного признания ценности самой системы профессионального образования в сфере культуры и искусства, как механизма сохранения и трансляции российской культуры, то есть наличия государственной политики, обеспечивающей как сохранение лучших традиций отечественной профессиональной школы подготовки высококвалифицированных кадров, так и инновационное развитие образовательной системы вузов культуры и искусств.

Вместе с тем задача развития сферы культуры, поставленная в «Основах государственной культурной политики» сопрягается с необходимостью совершенствования профессионализма специалистов, которые разрабатывают и осуществляют проекты и программы в социокультурной сфере. От них требуется умение видеть проблемы культуры в контексте современности и специфики России как многонационального государства, обладание навыками поиска решений и средств, эффективных именно в региональных условиях, отвечающих конкретной ситуации региона, области и культурно-досугового учреждения.

Поэтому если обратиться к настоящему системы высшего профессионального образования отрасли культуры в России, то ее безусловный приоритет, определяющий вектор развития, заключается «в повышении качества образования и обеспечении учреждений культуры и образования профессиональными кадрами» [1, с. 180].

В концепции культурной политики есть точка зрения государства, которая является безусловным образовательным ориентиром для подготовки высококвалифицированных кадров социокультурной сферы:

• выделение в качестве приоритетных воспитательной и просветительской функций культуры;

• максимально широкое значение понятия «культурное наследие народов Российской Федерации» и включение специальными разделами вопросов о развитии и защите русского языка, поддержке отечественной литературы;

• для решения самой трудной задачи – преодоления территориального и социального неравенства граждан при реализации права на доступ к культурным ценностям и участие в культурной деятельности – выделены вопросы развития культуры малых и средних городов (предлагаются конкретные меры);

• восстановление доказавшей свою эффективность системы ранней подготовки профессиональных творческих кадров и массовое художественное образование.

Такое определение приоритетов в полной мере отражает актуальность разработки критериев, с помощью которых государство, общество и личность могло бы оценивать качество высшего профессионального образования отрасли культуры.

При разработке критериев важно определиться с подходами, задающими систему координат понимания качества высшего образования.

Один из таких подходов – решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 21.05.2010 № 483 «О Соглашении о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества в сфере аттестации и/или аккредитации образовательных организаций/учреждений (образовательных программ)» (вместе с «Соглашением о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества в сфере аттестации и/или аккредитации образовательных органи-

заций/учреждений (образовательных программ)» (заключено в г. Санкт-Петербурге 21.05.2010).

Исходя из этого Соглашения, качество образования есть соответствие образования (полученного и получаемого) потребностям и интересам личности, общества, государства [1, с. 180].

С точки зрения государства как Учредителя, качество высшего образования означает то, чтобы как можно большее число студентов завершили обучение по программам в установленные сроки с наименьшими материальными затратами.

В понимании работодателей, качество высшего образования – это знания, умения и личностные качества, сформированные у будущих специалистов за период обучения.

С точки зрения обучающихся, качество отражает вклад полученного высшего образования в их индивидуальное развитие и профессиональную подготовку, чтобы они могли занять определённое место в обществе.

Таким образом, интегральное общественное измерение качества образования квалифицированных специалистов – это совокупность личностных качеств, духовно-нравственных ценностей и ориентиров, общекультурных и профессиональных компетенций выпускников с высшим образованием для успешной профессиональной карьеры в обществе.

В каком ключевом определении и критериях сегодня может найти отражение понимание качества образования специалистов в области социально-культурной деятельности?

Ключевое определение – это компетентностное измерение образования специалистов в области социально-культурной деятельности (далее – СКД), что наглядно демонстрируют образовательные стандарты и третьего поколения, и поколения 3+.

Главные образовательные ориентиры этих стандартов – компетенции специалиста. Соответственно требования к качественной подготовке специалистов измеряются способностями специалистов применять знания, умения и личностные качества для успешной профессиональной деятельности в определенной области культуры и искусства. В нашем случае – в области СКД.

Для решения этой задачи вузовской подготовки бакалавров и магистров СКД учеными и практиками ведущих вузов культуры России разработана компетентностная модель специалиста, в которую, наряду с общекультурными, вошли профессиональные компетенции, отражающие основные виды профессиональной деятельности специалиста (творческо-производственная; организационно-управленческая; художественное руководство деятельностью учреждения культуры; научно-методическая; проектная; педагогическая).

Полный перечень компетенций, вошедший в ФГОС ВО третьего поколения, содержит 16 общекультурных и 29 профессиональных компетенций, в целом отражающих общественное понимание качественной подготовки специалиста в области СКД.

Современная образовательная политика в области качества высшего профессионального образования характеризуется тенденцией увеличения количества ее субъектов. В число первых входят работодатели и профессиональные сообщества, оказывающие сегодня существенное влияние на образовательную политику и оценку качества высшего образования.

Для отрасли культуры в области библиотечно-информационной деятельности есть такие профессиональные сообщества, как «РБА», «РШБА», «Библиотеки будущего»; в области театрального искусства – «Союз театральных деятелей»; художники, дизайнеры объединены «Союзом художников», «Союзом дизайнеров» и т. д.

С целью решения задач по подготовке кадров и повышению качества образования при Минкультуры России были созданы три координирующих органа, в составы которых вошли ректоры ведущих вузов, деятели культуры, представители работодателей, творческих союзов и объединений:

- Совет по хореографическому образованию (приказ Минкультуры России от 21 марта 2014 года № 494);
- Совет по образованию в области экранных искусств (приказ Минкультуры России от 1 сентября 2014 года № 1495);
- Совет по образованию в области музыкального искусства и педагогики (приказ Минкультуры России от 22 сентября 2014 года № 1642).

При поддержке Минкультуры России профессиональное сообщество в социально-культурной области ждет своего создания для активного участия в образовательной политике и оценке качества подготовки специалистов СКД!

Работодатель как субъект образовательной политики в области СКД: кто он и что ему нужно?

Сегодня работодателями для специалистов СКД, в первую очередь, выступают руководители учреждений культурно-досугового типа: клубы, дома и дворцы культуры, центры культуры, досуга и искусств; культурно-спортивные, социально-культурные, культурно-досуговые комплексы, национально-культурные центры; учреждения культуры, специализирующиеся на передвижном характере деятельности с использованием транспортных средств, многофункциональные культурные центры и др. Для выпускников СКД в качестве работодателей выступают руководители организаций, компаний и фирм туристического сектора экономики, использующие в своей практике анимационные формы культурной деятельности, а также руководители органов государственного управления сферы культуры и искусства.

В феврале 2016 года в Кемеровском государственном институте культуры (далее – КемГИК) прошла Всероссийская научно-методическая конференция по теме: «Взаимодействие с работодателями в ходе реализации программ высшего образования».

В конференции принимали участие работодатели – представители управлений, отделов и учреждений культуры, образовательных учреждений, руководители концертно-зрелищных организаций из Самары, Челябинска, Томска, Красноярска, Новосибирска, городов Кемеровской области – Новокузнецка, Прокопьевска и др.

Важнейшей целью научно-методической конференции стало определение актуальных позиций и требований работодателей к качеству подготовки специалистов отрасли культуры.

В целом субъекты образовательной политики в ходе дискуссий на конференции сошлись на том, что чем более выражена практическая направленность высшего образования, тем более выражены требования различных субъектов образовательной политики к его качеству.

Однако практическая направленность компетенций, как выяснилось в ходе дискуссий, работодателями и представителями высшей школы не всегда понимается одинаково.

Если высшее образование ориентировано на компетенции в области художественно-творческих технологий, то в перечне требований работодателей к молодым специалистам остаются на первом плане компетенции, ориентированные на личностно-мотивационные характеристики. К ним относятся:

- мотивация достижения;
- умение работать в команде;
- целеустремленность;
- умение и желание учиться, стремление к саморазвитию;
- умение брать на себя ответственность;
- общительность, открытость, готовность к сотрудничеству;
- лояльность к работодателю;
- управление конфликтами.

В соответствующих резюме и рекомендациях Всероссийской научно-методической конференции было отмечено, что опережающая стратегия подготовки квалифицированного специалиста в вузе, соизмеримая с определением качества образования, должна быть ориентирована не только на общекультурные и профессиональные компетенции, но и на формирование личностно-мотивационных компетенций специалистов отрасли культуры, в том числе специалистов направления «СКД».

Многие годы важнейшим опытом для КемГИК в области образовательной деятельности, направленной на обеспечение качества подготовки специалистов СКД, выступает проектно-ориентированная политика. В проектных технологиях СКД тесно связаны культура, экономика, бизнес и социальная политика – ведущие типы социально-культурной, творческой и деловой активности региона.

Преимущества? Для вуза это – обеспечение практико-ориентированного обучения по профилям «СКД» и полноценная реализация учебного плана. Именно проектно-ориентированная политика в формировании компетенций специалиста СКД обеспечивает переход количественных изменений (усвоенного материала) в качественные изменения, затрагивающие существо личности, ее профессиональную и творческую направленность. Проектно-ориентированная подготовка специалистов СКД объективно выступает соответствующим экстраординарным условием реализации необходимого содержания учебных планов.

Для работодателя такой подход – это возможность профессионально-общественной экспертизы подготовки кадров, привлечение инновационных технологий, повышение качества услуг, оказываемых учреждением в социально-культурной сфере, как результат – конкурентоспособность учреждения культуры.

Для выпускника это – этап профессиональной адаптации и первый шаг в устройстве профессиональной карьеры.

Для всех – обеспечение качества образования и культурной среды региона.

Партнерство КемГИК с работодателями на основе проектных технологий СКД – это добровольные и основанные на сотрудничестве взаимоотношения, это модель, основанная на стратегическом объединении возможностей, включающих в себя материальные, финансовые и трудовые ресурсы, а проектная деятельность как механизм реализации социально-экономического партнерства «работодатель – выпускник – вуз» позволяет привлекать альтернативные ресурсы, поддерживать партнерство с государственными структурами и организациями, ведущими специалистами, общественностью, способствует устранению разрыва между абстрактным восприятием культуры и практическим воплощением ее форм, механизмов в учебно-творческой, научно-творческой деятельности, а также развивает ресурсную и инвестиционную привлекательность вуза. Более того, «социально-культурная технология проектной деятельности – это всегда процесс профессионального сотрудничества научных и творческих школ вуза, обеспечивающий интеграцию науки, образования и творчества для реализации крупных программ и проектов образовательного, культурного, социального и творческого характера» [5, с. 70].

Примеры? Образовательной реальностью Кемеровского государственного университета культуры и искусств (далее – КемГУКИ[1]) в Год культуры в России стала разработка и реализация такого масштабного международного творческого проекта, как «Диалог культур», социально-культурных проектов – «Большое чтение», «Досуг кемеровчан», социально-культурной акции «Территория бизнеса – территория жизни» и др. Всего с января по декабрь 2014 года в рамках подготовки кадров СКД было спроектировано и проведено более 150 мероприятий.

К участию в проектах привлекались ведущие и авторитетные деятели науки и культуры как России, так и наших зарубежных вузов-партнеров. Этот интеллектуальный и творческий ресурс проектов дает возможность успешно обеспечивать качество подготовки специалистов.

Итоги проектно-ориентированной образовательной политики КемГУКИ в Год культуры в цифрах и фактах мы приводим ниже.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и приказа Минкультуры России от 30 сентября 2013 года № 1504 важнейшим целевым показателем учебно-творческой деятельности КемГУКИ в 2014 году стал целевой показатель «доля детей, привлекаемых к участию в творческих мероприятиях от общего числа детей». С целью привлечения детей к художественному творчеству всего в творческих проектах (фестивалях, конкурсах, концертах и др.), социально-культурных акциях КемГУКИ в 2014 году приняли участие дети в возрасте до 17 лет – более 8 000 человек.

Мониторинговые показатели эффективности деятельности:

- ФЦП «Культура России 2012–2018 годов» и другие гранты – 610 865 рублей;
- Привлеченные средства, в том числе творческие школы – 3 519 702 рублей;
- Лауреаты международных и всероссийских конкурсов и фестивалей – 190 студентов и преподавателей;
- 7 международных и межрегиональных творческих фестивалей;
- 150 творческих мероприятий и социально-культурных акций.

Это цифры, а во всех случаях мы имеем дело с формированием благоприятной среды для интеграции образования, науки и творчества, успешной реализации проектно-ориентированной политики для обеспечения качества подготовки специалистов СКД.

Взаимодействие государства, вузов и работодателей – это неизбежный взаимообусловленный процесс обеспечения и оценки качества подготовки специалистов, имеющих соответствующий

[1] В 20015 году КемГУКИ переименован в КемГИК.

квалификационный уровень, позволяющий им выполнять свои должностные (профессиональные) обязанности в соответствии с предъявляемыми требованиями к конкретной профессии, должности. Организация такого сотрудничества требует нормативно-правового и документационного сопряжения.

В многофакторном комплексе документации должны находить отражение следующие документы:

• федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования;

• профессиональные стандарты;

• национальная рамка квалификаций Российской Федерации (НРК РФ);

• общероссийский классификатор занятий (ОКЗ);

• общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей,

• служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР);

• единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (ЕКС);

• общероссийский классификатор специальностей по образованию (ОКСО) и др. [3, с. 132].

Вместе с тем для определения границ специальности и объектов профессиональной деятельности выпускников СКД в целях повышения качества подготовки специалистов и их конкурентоспособности на рынке труда сегодня можно назвать только один программный документ – «Основы государственной культурной политики».

Среди важнейших задач в этом документе названо: сохранение сложившейся сети организаций культуры, создание условий для их развития, освоения ими новых технологий культурной деятельности; усиление роли таких организаций культуры, как музей, библиотека, архив, театр, филармония, концертный зал, Дом культуры в деле исторического и культурного просвещения и воспитания; развитие инфраструктуры культурной деятельности, создания благоприятной культурной среды в малых городах и сельских поселениях; сохранение традиций и создание условий для развития всех видов народного искусства и творчества, поддержка народных художественных промыслов и ремесел; создание условий для развития творческой самодеятельности граждан, поддержка общественных инициатив в этой сфере; развитие культурного просветительства; поддержка детских и молодежных организаций, объединений, движений, ориентированных на творческую, добровольческую, познавательную деятельность [4, с. 13].

В свою очередь эти задачи в полной мере соответствуют области применения специалистов СКД и отражены в объектах их профессиональной деятельности, которые включены разработчиками в образовательные стандарты третьего поколения, а также поколения 3+.

В вузах культуры в процессе образовательной деятельности обучающиеся (бакалавриат, в соответствии с профилем подготовки) ориентированы на следующие объекты своей профессиональной деятельности:

• системы управления государственными учреждениями и негосударственными организациями социально-культурной сферы;

• процессы менеджмента и маркетинга СКД рекреационных объектов досуга;

• процессы творческо-производственной деятельности учреждений и организаций культуры;

• процессы художественного руководства деятельностью учреждений культуры;

• процессы продюсирования и постановки культурно-досуговых программ;

• проектные технологии социально-культурного творчества;

• процессы педагогического обеспечения организации детско-юношеского досуга, культурно-воспитательной работы с детьми, подростками и юношеством;

• процессы организации СКД молодежи;

• процессы организации досуга взрослого населения и др. [2, с. 236].

Вывод – в системе подготовки квалифицированных кадров СКД полностью отражены и совпадают со стратегическим документом «Основы государственной культурной политики» объекты профессиональной деятельности, а профессиональное образование и профессиональная практика специалистов СКД взаимосвязаны и имеют свое логическое продолжение.

Вместе с тем следует отметить, что в обеспечении качества подготовки специалистов СКД существуют противоречия и проблемы.

Прежде всего, это отсутствие сопряженности профессиональных стандартов, федеральных

государственных образовательных стандартов высшего образования и общероссийских классификаторов единой системы классификации и кодирования технико-экономической и социальной информации применительно к СКД.

Это проблема, которая сегодня дезориентирует всех участников процесса подготовки специалистов СКД, призванных регулировать образовательные и трудовые отношения в области качества трудовых ресурсов. Это и работодатели, и преподаватели вузов, и сами обучающиеся.

Одним из концептуальных положений разработки новых ФГОС ВО (3+, 3++, 4) является их соответствие профессиональным стандартам.

В данном контексте при обеспечении качества подготовки специалистов весьма актуален вопрос взаимодействия органов государственной власти, работодателей и вузов. Между тем существует проблема, препятствующая максимальной конструктивности такого взаимодействия. Это отсутствие документационной сопряженности профессиональных стандартов, образовательных стандартов и общероссийских классификаторов.

По результатам анализа перечня утвержденных профессиональных стандартов, тематики заседаний Национального совета по профессиональным квалификациям, можно сделать вывод, что приоритетными для данных структур являются направления работы, связанные с техническими профессиями, созданием советов по профессиональным квалификациям технического профиля, в то время как на сегодняшний день не существует, например, совета по профессиональным квалификациям в области культуры и искусства.

В этом случае мы надеемся на Учредителя и считаем, что такой совет по профессиональным квалификациям в области культуры и искусства должен быть создан.

Создание такого совета при поддержке Министерства культуры РФ, его деятельность – первый шаг к решению проблем документационного сопровождения подготовки высококвалифицированных специалистов в области СКД, обновлению общих подходов к профессиональному образованию и созданию единого понятийного аппарата для описания классификации профессиональной деятельности специалистов СКД. Все это – важнейший шаг к обеспечению качества подготовки специалистов СКД.

По рекомендации к разработке Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации включены только 13 профессиональных стандартов специалистов в области культуры, искусства и туризма.

К сожалению, профессионального стандарта, отражающего характеристики трудовых функций специалистов, выпускников профилей направления подготовки «СКД», за исключением профессионального стандарта «Руководитель культуры и искусства», на данный момент не существует.

В связи с этим важнейшим условием для осуществления политики обеспечения качества профессиональной подготовки является следующее: профессиональные компетенции, заложенные в утвержденных ФГОС ВО 3+ и готовящихся к утверждению ФГОС 3++ и 4, в абсолютном большинстве должны быть ориентированы на профессиональный стандарт. Без соблюдения этого принципиального условия профессиональные компетенции не могут рассматриваться в статусе целевых индикаторов качества результатов профессионального образования.

В 2014 году развитая сеть образовательных учреждений отрасли культуры была представлена 61 вузом, 275 средними профессиональными образовательными учреждениями, 5 262 детскими школами искусств (включая образовательные учреждения Крымского федерального округа и города федерального значения Севастополя). Среди них: подведомственных Минкультуры России 48 вузов и 10 профессиональных образовательных учреждений (Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 году).

В 2014 году количество обучающихся в образовательных учреждениях отрасли культуры составило 1 656 366 человек, из них: в ДШИ – 1 515 013 человек; обучающихся по программам среднего профессионального образования – 67 981 человек; по программам высшего образования – 73 372 человека.

Согласно новому перечню образовательных программ за отраслью культуры закреплено 138 программ, из них в образовательных учреждениях Минкультуры России в 2014 году реализовывалось 118 образовательных программ, в числе которых 7 – предпрофессиональных, 24 – среднего профессионального образования,

23 – подготовки бакалавров, 22 – специалитета, 23 – магистратуры, 17 – ассистентуры-стажировки и 2 программы аспирантуры.

Одним из важнейших аспектов в выстраивании современной образовательной стратегии развития творческих вузов является их функционирование не только в качестве культурно-просветительских центров в регионах страны, но и многоуровневых образовательных комплексов, в структуре которых реализуются преемственные образовательные программы (от детской школы искусств до ассистентуры-стажировки), программы переподготовки и повышения квалификации.

Эти цифры и факты требуют важнейшего шага для обеспечения политики качества многоуровневой подготовки специалистов отрасли культуры – преемственность образовательных программ!

В системе многоуровневой подготовки специалистов СКД преемственность в образовательных программах СПО и ВО, к сожалению, отсутствует.

При сравнительном анализе двух стандартов (СПО и ВО) обнаруживается дублирование общекультурных и профессиональных компетенций, как для среднего, так и для высшего образования. Так же обстоит дело и в видах профессиональной деятельности. Оба этих стандарта готовят специалистов к организационно-управленческой деятельности с перечислением одних и тех же профессиональных задач.

Таким образом, вертикаль многоуровневой подготовки кадров по направлению СКД не выстраивается и соответствующее качество непрерывной подготовки кадров специалистов СКД на данный момент должным образом не обеспечивается, так как нарушается ключевой принцип подготовки – преемственность.

Кроме того, вопрос возникает и в части присуждения квалификации по результатам обучения на разных уровнях образования.

Так, выпускникам СПО присваивается квалификация «менеджер СКД» (что для работодателя на практике делает понятным область профессиональной деятельности специалиста), в то время как выпускникам ВО по данному направлению присваивается квалификация «бакалавр». Напомним, при отсутствии профессиональных стандартов специалистов СКД такая квалификация у работодателя на практике вызывает вопросы относительно области профессиональной деятельности специалиста.

При этом сферы профессиональной деятельности выпускников СПО и ВО совпадают. Такая ситуация с присвоением квалификации не делает привлекательным, престижным получение высшего образования по направлению «СКД».

Также при анализе федеральных государственных стандартов СПО и ВО по направлению подготовки «СКД» и дисциплин учебных планов основных образовательных программ наблюдаются противоречия:

- в наименовании профилей подготовки. Так, подготовка бакалавров по данному направлению включает 5 профилей («Менеджмент СКД», «Социально-культурные технологии в индустрии досуга», «Постановка и продюсирование культурно-досуговых программ», «Социально-культурная анимация и рекреация», «Менеджмент детско-юношеского досуга»), а ФГОС СПО регламентирует подготовку по 2 профилям («Организация и постановка культурно-массовых мероприятий и театрализованных представлений»; «Менеджмент СКД»);
- в использовании учебной литературы (в образовательном процессе СПО используются учебные пособия и учебники для студентов вуза).

Характеристика условий реализации примерных основных образовательных программ по федеральному государственному образовательному стандарту «3++», переход на который планируется в 2017/18 учебном году, предусматривает самостоятельный выбор профилей подготовки бакалавров в вузе. Образовательным организациям среднего профессионального образования данный выбор не предоставлен.

Осуществление образовательной политики на основе принципа преемственности основных образовательных программ среднего профессионального и высшего образования позволит, на наш взгляд, обеспечить согласование академических знаний и практических умений на каждом образовательном уровне, решить задачу развития вариативности образовательных программ, в конечном счете, обеспечить государственную политику создания многоуровневых образовательных комплексов отрасли культуры.

Литература

1. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 году. – М.: М-во культуры Российской Федерации. – 2015. – 288 с.
2. Григорьева Е. И., Ярошенко Н. Н. Специфика подготовки кадров для социально-культурной сферы на основе новых образовательных стандартов третьего поколения // Социально-экономические явления и процессы. – № 6 (022). – 2010. – С. 235–237.
3. Лазарева Л. И. Документационное обеспечение взаимодействия работодателей, вузов и органов государственной власти по подготовке дипломированных специалистов в области социально-культурной деятельности // Образование и наука. – 2016. – № 3 (132). – 128–139 с.
4. Основы государственной культурной политики. – М.: М-во культуры Российской Федерации, 2015. – 72 с.
5. Пономарев В. Д. Творчество как язык межкультурной коммуникации: проектный подход // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 15. – С. 66–72.

References

1. *Gosudarstvennyy doklad o sostoyanii kul'tury v Rossiyskoy Federatsii v 2014 godu [State report on the state of culture in the Russian Federation in 2014]*. Moscow, Ministerstvo kul'tury Rossiyskoy Federatsii Publ., 2015. 288 p. (In Russ.).
2. Grigor'eva E.I., Yaroshenko N.N. Spetsifika podgotovki kadrov dlya sotsial'no-cul'turnoy sfery na osnove novykh obrazovatel'nykh standartov tret'ego pokoleniya [Specificity of training for the social and cultural sphere on the basis of the new third generation of educational standards]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Socio-economic phenomena and processes]*, 2010, no. 6 (022), pp. 235-237. (In Russ.).
3. Lazareva L.I. Dokumentatsionnoe obespechenie vzaimodeystviya rabotodateley, vuzov i organov gosudarstvennoy vlasti po podgotovke diplomirivannykh spetsialistov v oblasti sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Documentary maintenance of interaction of employers, universities and public authorities on the preparation of graduates in the field of socio-cultural activities]. *Obrazovanie i nauka [Education and Science]*, 2016, no. 3 (132), pp. 128-139. (In Russ.).
4. *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki [Fundamentals of state cultural policy]*. Moscow, Ministerstvo kul'tury Rossiiskoy Federatsii, 2015. 72 p. (In Russ.).
5. Ponomarev V.D. Tvorchestvo kak yazyk mezhkul'turnoy kommunikatsii: proektnyy podkhod [Creativity as the language of intercultural communication: design approach]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2011, no. 15, pp. 66-72. (In Russ.).

УДК 379.8

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБМЕНА

Жукова Лидия Сергеевна, аспирант, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: joukova.lidia777@gmail.com

В данной статье рассматриваются различные формы социально-культурной деятельности, направленные на развитие межкультурной коммуникации участников международной программы студенческого обмена. Дан краткий экскурс в историю программы международного обмена: обозначены дата утверждения программы, а также цели, задачи и основные положения. В рамках этой программы поднимается проблема межкультурной коммуникации. «Диалог культур» обеспечивает интеграцию культурных ценностей родной культуры и культуры студентов по обмену, а также способствует процессу социальной адаптации студентов. Поэтому принимающая сторона должна создавать условия для

студентов-иностранцев с целью скорейшего и беспрепятственного их погружения в образовательную, социальную и культурную сферы.

Рассматривая данную проблему, автор сделал вывод, что способность и готовность к межкультурной коммуникации делает человека успешным не только в общении с людьми других культур, но также раскрывает в самих коммуникантах разные новые черты характера и формы поведения, помогает осознать себя в обществе и определить свое место в мире.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, программа международного студенческого обмена, Болонский процесс, социальная адаптация, социально-культурная деятельность, формы социально-культурной деятельности.

FORMS OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITY FOR DEVELOPMENT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION WITHIN THE PROGRAM OF INTERNATIONAL STUDENTS' EXCHANGE

Zhukova Lidiya Sergeevna, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: joukova.lidia777@gmail.com

As the title requires, the article is devoted to definition of the main forms of socio-cultural activity which are necessary to develop cross-cultural communication between students. Objectively in the contemporary world, there is an elimination of borders between cultures and people. This fact pushes to formation and development of ability to coexist in the global world, ability and preparedness to make constructive dialogue with all participants of the world community. It needs to satisfy the requirements of the world to experts who are ready to cooperation and have not only communication skills in general, but also skills of cross-cultural attitude, behavior and ability to participate in cross-cultural communication successfully both in everyday life and in the professional sphere.

The integration of Russia into international scientific and educational space happened thanks to signing the Bologna declaration. Bologna Process means the new organization of educational process at all steps of training, and also the updated system of account and control of knowledge by the international standards. Upon signature of this document, Russia had an opportunity to participate in the program of international students' exchange. For this reason in work, special attention is paid to forms of socio-cultural activity which allow students to adapt in the new environment and culture. It might be scientific or cultural activities as youth festival and concerts, students' camps, excursions, conferences and others. The ability and preparedness to cross-cultural communication makes people successful not only in communication with people of other cultures, but also disclose communicants in new different traits of character and forms of behavior, help them realize themselves in society and define their place in the world.

The special attention is deserved by a conclusion that many forms of socio-cultural activity will perform the main function of cross-cultural communication – the exchange of information and cultural values between the interactive cultures.

Keywords: cross-cultural communication, program of the international students' exchange, Bologna Process, social adaptation, socio-cultural activity, forms of socio-cultural activity.

Современное общество невозможно представить без обмена культур и межкультурной коммуникации. Различные по своим традициям, языкам, религиям, ценностям народы развиваются в некоторой степени благодаря взаимодействию. Культурные различия сказываются на отношении к множеству реалий, вопросов, проблем, которые существуют в современных политике, экономике, культурологии, психологии, социологии и т. д. Особенно актуальной межкультурная коммуникация становится в сфере образования, так как современные российские вузы все больше и больше

используют программу обмена студентами из разных стран. В условиях таких программ студенты по обмену могут проживать в принимающих семьях или студенческих городках (общежитиях), где они находятся под воздействием культуры принимающей страны и языка. Основная цель таких программ – повышение качества образования и развитие культурных, экономических и политических связей между странами. Межкультурная коммуникация в процессе студенческого обмена побуждает к изучению иностранного языка, развивает коммуникативные навыки, дает возможность познакомиться с культурой и системой образования другой страны, приобрести новых друзей, бесценный опыт и в последующем существенно повышает конкурентоспособность специалистов на рынке труда. Поэтому важно, чтобы для студентов-иностранцев были созданы благоприятные социально-культурные условия, в которых они смогут наиболее целостно познакомиться с культурой принимающей стороны.

В России, как и во многих других странах, программа международного студенческого обмена появилась благодаря Болонскому процессу. Это процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого Европейского пространства высшего образования. Официальная дата начала Болонского процесса – 19 июня 1999 года. В этот день министры 29 европейских государств приняли декларацию «Зона европейского высшего образования». Основной задачей Болонского процесса является стремление к тому, чтобы уровни высшего образования во всех странах-участницах были сходными, процесс обучения строился по одинаковому принципу, а также научные степени, выдаваемые по окончании обучения, были легко сопоставимыми в разных странах [7]. На 2015 год участниками Болонского процесса являются 48 стран. Все страны – члены Европейского Союза и Восточного партнерства.

Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 года. Для нашей страны – это попытка и возможность сделать российскую систему образования более современной и легко сопоставимой с европейскими образовательными стандартами. С одной стороны, благодаря подписанию декларации многие российские студенты могут участвовать в программе международного обмена, получать знания, проходя обучение в европейских вузах. С другой стороны, данная программа дает отечественным вузам возможность развиваться, меняться, перенимать опыт своих европейских коллег и делиться своими традициями, совершенствоваться. Таким образом, создаются условия для увеличения мобильности студентов, преподавателей, научных сотрудников. Данные условия способствуют личностному росту, повышению качества высшего образования и научных исследований, развитию международного сотрудничества между людьми и учреждениями [3].

Иностранные студенты – это показатель престижа и востребованности вуза в мировом образовательном пространстве. Поэтому учебные заведения, которые участвуют в Болонском процессе, стремятся создать для таких студентов благоприятные условия [7]. Например, в некоторых европейских и отечественных вузах проводят так называемые «ориентационные недели» для новых студентов. В течение определенного времени студентам дается возможность лучше познакомиться с городом, с вузом, где они будут учиться, узнать ответы на интересующие их вопросы, найти новых друзей [1]. Для достижения большего успеха в процессе социальной адаптации университеты прикрепляют к студенту-иностранцу студента или тьютора, который владеет языком прибывшего по обмену или языком международного общения – английским [7].

Социальная адаптация студентов – процесс сложный и очень индивидуальный. У некоторых он занимает несколько дней, а кто-то включается на протяжении нескольких месяцев [7]. Во многом срок адаптации зависит от уровня сформированности межкультурной компетенции, а также способности и готовности к межкультурной коммуникации как студентов-иностранцев, так и студентов и педагогов принимающей стороны.

В зарубежной науке понятие «межкультурная компетенция» появилось в 70-е годы XX века, когда межкультурная коммуникация становилась самостоятельным научным направлением. Именно в это время впервые встал вопрос отношения к другим культурам и их ценностям, вопрос преодоления национальных культурных различий [5].

Формирование межкультурной компетенции связано с преодолением этнокультурных стереотипов и предрассудков, которые являются барье-

рами межкультурного общения. Этот процесс подразумевает развитие личности студента, его способности и готовности принимать участие в диалоге культур. Именно от уровня сформированности межкультурной компетенции зависит успешность процесса межкультурного общения. Идеальная модель межкультурной коммуникации – общение без напряжения, без раздумий. У участников должно присутствовать желание понять и не обидеть друг друга, умение человека поставить себя на место собеседника, посмотреть на мир с точки зрения его культуры, его миропонимания, почувствовать его состояние. Именно эти умения и возможности увеличивают вероятность того, что между собеседниками возникнет понимание [5].

Важную функцию в формировании межкультурной компетенции и возможности межкультурной коммуникации выполняет вуз, в котором обучаются студенты и работают преподаватели. Вузы обязаны создавать условия для совершенствования личности, в том числе – для развития готовности к межкультурной коммуникации.

Владение межкультурной компетенцией и процесс межкультурной коммуникации позволяют коммуникантам осуществлять совместную деятельность, создавать общие культурные ценности, формировать единое социокультурное пространство, в котором могут взаимодействовать представители различных культур и этносов [6].

Подготовка студентов к межкультурной коммуникации в первую очередь подразумевает изучение иноязычной культуры. Знакомство с другими культурами помогает студентам:

- осознать себя как личность, принадлежащую к определенной социокультурной группе;
- лучше понимать особенности национального характера жителей других стран;
- предвидеть возможное непонимание культур;
- преодолевать культурные национальные стереотипы;
- предупреждать осложнения во взаимоотношениях;
- делать шаги навстречу друг другу, сохраняя при этом национальную уникальность;
- развивать в себе чувства толерантности, эмпатии, непредвзятости;
- быть способными к участию в диалоге культур [4].

В данном случае вузы являются теми социальными институтами, которые направляют студентов, благодаря существующим общественным организациям, студенческим объединениям, творческим коллективам. Однако процесс вовлечения с активную студенческую жизнь ориентирован не только на своих студентов, но также и на студентов-иностранцев. Существует множество форм научной и культурно-досуговой деятельности, в которой они могут участвовать.

Форма социально-культурной деятельности в трактовке М. А. Ариарского – это «утвердившаяся на практике система применения совокупности определенных средств и методов вовлечения людей в процесс создания, освоения, сохранения и распространения культурных ценностей» [2, с. 222]. Форма является конкретной информационно-просветительской и воспитательной акцией, ориентированной на массовую или по каким-либо признакам дифференцированную аудиторию. Соответственно, формы подразделяются на массовые, коллективные, групповые и индивидуальные. Организация той или иной формы – это требующий времени трудоемкий, сложный, энергозатратный и ответственный процесс, который реализуется компетентным руководством. В данном процессе необходимо учитывать национальные, возрастные, гендерные, психологические и профессиональные особенности участников, а также культурные интересы и духовные потребности различных слоев и групп населения. Формы культурно-досуговой деятельности – это всегда элементы единого воспитательного процесса, реализуемого на базе какого-либо социального института (семья, школа, вуз, государство и т. д.). Они всегда направлены на выполнение конкретных задач и реализацию определенных функций. В данном контексте все формы могут классифицироваться по используемым средствам идейно-эмоционального воздействия на участников процесса культурно-досуговой деятельности. Здесь выделяют устные (лекции, доклады, диспуты и т. п.), печатно-наглядные (выставки, окна сатиры, клубные газеты) и комплексные формы (выпуски устных журналов, тематические вечера, праздники, массовые гуляния и др.).

Для подготовки к межкультурной коммуникации студентов и педагогов принимающей стороны, для более интенсивной адаптации студентов-иностранцев и вовлечения их в культурную и социальную жизнь вуза в частности и страны в целом возможны организация и проведение следующих форм научной и культурно-досуговой деятельности:

- работа в студиях и кружках;
- работа в коллективах художественной самодеятельности (рок-группы, эстрадные и хореографические студии, студии моды, профессиональные студии – художественные, журналистские, телевизионные и т. д.);
- спортивно-оздоровительные мероприятия, занятия туризмом, спортивным ориентированием, массовые спортивные мероприятия;
- конкурсные мероприятия развлекательной и познавательной направленности (брейнринг, КВН, научно-практические конференции, исследования);
- тематические вечера, вечера общения и знакомств, молодежные балы и дискотеки;
- литературные, художественные и музыкальные салоны и гостиные;
- студенческие лагеря с проектно-игровой культурой;
- экскурсионная работа – ознакомление с художественными и историческими ценностями, памятниками культуры;
- встречи с интересными людьми;
- концерты и фестивали, конкурсы с участием творческой молодежи и самодеятельных коллективов, выставки, молодежные спектакли [4].

Таким образом, перечисленные формы социально-культурной деятельности являются способами реализации межкультурной коммуникации и выполнят ее главную функцию – обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. В процессе реализации программы международного студенческого обмена именно данная функция является основополагающей в межкультурной коммуникации. Во время участия в программе студенческого обмена существует возможность международного общения с другими студентами, установления контактов с потенциальными работодателями, расширения своего кругозора, получения доступа к информации на любом языке, использования современного оборудования. Кроме этого учёба за границей помогает человеку развить в себе финансовую, социальную и психологическую самостоятельность, так как надеяться он может только на себя.

Литература

1. Алашкевич М. Ю., Байденко В. И., Боев О. В. «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 352 с.
2. Ариарский М. А. Прикладная культурология. – СПб.: Эго, 2001. – 287 с.
3. Меер Д. А., Сидоров С. В. Обучение российских студентов за границей по обмену: достоинства и проблемы // Сб. конф. НИЦ Социосфера. – 2014. – № 10. – С. 32–36.
4. Милованова Т. М. Межкультурная коммуникация в иноязычном образовательном пространстве // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2012: VIII междунар. науч. конгр., 10–20 апр. 2012 года, Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Геопространство в социальном и экономическом дискурсе»: сб. мат-лов: в 2 т. – Новосибирск: СГГА, 2012. – Т. 1. – С. 189–193.
5. Назырова А. С. Межкультурная компетентность как содержательная проблема готовности студентов к межкультурной коммуникации // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 240–245.
6. Садохин А. П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования: автореф. дис. д-ра культурологии: 24.00.01. – М., 2009. – 42 с.
7. Юденко М. Н. Академическая мобильность в свете Болонской декларации // Высш. образование в России. – 2011. – № 8–9. – С. 107–111.

References

1. Alashkevich M.Yu., Baydenko V.I., Boev O.V. *“Myagkiy put’” vkhozhdeniya rossiyskikh vuzov v Bolonskiy protsess [“Smooth way” of annexation of Russian higher education institutions in Bologna process]*. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2005. 352 p. (In Russ.).
2. Ariarskiy M.A. *Prikladnaya kul’turologiya [Applied culturology]*. St. Petersburg, Ego Publ., 2001. 287 p. (In Russ.).

3. Meer D.A., Sidorov S.V. Obuchenie rossiyskikh studentov za granitsey po obmenu: dostoinstva i problemy [Russian students' education abroad on exchange: advantages and problems]. *Sborniki konferentsiy NITS Sotsiosfera [Collectors conferences SIC sociosphere]*, 2014, no.10, pp. 32-36. (In Russ.).
4. Milovanova T.M. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v inoyazychnom obrazovatel'nom prostranstve [Cross-cultural communication in foreign-language space]. *Interekspo GEO-Sibir'-2012. VIII Mezhdunar. nauch. kongr., 10-20 apr. 2012, Novosibirsk. Mezhdunar. nauch. konf. "Geoprostranstvo v sotsial'nom i ehkonomicheskom diskurse". Sb. materialov v 2 t. [Interexpo GEO-Siberia 2012: VIII Intern. scientific. Congreve, April 10-20. 2012, Novosibirsk: Intern. Scientific Conf. "Geospatial social and economic discourse". Sat. materials 2 vol.]*. Novosibirsk, SGGA Publ., 2012. vol. 1, pp. 189-193. (In Russ.).
5. Nazyrova A.S. Mezhkul'turnaya kompetentnost' kak soderzhatel'naya problema gotovnosti studentov k mezhkul'turnoy kommunikatsii [Cross-cultural competence as substantial problem of students' preparedness for cross-cultural communication]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the University of Chuvashia]*, 2012, no. 2, pp. 240-245. (In Russ.).
6. Sadokhin A. P. *Mezhkul'turnaya kompetentnost': sushchnost' i mekhanizmy formirovaniya. Avtoref. dis. d-ra kul'turologii: 24.00.01. [Cross-cultural competence: subject-matter andformation mechanisms. Autho'r abstract of Dr diss. in culturology]*. Moscow, 2009. 42 p. (In Russ.).
7. Yudenko M.N. Akademicheskaya mobil'nost' v svete Bolonskoy deklaratsii [Academi mobility within Bologna declaration]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2011, no. 8-9, pp. 107-111. (In Russ.).

УДК 37.013.43

КИНО – ОКЕАН СМЫСЛОВ ИЛИ ТЕРРИТОРИЯ ЗАБЛУЖДЕНИЙ? МЫСЛИ ВСЛУХ НА ТЕМУ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Рогозянский Марат Эдуардович, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой экранных искусств и фотомастерства, Орловский государственный институт культуры (г. Орел, РФ). E-mail: m.rogoz@mail.ru

Целью статьи, как прогнозируемым и достигнутым результатом, является анализ места и роли экранной культуры в социально-культурной сфере. Актуальность статьи определяется повышением роли аудиовизуальных искусств в формировании пространства смыслов жизни личности в культурно-образовательной среде России. Статья отражает часть масштабного исследования, в котором отдается дань «новому», хотя уже и немолодому искусству кино. Кино осмысливается как социально-культурное и социально-педагогическое явление в контексте диалектического процесса единства и борьбы систем, чьи идеологемы оказываются диаметрально противоположными. Обладая единым вектором, киноискусство связано с обновлением форм и средств выражения смыслов в исторической плоскости. Для выявления новых аспектов педагогической регуляции смыслов жизни обучающихся средствами аудиовизуальной культуры автор анализирует практические результаты просмотров и обсуждений кинофильмов различных авторов в молодежном телевизионном клубе «Рубежи» кафедры экранных искусств и фотомастерства Орловского государственного института культуры. Анализ результатов в рамках деятельности научно-творческой лаборатории кафедры показал, что часто в связи с неглубоким знанием темы перцепция заложенных в фильмах смыслов в меньшей степени детерминирована информационной составляющей, нежели художественным образом и техническими средствами. В связи с этим автор разбирает проблему доступности средств производства фильмов при разнонаправленности и диффузном смыслотворчестве в системе современного кинопроизводства и кинопоказа. В результате приходит к выводу о том, что при направленности деятельности кинематографиста-экспериментатора на удо-

влетворение самореализации в пространстве внутренних смыслов и самомотивации до определенного момента экранные произведения, заведомо арт-хаусной направленности или же как некое проявление перфекционизма, навряд ли будут интересовать идеологов-профессионалов. При этом воспитательный потенциал кино зависит не только от смыслов, заложенных автором, но и от развития техники при различном культурном, но определенном технологическом тезаурусе зрителя. Основными методами исследования являются включенное наблюдение, изучение теории и практики социально-культурной деятельности в части аудиовизуального творчества, ретроспективный и историко-культурный анализ кинематографии.

Ключевые слова: социально-культурный феномен, кинематограф, зрительный образ, смыслы.

CINEMA AS AN OCEAN OF MEANINGS OR THE TERRITORY OF DELUSIONS: THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF RUSSIAN CINEMATOGRAPHY, THOUGHTS ALOUD

Rogozyansky Marat Eduardovitch, PhD in Pedagogy, Department Chair of Film Art and Photography, Orel State University of Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: m.rogoz@mail.ru

The article deals with the analysis of the place and role of screen culture in the sociocultural sphere. The relevance of the article is determined by the increased role of the audio-visual arts, especially cinema, in the formation of space of senses and personality in the cultural and educational environment of Russia. The article reflects the scale of the study, which pays tribute to the “new” but already middle-aged art of cinema. Cinema is interpreted as a social, cultural and pedagogical phenomenon in the context of the dialectical process of unity and struggle of systems whose ideologies are diametrically opposed. With a single vector, cinema is due to update the forms and means of meaning expression in the historical plane. To identify new pedagogical aspects of the regulation of audio and visual culture means of students, the author analyzes the practical results of watching and discussion of films by various authors in the Youth Television Club “Mile Stones” of the Department of Film Arts and Photo Creativity of the Orel State University of Culture. The analysis of the results within the activities of the scientific and creative laboratory of the Department shows that in the context of shallow knowledge of the topic the perception of meanings implied in films is less determined by informative component than by artistic image and technical means. In this regard, the author considers the issue of availability of means of film production in the context of multi-directional and diffuse creation of meanings in the system of modern film production and film distribution. The educational potential of the cinema depends both on meanings implied by the author and the development of equipment in the conditions of various cultural technological thesauruses of the audience. The main research methods are observation, study of the theory and practice of socio-cultural activities in the audiovisual work, retrospective, historical and cultural analysis of cinematography.

Keywords: socio-cultural phenomenon, cinema, visual image, meaning.

Экран – носитель первообразов одного из самых молодых искусств, которое, подробно Большому взрыву, за какие-то сто с небольшим лет разрослось в бесконечно расширяющуюся Вселенную. КИНО – согласно терминологии Ж. Делёза – несет в себе «образ-движение» и «образ-время» [2], отсюда и кинематическое, поступательное, буквально вечное в границах обозримого движение во времени и пространстве смыслов и, как их антитез, бессмыслиц.

Первичная, девственная пустота экранного листа на компьютерном мониторе, подобно океану планеты Солярис, что наблюдают герои фильма А. Тарковского в течение большой части экранного времени одноименного фильма, снятого по мотивам литературного произведения философа и писателя С. Лема, отнюдь не указывает на отсутствие мыслей, а с точностью до наоборот – мыслей так много, что, с которой из них начать раскручивать клубок проблематики роли кино в

просвещении и воспитании нынешнего подрастающего поколения, определиться сразу не представляется возможным.

Тем не менее девственное пространство, где доминировало нечто абсолютное, несущее в себе образ всего, заполняется теперь довольно скоро знаками, подобно тому, как, по мысли С. Эйзенштейна, каждый кадр должен быть семиотической единицей – знаком. Каждая буква буравит смыслом пространство, отведенное для изложения чего-либо исторгаемого из глубины сознания автора сценария фильма, кинорежиссера – волшебника, создающего на глазах у зрителей нечто, чего еще не было в материальном мире.

Сразу же проносятся картинки из детства, в котором на белой простыне или просто на крашеной бело-масляной двери все семейство проецирует и просматривает диафильмы, как бы это объяснить представителям дигитализированного поколения, своего рода кинокомиксы, состоящие из анимированных кадриков с подписями, воспроизводимых с пленки на импровизированный домашний экран. Этакий иллюзион в личном пользовании, чем-то похожий по доступности на современные гаджеты.

Да простят сей долгий пролог читатели и редакторы, ведь это тоже своего рода дань «новому», хотя уже и немолодому искусству, осмысление которого как феномена культуры, явления социально-культурного и социально-педагогического и т. д. и т. п. происходит в нашей науке и по сей день, а положено такими адептами могучего исполина-богатыря, детища века научно-технической и прочих революций, как Л. Кулешов, В. Пудовкин, Д. Вертов, С. Эйзенштейн.

Кстати, последний столь же популярен у западных коллег, как Толстой и Достоевский, за что им честь и хвала, ведь Голливуд – этот некогда малоизвестный мировому сообществу поселок, располагающийся на юго-западе Североамериканских штатов, – буквально прибрал к рукам наследие дорогого Сергея Михайловича, коим небезуспешно пользуется для внедрения собственных смыслообразов в сознание наших детей.

Что бы мы ни говорили, а процесс развития киноискусства даже во времена обострения политического противостояния систем, чьи идеологемы кажутся диаметрально противоположными, отличается единым вектором, о чем, например, говорит известный киновед, профессор К. Огнев, отрицая деление киноискусства как процесс обновления форм и средств выражения чего-либо, происходящий в исторической плоскости, на отечественное и зарубежное.

Чистое искусство имеет ли направленность и направление силы воздействия или же все здесь протекает хаотично, диффузно? А может ли быть с кинематографией, с этой машиной по производству «кинем» [2, с. 26], так, что образы лишены смысла и педагогической направленности? С кинематографией, скорее всего (и здесь может кто-то не согласиться), нет, ведь это индустрия, а значит, высокозатратная отрасль, а с кино – похоже, что да!

Экспериментаторы и эксперименты существовали всегда и существуют по сей день. К тому же средства производства фильмов становятся настолько доступны, что при направленности деятельности кинематографиста-экспериментатора на удовлетворение самореализации в пространстве внутренних смыслов и самомотивации до определенного момента экранные произведения, заведомо арт-хаусной направленности или же как некое проявление перфекционизма, навряд ли будут интересовать идеологов-профессионалов.

Однако эксперимент эксперименту рознь – ведь и Кулешов, и Вертов, и Пудовкин, и Эйзенштейн, и иже с ними, будучи экспериментаторами «обслуживали» молодую советскую власть, внедряя в массы образы нового, доселе неведомого мышления, внутреннего строя жизни личности и модели внешнего видимого, как кинематографический образ, устройства социума. А ведь новая парадигма общественного строя совершенно четко регламентировалась по всем направлениям, и не зря В. Ленин назвал кино «важнейшим из искусств» [4, с. 579]! Но неспроста же до цинизма рациональная политическая элита молодого советского государства так «увлеклась» кинематографом, что отвела ему столь важную роль в своей системе идеологического воздействия? Ответим вопросом на вопрос – а какое соотношение абсолютно безграмотных граждан к людям,

владевшим хотя бы чтением и письмом, было в России в начале 1920-х годов? А разве сейчас умение читать и как-то писать сродни грамотности в абсолютном смысле этого слова? Вот и получается, что и сегодня кино – важнейшее из искусств, ведь во времена стремительной деграмотизации масс зрительные образы в сопровождении звука по-прежнему доступны для восприятия каждому!

Значит ли это, что всякое экранное произведение будет воспринято, а заложенные в нем смыслы усвоены? Значит ли это, что кино попрежнему является мощным фактором воспитания личности? На первый вопрос однозначного ответа не будет, ведь все зависит и от художественной системы конкретного фильма, и от технического его качества, и от «тезауруса» конкретной аудитории и каждого зрителя в отдельности [4]. А что касается второго – да, да и еще раз да! И за примерами далеко ходить не надо.

Сознательно, без излишней степени обобщения, скажу о не самых громких премьерах. Так, довелось лично присутствовать на одном из премьерных показов фильма Р. Давлетьярова «А зори здесь тихие» (Россия, 2015) по одноименной повести незабвенного писателя, драматурга и киносценариста Б. Васильева, с которым довелось встречаться лично.

Вместе со своей семьей – дочерью и супругой, находившихся на киносеансе и, пользуясь терминологией Л. Кулешова, впечатленных фильмом, – наблюдали следующую картину: далеко не все пришедшие молодые люди вначале интересовались фильмом, особенно парочка на заднем ряду, но к концу внимание всех без исключения в зале было приковано к экрану.

На занятиях по кинодраматургии показал будущим режиссерам кино и телевидения детище И. Охлобыстина (автор сценария, продюсер) «Иерей-сан. Исповедь самурая» (Россия, 2015). Рецензии ребят положительные, мораль ими понята, но воспринята ли? Покажет время. Добавлю только ссылку на митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна, кстати, воспитывавшегося в семье медиатворцов, и услышанную на молодежном медиафоруме в Белгороде от него фразу, смысл которой заключается в том, что сегодня гораздо важнее войны информаций война образов. Этот тезис напрямую отсылает нас к аксиоматике киноискусства, где утверждается примат изображения над звуковым сопровождением.

Кропотливая и многолетняя работа над образной системой документального кино заставляет нас в очередной раз для выявления новых аспектов педагогической регуляции средствами аудиовизуальной культуры смыслов жизни обучающихся анализировать результат просмотров и обсуждений авторских документальных кинофильмов в молодежном телевизионном клубе «Рубежи», действующем с 2006 года и по сей день при кафедре экранных искусств и фотомастерства ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры» [7].

Телевизионные документальные фильмы из циклов «От Орла – до Бреста», «Рубежи», «Броня крепка», «Мертвые и живые», «Другое небо» и др. о Великой Отечественной войне, о человеческих судьбах в переломные, сложные, отправные моменты истории родной страны, о путешествиях по местам боев, воинской славы и о посещении множества знаковых культурных объектов, в том числе юными и молодыми участниками крупных общественных и журналистских акций, таких как, например, автопробеги «Первый салют», были представлены на различных площадках вниманию молодежной аудитории – студентам орловских вузов, гражданских и военных.

Литература

1. Академик. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс] // Академик, 2000–2014. – URL: http://dic.academic.ru (дата обращения: 10.09.2016).
2. Делёз Жиль. Кино. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 560 с.
3. Дуликов В. З. Технологии XXI века и социально-культурная сфера (достижения и просчеты) // Вестн. МГУКИ. – 2010. – № 2. – С. 108–116.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит., 1970. – Т. 44. – 624 с.
5. Огнев К. К. Будущее экранных искусств: от индустриального к информационному обществу // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 105–112.

6. Познин В. Ф. Влияние технологии на экранную эстетику // Вестн. ВГИК. – 2014. – № 2 (20). – С. 38–50.
7. Рогозянский М. Э. О целеполагании и принципах работы научно-творческой лаборатории кафедры экранных искусств и фотомастерства ОГИИК // Вестн. Брянск. гос. ун-та им. академика И. Г. Петровского. – 2015. – № 2. – С. 93–96.
8. Федоров А. В. Медиапедагоги России [Электронный ресурс]: энцикл. справ. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 158 с. – URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=210418 (дата обращения: 10.09.2016).

References

1. *Akademik. Slovari i entsiklopedii [Dictionaries and encyclopedias]*. (In Russ.). Available at: http: \\dic.academic.ru (accessed 10.09.2016).
2. Delez Zhil'. *Kino [Cinema]*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2013. 560 p. (In Russ.).
3. Dulikov V.Z. Tekhnologii XXI veka i sotsial'no-kul'turnaya sfera (dostizheniya i proschety) [Technologies of the XXI century and the socio-cultural sphere (achievements and failures)]. *Vestnik MGUKI [Vestnik of Moscow State University of Culture and Arts]*, 2010, no. 2, pp. 108-116. (In Russ.).
4. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1970, vol. 44. 579 p. (In Russ.).
5. Ognev K.K. Budushchee ekrannykh iskusstv: ot industrial'nogo k informatsionnomu obshchestvu [The future of screen arts: from the industrial to the information society]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki [News of the Ural Federal University. Series 2. Arts and Humanities]*, 2013, no. 4 (120), pp. 105-112. (In Russ.).
6. Poznin V.F. Vliyanie tekhnologii na ekrannuyu estetiku [The impact of technology on the aesthetics of screen]. *Vestnik VGIK [Bulletin VGIK]*, Moscow, 2014, no. 2 (20), pp. 38-50. (In Russ.).
7. Rogozyanskiy M.E. O tselepolaganii i printsipakh raboty nauchno-tvorcheskoy laboratorii kafedry ekrannykh iskusstv i fotomasterstva OGIIK [About goal setting and the principles of scientific and creative laboratory of the department of screen arts and photography]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika I.G. Petrovskogo [Bulletin Bryansk State Academician I.G. Petrovski University]*, 2015, no. 2, pp. 93-96. (In Russ.).
8. Fedorov A.V. *Mediapedagogi Rossii. Entsiklopedicheskiy spravochnik [Media educators of Russia. Encyclopedic reference]*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2013. 158 p. (In Russ.). Available at: http: \\biblioclub.ru/indeh.php?page=book&id=210418 (accessed 10.09.2016).

Алфавитный указатель авторов

Абдина Р. П.	74, 82
Алексеева А. Г.	74
Балабанов П. И.	19
Балашова М. В.	156
Балашова О. А.	156
Дариус Е. И.	33
Дворовенко В. Н.	150
Дворовенко О. В.	150
Дыганова Е. А.	93
Егле Л. Ю.	68
Ерёмин В. В.	132
Жукова Л. С.	184
Заруба Н. А.	127
Зауэрвайн Л. Т.	19, 171
Литвак Р. А.	162
Марков В. И.	24
Миненко Г. Н.	13
Мишова В. В.	143
Мищенко И. Е.	137
Нысанов А. Т.	162
Огнева Э. Н.	143
Пивторак Е. В.	48
Пономарёв В. Д.	175
Рогозянский М. Э.	189
Стенюшкина Т. С.	60
Суворкина Е. Н.	43
Титов Ю. Ф.	108
Тресвятский Л. А.	29
Ултургашева Н. Д.	82
Умнова И. Г.	87
Шириева Н. В.	93
Шишин М. Ю.	33
Шунков А. В.	175
Шушляева О. Н.	54
Щетинина Н. А.	102
Юферова О. А.	113
Łętocha Monika	122
Mazur Pyotr	122

List of Authors in Alphabetical Order

Abdina R.P.	74, 82
Alekseeva A.G.	74
Balabanov P.I.	19
Balashova M.V.	156
Balashova O.A.	156
Darius E.I.	33
Dvorovenko V.N.	150
Dvorovenko O.V.	150
Dyganova E.A.	93
Egle L.Y.	68
Eremin V.V.	132
Zhukova L.S.	184
Zaruba N.A.	127
Zauervayn L.T.	19, 171
Litvak R.A.	162
Markov V.I.	24
Minenko G.N.	13
MishovaV.V.	143
Mishchenko I.E.	137
Nysanov A.T.	162
Ogneva E.N.	143
Pivtorak E.V.	48
Ponomarev V.D.	175
Rogozyanskiy M.E.	189
Stenyushkina T.S.	60
Suvorkina E.N.	43
Titov Y.F.	108
Tresvyatskiy L.A.	29
Ulturgasheva N.D.	82
Umnova I.G.	87
Shirieva N.V.	93
Shishin M.Y.	33
Shunkov A.V.	175
Shushlyaeva O.N.	54
Shchetinina N.A.	102
Yuferova O.A.	113
Łętocha Monika	122
Mazur Pyotr	122

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemguki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатором журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала
УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну). E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: …

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке….

Ключевые слова на английском языке:….

Текст….

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:
- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).
3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:

по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГИК, научное управление;

- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: http://vestnik.kemguki.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Цена 505 рублей
Дата выхода номера в свет 14.11.2016

Подписано в печать 21.10.2016.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 5.
Уч.-изд. л. 15,8. Усл. печ. л. 23
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 505 roubles
Issue released on November 14, 2016

Signed for print 21.10.2016.
Format 60x84 1/8.
Offset paper. Font «Times».
Order № 5.
Author's sheets 15,8. Printer's sheets 23
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, 17 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru